4
Р-89

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РУССКИЕ ГОВОРЫ

РЯ – Ленгл. – обм. 2

ИРЯ
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова

www.ruslang.ru

70372

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЕ ГОВОРЫ

К изучению
фонетики, грамматики, лексики

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1975

4
Р-89
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУС ..ОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
70372

Большая часть статей настоящего сборника основана на материалах диалектологических атласов русского языка. Эти материалы при решении отдельных вопросов русской диалектологии — в том числе спорных — в столь полном объеме еще не привлекались. Малоизвестные факты, а в отдельных случаях новый подход к материалу, позволили в ряде публикуемых работ предложить оригинальное решение того или иного спорного вопроса.

Редколлегия:
Л. Л. КАСАТКИН
Е. В. НЕМЧЕНКО (отв. редактор)
Т. Ю. СТРОГАНОВА

Р $\frac{70102\text{-}198}{042\ (02)\text{-}75}$ 352-75

© Издательство «Наука», 1975 г.

С. С. ВЫСОТСКИЙ

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОКАЛИЗМА ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРОВ

1

В традиции русской диалектологии с самого начала ее возникновения существует взгляд, что типы предударного вокализма являются важным критерием для классификации русских говоров.

Сложению данной концепции не могло не содействовать народное представление о диалектных различиях, в числе которых отдельные виды позиционных чередований гласных обнаруживаются в ярких, доступных для массовой народной оценки формах. Об этом свидетельствует ряд используемых в русском языкознании терминов, как «оканье» («окать», «говорить на -о»), «аканье» и т. п., широко известных в народной среде и возникших в ней (см. словарь В. Даля).

Современный уровень русской диалектологии позволяет освободиться от переоценки роли признаков предударного вокализма, на базе которых прежде находили возможным выделять крупные диалектные группировки, не всегда достаточно обоснованные [1].

Тем не менее, в определенных аспектах лингвистической географии этот критерий еще сохраняет свою действенность, поскольку он нередко выступает в комплексе других диалектных признаков, к тому же представленных не только фонетическими разделами языковой системы.

В настоящее время актуальность специального рассмотрения явлений предударного вокализма бесспорна. Данная тематика должна получить еще большее разветвление, поскольку прежде она недостаточно связывалась с вопросами вокализма ударенного слога, консонантного окружения, лексико-грамматических кате-

[1] См. новую группировку говоров, предложенную в современной работе «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой (М., «Наука», 1964).

горий и почти совсем не связывалась с вопросами ритмометрической структуры слова в составе фразы.

В связи с завершением работ по составлению диалектологических атласов территории южнорусского наречия появилась возможность включить в научное обращение ряд вновь найденных фактов, уточняющих характеристику звукового строя южнорусских говоров.

Понятно, что для картографирования в атласах мог подвергаться обобщению лишь материал, однородный по ряду качественных признаков. Если языковая категория суммируемого материала надежно определялась соответствующим пунктом вопросника, действовавшего при собирании сведений для составления атласа, то степень глубины качественной или количественной характеристики явления, его детализации нередко была не вполне однородной. Здесь могли сказываться неодинаковые уровни «порога восприятия» отдельных наблюдателей живой речи во время диалектологических экспедиций, их различное умение проникнуть в глубину изучаемого явления.

Например, для массового собирателя оказалось непосильным задание точного выявления в изучаемых говорах фонемного состава гласных. Выборочная проверка материалов, проделанная Лабораторией экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР, обнаружила, что в целом ряде случаев в говорах различных территорий были не замечены пресловутые «шестой» или «седьмой» гласные или оба вместе, благодаря чему некоторые типы предударного вокализма при составлении атласов показались фонетически не обоснованными. Так, нередко оставалось не найденным фактически существующее в говоре противопоставление ‹е› — ‹Ѣ› в примерах типа: р. п. *у мене* и д. п. *дай менѣ*, *есть* («имеется») и *ѣсть* («кушать», если в говоре не *исть*); с трудом выявлялось противопоставление ‹о› и ‹ѡ› в примерах типа: *мой руки* и *мѡй брат*, *злой* (им. п. м. р.) и *злѡй* (р. п. ж. р.). Вопрос о возможном наличии последней «пары» гласных осложнялся тем обстоятельством, что по говорам фонеме ‹ѡ› в сильном положении соответствует звук [о], одинаковый с гласным [о] литературного языка, т. е. в таких говорах не всегда представлен закрытый гласный [ô], или дифтонг, в противоположность тому, что по этому поводу обычно говорится в учебниках. Естественно, что такое «обыкновенное» [о] не привлекало особого внимания недостаточно подготовленного наблюдателя, который в данной ситуации забывал о необходимости (или не знал о ней) проверить звучания других лексико-морфологических примеров, где согласно истории языка можно было бы встретить [ǫ] (*о* открытое), заметно отличающееся от [о] в литературном произношении.

Также почти не отмечены в атласах звуковые системы, в которых вместо двух фонем — ‹ѡ› и ‹о› — существует лишь одна, однако репрезентированная не звуком [о], как в большинстве южнорусских говоров, но звуком [ǫ], именно тем «полоротым *о*»,

о котором говорил В. Даль [2], не понятый в свое время, вследствие чего в учебной литературе сведения о данном явлении отсутствовали.

В области звучания предударных гласных для массового собирателя материала оказалось трудным транскрибирование некоторых разновидностей диссимилятивного аканья и яканья.

В суммированном материале атласов можно видеть, что при фиксации явлений диссимилятивного аканья менее контрастные его формы (т. е. *вад'ы́* — *ва*ˇ*дá* вместо *въ*ˇ*дá* и т. п.) иногда не получали правильного истолкования. Поскольку и в современном литературном произношении, особенно в быстрой, небрежной речи звучание предударного гласного типа [а] более или менее отдаляется от эталона гласного нижнего подъема (но независимо от качества гласного под ударением), то массовый собиратель материала, находясь под впечатлением обычности такого произношения, порою не замечал специфики ослабленной контрастности некоторых диалектальных видов противопоставленных звучаний. Еще меньше шансов оказалось для правильной фиксации архаической разновидности диссимилятивного аканья, при которой гласный типа [ъ] или [аˇ], [ạ], [ʌ] встречается не только перед ударенным [а], но и перед [о] (по происхождению — из ‹*ъ› или из ‹*о› под нисходящим ударением): *плаˇтóк*, *плаˇткá*, но *платкý*. Если перед ударенным [а] звучание [аˇ] еще способно обратить на себя внимание на фонетическом уровне по несхожести двух «родственных звуков», то [аˇ] перед [о] может быть ошибочно принято за обычное предударное [а] в силу обобщенного представления о функционально значимом в русском языке контрасте звуков типа [а] и звуков типа [о]. В подобных случаях такие примеры требовалось сравнивать «на месте» с примерами (понятно, из речи одного и того же человека) с ударенным «не *-а*» (*вад'ы́*, *платкý*), что собирателями материала выполнялось не всегда.

Сходные неясности встречались и при наблюдениях фактов предударного вокализма после мягких согласных. Вставал важный вопрос, решаемый применительно к каждому конкретному говору, — о взаимоотношении фонологически значимых и незначимых градаций звучания предударных гласных по степени их подъема. Дело касалось интерпретации «чужого» материала — порою сомнительного, а иногда и просто неверного разграничения гласных по их принадлежности к звукотипам [и] или [е], [е] или [а], что вело к неясностям в различении иканья с еканьем, еканья с яканьем и т. д. Неточно зафиксированные примеры живой речи в ряде случаев вызывали ошибочную интерпретацию языковой действительности и приводили к искажению исторической перспективы развития языка.

[2] В «рязанском наречии», по сравнению с общерусским произношением *о*, этот звук «выговаривается еще полоротее, еще ближе к *а*» (В. Даль. О наречиях русского языка. «Толковый словарь живого великорусского языка», т. I. М., 1955, стр. LXIX.

Необходимость внесения существенных поправок в ряд принятых прежде дефиниций видна в результате современных фонетических исследований (например, Т. Ю. Строгановой и К. Ф. Захаровой), построенных на новых диалектологических материалах, с большой тщательностью собранных авторами на местах при детализированном анализе звуковых явлений [3].

Уточненные данные о вокализме южнорусских говоров подтверждаются не только письменными, но и магнитофонными фиксациями диалектологических материалов, собранных за последнее десятилетие на территории южнорусского наречия филологами учебных и научных учреждений Москвы, Саратова, Новокузнецка, Воронежа и других городов. В необходимых случаях качество изучаемых гласных проверялось при помощи специальной аппаратуры, в результате чего была получена документация опыта.

2

Как было показано выше, в последний период развития русского языкознания изучение современного южнорусского вокализма проходило главным образом в плане создания диалектологических атласов, материалы которых, наряду с данными, почерпнутыми из источников другого рода, послужили для ряда обобщающих работ в области современной и исторической диалектологии. Новое теоретическое обобщение сведений, характеризующих важные для классификации русских говоров черты звукового строя, содержит статья Р. И. Аванесова [4]. При этом не исключается положение, что проблематика южнорусского наречия еще требует детализированных изысканий в области частных вопросов звукового строя отдельных говоров и их группировок. После названной выше работы Т. Ю. Строгановой с новыми данными о разновидностях диссимилятивного аканья, получившей большое значение для разработки типологии русского диалектного вокализма, особое внимание должна привлечь важная для этой же цели диссертация К. Ф. Захаровой «Типы диссимилятивного яканья» (см. выше), в связи с рассмотрением которой можно показать развитие проблематики в данной области диалектологии.

Работа К. Ф. Захаровой подготавливалась в течение многих лет в общем русле создания диалектологического атласа. Ее исследование явилось логическим продолжением известных в истории русской науки диалектологических разысканий в области южнорусского наречия, предпринятых еще в начале века Н. Дур-

---

[3] К. Ф. Захарова. Типы диссимилятивного яканья. Канд. дисс. М., 1970 (машинопись); Т. Г. Строганова. Об одной особенности южнорусского вокализма. — ВЯ, 1955, № 4, стр. 94—103.

[4] Р. И. Аванесов. Русский вокализм 1-го предударного слога. — В сб.: «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970». М., 1972.

ново и позже развиваемых ведущими исследователями фонетики русского языка, основоположниками Московской фонологической школы. Следует вспомнить, что в то время исследователям живой речи еще приходилось доказывать существование особого рода произносительных норм, разновидности которых специфичны для определенных диалектологических групп, а именно — наличия характерных структур фонетического слова, видоизменяемых согласно «местным» правилам и постоянно воспроизводимых в потоке речи как артикуляторно-акустический стереотип.

Эти плодотворные идеи впоследствии с неодинаковой глубиной отразились в различных фонологических концепциях русистов. Следы недооценки проблемы живого фонетического чередования и степени его регулярности в том или ином языковом подразделении до сих пор еще встречаются в трактовках звукового строя различных языковых систем, в том числе — и принадлежащих русским говорам. Это приводит отдельных авторов к смешению фактов фонетического характера с фактами лексическими и морфологическими. Ведь даже в известных учебниках иногда явные примеры на словообразовательные разновидности слова относятся к категории якобы «фонетических» вариантов, т. е. когда различия в фонемном составе слов ошибочно трактуются как «фонетическое изменение», например, при сопоставлении в синхронном плане примеров прилагательных им. п. м. р. *то́нкъй* и *то́нки́й*, «*ю́ный*» и «*ю́нный*», где на самом деле представлены различия в морфемном составе слов (как в аналогичных примерах: *связно́й* и *свя́зный*, *бесше́рстый* и *бесше́рстный* и т. п.).

Концепция Московской фонологической школы, чрезвычайно продуктивная в деле анализа специфических свойств русского диалектного вокализма, заставляет внимательно относиться к проблемам характеристики живых фонетических явлений. Однако она еще не была испытана при решении некоторых вопросов, встречаемых диалектологом в сложном материале потока речи.

Современные условия сбора материалов не позволяют проводить сплошное обследование говоров, к тому же в статистическом аспекте, для получения более точных языковых характеристик. К невыполнимым задачам относится и пожелание проводить такие наблюдения только при помощи инструментальных средств записи и анализа звуков речи.

Тем не менее, при массовости материалов, используемых в современных диалектологических исследованиях, их фактическая основа в общих чертах представляется достаточно реалистичной. Это подтверждается различными способами перекрестной проверки примеров, обнаружением в материале некоторых групп фактов, находящихся в определенных структурных отношениях, где выявляется систематическая повторяемость, последовательность и градация изучаемых звуковых явлений.

Наглядным доказательством правомерности накопленного фонда диалектологических материалов является и специфически

системная локализация ряда элементарных языковых фактов на лингвистической карте, что не обнаружилось бы при отсутствии их внутренней системной организации. Тем не менее, потребность в повышении качественного уровня материалов является постоянным стимулом для дальнейшего накопления сведений о языковых процессах, характеризующих современные говоры.

Один из главных тезисов исследования К. Захаровой, относимый к узловым вопросам современной дискуссии по исторической фонетике славянских языков, а именно, утверждение первичности диссимилятивного вокализма в изучаемых говорах, наглядно доказывается в работе не только гипотетическими реконструкциями, но и реально существующими в говорах дальнейшими этапами структурного развития этой звуковой системы. Явления присутствия в некоторых современных говорах недиссимилятивного принципа предударного вокализма четко обнаруживают вторичность своего происхождения, сохраняя одновременно признаки генетической связи с предшествующими ступенями развития звукового строя говоров той же территории, когда им был свойствен вокализм диссимилятивного характера.

3

Современным исследователям южнорусских говоров пришлось решать вопрос о степени обязательности по говорам «правильных», т. е. фонетически обусловленных отношений предударного вокализма к определяющему его фактору — вокализму ударенного слога, и объяснять происхождение случаев парадоксальных несоответствий в данной области.

Аналогичные проблемы возникали перед собирателями материала для атласа еще в середине 40-х годов, когда создавалась практика самостоятельного анализа фактов живой речи, требующих объяснения в аспекте их употребительности и регулярности [5].

Можно заметить, что эта группа вопросов освещалась в свое время основателями Московской фонологической школы, хотя и не в полном объеме. Так, согласно давней традиции, отклонения от свойственной говору фонетической структуры слова объяснялись как исключения под влиянием грамматической аналогии, в других случаях — как сохранение следов различных этапов диахронической смены звуков в составе слова [6].

К этому следует добавить возможность появления фонетических исключений еще а) в звуковом облике заимствованных

[5] См. разбор примеров: С. Высотский. [Рец. на кн.:] Р. Гельгардт. Из материалов по диалектологии Пермского края. Очерк I. Молотов, 1945. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1948, вып. 2, стр. 100 и сл.

[6] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, стр. 93.

слов, недостаточно адаптированном к новому для них языковому строю (подобно проявлению «частной фонетической системы» оканья в литературном языке при произношении известной группы нерусских по происхождению слов) и б) в звуковом облике слов, подвергнутом изменению в зависимости от специфических правил «местной» просодии. (Например, в связи с семантически обусловленным темпом речи, в медленном произнесении слов может реализоваться ёканье, а в быстром — еканье, что известно, в частности, в говорах Владимирской обл. В аналогичных условиях речевой установки в Рязанской обл. отмечены примеры просодической вариативности произношения форм с яканьем и еканьем, что подтверждено и инструментальным анализом, поскольку аудиторы, носители литературного языка, не всегда могли с достаточной уверенностью квалифицировать на слух качество слишком быстро произнесенного предударного гласного).

Однако изучение языковой действительности привело к необходимости проследить дальнейшее развитие функций этих фонетических исключений, особенно если они принимали массовый характер, охватывали чрезмерно большое количество слов, многие грамматические категории, так что эти «исключения» в некоторых типах говоров уже становились едва ли не преобладающими элементами в звуковом строе и опрокидывали обычное представление о нормальной позиционной модификации фонем в южнорусском наречии.

Практика наблюдения сложных видов звуковых диалектных систем давно заставила обратить внимание на факты, объясняемые тем, что фонетические исключения способны нарушить звуковой стереотип фонетического слова, изменить тип фонетических чередований, привести к фактической замене в составе слова одних фонем другими.

Последнее в определенных морфологических категориях должно вызвать явления, близкие по содержанию к понятию флексии основ. В свое время многие языковеды недостаточно обращали внимания на факты, «необыкновенные» для южнорусского вокализма с его конститутивным принципом позиционного чередования известных безударных гласных. Выходит так, что в некоторых говорах, где при условии неразличения «двух *о*» (условие, оказавшееся в действительности сомнительным в немалом количестве случаев!) [7], словоформы с предударным ['и] (а в других говорах ['е], [е^{ы}]) обязательно относятся к парадигме прилагательных мужского рода им. п. ед. ч. (*сидбй, гнидбй, двирнбй, хмильнбй, смишнбй, риббй, свитбй* и т. д. — при открытом ряде примеров), а словоформы с предударным ['*а*] — к ряду косвенных падежей пара-

[7] См. высказывание о возможном сохранении различия между *е* и *ѣ*, не замеченном наблюдателями: Н. Дурново. Введение в историю русского языка. Brno, 1927, стр. 128.

дигмы прилагательных женского рода (*сядóй, гнядóй, двярнóй* и т. п.). Если в данных случаях представлен факт «морфологизации», то здесь качество предударного гласного служит оформлением признака грамматической категории слова. Далее встает вопрос, не разработанный еще в фонологическом аспекте: если в подобных примерах гласные ['и] и ['а] распределяются вне зависимости от позиционных условий, то какие фонемы репрезентируются ими? Если это и напоминает флексию основы, то в русской диалектологии данная черта вряд ли может считаться признаком установившимся, создавшим изменение в грамматическом строе языка.

Подобные примеры наряду с громадным количеством аналогичных фактов, представленных в парадигмах различных морфологических категорий, неминуемо приводили к выводу, что некоторые, вероятно — немногие типы южнорусского предударного вокализма могут перерождаться по существу в такие, принцип которых уже не основывается на фонетическом чередовании гласных [8].

Непродуктивные типы южнорусского вокализма чаще всего не стабилизируются как лишенные опоры для «правильных» позиционных чередований, а при постоянных колебаниях своих форм (что рядовой собиратель материала для атласа отмечал не всегда с должным вниманием) — неминуемо разрушаются. При этом в парадигмах известных словоформ прежнее чередование гласных ликвидируется. В отдельных случаях может проявиться иной принцип чередования гласных, обусловленный живыми фонетическими отношениями позиций (например, актуализируется зависимость качества предударного гласного от твердости или мягкости следующего согласного). Но в современных условиях развития говора на месте прежнего чередования гласных чаще возникает их выравнивание, что идет преимущественно в сторону сближения с фонетикой литературного языка.

В работе «Русский вокализм 1-го предударного слога», вышедшей в 1972 г., Р. И. Аванесов в порядке уточнения своего первого в русской диалектологии «фонологического описания систем предударного вокализма русского диалектного языка» отмечает необходимость рассмотрения качества гласных предударного слога во взаимоотношении с преобладающим типом предударного вокализма, где может выявиться фактор позиционной обусловленности чередования гласных (см. стр. 65, 69). Автор соглашается также с мыслью о том, что системы предударного вокализма разделяются на фонетически обусловленные и не обусловленные. Но вопрос об отношении грамматикализованного или лексикализованного чередования гласных к позиционной модификации фонем, «нор-

[8] О необходимости различения типов яканья по их продуктивности и непродуктивности см.: С. Высотский. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1949, вып. 6, стр. 78.

мальной» для данного говора, а также в связи с этим, — к определению фонемного состава слова, который может в этом случае изменяться, — здесь не акцентируется.

Надо отметить, что К. Ф. Захарова нередко находит реалистический путь к интерпретации этой группы вопросов. Предстоит дальнейшая их разработка в фонологической перспективе с рассмотрением ряда смежных явлений.

4

Итак, следует признать, что в современных диалектологических исследованиях уже достаточно обосновано наличие в ряде южнорусских говоров частных систем предударного вокализма с нарушениями в характере обусловленности позиционных чередований безударных гласных. Одновременно становится ясной необходимость решить вопрос, каким образом те или иные «фонетические исключения» проектируются на общем фоне звукового строя говора, где еще функционируют другие, регулярные позиционные чередования гласных, от чего в принципе не свободна ни одна южнорусская языковая система.

Проблема ставится в аспекте изучения структуры фонетического слова, типичной для того или иного конкретного говора.

Исследователю потока живой речи должна быть в теоретическом и практическом отношении близка мысль о ведущей роли этой языковой категории — структуры фонетического слова, единицы, в которой, собственно, и реализуются явления звукового строя русского языка и его говоров [9].

Общеизвестно, что эта структура, хотя и в различной степени по говорам, проявляет тенденцию к закреплению в качестве артикуляторно-акустического стереотипа, разновидности которого принадлежат к характеризующим чертам говора. Здесь имеется в виду структура фонетического слова как физическое образование, организованное ударением, с определенной градацией тембральных сегментов (например, по формуле *тътлтá*), с упорядоченным распределением степеней длительностей сегментов и их «дуги интенсивности».

Естественно, что структура фонетического слова, о чем сказал в свое время еще А. Потебня, может модифицироваться в пределах фразы (как мы знаем теперь, это реализуется и в бóльших подразделениях контекста) сообразно с оттенками высказывания, но в диапазоне, допустимом в данной языковой системе.

Изучая в массовом материале наборы «фонетических исключений», нарушающих стройность диахронически более старшего позиционного чередования гласных, К. Захарова выявила, по

[9] См.: С. Высотский. «О звуковой структуре слова в русских говорах». — В сб.: «Исследования по русской диалектологии». М., 1973.

каким лексическим и морфологическим категориям группируются эти «исключения».

Статистический анализ показал, что возможные комбинации гласных, представленные парами «предударный гласный» — «гласный ударенного слога», далеко не равномерно используются в конкретных словоформах, которые в этом отношении распадаются на различные по объему группы морфологического и лексического характера. Эти градации не могут не влиять на направление и степень актуальности морфологических и лексических аналогий, нарушающих правильность форм позиционного чередования гласных.

Поскольку «исключения» группируются в определенных для каждого говора лексических и морфологических категориях, их нужно просто «выучить» при усвоении данной системы вокализма (равно это относится и к самим носителям говора). Практически приходится запомнить все принятые в данной языковой системе парадигмы конкретных словоформ, поскольку говорящий не всегда сможет сам «правильно» интерполировать звуковой облик какой-либо неизвестной ему словоформы согласно правилам, господствующим в говоре. В определенной мере такое положение существует и при усвоении литературного языка, что еще недостаточно привлекает внимание фонетистов.

Очевидно, главное русло, по которому идет рассматриваемый процесс перестройки вокализма, в вышеназванных исследованиях получает правильные очертания. Однако следует предполагать, что в целом картина этого явления во всех его компонентах обладает еще большей сложностью и отягощена привходящими обстоятельствами, природа которых во многом еще не поддается раскрытию. Безусловно, процесс изменения южнорусского вокализма локально не однороден. Он осложнен сосуществованием реликтовых явлений, наличием частных разновидностей вокализма, может быть, в отдельных случаях и эфемерных, как преходящих этапов развития говора.

Тем не менее, следует считаться с фактом, что в современное научное обращение вошли сведения, далеко не соответствующие прежним, упрощенным представлениям о специфике южнорусского вокализма. Считалось, что последний противопоставлен севернорусскому вокализму значительно меньшим применением принципа различаемости гласных фонем в позиции 1-го предударного слога. Но признание возможности семантической дифференциации таких, например, словоформ — компонентов задонского типа яканья, как прилагательное *премóй* (им. п. м. р.) и *прямóй* (род. п. ж. р.), заставляет видеть здесь необычное для южнорусских говоров фонологическое различение гласных в предударном слоге. Последний уже не связывается с понятием слабой позиции для реализации данных фонем.

Наличие «исключений» — словоформ с «не *а*» в предударном слоге на общем фоне «правильного» для говора проявления яканья

может объясняться образованием в данном говоре особой, «частной системы» вокализма, представленной набором слов определенной лексической или морфологической группы (см. выше замечание о присутствии «частной системы» оканья в русском литературном языке). Но здесь следует поставить вопрос, до какого предела может быть загружен реестр примеров на «исключения», чтобы количество не перешло в качество, при котором уже можно считать, что в данном предударном вокализме потеряна актуальность позиционного фонетического чередования, образовавшего некогда тот или иной выдержанный тип диссимилятивного яканья [10]? При таком обстоятельстве надо принять положение, что здесь в предударном слоге некоторые гласные не нейтрализуются, как им полагалось бы в южнорусском говоре, а различаются подобно гласным в сильном положении.

Насколько это состояние способно стабилизироваться, чтобы активно противодействовать живому стереотипу фонетического слова? Как было сказано выше, во многих случаях это фонетически аномальное для южнорусского наречия положение все же неустойчиво, на что и следует обратить внимание. В отдельных говорах возникает беспорядочное употребление словоформ с «правильным» и «неправильным» чередованием предударных гласных при яканье, что и приводит к ускорению процессов «упрощения» вокализма, если за таковое считать, например, распространение иканья, поддерживаемого стандартной формой общенационального произношения. В некоторых говорах тех же территорий, где зафиксирован «мертвый» фонетический принцип чередования гласных (например, словоформа им. п. м. р. *слипóй* при словоформе р. п. ж. р. *сляпóй* — оба случая с одинаковым *о*), на самом деле встречаются еще вкрапления частных систем вокализма с 6-й и 7-й фонемами, т. е. где диссимилятивные системы яканья фонетически поддержаны живым стимулом. Это представлено или в речи отдельных групп местного населения, которые не оказались в свое время в сфере внимания диалектологов, или в речи носителей говора, двуязычных в том отношении, что они смешивают две частные системы вокализма — с пятью и семью фонемами.

Можно выразить полную уверенность, что количество случаев, где показан фонетически необусловленный вид чередования гласных, сильно завышено. Об этом свидетельствует также и материал некоторых повторных обследований говоров, особенно при фиксации речи при помощи магнитофона. Действительные примеры с необусловленным чередованием гласных, возможно, встречаются там, где частные архаические звуковые системы сосуществуют с частными новыми системами; первые могут служить своеобраз-

[10] ««Переход языка к новой структуре» возможен лишь в том случае, когда качественные изменения, охватывая весь строй языка, трансформируют до некоторой степени. . . его грамматический строй и основной словарный фонд» (В. В. Виноградов. Понятие внутренних законов развития языка. — ВЯ, 1952, № 2, стр. 33).

ным «генератором» для стимулирования традиционного произношения предударных гласных определенных словоформ там, где предударная диссимиляция в некоторых звеньях уже потеряла живую обусловленность.

5

Считая возможным существование в некоторых южнорусских говорах типов предударного вокализма, где принцип позиционного чередования гласных в различной степени не выдерживается, надо детализировать вопрос, что же именно происходит с фонемным составом слов, входящих в группу фонетических «исключений».

К сожалению, эта проблема на первых порах развития Московской фонологической концепции не была акцентирована должным образом, поэтому широкие круги диалектологов в своих работах иногда обходили ее совсем.

Но потребность определения фонологической природы названных явлений все же осознавалась. Это привело к признанию факта, что в парадигме словоформ при позиционном чередовании их гласных и согласных в отдельных случаях наблюдаются отступления, которые нельзя объяснять иначе как сменой фонемы в составе данного слова. Поскольку речь идет не об общеизвестных исторических чередованиях звуков, можно констатировать, что отмеченные факты нарушают обычное представление о постоянстве фонемного состава основы, поскольку они могут истолковываться, как было сказано выше, в качестве явления, близкого к понятию флексии основы, хотя здесь нет полного приближения к данной грамматической категории.

Предположим, что в говоре грамматическое значение словоформ *слипóй* и *сляпóй*, если однородность ударенных гласных подтверждается, зависит только от употребления гласного [и] или [а] в предударном слоге.

Отсюда, если следовать дальше, к нелегким задачам диалектолога прибавляются еще другие, а именно — необходимость выявления, какие именно фонемы здесь репрезентируются данными гласными, сильной или слабой квалифицировать их позицию, если данные словоформы не утратили парадигматической связи с корнем *слеп-*, где под ударением находится ‹е›. Таким образом, эти фонетические «исключения» подлежат изучению еще в аспекте фонологической структуры языка, в синхронистическом срезе.

Если часть подобных примеров на самом деле записана неверно в отношении ударенного гласного, который в неощутимой для «постороннего» наблюдателя степени может оказаться неодинаковым (т. е. *слипóй* и *сляпôй*), то в таких случаях вопрос должен быть снят, поскольку дело будет касаться нормального позиционного изменения гласных в слабом положении.

Тем не менее, нельзя отрицать, что факты фонемной субституции в некоторых типах говоров действительно существуют и что они распространены в большей мере, чем это предполагалось.

Вероятно, из-за того, что подобные оценки в русской диалектологии малопрецедентны, в диссертации К. Ф. Захаровой допускаются такие осторожные высказывания: предударный гласный в словах *дирéвня*, *нивéста* и т. п., не участвуя в чередовании, «становится как бы фонемой ‹и›». Но следует решительней подтвердить, что это и есть примеры с подлинной фонемой ‹и› неэтимологического происхождения, если они в говорах известного типа разделяют судьбу со всем составом примеров, где представлено этимологическое *и* не в качестве гиперфонемы, никогда не изменяемое в своем звучании при наличии в говоре яканья определенного типа. В основе этой «осторожности» лежит непреднамеренное отождествление понятий фонемы и этимологического звука.

Таким образом, при анализе групп примеров на «фонетические исключения» приходится принимать во внимание характер парадигмы к а ж д о г о с л о в а из этой группы, поскольку здесь встает вопрос о том, представлен здесь «проверяемый» или «непроверяемый» гласный. Естественно, что группа примеров с гласными, которые ни в одной словоформе не обнаруживаются в сильной позиции, является той средой, где происходят активные перестройки фонемного состава слов. Но возникновение даже большего количества слов с этимологически неправильной постановкой фонемы ‹и› в предударном слоге по сути дела может не менять принципа вокализма, если он в основном сохраняет один из типов яканья, которое здесь нормально реализуется в достаточном наборе словоформ [11]. Это положение сравнимо с аналогичным случаем, когда наличие определенной группы заимствований с гласным [а] в о к а ю щ е м говоре — *кантóра*, *салдáт*, *канфéта*, *рестарáн* и т. п., при последовательной реализации оканья в других лексикоморфологических группах слов, не образует в нем аканья, поскольку данные словоформы здесь относятся к примерам с фонемой ‹а› в предударном слоге — как в словах *трава́*, *сама́* и т. п.

Сюда примыкает и еще один малоизвестный факт, парадоксальный для южнорусского наречия, который тоже выступает на фоне «проверяемых» гласных и своим эвентуальным присутствием может затемнить закономерность позиционной вариативности гласных. Дело касается говоров, где при более или менее глубоко развившемся процессе утраты яканья встречаются реликтовые для говора примеры произношения предударного гласного [а]

[11] Возможно, что в таком аспекте некоторые разновидности предударного вокализма, намеченные в вышеназванном исследовании К. Ф. Захаровой, можно было бы объединить, т. е. сократить их реестр, поскольку в основу их разделения положены различия в группах примеров «фонетических исключений», т. е. в категориях лексико-морфологических, а не собственно «звуковых».

после мягкого согласного, но преимущественно на месте соответствующего этимологического гласного *а* (*пятно́*, *пятну́* при *висно́й*, *висну́*). Здесь налицо различение известных предударных гласных, что совершенно не типично для южнорусских и большинства среднерусских говоров, хотя аналогичные примеры давно зарегистрированы в говорах Тульской, Калужской, Московской и других областей.

Надо заметить, что известные формы приближения к литературному языку, сохраняющие при аканье аналогичную черту в качестве субстрата некоторых видов севернорусского или украинского вокализма с их исконным различением предударных ‹'а› и ‹'и› и т. д., сюда территориально не относятся. По социальным признакам бытования в говорах названной черты вряд ли можно принять ее за тенденцию к тому «буквенному» произношению, которое Л. В. Щерба находил возможным считать присущим «полному стилю» литературного языка (что в аспекте традиций русской орфоэпии не представляется правомерным). Можно добавить, что подобные факты в русском говорении лиц нерусского происхождения легко объясняются влиянием орфографии, когда в изучении русского литературного языка большую роль играет не живая речь, а книга. Однако если происхождение такого произношения понятно в речи прибалтийцев, кавказцев и др.[12], оно неясно в русской речи носителей белорусского языка (т. е. при контакте близкородственных языков), в основных подразделениях которого нет принципа, поддерживающего данное различение гласных. От белорусского *вяду́*, *вяжу́* легко перейти к русскому обобщению *виду́*, *вижу́*, но не к противопоставлению типа *виду́*, *вяжу́*, что на практике все же встречается, даже в словах с «сомнительно-проверяемыми» гласными (*лягáть*, *лягýшка*, *мятéж*, *рябúна*, *мякúна*, *стяжáтель* и т. п.).

Следующее замечание касается фонологического статуса явления, описанного Т. Г. Строгановой в статье «Об одной особенности южнорусского вокализма» (см. выше).

Архаический тип диссимилятивного аканья, параллельный обоянскому типу яканья, был обнаружен при вновь предпринятом, квалифицированном обследовании связной речи. При этом с различной степенью ясности выявилось и неодинаковое произношение ударенных гласных, соответствующих фонемам ‹ω› и ‹о›, ‹Ѣ› и ‹е›. Отсюда следует, что найденное противопоставление примеров типа *прастóй* (р. п. ж. р.) и *прастóй* (им. п. м. р.) и т. д. обусловлено живой позиционной закономерностью.

Но в новых материалах также присутствуют примеры сохранения прежнего различения предударных гласных при наличии единого звучания ударенного гласного (*прастóй* —

---

[12] Русская речь на юге страны, как и в ряде других местностей, могла складываться и при воздействии украинского субстрата, что в этнографическом плане характерно для определенных зон Кавказа.

р. п. ж. р. и *пръстóй* им. п. м. р.). Аналогичные примеры встречались и в прежних материалах, собранных с неодинаковым уровнем точности, при котором присутствие 6-й и 7-й фонемы не получало надежного отражения.

Изучение достаточно обширных текстов звукозаписи, где представлены разновидности диссимилятивного аканья, позволяет высказать мнение, что при деградации этого типа вокализма встречается беспорядочное употребление словоформ, приведенных здесь в качестве образца, с редуцированным и нередуцированным предударным гласным. Иными словами, каждая из этих двух словоформ может выступать как прилагательное и женского и мужского рода, т. е. они омофоничны в двух видах. Возможно, что здесь представлены элементы нескольких частных фонетических систем, где редуцированный характер предударного гласного зависит от иных позиционных условий [13].

Тем не менее в подавляющем большинстве случаев, где статистическая группировка примеров позволяет выявить тенденцию «правильного» чередования предударных гласных, одновременно в ударенном слоге обнаруживается, хотя бы и малоконтрастное, артикуляторно-акустическое различение гласных, соответствующих известным фонемам, что нередко не отмечалось наблюдателями. Существование морфологического противопоставления форм типа *прастóй* и *пръстóй* следует считать недоказанным. Обратное утверждение привело бы к усложнению фонологического аспекта: раз значение этих форм зависит от наличия в них гласных [а] или [ъ], то последний из них приобрел бы значение реализации самостоятельной фонемы ‹ъ› с весьма оригинальным для русского языка статусом, поскольку она не встречается под ударением и т. д. Сравнение с допускаемой некоторыми исследователями морфологизацией словоформ *сядóй* (ж. р.) и *сидóй* (м. р.) сюда не подходит. Если последние на отдельных этапах развития говора и могут приобрести временную устойчивость, то этому должно способствовать качество предударных гласных — типа [а] и [и], роль которых обоснована наличием особых фонем — ‹а› и ‹и›. Звук [ъ] такого подкрепления не имеет.

6

В массиве южнорусских говоров безусловно присутствует и еще одно осложняющее явление, которое в русской диалектологии еще не рассмотрено с необходимой детализацией.

Это спорадически встречаемые частные системы вокализма, где звук [ы] в предударном слоге, независимо от его этимологического происхождения и фонологической роли, имеет несколько пониженную артикуляцию. Степень понижения [ы] по говорам

[13] См.: «Русская диалектология». Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, стр. 48.

www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

доходит до звукотипа другой категории [ъ] и в отдельных случаях — до звукотипа [а], что вносит осложнения в типологию как диссимилятивного, так и недиссимилятивного аканья (*пъда*ᵃ*мý*=*подыму*, *ръшшаб'и́*=*расшиби*). При недостаточно ясных параллелях с ассимилятивными принципами в системе яканья, в ряде мест (например, в Данковском и соседних районах Рязанской обл.) зафиксированы примеры, которые можно квалифицировать как разновидность ассимилятивного аканья. Здесь предударный гласный, корреспондирующий звуку [ы] других говоров, в слоге перед ударенным [а] очень близок к звучанию [а], а в отдельных случаях и совсем с ним совпадает: прил. ж. р. *сырáя* → *с*ᵃ*рáя* или *сарáя* (омофонично с формой р. п. от сущ. *сарай*; *ушибáться* → *уша*ᵃ*бáтца*, *в Италию* → *ватáлиюў* — при сохранении [ы] в примерах *сырýю*, *сырóй*, *сырéть*, а также [а] в примерах *вады́*, *вадóй*, *вадé*, *вадá* и т. п.

В разновидностях предударного вокализма с диссимилятивным принципом (напр., в Калужской и Смоленской обл.) перед слогом с «не «*а*», как известно, встречается некоторое понижение и других гласных, в том числе — и после мягких согласных, что должно стать предметом особого исследования из-за большой разветвленности данной проблемы.

Указания К. Ф. Захаровой на существование архаического типа диссимилятивного яканья, где предударный гласный «не *а*» реализуется в звуке [ь], а не [и], весьма реалистичны. Увеличивается сложность анализа такого материала, в котором разница между этим [ь] и звуком на месте этимологического *и* обнаруживает тенденцию стираться. (Произношение слов *мелá* и *милá* в «лучшем» случае здесь реализуется как *м'ьлá* и *м'илá*, а в «худшем» только в одном виде — омофоне *м'ьлá*). Кроме того, надо помнить, что при интерпретации массовых диалектологических материалов различение транскрипционных знаков ь и *е*ᵘ (или *и*ᵉ) в предударном слоге мало эффективно, так как последние могут лишь отражать различные навыки диалектологов, фиксирующих одно и то же явление.

Из причин, осложняющих анализ южнорусского вокализма, можно назвать еще одну, частную, но довольно распространенную. По своему фонологическому значению она выходит за пределы простой констатации факта. Дело в том, что в процессе перехода говоров от семифонемной к пятифонемной системе гласных широко известна ступень, где задерживается шестифонемный состав, в котором шестой фонемой обычно оказывается ‹ѣ›, а не ‹ω› (причина чего еще проблематична). Свидетельства, что при отсутствии в говоре ‹ѣ› фонема ‹ω› все же может существовать, чаще всего уточняются новыми наблюдениями, согласно которым фонема ‹ѣ› в таких говорах присутствует также, но в менее перцептивной для «постороннего» наблюдателя форме.

Такое состояние вокализма не может не вносить своего вклада в образования неких промежуточных, фонетически активных и

по-своему стабильных разновидностей типов диссимилятивного и других видов яканья.

Все это вместе со сказанным выше демонстрирует, какую пестроту может представлять натуральное состояние предударного вокализма в южнорусских говорах на пути их видоизменения. Выводы новых исследований в области южнорусского вокализма, безусловно, войдут в фонд сведений о русских диалектах. Некоторые из них будут подвергнуты дальнейшему обсуждению ввиду их большой проблематичности, но даже в своем настоящем виде они получают большую весомость, так как стимулируют исследовательскую мысль к интерпретации целой группы новых для русской диалектологии вопросов. Кроме того, рассмотрение многих сложных, частью — не известных прежде диалектных явлений создает здесь материал для развития фонологической теории, которая должна совершенствоваться именно при таком столкновении с труднообъяснимыми фактами, не всегда укладывающимися в рамки прежних фонологических представлений.

К. Ф. ЗАХАРОВА

АССИМИЛЯТИВНО-ДИССИМИЛЯТИВНОЕ ЯКАНЬЕ ПО ДАННЫМ «АТЛАСА РУССКИХ ГОВОРОВ К ЮГУ ОТ МОСКВЫ»

В данной работе делается попытка определения синхронной системы предударного вокализма с неразличением гласных неверхнего подъема, известной под названием ассимилятивно-диссимилятивного яканья, в том ее виде, в котором она существует в современных говорах. Материалом для этого служат ответы на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.—Л., 1947) на территории к югу от Москвы (сокращенно этот том атласа здесь называется ЮТ), где и отмечается в основном этот вид яканья [1].

Исследования последних лет по вопросу о предударном вокализме с совпадением гласных неверхнего подъема в одном звуке, зависящем от качества ударенного гласного, показывают, что

[1] О говорах с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем на территории «Атласа русских народных говоров к востоку от Москвы» (М., 1957) см.: О. Н. Морахо вская. Соотношение типов яканья в говорах рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. III. М., 1962.

представление об этом вокализме часто основывается не на анализе материала говоров, а на анализе отвлеченных схем яканья, принимающихся учеными за абстракцию объективной реальности [2]. Однако эти схемы не всегда точно соответствуют данным живых говоров, так как схематическое выражение системы явления всегда ограничено уровнем изученности его. Основным поиском этих работ является теоретическое объяснение самого факта существования сложившихся типов вокализма.

Карты атласа, посвященные этому же вопросу, поставили практические задачи определения типов предударного вокализма по имеющимся материалам ответов на «Программу» [3]. И здесь обнаружилось, что традиционное определение типов яканья не могло быть полностью удовлетворено имеющимся материалом. Во-первых, потому, что чистых типов, т. е. таких, при которых бы в каждом произнесении реализовался присущий типу вокализм, по материалам атласа очень мало, а каждый случай нарушения типа можно трактовать и находить ему место в системе лишь тогда, когда будет известна причина его появления. Во-вторых, потому, что характер зависимости от ударенного вокализма, который лежит в основе традиционного определения типов данного яканья, по материалам атласа установить не всегда удается, поскольку для того, чтобы данные ударенного вокализма служили раскрытию своего значения для предударного вокализма, необходима не только констатация факта наличия или отсутствия под ударением особых гласных фонем, но и установление соотнесенности качества гласного 1-го предударного слога и качества ударенного гласного в каждом конкретном слове, в каждом произнесении в составе одной языковой системы. Только установление такой зависимости ударного и предударного вокализма в каждой конкретной форме слова могло бы дать ответ о наличии или отсутствии живой фонетической зависимости между качеством предударного и качеством ударенного гласного [4]. Такой материал ответы на «Программу» имеют очень редко, так как непосредственно вопросы 27 и 28 с вопросами 3, 4, 5, 6 и 7 не связаны.

При таких условиях необходимо было идти по пути лингвистического анализа гласных звуков (на месте гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге), имеющихся в ответах на «Программу», чтобы только по закономерностям их употребления судить о системе яканья в говорах. Для анализа весь материал ответов,

---

[2] Halle M. A k a n ' e. Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965; Т. П. Л о м т е в. К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка. «Язык и человек». Изд. МГУ, 1970; М. В. П а н о в. О синтагматике гласных в говорах с диссимилятивным яканьем. «Русское и славянское языкознание». М., 1972.

[3] «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М.—Л., 1947.

[4] Л. Л. В а с и л ь е в. Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре. «Изв. ОРЯС», 1904, т. IX, кн. 1.

предварительно рассмотренный, был разделен на четыре типа, согласно их традиционному определению: 1) Новоселковский, 2) Ореховский, 3) Кидусовский, 4) Култуковский [5]. Каждый тип был представлен в виде одной сводной таблицы всеми материалами атласа, в которых он был отмечен.

Спецификой метода работы с материалом, представленного здесь, является то, что анализ его ведется без учета качества ударенных гласных среднего подъема в каждой частной системе, хотя традиционное определение самого ассимилятивно-диссимилятивного яканья и его типов основывается на зависимости качества предударного гласного от качества ударенного гласного. Предварительное знакомство с характером ударенного вокализма рассматриваемых говоров по тем же материалам атласа показало, что семифонемная система гласных сохраняется в них в разной мере: в одних говорах фонемы ‹ô› и ‹o›, ‹ê› и ‹e› последовательно различают слова и формы слов, в других отмечаются в реликтовом состоянии, различая главным образом корни слов, в третьих — полностью отсутствуют. При этом во всех говорах наряду с семифонемной сосуществует пятифонемная система гласных с фонемами ‹o› и ‹e›, качество которых может различаться по говорам: в одних говорах они могут совпадать по звучанию с ‹o› и ‹e› литературного языка, в других — быть другого образования. Но важно то, что гласные фонемы ‹o› или ‹e› могут произноситься на месте ранее двух фонем ‹ô› и ‹o› или ‹ê› и ‹e› и фонологически равно заменять их. Важно и то, что произношение гласных типа [y͡o, ô, o] в соответствии фонемы ‹ô› и [o͡y, o̯] в соответствии фонемы ‹o› или произношение [и͡е, ê, e]— ‹ê› и [е͡и, e]—‹e› не является, видимо, в системах говоров фонетически значимым для качества предударного гласного. Это выражается прежде всего в том, что качество предударного гласного в одном и том же слове остается неизменным при произношении разных типов звуков на месте *о* и *е* под ударением, а также в том, что и под ударением звуки [o͡y, y͡o, и͡е, е͡и] могут употребляться этимологически неверно. Все это может свидетельствовать о том, что действующей зависимости качества предударного гласного от качества ударенного гласного в этих говорах уже нет. Однако утверждать это для каждого отдельного говора с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем на основе приведенных данных методологически было бы неверно, так как для такого утверждения необходимы более точные фонетически-экспериментальные, соотнесенные с предударным вокализмом в каждом говоре, данные. А так как материалы атласа таких данных представить не могут, вопрос о качестве ударенных гласных полностью исключается из анализа.

---

[5] Р. И. Аванесов. Очерки по русской диалектологии. М., 1949, стр. 89—100; Он же. Русский вокализм 1-го предударного слога; «ОЛА. Мат-лы и исследования. 1970». М., 1972, стр. 81—83; «Русская диалектология». М., 1964, стр. 58—60.

Второй особенностью метода является то, что материалы атласа, фиксирующие в разных говорах один и тот же тип яканья, рассматривались как данные частных систем внутри одной общей системы типа. Доводом для такого объединения данных отдельных говоров и рассмотрения их как элементов проявления одной системы является историческая и языковая близость их носителей [6]. Преимущество подобного сравнительного рассмотрения систем отдельных говоров как составных частей системы определенного типа неразличения гласных неверхнего подъема состоит в том, что этот метод, позволяя сравнивать и сопоставлять между собой исходные данные конкретных частных систем как единиц одного и того же порядка, помогает выявить как общие типичные закономерности, характерные для функционирования данного типа неразличения как такового, так и частные закономерности и особенности проявления этого типа в каждой отдельной системе. Кроме того, такой метод рассмотрения материалов атласа, позволяя иметь в своем распоряжении количественно большой однотипный материал, нейтрализует недостатки отдельных материалов и дает возможность увидеть реальную картину произношения гласных на месте гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге в говорах.

Характер построения таблиц для всех типов одинаков. В них представлены по вертикали данные частных систем в говорах, расположенных на территории ЮТ. Вместо названия населенного пункта говора дан его номер по ЮТ (список населенных пунктов см. в конце статьи).

Горизонтали обозначают позиции, на основе которых проводится сравнение данных частных систем. Позиции учитывают положения гласного 1-го предударного слога на месте гласных неверхнего подъема после мягких согласных только перед мягкими согласными, поскольку в положении перед твердыми согласными при данных системах произносится *а*.

В соответствии с материалом и методом его исследования позиции выделены нескольких уровней. На фонетическом уровне позиции выделены в зависимости от ударенного *а*, *у*, *и*, *о*, *е* (без учета качества гласных на месте *о* и *е* по причинам, изложенным выше). На этимологическом уровне — в зависимости от происхождения ударенных *о* и *е*. В данном случае выделение этимологического уровня необходимо как условие, которое в какой-то степени компенсирует отсутствие данных о качестве ударенных гласных *о* и *е*, и дает возможность всеобъемлюще рассмотреть материал, в котором реализуется система предударного вокализма в говорах. На лексико-морфологическом уровне — в зависимости от принадлежности каждого слова с гласным неверхнего подъема в первом предударном слоге и ударенными *о* или *е* к одной из пяти выделенных групп слов по возможности и способу проверки

[6] Ср. подобный подход в кн.: «Русская разговорная речь». М., 1973, стр. 6.

в них предударных гласных фонем. Данные позиции введены для того, чтобы судить, зависит ли произношение того или иного гласного каждого положения от причин нефонетических, что и дает возможность на основе анализа материала только первого предударного слога судить о причинах сохранения данного вокализма в говорах. В таблицах каждая лексико-морфологическая группа слов обозначена цифрой. При этом за одними и теми же цифрами перед ударенными *о* и *е* разного происхождения закреплены сходные значения морфем. Цифры 1, 2, 3, объединяют группы слов, в которых разными способами возможна проверка предударной фонемы. Под цифрой 1 объединены существительные, гласная 1-го предударного слога которых проверяется формами словоизменения, типа *сестёр — сёстры* (перед ударенным *о* из *е*, ь), *звере́й — зве́ри* (перед ударенным *е* из *е*, ь), *сестре́ — сёстры*, *в степе́ — степь* (перед ударенным *е* из *ě*). Ударенные гласные *о* и *е* в этих категориях слов находятся обычно во флексиях. Следует обратить внимание на то, что группы слов, входящие в каждое из выделенных положений, различны по моделям словоизменения не только перед разными ударенными гласными (перед *о* или *е* из *е*, ь или *е* из *ě*), но и внутри одного положения. Например, в положение перед *е* из *ě* входят существительные, имеющие разные типы парадигм и, следовательно, разные модели возможных позиционных чередований гласных 1-го предударного слога в соответствии гласным неверхнего подъема в каждом типе парадигмы (ср. тип парадигмы *сестра́ — сёстры* и *мечта́ — мечты́*, *село́ — сёла*, *крест — кресты́* и *степь — сте́пи — в степе́*). Это создает разные возможности обобщения одной гласной основы внутри каждой данной модели парадигмы и разные возможности грамматикализации ранее позиционно обусловленных предударных гласных при утрате фонетических причин их наличия.

Цифра 1а перед ударенным *е* из *е*, ь обозначает категорию существительных с ударенным суффиксом *-ец* из *-ьк*, типа *хресте́ц — хресца́*, с постоянным ударением на окончании, с возможным чередованием гласных [и—а] в основе (*хр'исте́ц — хр'асцы́*) и проверкой предударного гласного только формой словообразования — *хрест*.

Под цифрой 2 объединены имена, гласная фонема первого предударного слога у которых проверяется формами словообразования. Ударенные *о* и *е* в них, постоянные при словоизменении, находятся в суффиксах, типа *деньжо́нки*, *беле́е*, *воскресе́нье* и под. Здесь могут быть объединены очень разные группы слов как по суффиксам, так и по численности реальных слов с каждым из этих суффиксов, имеющих этимологическое *и* или *а*, *е*, *ě* в 1-м предударном слоге, что может иметь значение для продуктивности словообразовательной модели с [и] или с [а] на месте гласных неверхнего подъема в словах этой категории. Сюда же в положение перед ударенным *е* из *ě* — обозначено на таблицах 2а — относится группа слов с основообразующим суффиксом инфинитива

-еть и суффиксом прош. вр. на *-ел*, которые имеют постоянную основу при словоизменении, типа *белéть*, *белéл* — *бéлый*.

Группа слов, объединенных под цифрой 3, составляет личные формы глаголов с постоянным ударением на окончании. Спецификой этой группы является наличие в подавляющем большинстве входящих в нее глаголов фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, типа *н⟨е⟩стú*, *п⟨е⟩чь* и под., а также то, что в основе их может быть фонетическое чередование гласных *а* — «не-*а*» в зависимости от разных ударенных гласных в разных формах (например, *н'асý* — *н'исéш*, *н'исéм*. . . — *н'асýт*), которое при утрате фонетической закономерности легко может исчезнуть под влиянием процесса подравнивания основ — *н'асý* > *н'асéш*, *н'асéм*. .. — но может и морфологизоваться, перейдя в непозиционное, морфологическое чередование [а] — ⟨и⟩, закрепленное за разными формами глаголов наст. вр., типа *н'*[а]*сý*—*н'*⟨и⟩*с'еш*.

В двух последующих позициях — 4-й и 5-й — предударная фонема не проверяется, поскольку находится перед ударенными *о* и *е* или в словах с неподвижным ударением (4) или в составе предлогов, приставок и отрицательных частиц, на которые никогда не падает ударение (5). В словах 4-й позиции — типа *береза* (перед *о* из *е*, ь), *дерéвня* (перед *е* из *е*, ь), *невéста* (перед *е из ё*) — предударная гласная, которая постоянна при формах словоизменения и словообразования, не несет на себе никакого грамматического значения и более, чем предударные гласные других лексико-морфологических групп слов, изолирована от фонологической системы, поскольку не образует фонемных рядов [7]. Поэтому наличие той или иной фонемы в основе подобных слов может касаться звуковой оболочки только этих отдельных слов, так как для синхронной системы вокализма безразлично, с каким гласным звуком и, следовательно, с какой фонемой они произносятся.

Спецификой слов 5-й позиции является то, что непроверяемая предударная фонема в энклитиках употребляется перед разными ударенными гласными не в составе одной морфемы. Эта категория случаев принципиально отличается от слов 1-й позиции, поскольку в словах 5-й позиции чередование гласных на месте одного и того же гласного неверхнего подъема может быть только фонетически обусловлено качеством ударенного гласного, тогда как в словах 1-й позиции, в которых гласная 1-го предударного слога в составе морфемы может также оказываться перед разными ударенными гласными своей парадигмы, оно (чередование) может существовать в качестве грамматического признака основы определенных форм.

Перед ударенными *о* из *ô* и *о* из *ъ*, которые после мягких согласных бывают только аналогического происхождения и, следовательно, возможны только в тех флексиях и суффиксах, которые имеют аналогию с положением после твердых согласных, позиции

---

[7] Р. И. Аванесов. Фонетика русского литературного языка. М., 1956.

на грамматическом уровне или не определены — как в положении перед ударенным *о* из *ô*— или выделены две группы слов — в положении перед ударенным *о* из *ъ*, обозначенные буквами: (а) существительные твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. (*м'едв'ед'о́м*), (б) существительные с суффиксом *-ок* (*д'ен'о́к*).

Таким образом, в основу анализа положено наблюдение за качеством гласного 1-го предударного слога в разных лексико-морфологических группах слов, которые выделены в зависимости от возможности—невозможности проверки предударной фонемы; а внутри этого разделения — в зависимости от возможности—невозможности обобщений, грамматикализации, лексикализации гласных 1-го предударного слога в пределе форм словоизменения слов одной парадигмы и слов одной словообразовательной модели.

Выделение рубрик-позиций грамматического уровня, сделанное с целью показа и сравнения материала ответов в таблицах, очень общо. Фактически групп слов, по которым нужно бы провести сравнительный анализ материала ответов, должно быть гораздо больше, так как внутри одной группы слов, объединенных в позицию, имеются существенные различия между типами парадигм, моделями словообразования, количеством слов с постоянной ударенной гласной, имеющих в 1-м предударном слоге одну из фонем неверхнего подъема и другими аспектами, которые могут иметь значение для закрепления произношения *и* или *а* в 1-м предударном слоге слова. Следует особо подчеркнуть важность разных типов парадигм и моделей словообразования для реализации безударной гласной фонемы. При действии фонетических законов, согласно которым гласные фонемы реализуются в виде ряда гласных звуков, каждый из которых определен своим фонетическим положением (создавая фонетические чередования и фонемные ряды), вопрос о грамматических и лексических категориях слов не имеет никакого значения. Когда же действие фонетического закона утрачивается, результаты его в одних случаях остаются, в других исчезают, что зависит от существующей системы фонем и от возможности каждой словоформы и каждой лексемы перевести бывшие фонетические чередования гласных одной фонемы в грамматическое чередование разных фонем, характерных для разных словоформ. Этим, в частности, может объясняться наличие произношения *а* и *и* в одной и той же позиции в таблицах [8]. Однако для бóльшей детализации требуется другой, более полный материал.

***

---

[8] Ср., например, данные, приводимые В. Д. Бондалетовым для Култуковского типа яканья в работе «Особенности яканья говора с. Самовольно-Ивановки Алексеевского р-на Куйбышевской обл.» («Уч. зап. Пензенского пед. ин-та», 1954, вып. 1, стр. 64): произношение *ст'ан'е́* появляется потому, что есть *ст'ана́*, *ст'ану́*, но в сущ. типа *печь а* не появляется: в *п'ич'е́*, *нъ дв'ир'е́* (от *дверь*) в *ст'ип'е́*, где «формы с предударными *а* или отсутствуют совсем или чрезвычайно редки».

1. Гласный 1-го предударного слога при Новосёлковском типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Позиции произношения			№ населенных							
			680	563	835	634	744	745	645	673
Гласный под ударением										
		а	*а(и)*	*а(и)*	*а/и*	*а(е)/и*	*а(е, ӓ)и*	*а(е)/и*	*е/а(и)*	*а(е, и)*
		у	*а(и)*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а, е, а^е*	*а(е)*	*а*
		и	*а*	*а*	*а*	*а (е)*	*а(е^а)*	*а(е)*	*а(е)*	*а(е, и)*
о	Происхождение	Морфема употребления								
	б̂		*а*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а/и*	*е*	*а*
	ъ	а			*а*		*а*	*е, а/и*		
		б	*а*		*а*		*а*	*е,а*	*е/а*	*а*
	е, ь	1		*и*	*и*		*и*			*и*
		2	*и*	*и(е)*	*и(а)*	*и*	*и/а*	*и*	*и*	*и/а*
		3	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и(е)*		*и*
		4	*и*		*и(а)*		*и*	*и*	*и*	*и*
		5	*а*	*а*		*а*	*а*		*а*	
е	*е, ь*	1	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		1а	*и*		*и*		*и*			
		2	*и*	*и*		*и*	*и*	*и(а)*	*и(а, е)*	*и*
		3	*и*	*и/а*	*и/а*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		4	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		5						*е*		
	ѣ	1	*а*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а/и*	*а*	*а/е*
		2	*а/и*		*а*	*е*	*а*	*а/и*	*а*	
		2а		*а*	*а*	*и*	*а*	*а*	*а/и*	*а/е*
		4	*а /и*	*а/и*	*а*	*а*	*а/и*	*а/и*	*а/и*	*а/и*
		5			*а*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а*

Знаки ( ) / , означают количественные соотношения употребления гла употребление.

пунктов ЮТ

625	743	571	575	562	596	683	747	807	650	649
$a(e,u)$	$a(a^e, e, u)$	$a(e,u)$	$a(u)$	$a,\ e$	$a(e)$	$e(a)$	$a/e^a, e, a^e$	a/e	$a(e)$	$a/e,\ e^a$
a	a	a	a	a	a	e	a/e^a	a	$a(e)$	a
$a(u)$	$a(e)$	a	$a(e,u)$	$a(e)$	a	e/a	a/e^a	$a(e, e^a, a^e)$	$a(e)$	$a(e)$
a		a				e	a	$a(e)$	a/e	a
a			a			e	$a,\ e$ $a,\ e$	a/a^e $a/(e)$	e^a $a(u)$	a
u			u	u			u	u		
u	u	u/a	u	u		(u)	$u(e)$	u	u/a	a/u
	u		u			(u)	$u/e(a)$	$u(a,e)$	u	u
u	u	u	u				$u(e)$	$u(a,e)$	u	u
		a	a						a	a
u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u
u/e	u				u	u		u		u
u	u	u	u		$u(a)$	u	u	u	u	u
u	u	u/a	u		u	u	u		u	u
u/e	u	$u(a)$	u	u/a	u	u	$u(e)$	u	u	u
	e	a								a
$a(e)$	a	a	$a(e)$		a	e	a	$a(u)$	$a(e)$	a
	a	a		a	a	a	a	$u(a)$	$a(e)$	e/e^a
a	a	a	a		a	$a(e)$	$a,\ a^e$	$u(a)$	$a(e)$	e^a, a, e
$a(e)$	$a(e)/u$	a	$a(e)$		a/u	e/u	$a,\ e/u$	u	a/u	a/u
a	a		a				a			

сных: , — равное; / — первые преобладают над вторыми; ( ) — единичное

2. Гласный 1-го предударного слога при Ореховском типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Позиции произношения			№ населенных						
			574	647	576	784	655	652	654
Гласный под ударением									
а			*а*	*а*	*а*	*а*	*а(е)*	*а/е*, $е^{а}$	*а*
у			*а*	*а*	*а*	*а*, $е^{а}$	*а(и)*	*а(е)*	*а*
и			*а(е)*	*а*	*а*	*а*, $е^{а}$	*а(е, и)*	*а(е)*	*а*
о	Происхождение	Морфема употребления							
	ô		*а*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а/е*
	ъ	*а*	*а*	*а*	*а*				*а*
		б	*а*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а/е*
	е, ь	1		*а*			*а*		*а/е*
		2	*а*	*а*	*а*, $а^{е}$	*а*	*а*	*а*	*а(е, и)*
		3			*а/и*	*а*	*(и)*		*и(а)*
		4	*а(и)*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а(е)*	*а/и/е*
		5							
е	*е, ь*	1	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		1а	*и(а)*	*и*	*и*	*и*	*и*		
		2	*и*	*и*	*и*		*и*	*и*	*и(а)*
		3	*и(а)*	*и(е)*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		4	*и*		*и*		*и*	*и*	*и*
		5	*а*			*и*			
	ѣ	1	*а*	*а*	*а*	*а(и)*	*а(е, и)*	*а*	*а*
		2				*а*		*а*	*а*
		2а	*а*	*а*		*а*	*а*	*а*	*а*
		4	*а*	*а/и*		*а*	*а/и*	*и*	*а/и*
		5				*а*			

пунктов ЮТ

773	757	688	572	801	788	783	558	686	685
a, e, u *a/e, e^a* *a/e, e^a*	*a(e, u)* *a* *a, a^e (u^e)*	*a(e^a, e)* *a* *a(e^a, u)*	*a(e)* *a* *a*	*a(e)* *a* *a(e, a^e)*	*a/e* *a* *a*	*a/e* *a/e* *a(e)*	*a(e^a)/u* *a(u)* *a(u)*	*u/e(a)* *a, e(u)* *u/e, a*	*a, e/u* *e, a/u* *a, e/u*
	a	*a(e)*	*a*	*a*	*a*			*u/e*	
		a *a*	*a^e, e* *a(e)*	*a* *a*	*a*				
e^a, e, a *a/u*	*a* *e^a, a/u* *a, e*	*a* *a* *a(u)* *a*	*u* *a, a^e, e* *(u)* *a ,e*	*a(e, u)* *a/a^e* *a/e, u*	*a/e* *a/e* *a*	*a/e* *a(e)*	*a(e)* *a(e^a, u)* *a(e,u)* *u*	*u* *u, e* *a, e/u* *u*	*u* *e/u/a* *a/e(u)* *(e, a, u)*
			a	*a*		*a*		*u*	
u *u* *u* *u* *u*	*u* *u/e* *u/e* *u*	*u* *u* *u* *u(e)* *u*	*u* *u(a, a^e)* *u(a)*	*u* *u* *u* *u*	*u* *u* *u* *u* *u*	*u* *u(e)* *u* *u*	*u* *u/a* *u/a* *u*	*u* *u*	*u(e)* *u* *u(e)*
		a		*a*	*a*				
a/e *a* *e^a* *a/e^a/u*	*a* *a* *a/u*	*a* *a* *a/u* *a/u*	*a* *a* *a* *a/u*	*a(e)* *a(e)* *a* *u*	*a(e)* *a(e)* *a(e)* *a/u*	*a* *a/e* *a(u)*	*a, e/u* *a* *a* *a/u*	*a/e/u* *u(a)* *u*	*u(e, a)* *(u, e)* *u, a* *u(a)*
a		*a*	*a*	*a*	*a*		*a*		*a*

3. Гласный 1-го предударного слога при Кидусовском типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Позиции произношения			№ населенных						
			584	579	690	790	798	793	795
Гласный под ударением									
а			*а/е*	*а(и)*	*а(е, и)*	*а(е, е^{а}, и)*	*а(и)*	*а(и)*	*а*
у			*а(е)*	*а(и)*	*а(и)*	*а*	*а(е)*		*а*
и			*а*	*а*	*а(е, и)*	*а*	*а*		*а*
о	Происхождение	Морфема употребления							
	б		*а/и*		*а*	*и*	*а*		
	ъ	*а*		*а*	*а*	*а(и)*			
		б	*а/и*	*а*	*е*	*а,и*	*а(и)*		
	е, ь	1	*и*			*и*			*и*
		2	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и(а)*	*и*
		3	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		4	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		5				*и*			
е	*е, ь*	1	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	
		1а	*и*	*и*	*и*		*и*		*и(а)*
		2	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		3				*и*		*и*	
		4	*и*		*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		5	*и*			*и*			
	ѣ	1	*и*	*и*	*и*	*и*	*и(а)*	*и(а)*	*и(а)*
		2	*и*		*и*	*и*	*и*	*и*	
		2а	*и*		*и*	*и*	*и*		
		4	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		5				*и*		*а*	

пунктов ЮТ

653	684	687	659	569	560	568	774	751
a(e)/u *a(u)* *a*	*a* *a* *a*	*a(u)* *a* *a*	*a(e, a^e)/u* *e/a* *(e^a)a/e(u)*	*a* *a* *a*	*a/ä* *a* *a(a^e)*	*a(e)* *a* *a(e^a)*	*u(a, e)* *u/a* *u/a*	*a(e)/u* *a(e)* *a(e)*
a	*a(u)*	*u*			*a*			*a*
a	*a* *a*	*a/u* *a/u*	*u* *u/e^a, e*		*a*	*a* *a/e*	*u/a*	*a* *a*
u(a) *u* *u*	*u* *u* *u(a)* *u*	*u(a)* *u* *u*	*u* *u* *u*	*u* *u* *u*	*u* *u* *u* *u*	*u* *u* *u* *u*	*u* *u* *u(a)* *u*	*u(a, e)* *u(e)* *u*
								a
u *u* *u* *u*	*u* *u* *u*	*u/a* *u* *u* *u*	*u* *u* *u* *u*	*u* *u* *u* *u*	*u* *u* *u*	*u* *u* *u* *u* *u*	*u* *u* *u*	*u* *u* *u/a, e* *u* *u*
								a
u *u* *u* *u*	*u(a)* *u*	*u* *u* *u(a)* *u*	*u/a* *u* *u* *u*	*u* *u* *u*	*u(a)* *u* *u* *u*	*u(a)* *u* *u*	*(a)*	*a, e* *u* *u*
		u				*a*		*a*

4. Гласный 1-го предударного слога при Култуковском типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Позиции произношения			№ населенных						
			696	808	782	691	775	809	811
Гласный под ударением									
а			*а/е*	*е/а*	*а(и)*	*а(и)*	*а*	*а*	*е/а*
у			*е/а*	*е(а)*	*а*	*а*	*а*	*а*	*е*
и			*а(е)*	*а/е*	*а*	*а*	*а*	*а/е(и)*	*а/е, $е^{а}$ ($е^{и}$, и)*
о	Происхождение *ô*	Морфема употребления		$е^{а}$, *а*	*а*		*а*	*а*	
	ъ	а				*а*			*а*
		б				*а*			
	е, ь	1	*а*	*е*	*а*		*а*		
		2	*а*	*а(е)*	*а*	*а/и*	*а(и)*	*а*	*а(е)*
		3	*а*	*е/а*	*а*	*а*	*а*	*а(и)*	*а/е*
		4	*а/е*	*е/а*	*а*	*а/и*	*а*	*а*	*е(и)*
		5			*а*				
е	*е, ь*	1	*и*	*и*	*и*	*и*		*и*	*и*
		1а	*и*	*и*	*и*		*и*	*и*	*и*
		2	*и*	*и*	*и*	*и*			*и*
		3							
		4	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		5		*и*		*а*			
	ѐ	1	*и*	*и*	*и*	*а*	*и*	*и*	*и*
		2			*и*	*и*	*и*		*и*
		2а	*и*		*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		4	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*
		5		*и*	*и*	*и*			*и*

пунктов ЮТ

800	797	792	682	778	692	586	583	779
e^a, e/a(u)	a/e^a,a^e(u)	e, e^a/a	a(e, e^a, ä)	a/e(u)	a/e	e(u)	e^a,ä, e/a(u)	u/a
a/e, ä	a	a/e	a	a/e/u	a/e	u/ä, a, e	a/e^a, a	a/u
a/e , e^a, ä	a	e/a	a(e)	a/e	a/e	u/e, ь, e^a	a/ä, e	a/u
e/a	a	e^a, a		a/e	a			u
e/e^a	a			a^e	a		ь	u
	a			a, a^e	a		u	u
		e/a				u		
a/e, e^a, ä	a(u)	a(e)	a	a(e)/u	a/e	u/ä, e	e, a, ä, u	u/a
e/e^a, ä(u)	a(u)	e/a(u)	a(e^a, e, u)	e,e^a,a(u)	e/a	u/a, ä, e	e, ä, u	u(a)
ä	a(e, u)	e/u	a	u/a, e	u(a, e)	u(ä)	u	u
						e	a	
u(e)	u		(e)	u	u	u	u	u
u	u	u	u	u	u(e)		u	u
u		u	u	u	u	u, u^e	u(e)	u
			u(a)			u		
u	u	u	u	u	u	u	u	u(a)
u(a)	u	u	u(e)	u(e, a)	a(e, u)	u(a)	u(e)	u
u	u		u	u(e)	u, a	u	u	u
u	u	u	u	u	u(e)	u	u	u
u	u	u	u	u	u	u	u	u
				u, e, a	u			u

Ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, как известно, называется такая система неразличения гласных неверхнего подъема, при которой на их месте произносится *а* везде, кроме положений перед ударенными *о* и *е* после мягких согласных, где, в зависимости от типа ассимилятивно-диссимилятивного яканья, произносится [а] и не-[а]. Типы выделены в зависимости от фонетических условий — качества гласного среднего подъема [9].

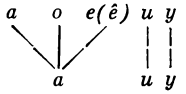
Материалы Атласа подтверждают это определение только отчасти. Если посмотреть на каждый из типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья по данным ответов на «Программу» (см. табл. 1, 2, 3, 4), то первое, что бросается в глаза, — это то, что нет «чистых» типов, как они обычно определяются в теоретических и хрестоматийных работах, т. е. нет таких типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья, которые бы не имели нарушений, отступлений от принятых для каждого типа правил. При этом кажущаяся последовательность типу частных систем отдельных говоров также не является признаком его «чистоты», потому что связана или с недостаточностью материала, или с нарушениями в таких звеньях, которые непосредственно не относятся к определению типа [10]. Сравнение системы гласных, произносимых перед ударными *о* и *е*, показывает, что произношение [а] или [и], в которых происходит совпадение гласных неверхнего подъема в современных говорах в этом положении, носит явные следы зависимости от происхождения ударенных *о* и *е* и от принадлежности к одной из пяти выделенных лексико-морфологических групп слов, но не обнаруживает живой зависимости от качества *о́*, *е́* в современной системе, поскольку в каждом типе (если брать его во всей совокупности частных систем) имеются отступления от него. При этом характер отступлений показывает, что они не случайны, так как небезразличны к категориям слов, в которых они появляются. Следовательно, эти «отступления» по сути являются не отступлениями произношения, а элементами самой системы, без которых само ее существование невозможно. Это хорошо видно при сравнении качества гласного, произносимого в разных категориях слов перед одной и той же по происхождению ударенной гласной в одном и том же типе, где повторяемость и даже типичность «нетипичного» произношения очевидна.

Чтобы ответить на вопрос о том, на основе каких закономерностей современной системы может существовать каждый из представленных типов, нужно сформулировать закон реализации гласных фонем в рассматриваемом положении.

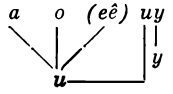
[9] Р. И. Аванесов. Очерки по русской диалектологии. М., 1949, стр. 89—100; Он же. Русский вокализм 1-го предударного слога, стр. 81—83; «Русская диалектология», стр. 53—60.

[10] См., например, данные Кидусовского типа в нас. п. 584, 790, которые свидетельствуют о тенденции произносить *и* перед всяким *о*, или данные нас. п. 690 с элементами умеренного яканья, или данные нас. п. 569 с отсутствием материала в ряде необходимых категорий. Ср. подобное в других типах.

Независимо от того, сколько гласных фонем имеется под ударением, в 1-м предударном слоге рассматриваемых систем различаются: в одних случаях — везде, кроме положения перед *'о* и *е*, — три слабые фонемы [11]: ‹у›, ‹и›, ‹а›, в других случаях — в положениях перед *'о* и *е* — только две: ‹у›, ‹и›.

В положении перед всеми ударенными гласными кроме *'о* и *е*

В положении перед ударенными *'о* и *е*

Таким образом, гласные фонемы неверхнего подъема, не различаясь между собой в 1-м предударном слоге, в большинстве позиций выступают в виде особого гласного [а], реже [ä, е] — реализатора фонем ‹а›, ‹о›, ‹е›. В позициях перед *о* и *е* гласные неверхнего подъема реализуются в гласном [и], не различаясь и совпадая с гласным [и] фонемы ‹и›. При этом гласные [а], [ä] и [е] здесь выступают в одних и тех же позициях и, следовательно, являются произносительными разновидностями гласного слабой фонемы, в которой реализуются фонемы ‹а›, ‹о›, ‹е› [12].

Вопрос, от которого зависит определение сути данной системы неразличения, заключается в том, к какому уровню относится и реализацией какой фонемы является гласный 1-го предударного слога *и*, употребляющийся на месте гласных неверхнего подъема.

Если звук [и] является позиционным вариантом слабой фонемы ‹а›, условия употребления которого исключают произношение [а] в позиции перед *о* и *е*, тогда [а—и] представляют звуки одной слабой фонемы, которая является реализатором гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, но которая, в зависимости от фонетической позиции, выступает то в виде [а], то в виде [и]. В данном толковании наличие гласного *и* следует относить к фонетике, а систему звуков [а—и] на месте гласных неверхнего подъема считать позиционно обусловленной. Исходя из этого, типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья нужно рассматривать как результат действия фонетической зависимости, при которой качество предударного гласного определяется качеством ударенного гласного. Однако закономерность появления гласного *и* перед ударенными *о* и *е*, которая обнаруживает закрепленность его появления не только в зависимости от фонетической позиции, но и от характера морфемы его употребления, свидетельствует о том, что не фонетические закономерности, действующие в современных говорах, являются тому при-

[11] Понятия фонологической системы излагаются по Р. И. Аванесову («Фонетика русского литературного языка». М., 1956).

[12] Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры, стр. 151. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М., 1949.

чиной. Действительно, если посмотреть на данные таблиц, то можно заметить, что имеются говоры, в которых трудно квалифицировать тип — Новоселковский или Ореховский, Новоселковский или Кидусовский, Кидусовский или Култуковский — из-за наличия перед *о* и *е* из *е*, *ь* и *е* из *ѣ* гласных [и] и [а, е] в определенных словах и словоформах, для каждого типа закономерных. Так, например, очень устойчиво произношение [и] в корнях слов с неподвижным ударением на *о* и *е* в соответствии с типом яканья, т. е. при Новоселковском типе — в положениях перед *о* и *е* из *е*, *ь* (типа *б'ир'óза*, *д'ир'éвн'а* и под.[13]); при Кидусовском — перед *о* и *е* из *е*, *ь* и *е* из *ѣ* (типа *б'ир'óза*, *д'ир'éвн'а*, *н'ид'éл'а*, *н'ив'ёста* и под.); при Ореховском — перед *е* из *е*, *ь*,; при Култуковском — перед *е* из *е*, *ь*, *ѣ*. Но кроме этого [и] постоянно присутствует в словах этого же типа в тех системах, в которых согласно типу его не должно быть: в Новоселковском и Ореховском — перед *е* из *ѣ* и в Култуковском — перед *о* из *е*, *ь*.

Таким образом, категория слов с неподвижным ударением на корневом *о* или *е* из *е*, *ь* и *е* из *ѣ* произносится или склонна произноситься с гласным [и] [14] во всех типах яканья.

В другой категории слов, а именно в существительных I склонения дат.-предл. п. отмечается другая закономерность: последовательное произношение [а] в Новоселковском и Ореховском типах и частое наличие его в Кидусовском и Култуковском. В результате этого получаются следующие отношения: очень последовательное произношение [а] в этой категории слов в Новоселковском и Ореховском типах яканья сочетается с почти закономерным произношением [и] в словах с корневым ударенным *ѣ* в тех же системах. В типах же с другими закономерностями произношения перед *е* — Кидусовском и Култуковском, где перед *е* должно произноситься [и] согласно системе типов, оно постоянно только в словах с неподвижным ударением на корне и сочетается с произношением [а] в существительных жен. р. на *-а* дат.-предл. падежей. Закрепленность [и] или [а] перед *о* и *е*, таким образом, определяется не качеством ударенного гласного, согласно типу, а грамматической характеристикой слова с ударенными *о* или *е*. Естественно поэтому, что факты сходной грамматикализации или лексикализации в отдельных частных системах являются общими для разных типов яканья. Все это свидетельствует о том, что возможность произношения [а] и [и] на месте гласных неверхнего подъема не связана с фонетической зависимостью и не обусловлена фонетическим процессом. А это значит, что гласные *а—и* на месте гласных неверхнего подъема нельзя считать позиционными разновидностями одной слабой фонемы, поскольку *а* и *и* могут употребляться в одном и том же фонетическом положении, но в разных

[13] В Новоселковском типе возможно также произношение [а] в словах типа *дерéвня* (перед *е* из *е*, *ь*) при условии, что и перед *е* из *ѣ* в говоре произносится только [а]. См. нас. пункты 571, 562.

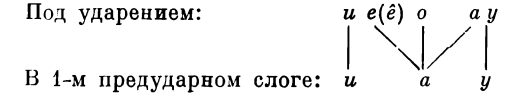
[14] Та же закономерность отмечена В. Д. Бондалетовым (указ. соч., стр. 63).

категориях слов, что и исключает их позиционную приуроченность.

Если с этой точки зрения посмотреть на наличие гласных *а—и* перед ударенными *о* и *е*, представленное в разных типах, то со всей несомненностью можно утверждать, что в них звук [и] является реализатором фонемы ‹и›, и слова и формы, в которых он появляется на месте гласных неверхнего подъема, нужно рассматривать как имеющие фонему ‹и› в качестве особенностей звуковой оболочки слов диалекта (*н'‹и›вéста*, *н'‹и›дéл'а*, *д‹и›рéвн'а*, *б‹и›р'óза* и под.) или грамматического чередования (типа *н‹а›сý — н‹и›с'éш*).

Что же при этом представляет из себя система предударного вокализма, называемая ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, и ее типы?

По фонологической системе этот вид яканья представляет систему, подобную сильному яканью. По сути фонологические системы говоров с сильным яканьем и с ассимилятивно-диссимилятивным одинаковы, так как в той и другой системах существуют одни и те же позиционно обусловленные чередования гласных ударенного и предударного слога.

Отличия говоров, имеющих сильное яканье и яканье ассимилятивно-диссимилятивное, состоит в чередованиях нефонетических: в говорах с сильным яканьем ударенным ‹е›, ‹о›, ‹а› всегда соответствует предударное [а], а в говорах с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем ударенным ‹е›, ‹о›, ‹а› могут соответствовать не только предударный [а], но, в определенных грамматических формах, предударная ‹и›. Кроме того, в говорах с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем имеются слова с фонемой ‹и› в предударном слоге на месте этимологических *е*, *ѐ*, *а*, такие как *б'‹и›р'óза*, *т'‹и›п'ép'*, *д'‹и›р'éвн'а* и др., тогда как в говорах с сильным яканьем они хотя и возможны (ср. *м'‹и›н'á*, *кр'‹и›с'йáн'е* и др.), но единичны.

Из этого следует, что те системы, которые называются разными типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья, с синхронной точки зрения также представляют одну фонологическую систему, но с разными закономерностями в характере грамматического чередования фонем и с разным фонемным составом одних и тех же слов.

Существованию таких систем способствуют:

1. Слова с непроверяемой этимологической гласной неверхнего подъема, в которых наличие на ее месте фонемы ‹и› не нарушает систему фонологического различения трех слабых фонем в 1-м предударном слоге, где гласные [а, ä, е] соответствуют фоне-

Список упомянутых в статье нас. п. п. «Атласа русских говоров центральных областей к югу от Москвы»

№№ нас. п.	Название нас. п.	Область	Район
558	с. Домачи	Липецкая (б. Рязанская)	Лев-Толстовский
560	д. Ильинка	»	»
562	с. Ново-Ракитино	»	Лебедянский
563	с. Первомайское (б. Голожохово)	»	Лев-Толстовский
568	с. Заборово	Рязанская	Ряжский (б. Ново-деревенский)
569	с. Новое Бокино	»	Сараевский
571	с. Чурюково	Тамбовская	Старожурьевский
572	с. Поповка	»	»
574	с. Вишневое	»	»
575	д. Степанищево	»	Мичуринский
576	с. Никольское	»	»
579	с. Троицкое	Рязанская	Сараевский
583	с. Крюково	Тамбовская	Моршанский
584	с. Нижняя Ярославка	»	Ламской
586	с. Керш-Борки	»	Моршанский
596	с. Липовка	»	Пичаевский
625	с. Теплое	Липецкая (б. Рязанская)	Лебедянский
634	с. Казино	Воронежская	Водопьяновский
645	с. Отскочное	»	Дмитряшевский
647	с. Студёнки	Липецкая (б. Воронежская)	Усманский
649	с. Турмасово	Тамбовская	Мичуринский
650	с. Старо-Торбеево	»	»
652	с. Старо-Хмелевое	»	»
653	д. Старая Васильевка	»	Петровский
654	с. Никольское	»	Никифоровский
655	с. Крутое	»	Петровский
659	д. Рязанка	»	Мордовский
673	с. Верхне-Спасское	»	Рассказовский
680	с. Большая Кочетовка	»	Мордовский
682	с. Каменка	»	Ржаксинский (б. Каменский)
683	д. Чернавка	»	Пичаевский (б. Бондарский)
684	д. Савлино	»	Гавриловский
685	с. Подвигаловка	»	Граждановский
686	с. Дмитриевщина	»	Рассказовский
687	д. Липяги	»	Кирсановский
688	д. Хмелинка	»	»
690	с. Богословка	»	Рассказовский
691	с. Калугино	»	Инжавинский
692	с. Карай-Пущино	»	»
696	с. Кулевча	»	Красивский
743	с. Никоново	Воронежская	Рождественско-Хавский
744	с. Архангельское	»	»
745	д. Петино	»	Гремяченский

Окончание

№№ нас. п.	Название нас.п.	Область	Район
747	д. Софьинка	Воронежская	Новоусманский
751	с. Новая Алёновка	»	Нововоронежский
757	д. Плоская Вершина	Липецкая (б. Воронежская	Добринский
773	2-я Веревка (Ниж. Каменка)	Воронежская	Таловский
774	д. Крутая	Тамбовская	Жердевский
775	д. Чикаревка	»	»
778	д. Александровка	Воронежская	Эртильский
779	д. Чихачевка	Тамбовская	Жердевский
782	с. Алексеевка	Воронежская	Алешковский
783	с. Рамонье	»	Архангельский
784	с. Дубовка	»	Грибановский
788	с. Октябрьское (б. с. Калмык)	»	Поворинский
790	с. Русаново	»	Новохоперский
792	хут. Салтынский	Волгоградская	Урюпинский
793	с. Березовка	Тамбовская	Уваровский
795	с. Чуево-Алабушка	»	»
797	д. Осиновка	Саратовская	Балашовский
798	с. Андриановка	Тамбовская	Уваровский
800	с. Ежовка	Саратовская	Балашовский
801	с. Инясево	»	»
807	с. Пчелка	Воронежская	Песковский
808	хут. Большинский	Волгоградская	Урюпинский
809	хут. Орловский	»	Ново-Николаевский
811	хут. Житини (Житеневский)	»	Николаевский
835	с. Нижний Икорец	Воронежская	Лискинский

мам неверхнего подъема. Следует учесть, что количественно таких слов в языке немного и произношение их или части из них с ‹и› в одних системах и с [а] в других не создает серьезной разницы между диалектами.

2. Наличие отдельных парадигм, где чередование фонем внутри основы является дополнительным грамматическим определителем формы. Например, чередование типа *н'‹а›сý—н'‹и›с'éш* устойчиво, поскольку глаголы этого типа лексически ограничены глаголами, имеющими в 1-ом предударном слоге этимологические гласные неверхнего подъема (не считая приставочных глаголов, типа *придтú*, *прийтú*), что создает четко выделенную группу слов с одной и той парадигмой словоизменения и меной гласных фонем основы. (Подобное чередование согласных фонем в глаголах типа *печь*: *пе‹к›ý—пе‹ч›éшь* имеет чисто грамматическое значение).

3. Наличие разнообразных словообразовательных моделей, имеющих чередование фонем в разных формах словообразования, типа *д'‹é›н'ги — д'‹и›н'жóнок*, *хр'‹е›ст — хр'‹и›стéц*, *д'‹é›ти — д'‹и›т'óнок* и др. (Подобное чередование фонем при

словообразовании широко известно. Ср. *с'‹о›л — с'‹é›л'ский, п'е‹к›лá — п'е‹ч›бный* и под.).

4. Наличие таких парадигм склонения существительных ж. р. (III скл.), в основе которых предударная фонема ‹и› одной словоформы чередуется с ударенной фонемой ‹е› или ‹а› всех других форм ед. ч., типа *в с'т'‹и›п'é — ст‹е›п', в гр'‹и›з'é — гр'‹а›з'*.

Возможны и другие типы чередования разных фонем на месте (этимологически) вариантов одной фонемы.

Там же, где грамматические формы слова, его словоизменительные парадигмы и словообразовательные модели не способствуют сохранению (в виде добавочного грамматического средства) чередования фонем основы, там, где этот вид грамматикализации излишен и труден для запоминания, там происходит уподобление предударной гласной по общераспространенному образцу произношения основы морфемы, в результате чего чередование фонем в основе утрачивается. Так, независимо от «типа» ассимилятивно-диссимилятивного яканья в основах существительных ж. р. на *а* дат.-предл. п. произносится *а*, которое произносится в основе большинства форм парадигмы: *с'‹а›стрá, с'‹а›стрóй, с'‹а›стрý — с'‹а›стрé*.

Также имеется *а* или *и* независимо от качества ударенной гласной в предлогах и отрицательных частицах, где лексикализация или грамматикализация невозможны.

Т. Ю. СТРОГАНОВА

О ХАРАКТЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ НЕВЕРХНЕГО ПОДЪЕМА В 1-М ПРЕДУДАРНОМ СЛОГЕ ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ В ГОВОРАХ С ДИССИМИЛЯТИВНЫМ АКАНЬЕМ

1.0. Хорошо известно, что обращение к лингвистической географии позволяет нередко вскрыть возможности нетрадиционной трактовки уже известных языковых фактов, обнаружить новые стороны их структуры на фоне сочетания с такими звеньями системы, которые на первый взгляд не имеют к данным фактам прямого отношения.

Задача предлагаемой статьи — ввести в обращение некоторый малоизвестный широкому кругу исследователей материал по пред-

ударному вокализму после твердых согласных в говорах, характеризующихся диссимилятивным аканьем.

1.1. Как известно, в говорах с диссимилятивным аканьем, включая говоры не только русского, но и белорусского языка [1], в предударной позиции, условно называемой «не *а*», т. е. перед [а] под ударением, отмечаются различные варианты гласных звуков. Многие из этих вариантов встречаются в сосуществовании друг с другом в одном и том же говоре и даже в речи одного лица в одной и той же речевой ситуации. Выделяются и ареалы преимущественного распространения того или иного из отмеченных звучаний.

Заметим, что традиционное обозначение гласного, звучащего в 1-м предударном слоге после твердого согласного при ударенном [а] в говорах с диссимилятивным аканьем, знаком ъ далеко не всегда в записях собирателей является единственным и даже преобладающим обозначением. Употребление этого знака как «символа» трансформации предударного гласного в зависимости от подъема гласного под ударением явно не всегда могло удовлетворить даже массового собирателя материала. Наблюдатель сталкивался часто с таким звучанием предударного гласного, которое не получало адекватного отражения в знаке ъ. Этот знак не передавал всего разнообразия оттенков, отличающихся друг от друга не только степенью подъема, но и наличием — отсутствием лабиализации и большей или меньшей отодвинутостью к заднему ряду. «Неудовлетворительность» знака ъ ощущалась также часто очевидно в связи с тем, что он принят в нашей транскрипции для обозначения гласного 2-й ступени редукции, т. е. более краткого, чем гласный в слоге непосредственно перед ударяемым. Вместе с тем никакой «большей краткости» по сравнению с длительностью других гласных в предударном слоге [2] не замечалось. В результате во многих записях встречаются, чаще наряду с ъ, обозначения: *ы̆*, *ъ̏*, *ă*, *ɑ*, *ä*, *ӑ*, *ъ°*, *ў* и т. п.

На прилагаемой к статье карте 1 показано различное звучание гласного при ударенном [á], зафиксированное в материалах, собранных для «Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы» (далее — V), «Атласа русских говоров центральных областей к югу от Москвы» (далее — ЮА) и «Диалектологического атласа белорусского языка» (далее — БА).

Все разнообразие зафиксированных в позиции «не *а*» оттенков звуков в процессе картографирования было сведено к ряду звукотипов, получивших отражение в знаках на карте. Это *ы*, *э*, *о*, *у*, *а*, *ъ* [3].

Карта составлена по так называемому принципу «отмечено».

---

[1] См.: «Дыялікталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карта № 1.

[2] См.: С. С. Высотский. О звуковой структуре слова в русских говорах. — В сб.: «Исследования по русской диалектологии». М., 1973, стр. 37.

[3] В каждом случае при установлении звукотипа проводилось обобщение семантически близких обозначений. Так, например, как *а* картографирован [ɑ], [аъ], [ъа]; как *ы* — [ыъ], [ъы]; и т. п.

Это означает, что на карте отражается только характер диалектного варианта произношения при сосуществовании его в системе с вариантом недиалектного произношения, которое как бы вынесено за скобки и на карте не показано.

На карте видно, что вариант звука, обозначаемый в материалах знаком ъ, хотя и отмечается практически на всей территории диссимилятивного аканья, имеет, однако, компактный ареал исключительного распространения на восточной половине территории, т. е. там, где диссимилятивное аканье представлено непоследовательно, в сосуществовании с системой аканья недиссимилятивного. В полосе же, непосредственно граничащей с территорией аканья недиссимилятивного, этот вариант сосуществует с вариантами, отражающими понижение подъема предударного гласного ([ъ^{а}], [ă], [ɑ], [а^{ъ}], [а]).

2.1. На территории, занятой говорами с последовательно представленной системой диссимилятивного аканья (это преимущественно западная половина территории русского атласа с продолжением на территории Белоруссии) вариант ъ встречается лишь как сосуществующий с другими оттенками гласного: [ъ°], [о], [ъ^{у}], [у], [ъ^{ы}], [ы] и зачастую не является среди них преобладающим. Там же отмечен в нескольких населенных пунктах вариант [э] (*вэдá*, *трэвá*) [4].

В виде значительных сплошных ареалов здесь представлено произношение звука [ы] как основного варианта. На карте выделены ареалы говоров, в которых звучание [ы] отмечено более чем в половине всех приведенных примеров или как единственный услышанный собирателем вариант звучания в диссимилирующей позиции.

Характерно, что в тех же говорах отмечается, как правило, система жиздринского диссимилятивного яканья после мягких согласных со звуком [и] при ударенном [á] [5]. Расхождения незначительны. Так, на территории БА [ы] перед [а] преобладает в 85 нас. п., а в 67 из них зафиксирована последовательная система жиздринского яканья, еще в трех — жиздринское яканье в сосуществовании с витебским и в семи — в сосуществовании с сильным яканьем (в остальных — в сосуществовании с невыясненной системой диссимилятивного яканья).

Особенно заметно сгущение ареалов звучания [ы] в диссимилирующей позиции к северо-западу и юго-западу от Смоленска (с продолжением на территории белорусского языка). В северо-западном направлении наблюдается вкрапление населенных пунк-

---

[4] Имеем в виду, кроме ЮА—10, также и материалы, приводимые в диссертации А. Б. Пеньковского «Фонетика говоров западной Брянщины» (Владимир, 1966, машинопись, стр. 116) и им лично собранные.

[5] На возможности генерализации звучания [ы] после твердых согласных под влиянием системы жиздринского яканья указывал А. Б. Пеньковский в упомянутой выше диссертации.

тов с преобладанием варианта [ъ] в районе Витебска [6] с дальнейшим сгущением преобладания варианта [ы] к западу и югу от города. В юго-западном направлении от Смоленска к Могилеву говоры с [ы] занимают значительную территорию, вплоть до самых границ с недиссимилятивным аканьем на территории белорусского языка. Этот самый значительный по территории ареал с [ы] в диссимилирующей позиции совпадает с самым крупным ареалом последовательно представленной системы диссимилятивного аканья без каких-либо, даже единичных отклонений.

Таким образом, диссимилятивный вокализм после твердых согласных с вариантом [ы] перед ударенным [á] типичен для западных говоров русского языка и северо-восточных говоров белорусского языка. Для этого ареала характерно также наличие параллелизма в вокализме после твердых и после мягких согласных перед ударенным [à]: [ы] — после твердых согласных, [и] — после мягких (*выдá, вадóй, вадé, вады́. . .; нислá, н'асý, н'аслú. . .*).

В отношении системы диссимилятивного аканья с вариантом [э] можно сказать очень мало. По картографированным материалам он отмечен последовательно лишь в ЮА—10 на границе с белорусским языком (в белорусских материалах не отмечается). Яканье в этом говоре жиздринское с единичными примерами [е] при ударенном [á]. Кроме того, вариант [э] отмечен А. Б. Пеньковским в нескольких говорах той же территории, им лично обследованных.

Следует также отметить, что на территории северо-восточных белорусских говоров диссимилятивное аканье с вариантом [ы] непосредственно смыкается с аканьем недиссимилятивным. На территории русского языка очень наглядно проявляется тенденция постепенного понижения подъема предударного гласного в говорах с диссимилятивным аканьем от [ы], [ъ^{ы}], [ъ], [ъ^{а}]. . . в направлении с запада на восток к территории распространения диссимилятивного аканья. Среди южнорусских говоров с различными диссимилятивными системами вокализма после мягких согласных (суджанское, щигровское, обоянское яканье) звучание [ы] как результат диссимиляции после твердых согласных не отмечается. Не отмечено звучание [ы] и в говорах с архаической системой диссимилятивного аканья.

2.2.1. Во многих работах, посвященных диссимилятивному вокализму, отмечается распространение в диссимилирующей позиции гласных звуков, характеризующихся одновременно с повышением подъема также то большей, то меньшей степенью лабиализации. Проведенное картографирование не только подтверждает этот факт, но со всей очевидностью показывает, что между диссимилятивным характером предударного вокализма и наличием лабиализованного гласного в позиции «не *а*» существует строгий

[6] Заметим, что в этом же районе отмечается ареал распространения витебского (или, по русской терминологии, мосальского) типа диссимилятивного яканья.

территориальный параллелизм, что на всей территории диссимилятивного аканья распространено звучание лабиализованного гласного [у] (или [о]) в соответствии этимологическим *о—а* в позиции первого предударного слога и многих звуков переходного характера ([ъ°], [ъ^{у}]. . .).

Выделяются две категории случаев звучания лабиализованного гласного: а) лабиализованный гласный отмечается только в позиции перед ударенным [а] и б) не только перед [а], но реже и перед другими ударенными гласными. При этом преобладающее число случаев лабиализации составляют примеры, в которых само звуковое окружение предударного гласного может способствовать его лабиализации: таково соседство губных согласных, задненёбных и [л], а также наличие гласного *у* в предшествующем слоге (см. карту 2).

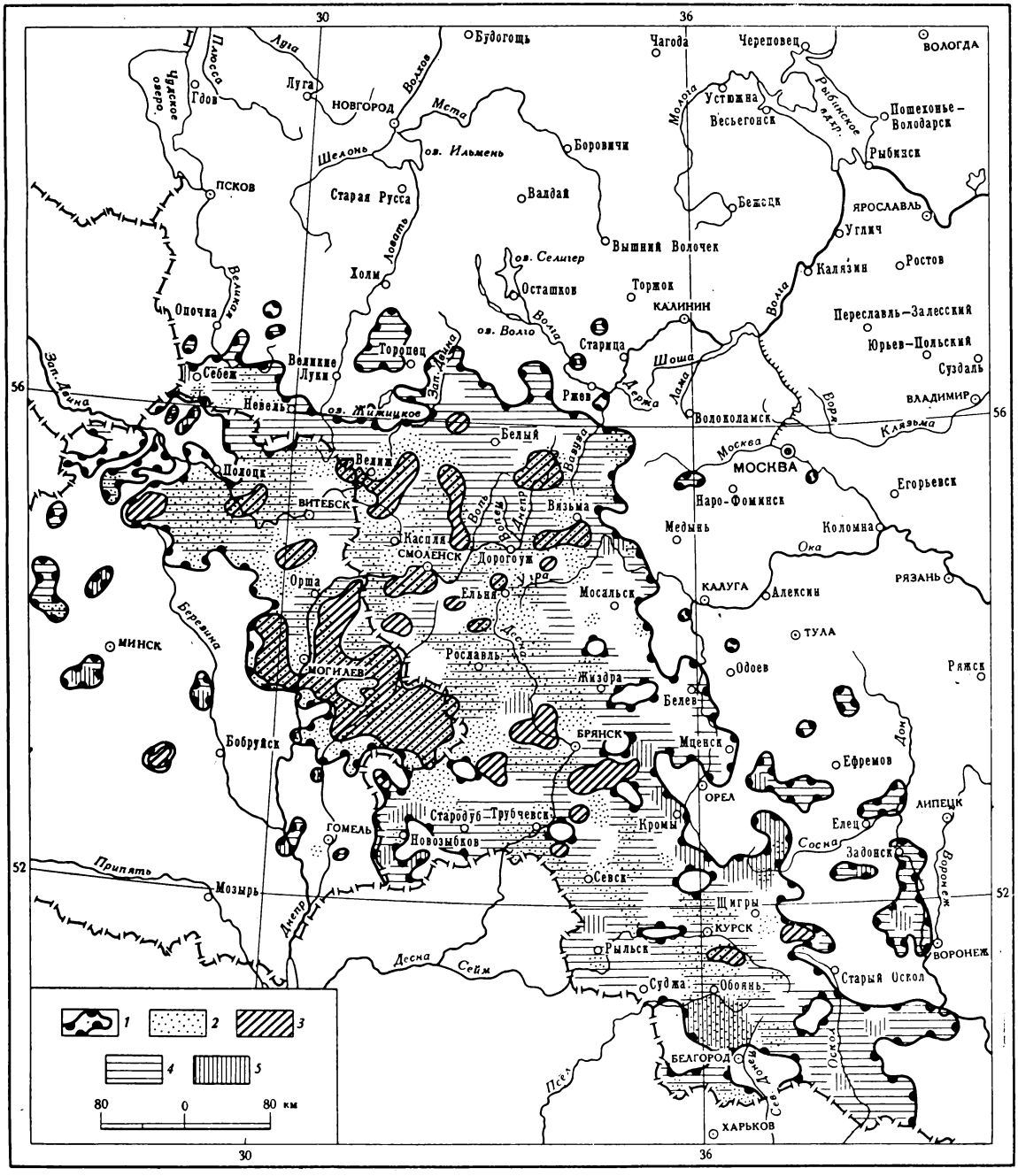
Обращает на себя внимание как общее совпадение изоглоссы лабиализации предударного гласного с изоглоссой диссимилятивного аканья [7], так и сгущение населенных пунктов с отражением лабиализованных оттенков гласных в зоне наиболее последовательного распространения диссимилятивного аканья. Ослабление подобного сосуществования наблюдается на территории ЮА, где можно заметить одновременно увеличение количества населенных пунктов без каких-либо следов отражения лабиализованных оттенков гласного.

Кроме того, при сопоставлении обеих этих карт друг с другом ясно видно, что на территории последовательного (с минимумом отступлений) распространения системы диссимилятивного аканья преобладает лабиализованный оттенок гласного верхнего образования [у], [ы^{у}], [у^{ъ}] [8], тогда как на территории менее последовательного распространения диссимилятивного аканья (ЮА) преобладающим вариантом лабиализованного гласного является гласный среднего подъема [о], [ъ°], [о^{ъ}]. Можно заметить, что ареалы лабиализованного звучания на этой территории группируются преимущественно вблизи восточной границы диссимилятивного аканья, т. е. там, где, с одной стороны, начинается территория аканья недиссимилятивного, а с другой — отмечены вкрапления говоров с наиболее архаичными системами предударного вокализма в целом (архаическое аканье, обоянское или задонское яканье).

2.2.2. Исследователи диссимилятивного аканья, начиная с О. Брока, сходятся в том мнении, что характер гласного, обозначаемого ъ, может значительно изменяться в зависимости от качества окружающих звуков. Брок так описывает артикуляцию ъ ивонинского говора: «Средоточием можем (ср. 5) считать артикуля-

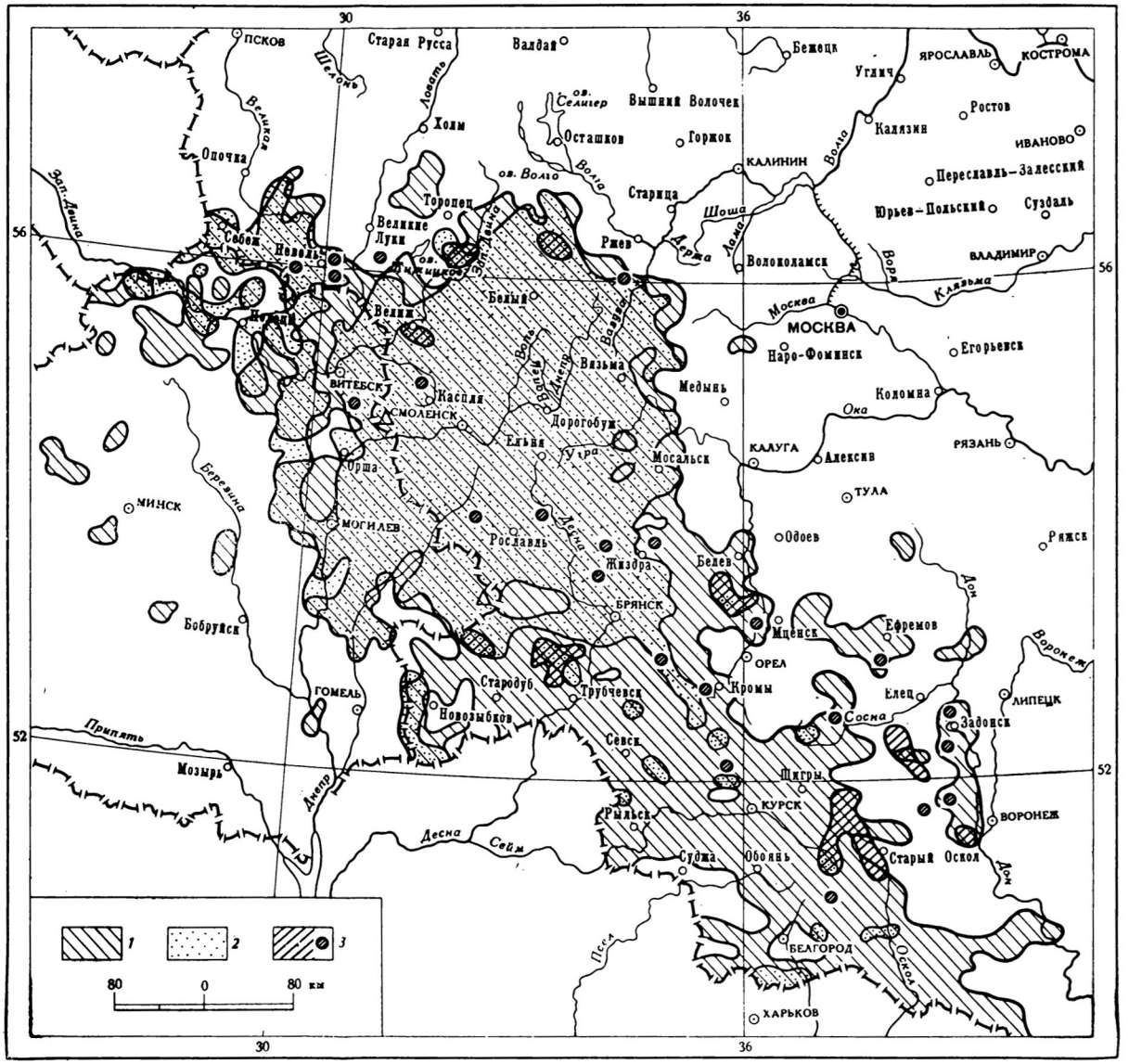
[7] О подобном совпадении изоглосс на территории белорусского языка см.: Н. Т. Войтович. Безударный вокализм народных говоров Белоруссии. Автореф. докт. дисс. Минск, 1966, стр. 7.

[8] Напомним, что здесь же отмечены и ареалы преобладания гласного [ы] в диссимилирующей позиции.

Карта 1. Предударный гласный после твердого согласного (в соответствии гласным неверхнего подъема) в говорах с диссимилятивным аканьем

1 — отмечено диссимилятивное аканье;
2 — система последовательного диссимилятивного аканья без отклонений;
3 — гласный [ы] в позиции «не а» представлен в исключительном или преимущественном распространении.
4 — гласный [ъ] в позиции «не а» — в исключительном или преимущественном распространении;
5 — гласный [аъ], [ɑ]... в позиции «не а» — в исключительном или преимущественном распространении

Карта 2. Лабиализация гласного в первом предударном слоге после твердого согласного (в соответствии гласным неверхнего подъема) в говорах с диссимилятивным аканьем

1 — отмечено диссимилятивное аканье; *2* — отмечен лабиализованный гласный [у] в соответствии гласным неверхнего подъема; *3* — отмечен лабиализованный гласный [о] в тех же условиях

цию заднего ряда, с высоким, но опущенным и явственно ненапряженным положением языка, ср. приблизительно разокругленное u нем. Hund, русск. «тут», и «ум», часто же положение языка опускается до высоты средней, особенно между губными (напр. второе ъ sъmъwar), ср. прибл. разокругленное *о*, — но с другой стороны может также притягиваться окружающими звуками сильно вперед в образование уже среднего ряда («ъ», примеры ниже)» и далее: «Из определения артикуляции ъ следует, что округление губ переделывает его в гласный характера *и* или *о*. Легкое же сдвижение заднего языка вниз изменяет его в *ɑ* — *а*» [9].

Подобная «неустойчивость» артикуляции [ъ] подчеркивается и в работах современных исследователей диссимилятивного аканья. У А. Б. Пеньковского читаем: «Возникающий как результат диссимиляции «не *а*» гласный представляет собой весьма неустойчивый артикуляторно и нечеткий в акустическом отношении редуцированный гласный звук, который благодаря своей неустойчивости легко смещается и по подъему и по ряду, легко приобретает дополнительные артикуляции (например, лабиальную), отзываясь на ближайшее фонетическое окружение, и показывает mutatis mutandis каким образом возникла пестрая мозаика соответствий общеславянским ъ, ь, наблюдаемая в различных славянских языках и диалектах» (указ. соч., стр. 106). У Н. Т. Войтович (указ. соч., стр. 7): «Редуцированный на месте "о„,"а„ весьма легко может изменяться в (у). . . Изоглосса появления (у) на месте "о„, "а„ совпадает в основном с изоглоссой диссимилятивного аканья».

Рассмотрим подробнее материал с лабиализованным гласным с точки зрения того, как он корреспондирует с возможностью изменения ъ > *у* при наличии лабиализирующих условий. Для примера проанализируем материал карты, составленной О. Н. Мораховской для «Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы» [10], так как эта территория характеризуется наиболее крупными ареалами сплошного распространения диссимилятивного аканья.

Как уже говорилось, явление это распространено почти исключительно в говорах с диссимилятивным аканьем: из 279 нас. п., в которых отмечена лабиализация гласных, только в 16 она сочетается с системой недиссимилятивного аканья (причем в говорах, расположенных непосредственно вблизи границы диссимилятивного аканья). Из этих 16 в 5 нас. п. лабиализованный гласный от-

---

[9] О. Брок. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, стр. 5, 19, 21. См. также: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, стр. 69—70.

[10] См. карту № 2 «Лабиализация гласных на месте этимологических *о*, *а* в первом предударном слоге после исконно твердых согласных в акающих говорах». См. также карту № 2 «Лабиализация гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после твердых согласных» в «Атласе русских говоров центральных областей к югу от Москвы» (автор Т. Ю. Строганова).

мечен не только при ударенном [а], но и при других ударенных гласных. Из говоров с диссимилятивным аканьем только в двух (V — 21 и 743) лабиализованный гласный отмечен при ударенных «не *а*». Из дополнительных условий центральное место занимает соседство с губными, задненёбными согласными и с [л] (174 нас. п.), а если прибавить еще и те населенные пункты, в которых кроме соседства с указанными согласными имеются также случаи лабиализации предударного гласного при наличии гласного [у] во втором предударном слоге (*хутурá*, *гусукá*, *рукувá*. . .), то это количество возрастет до 217 нас. п. Следует сказать, что одно только наличие гласного [у] во втором предударном слоге вызывает лабиализацию предударного гласного очень редко; населенных пунктов с соответствующим знаком всего четыре на рассматриваемой карте (V — 41, 507, 706, 713). Кроме того, в трех нас. п. (V — 386, 510, 569) звучание лабиализованного гласного отмечено только в глагольном суффиксе -ова- (*таргувáт*'. . .), а при сочетании трех условий (лабиализирующий согласный, гласный [у] во 2-м слоге и *-ова* → *-ува-*) — еще в 10 нас. п. Таким образом, наличие гласного [у] во втором предударном слоге само по себе практически не оказывает лабиализирующего воздействия на гласный предударного слога, если в слове не содержится дополнительных условий для повышения лабиализации гласных.

Для территории наиболее последовательной системы диссимилятивного аканья (юго-западная часть территории «Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы») наиболее распространенным вариантом лабиализованного гласного является звучание гласного верхнего подъема — [у]. Вот некоторые примеры: V — 127 *пълумáла*, *увужáт*', *ръзhувáривъла*, *пукáт'ьн'къйа*, *спруўл'ál; hън'áйут*, *мъйá*, *пъръс'áтъм*, *hъвър'áт*, *hръзá*, *хвърáла*, *свъйák*, *бъháтъй*, *пъ мхáм*, *пър'áдък*, *хъз'áин*, *нъhá*, *съмá*, *лъпáтъчкъй*. . .; 132 *пумáзът*', *пупáшъ*, *пув'áскъ*, *пубáбъм*, *пубáливът*', *рукувá*, *злумáй*, *пупáл*, *стуγувáт*', *пу прáвилу*, *нъ хутурá*, *мумáша*; *съмъткáный*, *късá*, *съхá*, *въдá*, *нърá*, *скъвъръдá*, *бърънá*, *нъ хутърáх бъл'шáйь*, *плъхáйъ*; 153 *нъпупráўку*, *пумáзът*', *лупáть*, *лумáли*, *пув'áскъ*, *пувáрит'ц'*, *лупáтъм*, *схувáлси*, *пум'áлис*', *пумáзът*', *пупáлъс*', *бърнувáли*, *пуплáчим*, *рукувá*, *мумáшъ*; *плъхáйа*, *въдá*, *бъл'шáйъ*, *нъγá*, *астръвá*, *асъкá*, *бъръдá*, *дъмáшний*, *късáр*', *въйнá*. . .; 297 *застуγувáли*, *тыргувáў*, *аштрыхувáли*, *увул'н'áйу*, *атпруўл'áла*, *слумáў*: *хыз'áин*, *пышлá*, *брысáит*, *дышлá*, *выдá*, *кыл'áна*, *събáчка*, *стыйáт*', *свыйá*, *быráн*, *быráнка*, *зъráза*, *скызáла*, *скъзáў*, *трывá*, *дъвáл*, *γъдáт*; 307 (приводим далее для краткости только примеры с лабиализованным гласным) *пълумáлис'а*, *пумáзи*, *зърубл'áим*, *кувáл*', *пъмуγáут*', *пупáре*, *схувáт*', *пужáлъста*, *схувáўси*, *пумуγáт*', *пупráў*; 316 *лумáт*', *кръвувáтъйа*, *скувáли*, *нъвубráнца*, *спрувл'áим*, *пув'áски*, *бьс пупá*, *зубráли*, *рукувá*, *дурукá*, *γусукá*; 320 *пумуγáт*', *бърунувáт*', *хувáт*', *стъγувáт*', *абрузувáлис*', *туўстáйа*, *вуўкá*, *рукувá*, *дурукá*, *γусукá*; 325 *плухувáт*

злумáй, пу мáслу, схувáйутца, зъвирбувáўс'а, н'ь пупáли, вързувáли, пупáла, пълумáл, лупáтки, гълусувáл, пумáлкивъла, пупáрити, дувáт', рукувá; 335 *лумáлис'а, бултáла, лупáтку, купáт', крухмáл, мумáша;* 371 *пупрáвилъс', бърънувáт', лумáйтъ, хутурá, пупáшъм, дурукá;* 537 *заинтирисувáл, хувáлис', пълумáйкъ, пъ букáм, буйáтцъ, н'ъсмутр'á, пув'áскъ, буручкá, спрувл'áли, укурман'ъ, рукувá, буручкá* и многие другие материалы.

Значительно реже отмечается в материалах этой территории звучание лабиализованного гласного среднего подъема в той же позиции. Приведем полностью примеры с лабиализованным гласным из таких ответов: V — 77 *бърнъ^{y}вал, лумувáтыи, хутур'áнин, хуторá;* 79 *уполн'áйут;* 101 *пулéзла, лумáт', пупáл'цу, копáлса;* 154 *пупáли, пупáлиси, пул'áнка, схувáт', руковá;* 156 *съмувáр, с рукувáми, хоз'áйства, суковáтый;* 280 *зимувáли, пупáла, изгъътувл'áйут', ни спрувл'áитцъ, зъстувл'áит', пъ^{y}л'á, пъ^{y}хáл, ку^{o}ку^{o}вáла, нипоймáиш, собрáнийъ;* 281 *пъхувáли, пустáвит', вывурáчивъйут', пъмугáли, въ^{y}дá, гусукá, пъ^{o}мугáт', сно^{y}вáли;* 286 *съмувáр, лупáтъм, пупáла, бърнувáли, хувáйтис'а, хутурá, пувáдилис', купáлъ, л'убутá, рукувá, лускáйут', поймáй, водá,* а также *доўнó, у воўтóрник;* 300 *лъ^{y}мáл, лъ^{y}пáтъ, хувáт', схувáй, рукувá, дурукá, гусукá, пъ^{o}в'азывът';* 303 *пътълкувáли, бърънувáли, дурукá, пъ^{o}шлá, пъ^{o}пáли;* 319 *туўстáйъ, пувáшыму, пупулáм, пупул'áм, пупруўл'áтцъ, бултáтцъ, кувáл', хувáт', пъупáлъ, пуп'áт', пъ^{o}прáўдъ, hълъ^{o}вá, пъ^{o}н'áтийъ, танцъвáли;* 365 *пув'áска, слувá, зърисувáли, пупáл'цам, пумáлиў, лупáта, лумáйу, пуп'áт', схувáйу, урóдах;* 368 *лумáт', пупáла, съмувáр, лупáта, пупáлкам, винувáты, кръсовáтца;* 374 *лупáтъм'а, пупáлс'а, съмувáр, пълумáл, лумáйъм, дурукáми, бурукáми, нъ вогзáл'а, чирновáтъй, боучьства;* 388 *съмувáр, пълумáли, чьмудáн, интърьсувáлъ, скирдувáнийъ, дурукáм, лопáта, сухотá, при николáйу;* 508 *пул'áнъ, въ^{e}рбувáтцъ, пупá, пупáс'т', рукувá, дурукá, тръ^{o}вá,* а также *пушóл;* 546 *лумáли, пупáр'утца, къ^{o}пáў;* 551 *съмувáр, пупáла, тўргувáт', купáт', купáли, пупáли, нърисувáл, с рукувáми, зимовáт';* 561 *хуторá, пъмугáт', руковá;* 573 *мухутá, дъскирдувáт', лупáтъш'ка, пушлá, хуторáми, пупáла, дъ^{y}вáй, пупáша, дъбуўл'áли, буклужáны, у бурукá, с руковáми, попáла, буклужáны;* 688 *хувáт', абразувáн'йа, тuhувáтъ, хълъдно^{y}вáта;* 708 *пшлá, пожáлуста;* 709 *пупáлс'а, съ^{y}бáка, зъ^{y}хвáтим, гусукá, рукувá, дурукá, Жукъ^{o}вá, кълъ^{o}гáлъс', нъбъ^{o}зáри;* 722 *абдувл'áиш,* с *рукувáми, рукувá, прибувл'áйьм, свойá, постáр'шы, мойá, пожáлъста.*

На карте 1 не показаны единичные населенные пункты в пределах территории диссимилятивного аканья данного атласа, в которых лабиализованный оттенок гласного наблюдателями не отмечался.

2.2.3. На территории «Атласа русских говоров центральных областей к югу от Москвы» (ЮА) лабиализованные гласные в позиции «не *а*» при ударенном [á] встречаются не так последова-

тельно и вариантом лабиализованного гласного значительно чаще представлен гласный среднего подъема. ЮА — 7 *дурукá*, *хувáт'*, *нъ°чáми*; 13 *твор'áт*, *стойáт'*, *моўчáли*, *къртохв'áнный*, *съвисновáта*, *хоз'áин*, *схвовáўс'а*, *тоўстáйа*, *приволáкъйўтца*, *доўб'áт'*, *копáт'*, *сыноўл'á*, *достáт'*, *върон'áты*, *дурокá*, *бурокá*, *γътувáли*, *γlухувáта*, *роўнó*; 14 *бол'шáйа*, *копáла*, *пропáли*, *дойáрку*, *косáркай*, *косá*, *поклáли*, *пор'áдашна*, *прохаджá 'йут'*, *зимовáли*, *стойáли*, *жыдковáта*, *стойáл*, *пос'л'á*, *кол'áды*, *плод'áтца*, *γон'áйут*, *двор'áни*, *сохáми*, *постáвиц'*, *постáў*, *поγнáли*, *товáрищъ*, *пом'áли*, *пошт áр'*, *попáсвила*, *продáс'т'*, *увобрáт'*, *бойáтца*, *пом'áў*, *познáў*, *къровáт'*, *миловáн'н'а*, *моўч'áт'*, *родн'á*, *полкá*, *зимувáла*, *начувáла*, *талкувáли*; 29 *богáтъ*, *собáка*, *варовáт'*, *пъломáйу*, *дурукá*, *крухмáлу;* 32 *нърисувáли*, *муд'áры*, *пувáж* (ср. *вага*), *дъ^{у}вáй*, *рукувá*, *дурукá*, *духъ°тá*; 54 *хоз'áйству*; 56 *шлеповáйа*; 85 *зъвърбъ°вáли* 116; *звон'áт*; 147 *богáта*, *бол'áт*, *павора́*, *бойáзный*, *уроджáй*, *моўч'áт'*, *попр'áник*, *стойáў посл'á*, *двойн'áтки*, *соγлáснь*, *покрáс'ат'*, *ковáл'*, *соγнáта*, *хоз'áйствуйу*, *апос'л'а*, *войнá*, *романá*, *досáда*, *кохáла*, *прос'áн'á*, *вовн'áнки*, *разурúли*, *крухмáл*, *Сурожá*, *γлухováта*, *смурóдын'а*; 169 *γо^{э}р'áнъх*; 171 *пъбогáту*, *товáриши*; 172 *виноурáт*; 178 *пъх^{э}овáли*, *бизо^{э}бráзийа*; 191 *пъ°шлá*, *ни пупáл*; 225 *въ°йнá*, *пъ°дрáт'*, *бъ°твá*, *нъ°стáвит'*, *пъ°жáру*; 288 *таковá*; 314 *монáшка*, *комбáйн*, *постáвит'*, *зъморáйский*; 333 *бъ°твá*, *съ°бáка*, *пъ°жáру*, *роγáч'*, *л'ъсъ°вóй*, *снъ°пóм*, *бочóнък*; 337 *рукъ°вá*, *водá*, *мъ°хóтка;* 362 *мъ°йá*, *дъ°вáли*, *пъ^{у}máш;* 403 *зъдровáми*, *рожáли*, *зимовáли*, *ръзуовáривъйъ*, *постáўйки*, *хоз'áйствъ*; 406 *лъ°пáта*, *пъ°в'áзывалиса*, *лопáтка*, *моγлá*, *пов'áжут*, *постáвут*, *пожáлъста*, *пув'áзъныйи*, *побóли*, *мохóтка*, *мохóтки*, *мохóтъчка*, *дъмовóй*, *рукувá*; 415 *копáли*; 422 *выходá*; 429 *подвáлы*, *гъвор'áт'*, *сынов'йá*, *присновáт* [11]; 433 *γъвор'áт*, *порвáтъ*, *съмовáр*, *съмовáру*, *на бокý*, *говорúт*, *пъсмотрéт*; 438 *урожáй*, *продáл*, *пор'áдъшна*, *прокóрмит;* 454 *пириворáчивайут*, *котáит'*; 463 *собрáли*; 480 *мойá*, *водá*, *твойá*; 513 *войнá*; 756 *мълъ°кá*, *пръ°дáл*.

Таким образом, на южной территории русских говоров часто отмечается лабиализованный гласный только среднего подъема [о], [ъ°], что противопоставляет их говорам западнорусским и северовосточным белорусским, где этот вариант звучания встречается редко и только наряду с лабиализованным гласным верхнего подъема [у].

Кроме того, на территории ЮА: 1) лабиализованный гласный отличается часто только в единичных случаях; 2) лабиализация гласного отмечается нередко только в глагольном суффиксе *-ова-* и в адъективном суффиксе *-ов-* и *-оват-* (см. приведенный выше

[11] Примерно в этом же районе отмечено звучание лабиализованного гласного среднего подъема при ударенном [á]. См.: Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. (Введение. Вокализм). «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», 1966, т. 163. Русский язык, вып. 12, стр. 313.

материал ответа ЮА — 14, а также: 25 *гулусува́ли*, *винува́ты*, *търгува́ла;* 85 *зъвърбъ°ва́ли;* 170 *нъчува́ла*, *зимува́ла;* 218 *зъинт'ър'ьсъ°ва́ли;* 226 *узнува́т'*, *пръзнува́ли;* 547 *зимува́цъ;* 543 *вытрухува́т'*, *цалува́тць*, *празнува́ли*, *глухува́тьйа*, *сушшыствува́л;* 551 *пъпръдува́ла*, *сплутува́л* [12]; 3) в некоторых населенных пунктах отмечены примеры с лабиализованным гласным не только перед ударенным [á], но и перед другими гласными (см. ЮА — 13, 147, 236, 333, 337, 406, 433, 536, 833, 834). В населенных пунктах 42, 195, 278, 304, 306, 309, 339, 347, 442, 460, 462, 464, 466, 477, 516, 517, 528, 533, 537, 539, 542, 549 и 550 лабиализованный гласный отмечен только при ударенных «не *а*», правда, в единичных повторяющихся словах чаще всего в слове *Мухо́тка* [13], или в местоимениях *къ°го́*, *тогó* и под., причем значительно преобладают примеры с ударенными ([ó], [é] по сравнению с [ý], [ы́], [и́]. В некоторых населенных пунктах (см. 442, 462, 517, 533, 537, 833) примеры с лабиализованным гласным перед [ó] и [é] не противоречат системе диссимилятивного аканья архаического типа.

2.2.4. На всей территории, охваченной явлением лабиализации гласных, включая и территорию «Диалектологического атласа белорусского языка», отмечаются примеры с лабиализованным гласным только в словах, где он соответствует этимологическому [а]: см. ЮА — 34 *рукува́;* 39 *рукува́*, *дурука́;* 51 *дурукóм;* 73 *дурукú;* 69 *рукува́*; 82 *рукува́*; 91 *рукува́ми;* 92 *рукува́*; 171 *дурука́*; 176 *дурука́*, *рукува́*; 185 *рукува́*; 186 *рукува́*; *дурука́*, *кушука́*; 188 *дурука́*; 189 *рукува́*; 190 *рукува́*; 196 *рукува́*; *дурука́*, *бурука́* и др.; БА — 20 *крухма́л*; 33 *крухма́л*; 74 *рукува́*, *дурука́*; 78 *рукува́*; 84 *дурука́*; 92 *дурука́*; 111 *рукува́*; *дурука́*; 126 *рукува́*, *дурука́*; 265 *дурука́*; 270 *дурука́*, *гусука́*; 279 *рукува́*; 291 *дурука́*; 292 *крухма́л*, *у дурука́*; 293 *рукува́*, *гусука́*; 298 *дурука́*, *гусука́*; 315 *дурука́*; 315 *крухма́л*; 318 *крухма́л*; 328 *крухма́л*; 330 *дурука́*; *крухма́л*; 537 *крухмал*; 570 *дурука́*; 572 *дурука́*; 575 *дурука́*; 606 *дурука́*; 609 *рукува́*; 613 *дурука́*; 621 *дурука́*, *гусука́*, *крухма́л*; 622 *крухма́л;* 639 *дурука́*, *гусука́;* 645 *дува́й;* 649 *рукува́*, *дурука́*. V — 20 *рукува́*, *дурука́;* 24 *рукува́*, *дурука́*, *гусука́;* 52 *дурука́*, *рукува́*, *гусука́;* то же в нас. п. 53, 126, 145, 155 и др.

Таким образом, во всех приведенных выше материалах и во многих других (включая и территорию диссимилятивного аканья белорусского языка) лабиализация гласного отмечается именно в примерах, содержащих так называемое «лабиализирующее» окружение. Обилие подобного материала и явилось основанием для того, чтобы рассматривать, как говорилось выше, лабиализацию как явление вторичное, как изменение редуцированного гласного «неопределенной» «неустойчивой» артикуляции в благо-

---

[12] А. А. Шахматов считает возможным рассматривать подобные примеры как результат морфологической аналогии (см.: А. А. Шахматов. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров. Варшава, 1903).

[13] Этимология предударного гласного неясна.

приятных для этого условиях в гласный полного образования (см. выше стр. 45).

Вместе с тем в настоящее время уже не вызывает сомнений тот факт, что звук, обозначаемый знаком ъ при диссимилятивном аканье, лишь по традиции называют «редуцированным». Этот звук в количественном отношении, как правило, не отличается от других гласных 1-го предударного слога. Об этом свидетельствуют и экспериментальные данные, полученные в фонетической лаборатории Института русского языка АН СССР (см. указанную выше статью С. С. Высотского). Это «выводит» ъ из его «исключительного» положения по сравнению с другими вариантами гласных в диссимилирующей позиции. Кроме того, в тех же материалах можно встретить примеры, которые содержат лабиализованный гласный и не имеют ни одного из «лабиализующих» условий (кроме положения перед ударенным [á]). Таковы: V — 53 *дърукá* [14], *хъ^{у}турá;* 54 *на хътурáх, дърукá;* 124 *дърукá;* 501 *рудзáли, брусáй;* 555 *дърукá;* 563 *хытурá;* 689 *разур'áли;* ЮА — 14 *дойáрку, стойáли, стойáл, продáст, родн'á;* 43 *с ръкувáми;* 147 *уроджáй, стойáў, досáда, прос'áн'н'а;* 403 *рожáли;* 438 *урожáй, продáл;* 756 *пръ^{о}дал.*

В рассматриваемых материалах обращают на себя внимание также единичные примеры звучания в предударном положении гласных [у] и [ы] в аналогичных фонетических условиях. Так, в V — 41 отмечено: *зъпыхáл, глызáм, хутурá;* 123 *пыжáлуста, пупáў;* 145 *бызáр, бурукá;* 147 *брысáт', быуáт, мылчáл, лукáт'* (=лакать); 154 *пыймáли, пупáли, пупáлис', пул'áнка, схувáт, руковá;* 320 *выйнá, вуўкá;* 322 *мыйá, буйáтца* и др. под. ЮА — 14 *хыхлá, копáла, косá;* 32 *сыл'нá, ды^{у}вáй;* 37 *был'нáйа, пупáла;* 43 *пын'áл, лумáт', слувáр'* и др. под.

3.0. Итак, резюмируя, можно утверждать следующее:

1. Лабиализованный предударный гласный [о], [у], [ъ^{о}]. . . отмечается в акающих говорах только на территории диссимилятивного аканья и за немногими исключениями фиксируется в позиции перед ударенным [а].

На всей территории диссимилятивного аканья (в говорах как русского, так и белорусского языка) условия, при которых отмечается лабиализованный гласный, единообразны.

На всей территории диссимилятивного аканья отмечаются говоры, территориально не ограниченные и не составляющие сколько-нибудь значительных ареалов, в которых лабиализованный гласный встречается только в словах с предударным этимологическим [а]. Лексический состав этих примеров для всей территории единообразен и представлен в подавляющем большинстве случаев словами: *рукувá, дурукá, гусукá.* Эти слова важны

[14] Данный пример, хотя и содержит задненёбный [к], не может служить примером лабиализующего его воздействия на предударный гласный, так как одновременно в этом же слове отмечена делабиализация [у] во 2-м предударном слоге.

для нас как примеры, подтверждающие единство языковых переживаний на всей территории диссимилятивного аканья.

Следует заметить, что на территории ЮА, где доминирует лабиализация в виде гласного среднего подъема [о], примеры с лабиализованным гласным в соответствии с этимологическим [а] содержат только гласный [у] (см. приведенные выше данные). В некоторых ответах отмечается также распределение: [о] при соответствии этимологическому *о* и [у] при соответствии этимологическому *а*. См. ЮА — 29 *богáтъ*, *собáка*, *варовáт'*, *пъломáйу*, но: *крухмáлу*, *дурукá;* 171 *пъбогáту*, *товáриши*, но: *дурукá* [15].

2. Вся территория диссимилятивного аканья в целом может быть разделена на две части по характеру преобладающего оттенка лабиализованного гласного в позиции «не *а*».

Первая — западная часть русских говоров и северо-восточная часть белорусских говоров. Для этой территории характерно распространение гласного верхнего подъема [у] (в сочетании с гласным верхнего же подъема нелабиализованного звучания [ы]). Одновременно это — территория наиболее последовательного диссимилятивного аканья, нередко с включением в диссимилятивную модель и других безударных слогов (ср.: *В'ил'ан'тúна=Валентина* село Катынь Смоленского р-на) и распространением жиздринского (белорусского) яканья после мягкого согласного с гласным верхнего подъема [и] в позиции перед [á].

Вторая часть — юго-западные русские говоры. На этой территории преобладающим вариантом является лабиализованный гласный среднего подъема [о], иногда в сосуществовании с [у], но нередко в качестве единственного варианта лабиализованного звучания. Здесь лабиализованный гласный [о] в предударном слоге отмечается параллельно с нелабиализованным гласным более низкого подъема [ъ] или [ъ^{a}] перед ударенным [á].

3. Вопрос об исключительном влиянии звукового окружения на появление лабиализованного гласного при ударенном [а] и, следовательно, о его вторичном характере, очевидно, может быть пересмотрен:

а) Анализ примеров, приводимых в ответах на «Программу», показывает, что наиболее частотны примеры, содержащие так называемое лабиализующее фонетическое окружение. Совершенно единичны примеры, в которых в соседстве с предударным гласным не наблюдалось бы ни губного, ни задненёбного согласного, ни [л], и ни в одном из соседних слогов к тому же не было бы лабиализованного гласного [о] или [у]. Выборочный просмотр материалов по говорам с диссимилятивным аканьем, но без признаков лабиализации предударного гласного показал следующую картину: V — 390 при наличии лабиализирующих условий —

[15] На белорусской территории, кроме того, часто встречается слово *крухмáл*. На территории ЮА русского языка отмечают также: *бурукá*, *кулукá*, *кушукá*, *кубáн* (=кабан) и *сухур'á*.

20 примеров, при отсутствии — 2; соответственно: 393 — 17/1; 405 — 23/5; 535 — 18/3; 539 — 11/1; 560 — 24/3; 563 — 30/4.

б) В одних говорах одновременно с [у] при наличии лабиализирующего окружения отмечается нелабиализованный гласный также верхнего подъема [ы], на другой территории — при [о] отмечается нелабиализованный гласный среднего же подъема [ъ], что необъяснимо только под углом зрения фонетической ситуации.

в) В русском литературном языке, по данным Л. Р. Зиндера [16], самую высокую «частость» среди согласных, предшествующих предударному гласному неверхнего подъема [ʌ], имеют согласные [л] (31, 49%), [к] (29, 12%) и [в] (25, 23%). Таким образом, и в литературной речи преобладают фонетические ситуации, «способствующие лабиализации».

г) Можно отметить также неоднократно встречающиеся в материалах примеры делабиализации [у] в тех же говорах, где отмечается лабиализованный гласный в соответствии гласным неверхнего подъема при ударенном [*а*] (и также при лабиализирующем фонетическом окружении). Например, V — 124 *дъруко́ў*; 554 *крагува́йа*; 563 *хытура́*; 584 *зъбънтува́ли*; ЮА — 23 *мъхамо́р*; 43 *с ръкува́ми*, *мъхамо́р*, *бъраки́*; 91 *мыхамо́р*; 551 *пъзыр'о́к;* БА — 628 *дырука́*; 622, 627 *жырави́ны*; 624 *жъравы́ны*; 649 *карасле́п*. Легко заметить, что многие из приведенных примеров в совокупности данных двух предударных слогов обнаруживают подчиненность диссимилятивной модели оформления предударного вокализма в целом.

д) Имеются немногочисленные говоры, в которых лабиализованный гласный отмечается в качестве господствующего варианта звучания гласных неверхнего подъема в позиции «не *а*».

4. Не затрагивая в данной статье вопросов генезиса особенностей рассмотренного вокализма, обратим внимание на некоторые обстоятельства. В литературе имеются данные о возможности формирования некоторых систем вокализма северо-западных русских говоров (гдовское и полновское аканье) под влиянием взаимодействия с системой, подчинявшейся диссимилятивному принципу [17]. Имеются также данные о наличии в белорусских говорах вокализма близкого русскому вокализму гдовского типа (конковичский тип, при котором лабиализованный гласный [у] отмечается при ударных [о́] и [е́], как и при гдовском вокализме с «уканьем») [18]. Таким образом, выделяется третья часть терри-

[16] Л. Р. Зиндер. О лингвистической вероятности. — В сб.: «Вопросы статистики речи». (Материалы совещания). Л., 1958, стр. 61.

[17] См.: Т. Ю. Строганова. Предударный вокализм северо-запада Псковской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, III. М., 1962, стр. 101—111. См. также кн. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 423.

[18] См. Н. Г. Войтович. О позиционной долготе гласных и развитии аканья. — ВЯ, 1973, № 6, стр. 75.

О том, что гдовский вокализм с «уканьем» сформировался, очевидно, уже до XIV в., может свидетельствовать следующий пример. В подлинной

тории с диссимилятивным вокализмом «скрытого» типа — северо-западные русские говоры с гдовским и полновским вокализмом и наличием лабиализованного гласного в предударном слоге, стоящего в зависимости от гласного под ударением.

Северо-западные русские говоры и южная окраина русских говоров как крайние периферические говоры противопоставлены говорам «центральным» (западным русским говорам и северо-восточным белорусским). Граница этих говоров на севере, востоке и юге близка к границе Великого княжества Литовского. Это позволяет связывать время формирования особенностей вокализма, их отличающих, с временем отключения этой части населения от контактов с соседними восточнорусскими землями, а следовательно, формирование особенностей вокализма, объединяющих говоры северо-западные, западные и юго-западные, относить ко времени более раннему.

В. В. КОЛЕСОВ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЗАОНЕЖСКОГО «ЯКАНЬЯ»

Как известно, ляпанье представляет собою совмещение двух условий: понижение артикуляции предударного гласного и одновременная оттяжка на него ударения, ср. *н'ácу*, а не *н'асý* и не *н'écу*. В литературе вопроса указано, что ляпанье характерно лишь для некоторых («якающих») русских говоров Заонежья и своим происхождением обязано карельскому субстрату. Влияние субстрата в первую очередь связывают именно с оттяжкой ударения к началу слова. Однако такую оттяжку можно объяснять и иначе, исходя из последовательного развития славянской системы акцентуации в условиях иноязычного окружения. К этому вопросу следует еще вернуться. Теперь же достаточно указать основное условие акцентных оттяжек в современном заонежском произношении: в большинстве случаев они факультативны, колебание между *н'ácу* и *н'асý* допустимо в речи одного и того же информанта. Акцентные различия между якающими и неякающими говорами в настоящее время не наблюдаются, тогда как произношение в «этимологически предударных» слогах различается весьма определенно.

грамоте 1417—1421 гг. отмечено написание «Самоухново седенье». В копии той же грамоты, но XVII в. переписчик написал «Мохново сиденье» (см.: Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. МГУ, 1966 стр. 73 и 29).

Рассмотрим заонежский материал, записанный нами в 1964—1965 гг., распределяя его по позициям: гласный под ударением перед твердым согласным — гласный под ударением перед мягким согласным — безударный гласный перед твердым и перед мягким согласным.

Никаких различий в реализации /ê/ из ятя между якающими и неякающими говорами не отмечено; ср. примеры, характерные для них обоих: *б'éдны, б'éдных — б'йд'н'ен'ка — н'é б'еда, б'адá, б'адóвый; б'élыйи, б'éўк'и — б'йл'ин'кой — б'ил'áнка; б'éсы — йон б'йс'иц'а — б'ис'áтам; в'ék — в'йк'и, в'еков'йц'ны — на в'екý; в'éра — в'йр'ит'е, пров'йр'т'е — пров'ир'ál'и, в'арнá; в'ес, пов'éшоно* — (она) *в'йсит, в'йс'илас'; в'йт'ер; д'éфка — д'йф'к'е, д'йф'к'и; д'éло, д'élала, пр'ид'álоц'ка к ц'улáну — по д'алáм, д'елóф, д'ил'йц'а, д'ил'áт; поййд'ет, йиз'д'йл'и — йéхат'; йéла — йис', ййл'и*, также *с'йиш; кв'ет, роскв'áў, с кв'áтом — кв'йт'ит — кв'éт'áт, кв'етý, цв'аты; л'ес, л'áсов'ик, л'éсов'ика — в л'йс'ах, зал'йс'к'и пн'и, пол'йс'н'ик'и — в л'ис'áх, в л'асý, пбл'асу, л'аснóй* (у одного информанта из д. Падмозеро: *л'асá, в л'асáх*, но *пó л'есу*); *м'éра — см'йр'ит; зам'йс'иш хл'еп — м'ис'йла; м'éста — на м'йс'т'и, вм'йс'т'ах, пом'йс'йа н'ет — м'ис'т'éц'ко, м'астá, м'астáм'и; Он'éго — на Он'йг'е; отв'éт — отв'йт'ит; зап'él, отп'áван'йа — сп'ивáл'и, пр'ип'ав áэт, сп'авáт'; п'ест — п'йс'т'ик; р'éку — к р'йк'и, р'йч'ка — р'акá, р'екý, за р'акóй* (у информатора из д. Падмозеро: *р'акá, в р'акáх — к нашой р'йк'и — в р'êк'é*); *р'éпы — р'йп'н'ик'и; св'éту, св'éтлой — на св'йт'и, св'йт'ец', св'йц'кой — св'атлó; с'йл'и дас'ид'йм, с'ис'т'; сл'ет — посл'йд'н'ей — с'л'ид'й; см'ех, см'éшно — см'ийýц'е; зас'éйала, пос'éвы — с'ййут'; с'éно — с'йн'ц'е — с'анц'á; стр'élка — п'ер'естр'йл'ен — стр'алá; с'етка — к с'ét'ам — с'ит'éй; с'áрушк'и — с'йр'ены сн'йц'к'и, с'йр'ен'кой; хл'еп, хл'éбы — на хл'йб'и, хл'йб'ины — хл'абá; зач'йп'им — на ц'епý; ч'елов'éк — ч'елов'йч'йа.*

Рассматривая списки примеров, обнаруживаем зависимость корневого гласного от характера последующего согласного: *ê* > *и* перед мягким согласным, *ê* > *'е* или *'а* перед твердым согласным. При этом подударный *'а* из *ê* возможен, как правило, при оттянутом ударении, ср. *л'áсов'ик, с'áрушк'и* — специфически диалектные слова (ʻлесникʼ и ʻспичкиʼ), хорошо показывающие, что перед нами лексикализация ляпанья, уходящего из современного говора. В тех случаях, когда ударение не переносится к началу слова (в приставочных образованиях), такое же произношение отражено и в слоге с исконным ударением, ср. *пр'ид'áлоц'ка, роскв'áў.*

Наоборот, в безударном положении различные фонетические варианты *'а* (записаны как *'а, 'æ, 'ä* и под.) довольно распространены на месте сочетания et из ѣt. Таким образом, позиционно *'а* и *'е* находятся в дополнительном распределении и взаимно друг друга заменяют. Сам факт колебания между ними может объясняться не столько их диалектным различием, сколько фонологи-

ческой системой наблюдателя, для которого *'е* и *'ä* «похожи». Некоторые корневые морфемы вообще не варьируют с позицией последующего твердого согласного или имеют минимальное количество словоформ с твердым согласным после *ê*; в таких корнях лексикализуется произношение с гласным *и*, ср.: *вр'и́м'о*, *по-в'ин'ц'а́йуц̑'е*, *в'ис'т'*, *в'ис'т'е́й*, *гр'и́йут*, *обогр'и́ц̑'а*, *д'и́т'и*, *д'и́т'ма*, *д'и́т'ей*, *з д'ит'а́мы*, *д'и́т'ам*, *д'ит'е́й* (слово *детка* не отмечено, хотя, может быть, это и случайность), *зв'ир'*, *з'в'и́р'и*, *опкл'и́йил'и*, *опкл'и́йу*, *ф кл'ийу́*, *л'и́ц'ат*, *л'и́ц'ен'йе*, *л'ę̂ц'и́л'и* (слова *лекарь* в говоре нет), *м'едв'и́т*, *м'едв'е́д'и*, *по м'из'о́нку* 'мизинец', *м'и́с'ац'*, *п'и́с'н'а*, *п'и́с'ен'*, *н'е см'и́й*, *см'ит'*, *с'и́в'ер*, *на с'и́в'ер'е*, *с'и́н'и*, *на с'и́н'ах*, *с'и́м'а*, *с'и́м'ана*, *ф т'ин'и́*. В других случаях в морфологически изолированной позиции перед мягким согласным также фиксируется последовательное изменение *ê* > *и*, ср. *побур'и́йе*, *в'ес'ел'и́йе*, *з'л'и́йе*, *пос'ер'и́йе*, *см'ел'и́йе*, *стар'и́йе* и т. д.; *бол'и́л'и*, *жал'и́йут'*, *посп'и́л'и*, *т'ер'п'и́л'и* и др. (ср., наоборот, перед твердым согласным произношение *уц'ę̂л'а́ў дом* 'уцелел').

Другой ряд корней в этих говорах, по-видимому, имеет для корневого *ê* только позицию перед твердым согласным. Для них произношение с *'æ*, *'ä* независимо от ударения оказывается настолько обычным, что обобщается в качестве нормального, ср.: *б'а́жы*, *б'а́жым*, *б'а́гут* — *уб'аж ы́м*, *б'ажа́ла*, *проб'ажа́т*,' *б'еж ы́*; *в'а́ха*, *в'а́хы*, *в'е́шк'и* — *в'ахá*, *по в'еха́м*; *з гн'а́зда* — *гн'аздó*; *гр'а́хоў*, *гр'е́х* — *гр'аш ы́ц̑'а*; *зв'а́зда*, *зв'е́зды*, *зв'а́здоц'к'и*; *кр'а́пыш*; *л'е́том*, *л'е́тной* — *ф твойих л'ата́х*; *изм'ан'и́ла* как редкое исключение; *м'аша́ла*, *м'аша́ў*, *см'аша́лос'*; *м'а́шек* — *м'ашóк*, *м'ешк'и́*, *н'е́ м'ашек*; *н'ама́йа*; *пр'а́сной хл'еп*; *с п'а́ску* — *с п'аску́*, *п'асóч'к'и*, *п'асóк*; *п'а́тух*, *п'а́тун* — *п'ет ы́н* — *п'атуха́ дал'и*; *р'а́зун трава*, *обр'е́жут*; *р'а́шена корова* (от *рѣшить*); *к ст'е́нк'и* — *ст'ана́*; *как гром р'а́скн'ет* (от *трѣснет*); *хл'ав ýшк'и*, *ф хл'ев ý*. Эти корни ни в каких случаях не отражают изменения *ê* в *и*.

Основным здесь оказывается распределение между *и* и «не *и*» на месте *ê*; разница же между *'е* и *'ä* несущественна, хотя собственно диалектная лексика и наиболее архаичные формы (и особенно при оттянутом ударении) консервируют произношение с *'а* (не с *'е*). Уже из этого можно сделать вывод, что */ê/*=*'а* в позиции перед твердым согласным для данного говора является более древним, чем */ê/*=*'е*.

Многие другие примеры подтверждают функциональную важность твердости или мягкости последующего согласного в изменениях *ê*.

С одной стороны, перед твердым согласным возможно также изменение *и* > *'е* и даже лексикализация такого произношения в случае отсутствия чередования последующих t/t', ср.: *в'éхр'и*, *в'ехр'*, *п'éрок* и *п'ерóк*, *п'éроги*, *оно отв'éсло*, *воп'éла*, *росс'ер'д'éлас'* и др. С другой стороны, сочетание *е* с последующим мягким согласным почти последовательно дает произношение с *и*, ср.:

б'ер'и́с'т'аный бурак и *б'ер'е́ста*, *дв'ир'*, *к дв'и́р'ам*, *у дв'и́р'ах*, *дв'и́р'ц'и*, *д'в'и́с'т'и*, *д'и́в'ер'*, *д'ин'*, *д'и́н'ок*, *д'и́н'г'и*, *по д'ер'и́вн'и*, *К'им'*, ‘Кемь’, *кл'и́в'ер*, *на кон'и́ц'*, *кон'и́ц'но*, *коп'и́йец'ку*, *л'и́с'н'иц'а*, *мал'и́н'ко*, *м'ил'* ‘мель’, *м'и́л'н'иц'а*, *пом'и́н'ше*, *м'и́л'ен'к'и окун'и* ‘меленькие’, *йон молод'и́ц'* *п'и́ч''ку*, *пост'и́л'*, *фпр'и́д'^до нас*, *с'и́м'еро*, *скр'и́б'ен'*, *сп'и́р'ва*, *с'л'ис'т'*, *т'ис'* ‘тесть’ (ср. *т'е́шч'а*), *ушыб'и́с'а* ‘ушибешься’, *шч'ил'*, *шч'и́л'йа*, ср. также как *гл'и́д'а*, где *и* из *'е*, восходящего к *'а* (*глядя*). Последний пример, так же как и постоянная подударность указанных замен, доказывает их вторичность по отношению к изменениям ятя, т. е. по отношению к *êt'* > *it'* и *êt* > *'at*.

Постоянная зависимость от ударения проявляется еще в одном типе изменения: *е* > *о* перед твердым согласным в якающем говоре возможно только под ударением, ср.: *на б'ер'о́к* — *б'е́р'ак*, *б'е́р'агом*, *у б'ер'ашка́*, *б'ер'аго́ф*; *б'е́р'ет*, *назб'е́р'ано* — *зб'а́раў*, *б'а́рут* — *одб'ара́йут*, *б'ару́т*; *с в'ос*, *пр'ив'о́с* — *ув'е́з'ены*, *пр'ив'е́з'ено*, *св'е́з'е* — *пр'ив'азла́*; *пров'о́л*, *в'о́дут*, *в'а́дут*, *в'а́ст'и* — *зав'е́д'еш* — *в'еду́*; *в'о́сны*, *в'о́сну*, *в'о́сной*, *в'а́сна* — *в'асна́*, *в'асно́й*, *в'есно́й*; *завл'о́к* — *пр'ивл'ака́ў*, *вл'акла́*, *завл'ака́ў*; *гр'оп*, *угол'йи гр'а́б'ем* — *гр'е́б'ет*, *гр'е́бл'и* — *заграб'и́*; *дал'о́ко* — *дал'ако́* (у одного и того же информанта), ср. еще *дал'око́* и *дал'ӕко́*; *д'о́ржыт*, *сод'о́ржыц'а*, *д'о́ржат*, *зад'о́ршка*, *д'а́ржы*, *н'е зад'а́ржывайса* — *д'аржа́ла*, *д'аржу́*, *под'аржы́*; *наз'о́му* — *з'е́м'ел'* — *з'амл'а́*; *кол'о́са* — *кол'асо́*; *л'о́хко* — *л'ахко́*; *пол'о́т* — *л'е́т'ит* — *нал'ата́л'и*; *л'ӕта́йут'*; *л'о́гла*, *л'а́гла*, *л'а́жыт* — *прол'ажа́ла*, *л'ажа́т*, *л'агла́*, *л'ӕжа́т*, *пол'ӕжы́м*; *м'о́ртва*, *см'о́ртна* — *пом'арла́*, *у́м'ар*, *ум'ерла́*; *н'ос*, *н'о́сут'*, *н'а́су*, *с'н'а́сла* — *н'е́с'т'и* — *ч''орт по́н'ес*; *н'о́кот'*, *с н'а́кт'ем*; *п'ел'о́нка* — *п'ел'ана́*; *поп'о́рло* — *оп'е́р'с'а*; *пч''оў'* — *пч''ела́*, *пч'ала́*; *р'о́бра* — *два р'абра́*; *св'о́кра* — *св'акро́ву*, *св'екро́ву*; *с'о́ла* — *с'ӕло́*, *два с'ала́*; *с'о́стра*, *с'о́стры*, *с'о́стру*, *от с'а́стры*, *с'а́стр'ийа* и *с'е́стр'ийа* — *с'астро́й*, *с'астр'и́ц'а*; *ст'о́кла* — *ст'акла́*; *т'о́кут'*, *т'а́к'ет*; *т'о́мно*, *т'а́мна* — *т'е́мн'ит* — *т'ӕмна́*; *т'о́пло*, *т'о́плого* — *т'апло́*, *т'епло́*; *водохл'о́бы* — *хл'ӕба́ў*, *похл'аба́ла*; *ц'орт*, *ц'а́рт'ат* — *ц'е́р'т'и*; *шч'о́ку* — *шч'ака́*.

Из сопоставлений видно, что подударные *'о* и *'а* одинаково возможны только перед твердым согласным (исключение: *в'а́с'т'и*), но *'а* при оттянутом, а *'о* — при исконном ударении. Фактически подударное и безударное *'а* в этих примерах представляют собою варианты одного и того же (безударного) *'а* в условиях неустойчивого акцента. Перед мягким согласным одинаково исключены и *'о*, и *'а*, и этот факт дополнительно связывает данные реализации /е/ друг с другом. Можно привести примеры слов, в которых по разным причинам нет перехода *е* > *о*, но одновременно с этим нет и *е* > *а*, ср.: *пов'е́р'н'еш*, *св'е́рн'ет'е* — *в'ерну́*, *в'ерн'и́*; *в'е́рт'ийа*, *в'е́рт'иш* — *в'ерт'и́ш*; *кр'е́с'т'иш*, *п'ер'екр'е́сток*, *п'ер'е́кр'есты на дорбгах* (но *кр'о́сный*, *кр'о́сна мат'*) — *кр'есну́ха*, *кр'есто́м*; *м'е́р'зн'ет*, *зам'е́рзн'ем*, *см'е́рз'л'ис'*, *зам'е́рзла* — *зам'ер-*

за́йе, омм'ерза́л'и, вы́м'ер'зн'ет; п'ék'ет, п'ék'е, п'éкла, тойе п'éкло хл'еп сажайем (также *п'áклом*) — *п'екý, п'еклó, п'екл'и́; п'ép'вый, сп'ép'ва — сп'ервá; п'éро, п'ерышко — п'ер'и́стой; т'ép'-п'ет' — т'ерп'и́т; т'éкл'и, т'ék'ет — фт'ека́ла, т'еклó*, и т. д. В ёкающих заонежских говорах соответственно этому записаны: *зав'брнуӡ'а, пов'брн'еӡ'а, зам'брзла, п'ок, ф п'бкло*, т. е. так же, как и обычные для этих говоров *н'бсла, в'бдут'* и т. д.

Наконец, /а/ после мягкого согласного в этих говорах также реализуется в зависимости от следующего согласного, но независимо от ударения, ср.: *гл'ен' на крышу, гр'ес', с'éд'еш, пр'éд'ет, сп'ет', п'ém'еро, п'ес'т'* и др.; *р'еб'и́ну, кн'ег'и́на, л'ед'и́на, д'ес'ет'и́, вод'ен'и́к, п'ет'и́*, иногда и перед твердым согласным: *пр'едýт', гр'езна́йа, в'еза́т', вод'енбй;* ср. *тр'ос — тр'а́сут'*.

В целом оказывается, что все изменения /е/ в якающем говоре происходили позднее изменений /ê/ и /а/, потому что последние связаны со старым оттянутым ударением, а /е/ — нет; вместе с тем, все изменения гласных уже связаны с качеством последующего согласного, что объединяет их не только друг с другом, но и с ёкающими говорами; в ёкающих говорах имеется отличие, показанное знаком тире в табл. 3.

t'êt' > t'it': *зал'и́с'к'и, в л'и́с'ах*
t'êt > t'et: *л'ес, в л'есý, в л'а́сý*
t'ät' > t'et': *п'ет', п'ém'и́*
t'ät > t'at: *п'а́тый, п'а́так*
но: t'et' > t'it': *д'и́с'ет'*, но *д'éс'ет'и́ — д'и́с'ет', д'ес'ет'и́*
t'et > t'ot: *в'бдра*, но *в'едрá, в'áдра — в'бдра*, род. п. *в'бдра*
t'it > t'et: *в'éхр'и, в'áхр'и*, но *в'ихр'и́ӡ'а — в'охр'*

После того, как эти типы изменения передних гласных совместились в одной системе, оказалось, что в положении перед твердым согласным после мягких согласных возможны только *'о* или *'а*. Ожидаемое в этой позиции *е* из *и* подвергается всем изменениям /е/, ср. в ёкающем произношении *ст'брат', б'ел'йо, к'ерос'ин нал'бваный* — в якающем: *рыбы гн'áлой дáла, загн'áваэт, м'áнут'* ‘минуть’, также *бр'áзга* ‘брюзга’, *об'ажáеӡ'е* ‘обижается’, и т. д. Соотношение *тр'ос — тр'а́сут'* и, с другой стороны, *с'бстры — с'áстрой* показывает, что в якающем говоре *'о* фактически вытесняет *'а* в тех слогах, которые соответствуют сильной позиции литературного языка: перед твердым согласным под общерусским ударением. Исконному типу местного говора такое изменение было чуждо. Еще и в настоящее время оно является позиционным, ср. *ст'ék'ел — ст'бкла, т'ék'ет — т'бкут', поц'бт — ф поч''ém'е, т'éшч'а, б'ер'бза — на б'ер'éз'йах, б'ер'éз'ина*. Некоторые изменения такого рода вообще дублетны, ср. *з'брна* и *з'éрна, ов'бс* и *ов'éс*. Все это указывает на то, что твердость последующего согласного для новоударного слога с /е/ — совершенно новое для говора позиционное ограничение.

Таким образом, разница между ёкающим и якающим заонежским произношением заключается не в различном происхождении

этих внутренне и генетически единых говоров, не в различном воздействии на них субстрата и вообще не в каких-то внешних причинах. С фонологической точки зрения различие между ними состоит в выборе как типичного одного из двух возможных произносительных вариантов — *'о* или *'а*. Предпочтение одного из них другому объясняется фонологической системой говора. В якающем говоре /о/ — нелабиализованный гласный среднего подъема; местное произношение иногда записывается как *граза́* — *грозо́й* — *от гра̊зы́*, даже под ударением: *гӑвор*, *лӑмот'* ('говор', 'ломоть'), тогда как /ô/ в отличие от /о/ лабиализованного гласного, всегда передается с *о* (*могут'*, *ложут'*). Внутренняя реконструкция говора, таким образом, показывает, что заонежское яканье — это результат позиционного изменения гласных, не противопоставленных признаком лабиализации. Это изменение произошло довольно поздно, потому что новое для говора противопоставление в зависимости от следующего согласного совпадает с тем, что /ê/ и /е/ перед твердым согласным ведут себя одинаково.

Носители говора разницу между двумя типами заонежского произношения воспринимают именно как вариации *'а* и *'о*. С одной стороны, *'а* на месте ятя перед твердым согласным произносится на всей территории Заонежья, хотя только у «якальщиков» это может быть связано с оттянутым ударением (*м'а́шка*, *п'а́шком*, *п'а́ска*, но *м'ешка́* и др.), тогда как у «ёкальщиков» вполне определенно слышится *м'æшка́*, *п'ашко́м* или *п'еска́*. С другой стороны, *'а* на месте /е/ возможно лишь в якающем произношении. Ср. следующие замечания представителей ёкающего говора: «По на́шому до́лб'ат *н'о́сла*, *сн'о́сла*, а в Па́б'ер'ежйи — *н'а́сла*, у нас *в'о́ла*, а там *в'а́ла*». «*В'о́дут' йу домой*, по ну́н'ешному бу́д'ет *в'еду́т'*, а *в'о́дут'* по дос'у́л'ному; так и *б'о́рут'*, *т'о́кут'*, *гр'о́бут'*, а он («якальщик») до́лб'ит *зд'е́ка бл'а́ны*. Так под'и розб'ер'йс' с нашым бра́том!».

Л. П. СМОЛЯКОВА

К ВОПРОСУ О ГЛАСНЫХ *у*, *и*, *ы* В КОНЕЧНЫХ ЗАУДАРНЫХ СЛОГАХ В РУССКИХ ГОВОРАХ РЯЗАНСКОЙ МЕЩЕРЫ И В ГОВОРЕ Д. ВАНИЛОВО [1] ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В русских говорах рязанской мещеры и в говоре д. Ванилово Воскресенского р-на Московской обл. гласные *у*, *и*, *ы* в указанной позиции претерпевают определенные изменения. То же имеет место в ряде русских говоров Волго-Камья.

В волго-камских говорах гласные *у*, *и*, *ы* в заударных конечных слогах расширяются и дают соответственно *о*, *е*: *зна́йо*, *н'е́то*; *он'и́ хо́д'от*, *во́здох*, *хло́пнол*, *погр'е́йос'*; *зъ ор'е́хъм'е*, *по-ба́б'йе*; *л'у́д'е*, *оп'о́нк'е*, *утпуска́л'е*; *йа́шшек*, *убмолб'т'ем*, *вы́л'ел*, *ма́йъл'ес'*, *ку́п'еш*, *про́с'ет*, *зв'о́зде* [2], *ломо́те н'е́т*, *ста́ре шу́бе*, *св'о́къл'нех* и т. д. (Кара-Елга, Бута, Верхнее Маврино Заинского района Татарии; Шонгуты, Кабы-Копры, Багаево, Бушанча, отчасти Ивановское в Волжско-Свияжском междуречье Татарии; Красный Яр и Вольное Сухарево Уфимского, Старое Гусево Бакалинского, Николаевка Чекмагушинского, Бордовка Кушнаренковского р-на Башкирии).

В пределах «Атласа русских народных говоров Волго-Камья» [3] имеются следующие основные группы говоров с этим явлением: небольшой, но компактный ареал в Волжско-Свияжском междуречье и в Заказанье (т. е. в наиболее древних говорах Волго-Камья); небольшой ареал в районе д. Кара-Елга Заинского района Татарии (в самой Кара-Елге и в ряде соседних деревень: в Буте, Верхнем Маврине и — несколько севернее — в Афаносове Челнинского р-на); в Башкирии, где интересующие нас говоры разбросаны в различных местах территории; в некоторых населенных пунктах крайнего юга Кировской обл.

---

[1] В настоящее время — поселок Цюрюпа. Статья написана на материале ряда поездок на юг Владимирской обл. (с 1965 по 1967 г.), в д. Ванилово Московской обл. (1965 г.) и в населенные пункты Волго-Камья (1959—1964 гг.).

[2] Как показывает диалектный материал, данное явление распространяется на все грамматические категории, что, в частности, позволяет нам приводить в числе прочих примеры в им. п. мн. ч. О фонетическом характере *-е* в подобных примерах говорит и то, что в положении под ударением мы, как правило, имеем звучание типа *пъстух'и́*, *снопы́* и под.

[3] Волго-Камский том «Диалектологического атласа русского языка» граничит с томом «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы».

Из приведенных особенностей только расширение заударного *и* в *е* было зафиксировано, описано и объяснено в русской диалектологии [4]. Переход *и* в *е* имеет место в весьма большом количестве русских говоров [5] и в виде смешения *и* и *ѣ* прослеживается по историческим памятникам приблизительно с XV в. [6] В современных русских говорах он обычно представлен совершенно единично.

Переход *и* в *е* как под ударением, так и в безударной позиции, в большинстве категорий объясняется обычно как фонетическое явление и увязывается учеными или с судьбой древнего *ѣ* [7], или с качеством соседних согласных [8]. В ряде случаев формы с *е* на месте этимологического *и* рассматриваются как результат развития по аналогии [9].

Данное явление в волго-камских говорах касается только заударной конечной позиции. В других русских говорах оно распространяется на все позиции в слове (ср. в пермских русских говорах: *два ш'ёр'йа с'ёло, пол'ев ál, в ýл'есе, крáс'ел'шшык'и*).

---

[4] Переход *у, и, ы* в *о* и *е* в одном из говоров Башкирии подробно описан (но не объяснен) в статье: З. П. Здобнова. Об одной фонетической особенности в говоре с. Вольно-Сухарево Уфимского района БАССР. «Уч. зап. Башкирского ун-та», вып. 6. Серия филол., № 5, язык и литература, 1958, стр. 23—31.

[5] Главным образом — в северновеликорусских. См.: Н. Н. Соколов. Летние экскурсии в 1908 г., 1. Поездка в Тихвинский уезд Новгородской губернии. «Труды МДК», 1910, вып. II, стр. 102—123; В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2. Пг., 1915; А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах. — В кн.: «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. СПб., 1903; Он же. О языке новгородских грамот. — В кн.: «Исследования по русскому языку». «Изв. ОРЯС», т. 1. СПб., 1885—1895.

[6] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. «Изв. II отделения АН», т. XXIV, кн. 1, стр. 195—196, 228. — Сочетание *ий* имеет особую судьбу. Оно изменилось в *ей* (*василей*), по А. А. Шахматову, в XIV—XV вв. (А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», вып. II, 1. Пг., 1915, стр. 261).

[7] В. В. Виноградов. Исследования. . ., стр. 195—196, 228, 229, 231, 232, 308—309; Н. Н. Соколов. Летние экскурсии. . ., стр. 123; А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 249, 252.

[8] О переходе *и* в *е* в соседстве с *р, л, н* см: В. В. Виноградов. Исследования. . ., стр. 234—235, 237—238, 245; М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878, стр. 11.

Более подробную сводку мнений различных ученых относительно перехода *и* в *е* в русских говорах см. в нашей статье: «Некоторые фонетические особенности русских говоров по среднему течению Камы (юго-западные районы Пермской области)». — «Труды Казанского филиала АН СССР», серия гуманитарных наук, 1959, вып. 2, стр. 310—311, 318, 324—326.

[9] В. В. Виноградов. Исследования. . ., стр. 328; М. А. Колосов. Обзор. . ., стр. 119; С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 20—21; В. И. Чернышев. Правильность и чистота. . ., стр. 252—253.

Указанное явление в волго-камских говорах представлено исключительно широко. В других говорах оно носит спорадический характер. В наших говорах явление перехода *и* в *е* сосуществует со столь же ярко и широко представленным переходом *ы* в *е* и *у* в *о*. В других русских говорах мы не имеем ничего подобного.

Учитывая специфику проявления этой черты в наших говорах, мы вряд ли можем применить к ней обычные объяснения. Таким образом, переход *и* в *е* в наших говорах лишь внешне похож на переход *и* в *е* в других говорах русского языка. В действительности мы имеем здесь дело с качественно иным явлением. И поскольку это так, мы должны рассматривать данное явление вместе с явлением расширения гласных *у* и *ы* и искать какие-то иные объяснения.

В районе Кара-Елги явление наиболее ярко представлено в самой Кара-Елге. Остановимся на истории этой деревни. Большинство ее населения в прошлом было мордовским. Сейчас Кара-Елга считается чисто русской. Население говорит, что мордва «переделалась на русских». Характерен общий взгляд на мордву как на национальность, близкую к русским, не противопоставленную русским. На русский язык переходили еще деды и прадеды современных представителей архаического слоя этой деревни. Имеются также воспоминания о мордовском прошлом Буты.

Мордва и в настоящее время живет в районах, соседних с Кара-Елгой или расположенных несколько южнее. Поездка с магнитофоном в эти мордовские села летом 1961 и 1964 гг. дала интересные сведения относительно диалектной принадлежности данных мордовских деревень и о постепенном обрусении мордвы. По свидетельству жителей этих мордовских деревень (включая в прошлом Кара-Елгу и Буту), все местное мордовское население представляет собой более или менее одновременный поток мордвы-эрзи [10], вышедший из бывшей Пензенской губернии. Язык мордовского населения этой территории в настоящее время находится на различных стадиях сближения с русским языком. Так, например, в д. Верхний (или Мордовский) Акташ Акташского р-на имеет место двуязычие. Все слои населения совершенно свободно говорят как по-мордовски, так и по-русски. Языком общения между собой является мордовский. В д. Кузайкино Ямашинского р-на по-мордовски говорят старики. Молодежь мордовского языка почти не знает. При этом даже в мордовской речи старшего поколения большое количество слов основного словарного фонда заменилось русскими словами, а соответствующие мордовские совершенно забылись. Следующий этап, очевидно, представлен

[10] В ходе работы, на основании русских диалектных данных, мы заранее предположили в Кара-Елге ассимиляцию русскими именно мордвы-эрзи, причем носителей определенных типов говоров (на *о*, *э*). Данные воспоминаний жителей мордовских деревень, полученные нами через год, и анализ диалектных особенностей их мордовской речи (с помощью специалистов-мордвинистов) подтвердили позже эти предположения.

Кара-Елгой. У жителей Верхнего Акташа сохранилось воспоминание о том, что еще в прошлом веке старшее поколение Кара-Елги знало мордовский язык и что его говор не отличался существенным образом от говора мордовского населения Верхнего Акташа и Кузайкина.

Большое количество мордвы, по данным писцовой книги [11], было в XVI в. в Свияжском уезде. А. Васильев на основании писцовой книги г. Свияжска и уезда делает вывод о жительстве в прошлом мордвы по Свияге (в районе современных Каинок). Об обрусении мордвы в бывшем Буинском уезде говорится во вводной статье XXXIX тома «Списка населенных мест Российской империи» [12].

Итак, исторические данные и воспоминания местных жителей совершенно четко указывают на наличие в прошлом мордвы в районе Кара-Елги и в районах Волжско-Свияжского междуречья и Заказанья. В конце XVIII—начале XIX в., очевидно, заселялась мордвой Башкирия [13].

На основании приведенных фактов мы имеем право обратиться в поисках природы интересующего нас явления к мордовской фонетике. В отношении звуков *у*, *и*, *ы* в позиции непервого слога мордовский язык характеризуется определенными изменениями:

1. В мокша-мордовском языке гласные *у*, *и*, *ы* не первого слога совпали в редуцированном звуке, который обозначается Д. В. Бубрихом через *ə* и легко изменяет свое качество в зависимости от качества соседних звуков.

2. В эрзя-мордовском языке (кроме незначительного числа диалектов) гласные *у*, *и*, *ы* непервого слога в определенных условиях перешли в *о*, *е*. Именно по признаку данного перехода в зависимости от тех или иных условий Д. В. Бубрихом построена классификация эрзя-мордовских диалектов, по которой они делятся на три группы: а) Простейшие. Сюда входит, во-первых, незначительное число диалектов, сохранивших старые *у*, *и*, *ы*; во-вторых, сюда относятся диалекты, в которых старые *у*, *и*, *ы* непервого слога в любых условиях перешли в *о*, *е*. б) Прогрессивно-ассимиляторные. В этих диалектах в *о*, *е* перешли гласные *у*, *и*, *ы* в середине или конце слова в том случае, если в предшествующем слоге были гласные *о* или *е*. в) Регрессивно-ассимиляторные, в которых в *о*, *е* перешли гласные *у*, *и*, *ы* в середине слова, если в последующем слоге были *о* или *е* [14].

---

[11] «Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда письма и межевания Н. В. Борисова и Д. А. Кикина (1565—1567 гг.)». Казань, 1909, стр. 94, 88—89, 98, 100—101, 104, 108—111, 122, 127—128, 130, 134—139.

[12] «Список населенных мест Российской империи», т. XXXIX. Симбирская губерния. СПб., 1863, стр. XXX.

[13] Последнее отмечается, в частности, Н. В. Ремезовым. См.: «Список населенных мест Российской империи», т. XLV. Уфимская губерния, СПб., 1877, стр. CIV.

[14] См.: Д. В. Бубрих. Мордовская система фонем. Приложение к книге «Историческая грамматика эрзянского языка». Саранск, 1953, стр. 172 и др.

При переходе на русский язык носители эрзя-мордовских диалектов с расширением конечных *у*, *и*, *ы* в *о*, *е* могли сохранить эту особенность в своей речи.

На основании наших диалектных данных мы можем утверждать, таким образом, что и в бывшем Свияжском уезде, очевидно, немалое количество мордвы было эрзей, и эта мордва лишь частично ушла [15], частично же утратила свой язык и усвоила русский, полностью слившись с русским населением.

Итак, явление расширения узких конечных гласных в рассматриваемых русских говорах мы объясняем влиянием эрзя-мордовского языкового субстрата, что можно аргументировать: 1) абсолютно доказанной сменой эрзя-мордовского языка русским в некоторых населенных пунктах Татарии с расширением узких гласных в конечных заударных слогах; 2) существованием в некоторых эрзя-мордовских говорах фонетической особенности, которая может и должна дать на русской почве явление расширения узких гласных; 3) наличием в настоящее время по соседству с Кара-Елгой и рядом других интересующих нас сел эрзя-мордовских говоров именно указанного типа; 4) возможностью существования в прошлом (по историческим данным) эрзя-мордовских говоров и на западе Татарии, где также отмечено расширение *у*, *и*, *ы* в *о*, *е* в русских говорах [16].

В говорах рязанской мещеры и в говоре д. Ванилово в соответствии с гласными *у*, *и*, *ы* в заударных конечных слогах широко представлены дифтонги *у͡о*, *и͡е*, *ы͡е* (также: *ʸо*, *ᵘе*, *ᵒ͡е* и под.): *ф це́рквʸо͡*, *зъм'ец'а́йʸо͡*, *н'а то́п'ʸо͡*, *сухо́йʸо͡*, *н'е тро́нʸо͡т*; *па мно́гʸо*, *раска́жʸо*, *н'е́тʸо*, *по́тр'ие*, *д'и͡ефк'ᵘе*, *во́спъд'ᵘе*, *за йа́гъдъм'ᵘе*, *сушы́л'и͡е*; *хва́тн'и͡ек*, *про́с'ᵘет*, *по́мн'ᵘем*, *къраю́л'ᵘеш*; *ба́бы͡е*, *ма́н'к'ин͡ᵘе*, *бъспр'изо́рн͡ᵘех* и т. д. (Сивцево, Уляхино, Астахово, Парахино, Фомино Курловского р-на Владимирской обл.; Ванилово Воскресенского р-на Московской обл.). На месте заударного *ы* конечного слога при этом более обычно звучание *е*, но изредка возможно и *ы͡е*: *шу́бы͡е* (Фомино), *н'а йе́мшы͡е* (Уляхино). Представлено в этих говорах и простое расширение узких гласных конечных заударных слогов: *н'е́то*, *по́мн'о*, *х по́йьздо*; *н'е тро́нот*; *скат'о́рк'е* (им. множ.), *снапа́м'е*, *жа́л'е*; *пра́зн'ек*, *ста́в'еш*; *газ'е́те*, *сало́ме ско́л'къ*, *та́н'к'ине*, *пасо́жъне*; *бъсталко́вех*, *у анбвех* (фамилия), *у гато́вей*.

---

[15] Ср. данные писцовой книги о «порозжих» мордовских землях («Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда. . .», стр. 66, 68).

[16] Подробнее см.: Л. П. Смолякова. Некоторые особенности мордовского субстрата в фонетике русского говора Кара-Елги. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Йошкар-Ола, 1964; Она же. Следы эрзя-мордовского субстрата в ряде русских говоров Волго-Камья. — Сб. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965.

Интересно отметить также, что к востоку от района рязанской мещеры, в соседних муромских говорах, мы находим и реликтовые следы процессов, похожих на те, результаты которых мы имеем в настоящее время в отдельных волго-камских говорах. Так, в окающих говорах владимиро-поволжского типа деревень Пестенькино, Благовещенское, Степаньково Муромского р-на и (в очень стертом виде) в Двойнове Меленковского р-на отмечены единичные случаи простого расширения узких гласных конечных заударных слогов: *мо́дне*, *сл'о́зе*, *за́п'ил'е* [17], *увод'и́ н'ев'е́сто*, *н'е́то*, *в е́ту сто́ръно*, *он'и поса́д'от* (Пестенькино); *во́н он'е кво́хч'от* (куры), *тка́не шу́бе*, *сърафа́не*, *пълуша́лк'е*, *згор'е́л'е*, *го́спъд'е* (Благовещенское); *в н'ед'е́л'о*, *н'е в'и́жо*, *из го́ръдо*, *уко́льв'е* (фамилия), *йа́гъд'е*, *дл'а ста́р'ех*, *в'ел'е́л'е*, *замо́ц'ил'ес'* (Степаньково).

Явление дифтонгизации гласных *у*, *и*, *ы* в указанной позиции описано рядом исследователей [18]. Однако удовлетворительного объяснения этого явления, по нашему мнению, пока нет. Е. Ф. Будде все дифтонги в говорах рязанской мещеры, включая и дифтонги на месте ударного *ѣ* и старого *о* под восходящим ударением, возводит к племенному диалекту древних вятичей [19]. Мы ничего не знаем о племенном диалекте древних вятичей, но ясно, что дифтонги *ӗе* и *ӧо* на месте старых *ѣ* и *о* под восходящим ударением, с одной стороны, и дифтонги на месте конечных заударных *у*, *и*, *ы* — с другой, — вещи совершенно различные по происхождению, и рассматривать их вместе, нерасчлененно, недопустимо. В этом отношении мы полностью согласны с критикой положений Е. Ф. Будде С. С. Высотским [20].

С. С. Высотский связывает возникновение дифтонгов на месте *у*, *и*, *ы* в конечных заударных слогах с интонационным фактором, с удлинением гласных конечных слогов в русских говорах рязанской мещеры. Эту мысль повторяет и развивает О. Н. Морахов-

---

[17] *е* из *и* в данной позиции в глаголах прошедшего времени отмечается также В. И. Тагуновой в д. Мочалки Никологорского р-на Владимирской обл. (В. И. Тагунова. Муромские говоры. Канд. дисс. (рукопись), стр. 233).

[18] Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт исторического исследования народного говора Касимовского уезда Рязанской губернии. Казань, 1896, стр. 37—38, 40—43, 213, 214, 326, 327 и др.; С. С. Высотский. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах. «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР», 1949, вып. VI, стр. 67; Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М.—Л., 1936, стр. 45—46; Он же. Дифтонги ваниловского говора и их синтаксическая роль. — Сб. «Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру», XLV. М.—Л., 1935, стр. 265, 266—267, 268, 269; О. Н. Морахо́вская. Говор д. Уляхино Курловского района Владимирской области. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1957, т. 7, стр. 159—219; Т. Г. Строганова. К изучению говоров междуречья Оки—Клязьмы (там же, стр. 88—158).

[19] Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. . ., стр. 214, 326, 327.

[20] С. С. Высотский. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах, стр. 84—88.

ская в своей кандидатской диссертации, связывая специфическое растяжение гласных конечных слогов с финским субстратом, поскольку подобное растяжение широко представлено в русских говорах бывших Вятской и Пермской губерний, где «русское население соприкасается с нерусскими национальными группами (марийцами и др.)» [21] Но какого бы происхождения ни было удлинение гласных конечных слогов в говорах различных типов, само по себе оно может и не вызывать дифтонгизации гласных *у*, *и*, *ы* [22].

Явное сходство явлений дифтонгизации и расширения узких гласных наводит на мысль о возможной общности их происхождения (хотя сходство само по себе, конечно, еще не доказательство, поскольку одно и то же явление может возникнуть на различных территориях в результате действия совершенно различных факторов).

Положение о заселении в прошлом земель рязанской мещеры (и в какой-то мере далее на запад) поокскими финнами, кажется, не нуждается в доказательствах. По этому вопросу существует обширная историческая и археологическая литература [23]. Общепризнанным, кажется, является и мнение о близости этих поокских финнов к мордве [24]. Историки и археологи расходятся

---

[21] О. Н. Мораховская. Говоры Мещерского края. М., 1952, стр. 396.

[22] Растяжение гласных конечных слогов свойственно очень многим говорам, принадлежащим к самым различным диалектным группам, и, очевидно, может быть самого различного происхождения. Дифтонгизация же и расширение узких гласных в названной позиции — явления сравнительно редкие.

[23] В. А. Городцов. Древнее население Рязанской губернии. «Изв. ОРЯС», 1908, т. XIII, кн. 4, стр. 134—150; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 94. М., 1961; А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965; М. Д. Малинина. Вопросы изучения материальной культуры мещеры северной части Рязанской губернии. — Сб. «Культура и быт населения центральной промышленной области». М., 1929, стр. 120—126; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961; Он же. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. «Советская археология», 1953, т. XVIII, стр. 151—189 и др.

[24] Т. И. Алексеева. Антропологический состав мещеры. Канд. дисс. М., 1964, стр. 10, 199—200; И. Д. Воронин. К вопросу о происхождении названий «буртасы», «мордва», «мещера». «Литературная Мордовия», 1958, № 15, стр. 217, 218, 226; Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. — Собр. соч. М., 1884, стр. 1 и 3; Н. П. Милонов. Топонимика как источник для изучения истории края. «Историко-краеведческий сборник», № 11. Рязань, 1953, стр. 14, 27; Л. А. Монгайт. Муром. М., 1947, стр. 5. См. также: А. И. Попов. Топонимическое изучение Восточной Европы. «Уч. зап. ЛГУ», серия востоковедческих наук, 1948, вып. 2, стр. 10; Он же. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР. «Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии», 1961, стр. 204; П. Д. Степанов. К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи. «Уч. зап. Саратовского пед. ин-та», вып. XXII, 1956, стр. 170 и др.; С. П. Толстов. К проблеме аккультурации. «Советская этнография», 1930, № 1—2, стр. 85 и др.

лишь в вопросе, к какой мордовской ветви были ближе поокские финны: к мокше [25] или к эрзе [26].

В настоящее время на исследуемой территории (мещерские и муромские говоры) имеется неполное оканье с предударным и заударным ёканьем (Муромский, Меленковский и более северные районы Владимирской обл.) и аканье (Курловский р-н Владимирской обл. То же в говоре д. Ванилово Воскресенского района Московской области). Несмотря на яркое различие этих двух диалектных систем, имеется ряд черт, одинаково присущих обеим группам говоров. Назовем наиболее интересные из них.

1. Цоканье (твердое в Курловском р-не Владимирской обл., мягкое — на остальной части территории). В курловских акающих говорах цоканье выступает повсеместно в речи всех слоев населения. В соседних окающих говорах цоканье представлено в виде отдельных островков, может сочетаться с различением *ч'* и *ц* и вообще выражено менее ярко. В говоре д. Ванилово в настоящее время цоканье представлено сравнительно слабо, но в прошлом, по свидетельству местных жителей, оно было распространено достаточно широко. Как цокающий характеризует говор д. Ванилово и Н. М. Каринский [27].

2. *l* «европейское». В отдельных говорах оно бытует более или менее широко, в других — единично.

3. Возможность гласного призвука в абсолютном конце слова в положении после согласного (чаще — в конце синтагм): *хл'ёп*^{ъ}, *кóт*^{ъ} и т. д.

4. Единичные случаи озвончения исконно-глухих в интервокальной позиции или в положении после сонорного и *j* (*нъ рабóт*^{д}*у*, *л'енд'áйка*, *апýтьный бъут'úнай*).

5. Шепелявое произношение мягких свистящих (в одних говорах оно представлено широко, в других — единично. В ряде говоров шепелявость вообще может отсутствовать).

6. Специфические явления в области узких гласных в конечных заударных слогах.

В ряде лингвистических работ убедительно доказывается, что цоканье говоров рязанской мещеры сформировалось на территории его современного бытования и восходит к финскому субстрату [28]. В цоканье, а также в шепелявом произношении согласных Т. Г. Строганова видит единственную субстратную черту

---

[25] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. «Мат-лы и исследования по археологии», № 94, 1961, стр. 157, 159.

[26] А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 115, 117; П. Д. Степанов. К вопросу о происхождении мордовских племен. . ., стр. 162, 163, 165.

[27] Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. . ., стр. 46—47.

[28] Г. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. — Сб. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.—Л., 1949, стр. 226—228; В. Н. Сидоров. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры (там же, стр. 134) и др.

современных русских говоров рязанской мещеры [29]. Как следы иноязычного влияния рассматривает цоканье и ряд других черт в говоре д. Уляхино Курловского р-на Владимирской обл. О. Н. Мораховская [30]. *l* «европейское» в русских говорах, как правило, также, очевидно, связано с финским (или угорским) влиянием. Мы предполагаем финское происхождение в русских говорах и таких черт, как гласный призвук и озвончение исконно глухих в определенных позициях [31].

Таким образом говоры, принадлежащие к совершенно различным диалектным группам, но смежные в территориальном отношении, объединяются рядом общих черт. Это само по себе не может не навести на размышления. Небезынтересно, что для всех этих черт мы — с большей или меньшей степенью вероятности — можем предположить субстратное (финское) происхождение.

Принимая во внимание все сказанное выше, считаем вполне допустимым и положение о связи специфического звучания узких гласных в современных русских говорах рязанской мещеры с фонетическими особенностями языка древних поокских финнов. Более того, данная фонетическая особенность явно перекликается с соответствующими особенностями современных эрзя-мордовских говоров на *о*, *э*. Очевидно, в языке древних поокских финнов на той стадии развития, которая была представлена в период их ассимиляции восточнославянскими (русскими) племенами, шли те же приблизительно фонетические процессы, что и в части современных эрзя-мордовских говоров.

Интересно, что в мещерских говорах О. Н. Мораховской отмечено несколько случаев с дифтонгами *у͡о*, *и͡е* в соответствии с ударными конечными *у*, *и*, *ы*. Случаи эти следующие: *зъ р'аку͡о*, *бабры͡е*, *пъстушк'и͡е* [32]. Единичные случаи подобного рода отмечались и нами [33]. Аналогичные случаи имеются в говоре д. Ванилово [34]. Говор д. Ванилово Воскресенского р-на Московской обл. вообще во многом, — в частности, в отношении специфики узких гласных конечных заударных слогов, — представляет собой как бы западный осколок языкового массива типа акающих мещерских говоров [35].

---

[29] Т. Г. Строганова. К изучению говоров междуречья Оки—Клязьмы, стр. 157.

[30] О. Н. Мораховская. Говор д. Уляхино. . ., стр. 219.

[31] Поскольку это — тема самостоятельного исследования, мы не можем останавливаться специально на данном вопросе в рамках настоящей статьи.

[32] О. Н. Мораховская. Говор д. Уляхино. . ., стр. 186.

[33] *пайду͡о* (Фомино), *снапы͡е* (Астахово), *ушл'и͡е* (Уляхино), *фс''е з''б'агл'и͡е* (Парахино).

[34] См.: Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. . ., примеры на стр. 97, 98, 99, 100, 101, 105, 106 и др.

[35] Близость говора Ванилово к мещерским (по описанию Е. Ф. Будде) отмечал и Н. М. Каринский («Дифтонги ваниловского говора и их синтаксиси-

В селе Благовещенском Муромского р-на при простом расширении *у*, *и*, *ы* в конечных заударных слогах отмечено несколько совершенно единичных случаев с переходом конечного *ы* в *е* под ударением: *посте́*, *дъпъшшоне́* (допущены), *мълоде́*, *куде́*, *с'уде́* (ср. обычное: *куды́*, *с'уды́*), *одны́*[е], *пъдушы́*[е] (духами). В последних двух примерах на месте *ы* отмечен переходный звук между *ы* и *е*. Встретился также один случай с *о*[у] из *у* в той же позиции: *тоно́*[у]*л наро́т* [36].

Исследователями отмечены отдельные случаи с *а* в соответствии с *о* из *у* в конечных заударных слогах в говорах рязанской мещеры и в говоре д. Ванилово. С. С. Высотский пишет, что *о* в составе заударного дифтонгоида может обладать в подобных говорах несколько ослабленной лабиализацией: *н'ётуо*[ъ] или *н'ётуа*[ъ]; *ан'и па́шуо*[ъ]*т* или *па́шуа*[ъ]*т*; *ан'и с'ёйуо*[ъ]*т* или *с'ёйуа*[ъ]*т*. При кратком произношении части дифтонгов оказываются мало дифференцированными или совсем «стянутыми». При этом может получиться звучание типа *н'ето*[ъ] или *н'ета*[ъ], *ан'и па́шо*[ъ]*т*, *с'ёйо*[ъ]*т* или *па́ша*[ъ]*т*, *с'ёйа*[ъ]*т*. По этому поводу С. С. Высотский замечает: «Следует иметь в виду, что к аканью это не может иметь прямого отношения, поскольку здесь деформируется фонема *у*, но фонема *о* в таком положении варьируется по обычной системе аканья» [37]. Н. М. Каринский также отмечает в говоре Ванилова случаи с произношением *ъа* в данной позиции («вероятно, под влиянием аканья» [38]). О случаях типа *вы́л'ал*, *вы́п'ал* (при: *л'и́л*, *п'и́л*) в русских говорах рязанской мещеры писал Р. И. Аванесов [39]. Впрочем, Р. И. Аванесов ставит под сомнение фонетический характер этого явления. Нам кажется, что процесс мог идти сле-

---

ческая роль». — Сб. «АН СССР — академику Н. Я. Марру», XLV. М.—Л., 1935, стр. 265). О возможности финно-угорского происхождения позднего субстратного пласта топонимики Подмосковья см.: Г. И. Ледовская. Из наблюдений над консонантизмом субстратной топонимики Подмосковья. «Вопросы топономастики». Свердловск, 1965, вып. 2, стр. 18. См. также: А. И. Попов. Основные задачи исследования угорской и самодийской топонимики СССР. «Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии». Петрозаводск, 1961, стр. 207. — Говоря о существовании в древности финно-угорских диалектов по Клязьме, А. И. Попов замечает: «Можно утверждать. . ., что наречия ныне обрусевших финно-угров, обитавших некогда в этом районе, по некоторым своим чертам приближались к мордовским языкам более, чем какой-либо из ныне существующих финно-угорских языков» (А. И. Попов. Топонимическое изучение Восточной Европы, стр. 104).

[36] Подобные случаи могут быть логично объяснены и поняты, если учесть безразличность в постановке ударения, скажем, в современном эрзя-мордовском языке (в нем ударение не несет какой-либо смыслоразличительной функции и может стоять безразлично на любом слоге слова).

[37] С. С. Высотский. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах. . ., стр. 86.

[38] Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. . ., стр. 46, сноска.

[39] Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры, стр. 171.

дующим образом: *в ы̏п'ил → в ы̏п'и͡ел → в ы̏п'ел → в ы̏п'ал* (последнее может быть закономерным на общем фоне акающего вокализма).

С аналогичным явлением мы сталкиваемся и в говорах Волго-Камья — на фоне неполного оканья: *о́тн'ал у м'ен'а́ гво́з'д'а, ташш ы̏т'е фс'о до ка́п'ел'к'а, уш мы б'ежа́л'а б'ежа́л'а* (Афанасово Челнинского р-на), *е́т'а* («эти») — Удельные Дуванеи Благовещенского р-на Башкирии. Здесь также можно предполагать варьирование «по обычной системе аканья» [40], поскольку во владимиро-поволжских говорах Волго-Камья именно такое варьирование обычно (*на́да, з д' е́лам* и т. д.). Несколько смущает только большая устойчивость в целом конечных звуков *о* и *е* (из *у, и, ы*) в заударной позиции как при неполном оканье, так и при аканье [41].

При наблюдении говоров рязанской мещеры и говора д. Ванилово возникает еще один вопрос: почему конечным заударным гласным в названных говорах соответствуют именно дифтонги, а не просто расширенные гласные, как, скажем, в говорах Волго-Камья и — в какой-то мере — в соседних с говорами рязанской мещеры муромских говорах? Очень интересно также и то, что в говорах рязанской мещеры и в говоре д. Ванилово существование дифтонгов на месте *у, и, ы* в конечных заударных слогах совпадает с дифтонгическим звучанием старого *ѣ* и *о* под восходящим ударением. Конечно, мы понимаем, что ударные дифтонги в случаях типа *хл'и̏е̏п, вару́дона* — явно восточнославянского происхождения, поскольку они отражают специфическое звучание старого *ѣ* и *о* под восходящим ударением, а дифтонги в соответствии с узкими гласными в конечных заударных слогах — явление того же порядка, что и простое расширение узких гласных в аналогичной позиции, а последнее, как мы видели, — финно-угорского происхождения.

И все же: почему дифтонгизацию узких гласных в конечных заударных слогах мы видим именно в данных говорах? Почему в других русских говорах с финно-угорским субстратом мы имеем дело с простым расширением гласных *у, и, ы*?

В основном дело, очевидно, в своеобразии соответствующего конкретного субстрата поокских финнов, может быть, в специфике

---

[40] См. сноску 37.

[41] В этой связи интересно привести следующее замечание Д. В. Бубриха по поводу «Мордовского сборника» А. А. Шахматова: «. . . в очень многих диалектах различных типов в исходе слова наблюдается движение в направлении *и → о → а, і → е → ä*. . .» («А. А. Шахматов как финно-угровед». Приложение 1. Сб. «Академик А. А. Шахматов». М.—Л., 1947, стр. 450 (выделено нами. — *Л. С.*). А в «Исторической грамматике эрзянского языка» Д. В. Бубрих, показав диалектное членение эрзя-мордовского языка, добавляет: «Нарисованная картина в некоторых диалектах различных типов осложняется тем, что заканчивающий слово гласный, соответствующий литературному *о* или *э* (литературный эрзя-мордовский язык сформировался на основе говоров на *о, э*. — *Л. С.*), испытывает изменение в сторону открытости (в конце слова вполне понятное). . . например, *куда* (вместо *куду* или *кудо*) «дом»» (Д. В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953, стр. 10).

той языковой системы, которая была присуща данному поокско-финскому языку на данной стадии его исторического развития. В то же время эта поокско-финская языковая особенность, безусловно, должна была входить в какие-то сложные, своеобразные отношения с языковыми особенностями соответствующих восточнославянских диалектов, в том числе и со спецификой произношения в этих диалектах ударных гласных на место старого *ѣ* и старого *о* под восходящим ударением.

В этой связи, может быть, стоит подумать над положением В. Финкера о том, что толчком к развитию славянских дифтонгов в соответствии со славянскими *ѣ* и *о* под восходящим ударением могли явиться финские говоры, в системе которых дифтонги занимали большое место [42].

В таком случае в период встречи финской мещеры с русскими у последних должны были сохраниться яркие различия между *ѣ* и не *ѣ*, *ô* и не *ô*. В мещерских говорах мы вообще имеем, так сказать, «царство дифтонгов»: *ӣе̂*, *ӯо̂* в соответствии с *ѣ* и *о* под восходящим ударением; *е̂ӣ*, *о̂ӯ* — в соответствии с *е* и *о* под нисходящим ударением; *ӣе̂*, *ы̄е̂*, *ӯо̂* — в соответствии с *и*, *ы*, *у* конечных заударных слогов. При этом в первых случаях ударение, а в последнем случае — растяжение гласных конечных слогов могло способствовать сохранению этих дифтонгов в дальнейшем. Финский диалект мещеры мог быть более близким (по сравнению с современными мордовскими языками) к западным финским языкам, мог иметь развитые дифтонги, *l* «европейское» и некоторые другие специфические черты. Финский говор мещеры, кстати, в любом случае должен был иметь более или менее развитую систему дифтонгов. В противном случае мы не имели бы такого легкого усвоения славянских дифтонгов (если последние чисто славянского происхождения) и развития в конечных заударных слогах дифтонгов в соответствии с простыми гласными.

И несколько слов об еще одной очень интересной закономерности, общей как русским говорам с простым расширением узких гласных в конечных заударных слогах, так и говорам рязанской мещеры и говору д. Ванилово. Интересующие нас говоры Волго-Камья — неполно-окающие. Говоры рязанской мещеры и говор д. Ванилово — акающие. Но и для тех и для других характерны отдельные, совершенно единичные случаи с отсутствием редукции в заударных конечных слогах и случаи с заударным ёканьем,

---

[42] W. Veenker. Die Frage des finnougrischen Substrats in den russischen Sprache. Bloomington, 1967, стр. 39—41.

О передаче русских *у*, *и* через прибалтийско-финское *o͡o*, *i͡e* см. также: Jako Kalima. Die slawischen Lehnwörter im ostseefinnischen. «Veröffentlichungen der Abteilung für slawische Sprache und Literaturen des Osteuropa-Instituts (slawisches Seminar) an der freien Universität Berlin», Bd. 8. Berlin, 1956, стр. 37, 39, 59, 145.

в целом не свойственные ни владимиро-поволжским говорам Волго-Камья, ни говорам с аканьем [43].

Приводим примеры: *фс'':а́к'ийо дама́, ан'и плах'и́йо, а ма́т'-тъ када́ пр'ийе́д'от?*; *Он там па́шот, пас'п'е́йом, и́шшъ мълады́йо, вы́р'ъжош, ана́ мн'е фс'о гада́-тъ ска́зывъйот, во́т л'е́з'от!* (Сивцево, Уляхино, Парахино, Астахово Курловского р-на Владимирской обл., Ванилово Воскресенского р-на Московской обл.). Случаи без редукции в заударных слогах: *прайе́д'еш, нап'и́шеш, хо́йет, изма́жеш, мало́же, в ав'и́н'е, к вало́д'е; да́й тъбар'е́ткъ-то* (с сохранением заударного *о* — там же). Во владимиро-поволжских говорах Волго-Камья: *зна́йот, бу́д'от, узна́йом, хоро́шыйо, до́брыйо, см'е́лыйо, сл'епы́йо* (Шонгуты, Кабы-Копры, Эбалаково в Волжско-Свияжском междуречье). Случаи без редукции: *в угоро́д'е по́л'ет, в го́ръд'е, лу́чше, ху́же, с'оло́-то.* Причем в Волго-Камье такое явление характерно именно т о л ь к о для говоров с переходом гласных *у, и, ы* в конечных заударных слогах в *о, е* (или же для переходных говоров, но в последних имеем не только заударное ёканье, но и еще целый ряд специфических переходных черт). Случайно ли наличие единичных случаев с заударным ёканьем как в владимиро-поволжских говорах Татарии, так и в акающих говорах рязанской мещеры и в говоре д. Ванилово? Нам думается, не случайно. И, кажется, единственное, что можно предположить, — это допущение своеобразной консервации случаев заударного ёканья при развитии в говоре редукции (описываемые говоры Волго-Камья) или редукции и аканья (говоры рязанской мещеры, д. Ванилово) [44]. Чем объясняется такая консервация — вопрос другой. Но, очевидно, влияние иного языка — в данном случае эрзя-мордовского или языка древней мещеры — каким-то образом действует на более длительное сохранение конечных заударных гласных в их первоначальном виде (в том числе и на сохранение заударного ёканья).

---

[43] О владимиро-поволжских говорах Владимирской обл. мы не говорим, так как для них вообще характерно заударное ёканье.

[44] В этом плане чрезвычайно интересным является вывод, к которому приходит А. М. Корнилаева. На основании данных русских заимствований в языке касимовских татар она выдвигает положение о том, что «в XV, а, может быть, еще в XVI в. на территории нынешних Касимовского, Елатомского, Ермишинского районов Рязанской области. . . существовали говоры севернорусского типа» («Фонетическое освоение русских слов, заимствованных касимовским говором татарского языка». — «Вопросы татарского языкознания». Казань, 1965, стр. 117—118). Разумеется, переход от оканья к аканью русских говоров, расположенных севернее (юг современной Владимирской обл.), мог совершаться еще позднее.

Г. А. ХАБУРГАЕВ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК МАТЕРИАЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

0.1. Среди исследователей русского языка долгое время господствовало убеждение, что «есть такие говоры, где сохраняется *ê*, но уже нет *ô*, и нет говоров, в которых было бы *ô* при отсутствии *ê*» [1]. Накопление диалектного материала обнаружило, что такие говоры, хотя и нечасто, встречаются (на что мне приходилось указывать [2]): в населенных пунктах, занимающих компактную территорию вокруг Курска, в речи информаторов, не обнаруживающей никаких следов *ê* (или *ûê*), зафиксировано произношение *ŷô*, фонологически уже явно не противопоставленного *о* и функционирующего в качестве варианта этой фонемы, но исторически связанного со старым *о* под восходящей интонацией [3]. Эти наблюдения совпадают с показаниями курских памятников деловой письменности начала XVII в., которые не отражают особого гласного на месте *ê* (*ѣ*) в говоре их составителей, но предлагают написания, как будто указывающие на возможность произношения *ô* (или *ŷô*) [4].

0.2. Отмеченные говоры занимают юго-восточную окраину обширной позднедревнерусской (XII—XIV вв.) [5] диалектной зоны, охватывавшей территорию северной и восточной Белоруссии, Смоленщины, Брянщины, верхней Оки и Посемья, которую, учитывая ее географическое положение в границах древней Руси, можно назвать центральной [6] и которая отражает языковые переживания периода оформления современных разновидностей аканья—яканья, связанных с диссимилятивной зависимостью глас-

---

[1] В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 205; ср.: Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. — ВЯ, 1952, № 6, стр. 30—31.

[2] См.: Г. А. Хабургаев [Рец. на кн.:] В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. «Русский язык в школе», 1965, № 2, стр. 104.

[3] См. материал: Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. (Введение. Вокализм). «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», т. 163. Русский язык, вып. 12, 1966, стр. 280 (данные об обследованных населенных пунктах см. на стр. 306).

[4] См. там же, стр. 279—281, 282—288; ср.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 28—35.

[5] См.: Г. А. Хабургаев. Периодизация истории русского языка. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», т. 278. Русский язык, вып. 17, 1970, стр. 33—34.

[6] Границы позднедревнерусских диалектных зон и их обоснование см.: Г. А. Хабургаев. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей. «Советская этнография», 1972, № 1, стр. 93—96, в частности карты 3 и 4.

ного первого предударного слога от качества ударенного гласного [7]. Такая география явления открывает интересные возможности для предположений относительно некоторых моментов истории восточнославянских говоров центральной лесной полосы в ареале домонгольских поселений [8], т. е. до XIV столетия.

0.3. Широко распространено мнение о раннем совпадении в говорах Белоруссии и Смоленщины *ê* (*ѣ*) > *е*: на основании диалектологических данных и показаний памятников письменности оно датируется XII — началом XIII в., если не ранее [9]. И это вполне соответствует распространению в местных говорах системы фонетических реализаций *а* так называемого жиздринского (или белорусского) типа, при которой ударенные *ê* и *е* (равно как *ô* и *о*) не различаются [10], и требует предположения, что на протяжении позднего древнерусского периода процесс совпадения *ê* > *е* постепенно распространялся на другие говоры зоны в восточном направлении. В пользу такого предположения можно выдвинуть ряд соображений, связанных с развитием в восточнославянских диалектах гласного средне-верхнего подъема *ô* (или *ǔô*) и его дальнейшей судьбой в связи с судьбой *ê*.

1. Развитие *ô* из старого *о* под восходящей интонацией, несомненно, обусловлено структурными причинами: оно было неизбежно в говорах, сохранявших в составе гласных фонему *ê* (или *ĭê*), не имевшую бемольного противопоставления средне-

---

[7] Современное восточнославянское аканье—яканье, с моей точки зрения, в своем развитии прошло две стадии: стадию унификации безударных гласных неверхнего подъема, которая завершается не позднее чем к XII в., и стадию различной фонетической реализации *а* (унифицированной гласной фонемы первого предударенного слога) в зависимости от качества ударенного гласного, которая в ареале разновидностей диссимилятивного аканья—якань протекала в период, обычно считающийся временем оформления аканья, т. е. в XII—XIV вв. (ср.: Г. А. Хабургаев. О фонологических условиях развития русского аканья. — ВЯ, 1965, № 6).

[8] Границы домонгольских восточнославянских поселений по историческим и археологическим данным см.: Г. А. Хабургаев. Этнический состав Древнерусского государства. . ., карты 1 и 2.

[9] См.: Р. И. Аванесов. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. — ВЯ, 1955, № 5, стр. 27—28. — Смоленские тексты указывают на отсутствие здесь особой фонемы *ê*, совпавшей с *е* до XIII в. (см.: Л. В. Усачева. Язык смоленских грамот XIII—XIV вв. (фонетика). Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 8—9; К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. (По данным исторической фонологии.) МГУ, 1968, стр. 138.

[10] Замечательно, что именно при жиздринском типе диссимилятивного яканья, охватывающем говоры большей части бывшей центральной зоны, так же как и при архаическом, наблюдается полный параллелизм в реализации *а* после твердых и мягких согласных (см.: Р. И. Аванесов. О соотношении предударного вокализма после твердых и мягких согласных в русском языке («Изв. АН СССР», серия лит-ры и языка, т. XXIX, 1970, вып. 6, стр. 475—478), что является одним из аргументов в пользу хронологического единства и первичности развития аканья—яканья в говорах очерченной выше центральной позднедревнерусской зоны, вдоль юго-восточных границ которой и располагаются говоры с архаическим типом аканья—яканья.

верхнего подъема. Такие отношения должны были сложиться в древнерусских диалектах после деназализации *ǫ*:

$$\begin{bmatrix} \hat{e} \sim \varrho \\ e \sim o \end{bmatrix}^{11} > \begin{bmatrix} \hat{e} \\ e \sim o \end{bmatrix} \text{ (ибо } \varrho > y\text{)}.$$

В этих условиях стремление к восстановлению «симметрии» в системе вокализма имело две возможности:

а) $\hat{e} > e$ или $\hat{e} > u$, следовательно, только $e \sim o$;

б) $\hat{o} < \acute{o}$, следовательно, $\hat{e} \sim \hat{o}$ и $e \sim o$.

В восточнославянских говорах, как известно, были реализованы обе возможности, а потому после завершения перехода к динамическому ударению (в ареале аканья — накануне формирования различных фонетических реализаций *а* в зависимости от качества ударенного гласного) в древнерусских диалектах сложились две системы ударенных гласных неверхнего подъема:

Система А	Система Б
	$\hat{e} \sim \hat{o}$
$e \sim o$	$e \sim o$
a_1'	a

При таких фонологических отношениях «самостоятельная» утрата $\hat{e}$ или $\hat{o}$ в говорах с системой Б, очевидно, так же невозможна, как и развитие $\hat{o}$ (или $\hat{e}$) в говорах с системой А. Иными словами, наличие в говоре $\hat{o}$ должно говорить о том, что ко времени акцентной перестройки данный диалект различал гласные фонемы $\hat{e} \sim e$, так же как длительное сохранение в говоре $\hat{e}$ (отличного от *е*) должно свидетельствовать о том, что данный диалект некогда характеризовался различием $\hat{o} \sim o$, поддерживавшим сохранение оппозиции $\hat{e} \sim e$ [12].

2. Данные историко-диалектологических исследований позволяют предполагать, что к позднему древнерусскому периоду вокалическая система Б характеризовала диалекты обеих северных зон и говоры среднего Поочья [13], а вокалическая система А (не развившая $\hat{o}$ ввиду раннего изменения $\hat{e} > e$) — западные говоры центральной зоны. Что же касается восточных говоров той же зоны, то они к началу позднего древнерусского периода, безусловно, характеризовались вокалической системой Б; и это доказывается системами фонетических реализаций *а* в говорах

---

[11] О том, как оформились эти отношения, см.: Г. А. Хабургаев. Проблемы образования и взаимодействия древнерусских диалектов. Автореф. докт. дисс. МГУ, 1972, стр. 19—21.

[12] Ср. аналогичные рассуждения: К. В. Горшкова. Указ. соч., стр. 137—138.

[13] Р. И. Аванесов считает, что ростово-суздальскому диалекту XII—XIII вв. так же было свойственно «*ê* на месте *ѣ* и *ô* (*уо*) на месте *о* под восходящим ударением», как и новгородскому и диалектам средней Оки [см.: Проблемы образования языка русской (великорусской) народности, стр. 30; ср.: К. В. Горшкова. Указ. соч., стр. 138].

ИРЯ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

Посемья и верхней Оки — не только архаического, но и щигровского и суджанского типов.

2.1. Наиболее распространенным в юго-западных великорусских говорах (исторически — восточных говорах центральной зоны) является, как известно, суджанский тип диссимилятивного яканья, который «без разрыва. . . простирается от Обояни вплоть до северной Смоленщины» [14], по существу охватывая все говоры вдоль границы леса и лесостепи — на востоке старейших славянских поселений. Характерная особенность этого типа — разная реакция *а* на ударенные *е* и *о* (которые в настоящее время произносятся как гласные среднего подъема):

Фонетическая реализация *а*	Под ударением			
'а	*и*	*ы*	*о*	*у*
'и (< *'е*? < *'ь*)[15]	*е*		*а*	

Можно заметить, что реакция *а* на ударенный *о* отражает наличие в вокалической системе *ô* в период оформления суджанского типа диссимилятивного яканья [16], в то время как реакция *а* на ударенный *е* свидетельствует, что гласного *ê* в этот период говоры, развившие суджанский тип яканья, не знали. Иными словами, основная масса восточных говоров центральной зоны в период оформления фонетических реализаций *а* «диссимилятивного» типа, т. е. до XIV в., характеризовалась системой ударенных гласных неверхнего подъема (помимо *а*) *е*, *о*, *ô*. Но коль скоро *ô* мог развиться лишь в системе, включавшей фонему *ê* (см. выше), можно утверждать, что восточные диалекты позднедревнерусской центральной зоны некогда эту фонему (*ê* или *ie͡*) имели и что утрата ее вызвана влиянием западных говоров той же зоны в период общих для них языковых переживаний.

2.2. Если изложенные предположения верны, то рефлексы или даже реликты *ê* (фонологически — противопоставления *ê*~*е*) следует искать только вдоль восточной и юго-восточной окраины ареала диссимилятивного аканья — яканья вблизи границ компактных домонгольских славянских поселений [17]. И действи-

---

[14] С. И. Котков. Говоры Орловской области. (Фонетика и морфология), Автореф. докт. дисс. М., 1952, стр. 10.

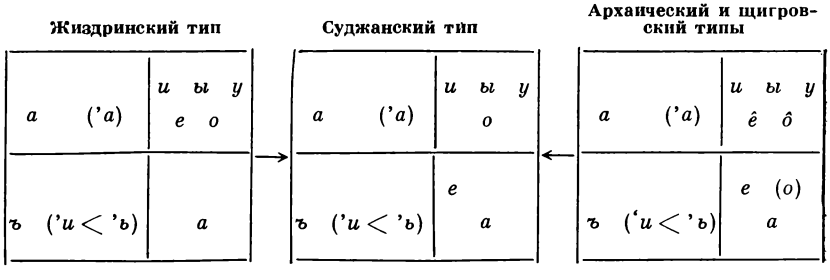
[15] См.: Г. А. Хабургаев. Заметки. . ., стр. 300—301 и далее.

[16] То, что реакция *а* на ударенный *о* различного происхождения в говорах с суджанским типом диссимилятивного яканья одинакова, легко объясняется позднейшим обобщением, ибо в словоформах, имеющих предударный слог с гласным неверхнего подъема, *о* из *ъ* или старого *о* под нисходящей интонацией в ударенном слоге встречается значительно реже, чем *о* из *ô* < *ó* (ср., например, материал в работе: Г. А. Хабургаев. Заметки. . ., стр. 292—298).

[17] Ср. наблюдения авторов монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (М., 1970), отмечающих, что «черты новго-

тельно, именно здесь сосредоточены говоры, характеризующиеся системами фонетических реализаций *а* архаического и щигровского типов, отражающими былую оппозицию *ê*∼*е* и *ô*∼*о* под ударением [18]. И именно здесь, на окраинах ареала, в отдельных калужских, воронежских (задонских и землянских), новосильских говорах в настоящее время, как известно, отмечаются реликты *ê*!

3. Если принять высказанные выше предположения (распространение разной фонетической реализации *а* в зависимости от качества ударенного гласного с востока; раннее совпадение *ê* > *е* на западе, где никогда не было фонемы *ô*, и распространение нейтрализации *ê*∼*е* с запада), то аканье—яканье жиздринского типа в западной части рассматриваемого ареала (resp. — полоцко-смоленских говорах) окажется единственно возможным: поскольку в словоформах, содержащих предударный гласный неверхнего подъема, *ê* и *ô* в ударенном слоге, как говорилось, встречаются значительно чаще, чем *е* и *о* (открытые), то местные говоры, не знавшие оппозиций *ê*∼*е* и *ô*∼*о* и усваивавшие с востока уже сложившуюся систему реализаций *а* перед разными ударенными гласными, перед *е* и *о* могли реализовать *а* только в варианте *а* (*'а*). И именно между ними и говорами, отражающими разную реакцию *а* на *ê*∼*ô* и *е*∼*о* (современные архаический и щигровский типы диссимилятивного аканья—яканья), должна находиться полоса диалектов, ко времени распространения диссимилятивного аканья—яканья, еще сохранявших *ô* (∼*о*), но уже не знавших под ударением *ê* (ср. схему в п. 2.1):

Современная география типов аканья—яканья в границах позднедревнерусской центральной зоны полностью соответствует этим предположениям.

родского диалекта древнерусского периода (иначе — северо-западной диалектной зоны. — *Г. Х.*) лучше сохраняются. . . на территории колонизации, шедшей из центральной и наиболее древней территории Новгородской земли, но отсутствуют в современных говорах этой территории» (стр. 211).

[18] То, что в современных говорах с диссимилятивным яканьем щигровского типа *а* одинаково реагирует на ударенный *о* любого происхождения, объясняется так же, как и в отношении говоров с суджанским типом (см. сноску 16).

Памяти
Петра Саввича
КУЗНЕЦОВА

С. В. БРОМЛЕЙ

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИЗНАКА «ТВЕРДОСТЬ—МЯГКОСТЬ» У ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ ФРИКАТИВНЫХ ФОНЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В истории славянских языков известны факты, свидетельствующие о том, что признак «твердость—мягкость» у заднеязычных согласных может развиваться неодинаково в зависимости от взрывного или фрикативного характера заднеязычного звука. А. М. Селищев отмечает в нижне- и восточнолужицких говорах отсутствие смягчения [х] перед гласными переднего ряда при смягченных взрывных [к] и [г] в этом положении [1]. То же отмечено им (там же, стр. 332) и П. С. Кузнецовым [2] относительно польского языка и большей части кашубских говоров.

В русском языке фрикативные заднеязычные (‹γ› и ‹х›) по признаку «твердость—мягкость» в настоящее время не отличаются от взрывных (‹г› и ‹к›). Однако следы былой неоднородности их по этому признаку все же можно найти в говорах. С фактами, свидетельствующими о расхождении в прошлом по этому признаку задненёбных ‹к› и ‹γ› (фрикативного) в ю.-р. говорах, мы столкнулись при изучении парадигм глаголов типа *пеку*, *берегу*. Кроме довольно большого числа примеров с несмягченным [γ] перед [е] глагольных флексий (т. е. типа *бере*[γэ]*шь*) обнаружено также, что в части из тех ю.-р. говоров, где во флексиях утвердилось [о], глаголы с основой на *к-* ведут себя как глаголы на парные мягкие согласные, выступая с чередованием *к*//*к'* (*пе*[ку́], *пе*[к'о́]*шь*, как *бе*[ру́], *бе*[р'о́]*шь*), тогда как глаголы с основой на *γ-* могут выступать без чередования с твердым [γ] во всей парадигме (*бере*[γ]*у*, *бере*[γ]*ошь* и т. д.). Эти факты, известные только в ю.-р. говорах (с *γ* фрикативным), свидетельствуют о том, что в период замены во флексиях [е] > [о] в глагольных парадигмах типа *пеку*, *пекешь*. . ., *береγу*, *береγешь* у ‹к› признак «твердость—мягкость» уже сформировался в качестве дифференциального, тогда как у ‹γ› он отсутствовал. Такого рода вывод хорошо согласуется с давно уже известной особенностью непереходного прогрессивного смягчения заднеязычных на ю.-р. территории — наличием такого смягчения у ‹к› и его отсутствием у ‹γ› (ср. *Вáл'к'а*, но *Ол'γа*, *чайк'ý*, но *Ол'γу*). В севернорусских говорах, где ‹г› взрывная, она по своему поведению на границе морфем

[1] А. М. Селищев. Славянское языкознание. М., 1941, стр. 240.
[2] П. С. Кузнецов. Чередования в общеславянском «языке-основе». «Вопросы славянского языкознания», 1955, вып. 1.

совпадает с ‹к› как в глаголах, так и в том круге языковых фактов, где осуществляется прогрессивное смягчение [3].

Значительно меньше данных о судьбе признака «твердость—мягкость» у глухой фрикативной — ‹х›. Исходя из принципа однородности фонологических свойств у звуков, относящихся к одному классу, — в данном случае у заднеязычных фрикативных согласных — естественно предположить, что у ‹х› этот признак развивался одновременно с тем же признаком у ‹г› фрикативного образования (‹γ›), т. е. также позже, чем у ‹к›. Однако языковых фактов, которые бы вполне очевидно демонстрировали этот параллелизм, мало. На границе морфем — т. е. в положении, где вследствие морфологизации фонетических явлений чаще всего удается обнаружить фонетические отношения, свойственные предшествующим эпохам, — все три заднеязычных выступают в именах (ср. *рука*, *нога*, *сноха*). Однако в связи с поздним характером процесса выравнивания основ в парадигмах, который длился до XVI в., а по говорам, по-видимому, и позже, чередование *г//з*, *к//ц*, *х//с*, очевидно, устранялось тогда, когда позиционная мягкость у ‹γ› и ‹х› уже была развита, поэтому следов расхождения их с ‹к› по признаку «твердость—мягкость» этот процесс в говорах не оставил [4]. В современных говорах единственным свидетельством параллелизма ‹х› и ‹γ› по интересующему нас признаку служит отсутствие смягчения [х], как и [γ], после мягких согласных в говорах, знающих прогрессивное смягчение [к] (ср. *Ол'γа*, *ол'ха́* при *Ва́л'к'а*) [5].

Размышления на эту тему и поиск фактов, которые могли бы пролить свет на время формирования признака «твердость—мягкость» у ‹х›, побудили нас обратиться к изучению роли звука [х] в заменах звука ‹ф› в ю.-р. говорах.

Ю.-р. говоры имеют длительную и сложную историю освоения фонемы /ф/. В настоящее время в них представлена весьма пестрая картина его замен, многие закономерности, отраженные

[3] Факты, свидетельствующие о позднем развитии признака «твердость—мягкость» у ‹γ›, изложены в статье: С. В. Бромлей. Еще раз о заднеязычной звонкой фрикативной фонеме в русских говорах. — В кн.: «Лингвогеография, диалектология и история языка». Кишинев, 1973.

[4] Памятники письменности дают некоторые, хотя и не достаточно определенные указания на отсутствие у заднеязычных полного параллелизма в реализации процесса устранения чередования. По данным Б. Унбегауна, чередование *к//ц* уже теряется (т. е. ‹к› уже может выступать перед гласными переднего ряда), тогда как чередование *г//з* и *х//с* (в особенности первое) проявляется достаточно последовательно: B. Unbegaun. La langue russe ou XVI-e siècle. Paris, 1935, стр. 239—240). П. Я. Черных, утверждая по данным середины XVII в. отсутствие этих чередований, отмечает в языке Уложения 1649 г. лишь четыре случая их сохранения, из которых три (в одном и том же слове) падают на ‹х›: *во дьяцѣхъ* и три раза *въ послусехъ* (П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 258, 290).

[5] См. об этом в книге: Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., 1968, стр. 40—56, который дает этим фактам другое объяснение (см. там же, стр. 93—96).

в ней, еще не раскрыты. В частности, до сих пор при изучении замен [ф] совершенно не уделялось внимания тому, есть ли разница в передаче этого звука в его твердом и мягком вариантах. На тот интереснейший факт, что [ф] в русском языке (в тех говорах, где он утвердился) усваивался в двух вариантах, обратил впервые специальное внимание П. С. Кузнецов. Он пишет, что [ф] «примкнуло к согласным, образующим фонематические пары по «твердости—мягкости». . ., т. е. на русской почве являются две новых фонемы — [f] и [f'], тогда как соответствующих различий в языках, которые посредством заимствований из них дают максимальное количество случаев с [f], не было» [6]. Безусловно, что и в диалектах, где [ф] не было, освоение этого звука в эпоху, последовавшую за падением редуцированных, когда категория твердости—мягкости получила в древнерусском языке достаточно полное развитие, должно было также проходить в двух вариантах — твердом и мягком, в последнем случае — перед гласными переднего ряда. Анализ замен [ф] в ю.-р. говорах, с точки зрения специфики передачи в них его твердых и мягких вариантов в связи с вопросом о фонологическом статусе фонемы ‹х›, и является основным предметом данной статьи. Однако выдвигая при этом иное, чем обычно принято, понимание существа процесса освоения [ф], мы неизбежно должны будем уделить достаточно внимания его характеристике.

В этом вопросе мы опираемся на новейшие фактические данные, собранные для атласа и картографированные в настоящее время для всей территории древнейшей русской колонизации. Они приводятся и подробно анализируются в статье А. К. Васильевой «Фонемы ‹ф› и ‹ф'› и их замены в русских говорах» [7].

2. Как известно, судьба заимствованных элементов определяется спецификой взаимодействующих единиц и теснейшим образом связана с закономерностями воспринимающей заимствование системы. Слова с иноязычным [ф] осваивались говорами, которые легли в основу южнорусских, в условиях такой консонантной системы, где паре губно-зубных спирантов ([в]—[ф]) других говоров соответствовал один билабиальный сонорный звук губно-губной [w], не обладающий, как и другие сонорные (в отличие от шумных), различиями по звонкости—глухости. Для глухого губно-зубного спиранта [ф] в консонантной системе этих говоров не было, таким образом, пустой клетки. Естественно поэтому, что осваиваемый звук должен был подвергаться заменам.

В условиях развитой в древнерусском языке противопоставленности шумных согласных по глухости—звонкости звук [ф] воспринимался как глухой. Именно глухость для носителей славян-

---

[6] П. С. Кузнецов. К истории фонем [f] и [f'] в русском языке. «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», t. XVIII (1966—1967). Bruxelles, 1968, стр. 257 (статья опубликована посмертно).

[7] См. настоящий сборник, стр. 91—104.

ских языковых систем осознавалась как существенный признак в характеристике звука [ф]. Об этом свидетельствует и его древнейшая передача в виде [п] (*пáрус*, *Степáн*), более развитая в белорусском языке, и его современные русские (ю.-р.) замены, а именно — звук [х] или сочетания, в которые [х] входит в качестве обязательного опорного элемента: [хв], [xw], редко [хф].

Согласно устоявшейся традиции современные ю.-р. замены [ф] выводятся из губно-губного [w]. В звуках [х], [хв], [xw], [хф] видят определенное преобразование губно-губной артикуляции при попытках приспособить ее к произношению глухого губно-зубного спиранта. Таким образом, в заменах [ф] усматривается глухое губно-губное [w] ([φ]), акустическая невыразительность которого преодолевается усилением заднеязычной артикуляции[8].

Такое объяснение механизма возникновения замен вряд ли можно считать убедительным. Губно-губное [w] как сонорный согласный не обладает категорией глухости—звонкости. Глухие разновидности этот звук может иметь в строго ограниченной позиции конца слова при следовании за согласным. В живом древнерусском языке такие звуки утрачивались или же имело место преобразование конечного сочетания в слог. Поэтому вряд ли вероятно, что губно-губная артикуляция могла использоваться в качестве базовой для замены глухого звука в сильной позиции. Как свидетельствуют факты истории русского языка и других славянских языков, сонорные звуки, к которым относится [w], хотя сами по себе не могут расцениваться ни как глухие, ни как звонкие, при замене их близкими по артикуляции шумными согласными (т е. звуками, выступающими в глухой и звонкой разновидностях) заменяются всегда именно звонкой их разновидностью. Ср. замену [w] на [в] в русском[9], [р'] на [ж] в польском и, наоборот, возможность замены сонорным звуком звонкого шумного: [j] может в определенных ситуациях являться заменой [γ'] (см. об этом ниже), но никогда не выступает в качестве замены [х']. Все это делает сомнительным предположение, что на базе артикуляции сонорного звука [w] могла быть осуществлена замена глухого шумного звука [ф][10].

---

[8] См. подобную трактовку у Р. И. Аванесова в его «Очерке русской диалектологии» (М., 1949) и в монографии В. Г. Орловой «Губные спиранты в русском языке» («Труды Ин-та русского языка», т. II. М.—Л., 1950). Оба автора по существу развивают высказывание А. М. Селищева о возможности такого процесса замен, исходя из двухфокусного характера артикуляции задненёбных согласных, см. его «Диалектологический очерк Сибири», вып. 1. Иркутск, 1921, стр. 168.

[9] Мы имеем в виду современный процесс взаимодействия говоров с [w] и говоров с [в]—[ф], при котором даже в положении перед глухими согласными [w] заменяется на [в] и, видимо, лишь позже получает способность оглушаться (см. статью А. К. Васильевой в настоящем сборнике).

[10] См. J. P o p o v i ć. Zur Substitution des fremden f im Serbokroatischen.— «Zeitschrift für slavische Philologie», 24, 1955, № 1, где также высказывается мнение о невозможности замены [ф] на базе звука [w], далекого от *ф* как в акустическом, так и артикуляционном отношении.

Кроме того, при объяснении замен [ф] на базе [w] ([φ]) речь по существу идет о создании в воспринимающей его системе новой фонемы, причем отличной по своим артикуляционным и акустическим характеристикам от заимствуемой, что само по себе, кажется, не имеет прецедентов. Считается, что такой первичной заменой был лабиализованный [х] ([$х^{w}$]) описанного выше происхождения, представлявший собой «сложную трудно расчленимую артикуляцию, второй элемент которой имеет губно-губной характер (*хф*, $х^{w}$)» [11].

Однако в современных ю.-р. говорах мы находим не особую фонему, а лишь [х] и [хв] (или [xw]), т. е. фонемы и сочетания фонем, представленные и в других русских словах. Редко, всегда наряду с этими заменами, отмечают [хф] и [хφ]; единично встречаются написания, которые можно было бы трактовать как диффузные звуки. Однако, как показывает в своей статье А. К. Васильева, все эти замены отмечаются преимущественно в полосе сосуществования уже усвоенного звука [ф] с его заменами, что дает ей основание рассматривать их как новообразования, возникающие в процессе освоения глухого губно-зубного звука.

Если же принять, что заменой [ф] первоначально был особый звук — лабиализованное [х], то пришлось бы считать, что в говорах древнерусского языка, легших в основу современных ю.-р. говоров, [ф] в заимствованиях передавался особой фонемой, которая позднее была утрачена. Такой ход развития (вспять) вряд ли можно считать вероятным. Следует учесть в этой связи и тот факт, что замена [ф] в виде сочетания [хв], которое предлагается рассматривать как непосредственный рефлекс этого лабиализованного [х], перед [у] не встречается или встречается очень редко, тогда как именно это положение должно было способствовать сохранению лабиализованной артикуляции [х], так как последняя, по О. Броку, характеризуется уподоблением артикуляции гласных [о] и [у] как типичных для этой группы артикуляции [12]. Это также добавляет сомнения в правильности предложенного объяснения.

Более вероятно, что первичной заменой [ф] в древнерусских говорах, не знавших губно-зубных спирантов, был звук [х]. Этот звук был в большей мере, чем другие согласные консонантной системы этих диалектов, близок к [ф] по своим объективным характеристикам. Общими признаками [ф] и [х] являются глухость и фрикативность. Общим для [ф] и [х], как и вообще губных и заднеязычных, является наличие неделимого резонатора и сужение зева; в акустическом отношении они объединяются поэтому низкой тональностью [13]. Если оценивать [ф] и [х] по степени звуч-

[11] Р. И. Аванесов. Очерк. . ., стр. 125.

[12] О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 5, 2. СПб., 1910, стр. 162.

[13] См. Р. Якобсон, Г. М. Фант и М. Халле. Введение в анализ речи. «Новое в лингвистике», II. М., 1962, стр. 195.

ности, то в ряду других глухих согласных, расположенных по нарастанию консонантности, они стоят рядом: [х] представляет за [ф] следующую ступень консонантности.

Глухость и фрикативность, характеризующие [ф] как звук языка, являются в фонологической системе говоров древнерусского языка, легших в основу южнорусских, членами соответствующих коррелятивных оппозиций (глухость—звонкость, смычность—фрикативность) [14], и [х] реализует в ней глухую фрикативную фонему, являющуюся членом обеих оппозиций (ср. [х]—[γ] и [к]—[х]). Таким образом, по совокупности фонетических и фонологических характеристик можно сделать вывод, что [х] был тем звуком, который в наибольшей степени подходил для замен иноязычного [ф].

3. Встает законный вопрос, откуда же тогда взялся губной элемент, широко распространенный в современных заменах [ф] в ю.-р. говорах? Его возникновение, согласно нашей гипотезе, связано с историей мягких замен [ф].

Мягкие замены иноязычного [ф] должны были иметь место в позиции перед гласными [и], [е], а после развития яканья — и в позиции перед безударным [а], явившимся в определенных положениях на месте безударного [е] (в таких словах, как *Федо́сья*, *Февро́нья* и т. д.). В более позднее время позицией, где стали возможны мягкие замены [ф], стало и положение перед [о] из [е] под ударением перед твердыми согласными (в словах *Фе́дор*, *Фе́кла*) и его заменами в безударной позиции (в словах *Федо́ра*, *Фекли́ха*). Между тем ‹х›, как и другие заднеязычные, была в эту эпоху непарной по твердости — мягкости фонемой. Поэтому звук [х] не мог передавать в говорах древнерусского языка, обладавших губно-губным [w], различий заменяемого им звука [ф] по твердости—мягкости.

Примерами, свидетельствующими о наличии твердой замены [ф] в положении, где он, аналогично другим парным по твердости—мягкости фонемам древнерусского языка, должен бы был выступать в своей мягкой разновидности, является целый ряд имен, заимствованных из греческого в эпоху после крещения Руси. Ср. в ю.-р. говорах *Хадо́ра*, *Хадо́сья*, *Хавро́нья*, *Харапо́нт* в соответствии с *Федо́ра*, *Федо́сья*, *Федо́т*, *Февро́нья*, *Ферапо́нт* [15]. Такая же замена известна широко и в слове *февра́ль* (*ховра́ль*) —

---

[14] Мы здесь исходим из того понимания коррелятивных оппозиций, которое изложено в статье: А. А. Реформатский. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском языке. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 1955, вып. 8, стр. 4. — Оппозиции согласных древнерусского языка описаны в кн.: В. В. Иванов. Историческая фонология русского языка. М., 1968, стр. 132 и далее.

[15] Пример *Хорафо́нт* (Ферапонт) отмечен в памятниках XVII в. (разрядный приказ) С. И. Котковым («Южновеликорусское наречие в XVII столетии». М., 1963, стр. 87). В материалах говоров (см. статью А. К. Васильевой) это имя с твердым [х] не встретилось.

названии месяца, также являющемся заимствованием XII в. из греческого. Все они характеризуют эпоху акающего (якающего) безударного вокализма, который уже сложился на юго-западе, в курско-орловских, тульских и рязанских говорах к XIII в. [16] В белорусском языке твердый [х] известен также в именах *Фёдор*, *Парфён* (ср. *Хо́дор*, *Пархо́н* и их производные) [17], т. е. перед [е], перешедшим в [о], что свидетельствует об отсутствии мягкого варианта у [х] еще в эпоху, когда этот фонетический процесс был актуальным [18].

Если до падения редуцированных для передачи различий заменяемого звука по твердости—мягкости не было надобности, то после осуществления этого процесса и его последствий, приведших к противопоставленности твердых и мягких согласных, невозможность передачи мягкости субституируемого звука стала ощущаться в системе как недостаток. Преодолением создавшегося противоречия оказалось развитие (вначале, видимо, параллельно с традиционными твердыми заменами) особых мягких замен компромиссного типа. В условиях невозможности палатализованной заднеязычной фрикативной артикуляции попытки передачи мягкости субституируемого звука привели к выделению мягкости у [х] (в качестве субститута [ф']) в самостоятельную артикуляцию. Выделившаяся мягкость материализуется в мягком губном (первоначально, очевидно, губно-губном) звуке ([w']). Возникает сочетание [xw'], в котором сам заднеязычный остается твердым, т. е. имеет место эпентеза — выделение мягкости в отдельную артикуляцию вследствие несовместимости среднеязычной и заднеязычной артикуляций [19]. Сам факт выделения мягкости именно в виде мягкого г у б н о г о звука закономерен, учитывая бли-

---

[16] См.: К. В. Г о р ш к о в а. Историческая диалектология русского языка. М., 1972, стр. 125.

[17] См. М. В. Б і р ы л а. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966, стр. 133—134, и 163—166.

[18] Согласно мнению А. И. Соболевского (см. его «Греко-славянские этюды». — РФВ, 1883, т. 10, ч. 2, стр. 1—2), [хо] в славянских заимствованиях на месте греческого Θεο может объясняться тем, что «*о* из *ео* явилось на греческой почве: ср. новогреч. *Θοδρος* и при том довольно рано». Однако в древнерусских заимствованиях слова с [х] твердым на месте [ф] входят в более обширный ряд, где [ха] (в русском всегда безударное) соответствует не только греческому Θεο (*ѳео*), но и греческому Θε (ср. белорус. *Пар*[хо]*н* — *Парѳеній*, [Хо]*рапонт* — *Ѳерапонтъ*) и φε (ср. [Ха]*вронья* — *Февронія*, [ха]*враль* — *февраль*). Те же имена широко по говорам известны с [ф'], [х'] или [хв'], ср. [Ф'е]*дора*, [Хв'а]*дора*, [Х'а]*дора*, [Ф'е]*дóсья*, [Хв'а]*досья*, [Х'а]*досья* и др. и никогда не встречаются с твердым [ф]. Кроме того, весьма знаменательным представляется наличие в русских говорах [ха] только в безударной позиции в именах [Ха]*дóбра*, [Ха]*дóсья* и др. и отсутствие его в имени *Федор*. Если бы эти имена заимствовались с греческим *Θо*, то [Хо] должно было быть и в [Хо]*дор*.

[19] См.: В. Н. Ч е к м а н. Фонетическая сущность и фонологические причины мягкостных эпентез. «International journal of slavic linguistics and poetics», 1972, XV. Mouton the Hague, стр. 23, где описываются причины губных эпентез.

зость губных и заднеязычных, о которой уже шла речь выше, и парность губно-губного по твердости—мягкости (ср. *w'ал — wал*, *w'ал'ý — wал'ý* и др.). Интересно, что выделение мягкости у губных в отдельную артикуляцию (широко известное в славянских языках — например, кашубских, чешско-моравских, украинских говорах) в некоторых славянских системах может приводить к выделению мягкой заднеязычной артикуляции — появлению сочетаний [px'], [fx'], [вγ'], например, по данным А. М. Селищева [20], в некоторых кашубских говорах. В нашем случае реализуется противоположная возможность, заложенная в двухфокусной артикуляции: твердые заднеязычные выделяют мягкую губную артикуляцию.

Сочетание [xw'] вместо [ф'], появившись в начале факультативно (наряду с [x]), постепенно становится преобладающей, а далее и единственной заменой [ф']. Можно думать, что был период, когда в значительной части говоров древнерусского языка, легших в основу ю.-р. говоров, стала действовать закономерность в передаче иноязычного [ф], согласно которой его твердые замены передавались звуком [x], а мягкие — сочетанием [xw']; твердое [x] в виде реликта сохранилось только в наиболее изолированном, древнейшем слое—именах собственных. Это произошло, по-видимому, уже ко времени перехода [е] > [о] перед твердыми согласными, о чем свидетельствует отсутствие в передаче имен *Фе́дор*, *Фе́кла* твердых замен [ф], как это имеет место в белорусском (*Хо́дор*, *Пархо́н* и др.).

Процесс выделения мягкости у [x], выступающего в качестве мягкой замены *ф*, был известен не всем говорам древнерусского языка, осваивавшим эту фонему в условиях отсутствия губно-зубных спирантов. Так, говоры севернорусского типа знают в основном замены *ф* на *х* как в твердом, так и мягком вариантах. Это и понятно, если учесть раннее изменение в них губно-губной артикуляции в губно-зубную ([w] > [в]). Фонема ‹ф› в них уже в достаточно ранний период смогла начать осваиваться как губно-зубной глухой спирант. Замены в качестве *х* (в той степени, в которой они утвердились) не развили здесь мягкости в виде отдельно выделившейся артикуляции, так как в эпоху, когда это происходило на юго-западе, на севере мягкая губно-зубная глухая артикуляция [ф] уже могла быть воспроизведена на базе возможностей собственной консонантной системы. В тех же словах, где [x] уже утвердилось, оно в более позднюю эпоху получило возможность выступать и в мягком варианте. В свете сказанного не случайным представляется и то, что на стыке современных

---

[20] А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 383. — Ср. трактовку этих сочетаний в работе: Л. Э. Калнынь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках (М., 1961) как «фонологически нечленимых, образующих фонемы *р'*, *в'*, *v'*, коррелятивные по твердости—мягкости фонемам *р*, *в*, *v*», стр. 58.

говоров среднерусского типа, обладающих парой [в]—[ф], с массивом, характеризующимся отсутствием губно-зубных спирантов, располагается полоса говоров, где замена [ф] и [ф'] осуществляется только посредством пары [х]—[х']. В тех же говорах отмечается и широкая возможность употребления [ф] и как позиционно оглушенного [в] (наряду с [в] в этом же положении), и в заимствованиях.

Вернемся к говорам, где, по нашему предположению, возникло [xw'] в качестве замены [ф]. Судьба в них этого сочетания оказалась чрезвычайно перспективной. Она складывалась в тесном взаимодействии с судьбой ‹х› в исконных словах в эпоху приобретения этой последней позиционной мягкости.

Когда в системе древнерусского языка появилась позиционная мягкость у ‹х› в исконной лексике (что объективизировалось в участии ‹х› в процессе изменения [кы], [гы], [хы], в [к'и], [г'и], [х'и], ср. [х'и]*тро*, *по*[х'и]*тити* и др.), когда мягкий [х'] появился перед [е] в заимствованных словах типа [х'е]*рувим*, этот же звук [х'] получает возможность также появляться и в новых заимствованиях, как, например, *кон*[х'е]*та*, [х'е]*рма* и др. В той мере, в какой в говорах к этому времени [х] сохранилось перед гласными переднего ряда в заменах [ф] (не будучи заменено на [xw']), оно тоже получило возможность выступать в мягком варианте ([Х'е]*дор*, [Х'и]*ли́пп* и др.).

В результате изменения в статусе фонемы ‹х› в однородных или даже в одних и тех же позициях в пределах одной системы стали возможны и [х'] и его эквивалент [xw']. Как следствие этой ситуации [w'] в сочетании [xw'] из показателя мягкости [х], выступающего в качестве замены мягкого [ф], становится самостоятельной фонемой — равноправным элементом сочетания. Необусловленная позиционно мена [х'] и [xw'] в одних и тех же словах и позициях в соответствии с [ф'] ([Xw']*е́дор* — [Х']*е́дор*, [Xw']*ли́пп* — [Х']*ли́пп* и т. д.) в свою очередь послужила причиной появления аналогичной мены [х] и [хв] в твердых заменах. Таким образом, наряду с [х] — ранее единственной твердой заменой — появляется [xw] (*хо́рма*, — *хво́рма*, *ха́ртук* — *хва́ртук* и др.). Этим знаменуется разрушение первоначальных условий распределения [х] и [х] с последующим губным элементом ([х] и [xw]), которые в предыдущую эпоху находились в отношениях дополнительного распределения в зависимости от твердости или мягкости заменяемого ими звука.

Предлагаемое толкование истории замен [ф], поставленное в связь с поздним развитием у ‹х› позиционной мягкости, помогает, как нам представляется, объяснить то странное «безразличие» (или «нерасчлененность») [21] в употреблении в современных ю.-р. говорах разных замен [ф], которое царит в них после примерно тысячелетней истории освоения этого звука. Действи-

[21] См.: В. Г. О р л о в а. Указ. соч., стр. 195 и 205.

тельно, возможность в одних и тех же говорах разных замен [ф] (*х* и *хв*), иногда в одном и том же фонетическом положении (хотя последнее, как показывает А. К. Васильева, далеко не типично), явно указывает на отсутствие равновесия в этом звене системы. Согласно нашему предположению, такая ситуация определяется тем, что мы застаем эти говоры в процессе перестройки отношений в передаче иноязычного [ф], начавшейся в достаточно позднее время, когда ‹х› уже развила позиционную мягкость. В тот момент истории консонантной системы ю.-р. диалекты, сохранившие билабиальное [w], получили, по нашему мнению, два универсальных способа замены [ф]: замену посредством *х* — в твердом и мягком вариантах — и посредством сочетания *хв* — также в двух вариантах. Разные говоры указывают на различное направление и индивидуальный ход отбора языковых средств, используемых в этой функции. Внешняя неупорядоченность в этом звене системы при тщательном анализе диалектного материала проясняется в виде определенных тенденций этого отбора.

Проанализируем приведенные А. К. Васильевой данные о распространении основных разновидностей диалектных систем по признаку распределения в них замен [ф] (см. карту 3) с точки зрения предложенного нами объяснения возникновения двух видов ее реализации.

Среди систем, знающих в качестве замен [ф] как [х], так и [хв] (системы II—VIII, их всего 620), при достаточно большом числе систем, отражающих возможность обеих замен (*х* и *хв*) как в твердом, так и в мягком варианте (система IV, всего 155), решительно преобладают такие, где мягкое [ф'] передается только через [хв'], тогда как твердое [ф] может заменяться как [х], так и [хв] (система II, их всего 440). Можно думать, что в настоящее время именно эти системы (II) сохраняют лучше всего предполагаемое исходное состояние в распространении замен, когда мягкие замены выступали в виде [xw'], а твердые — в виде [х]. В отличие от исходных, они широко отражают распространение [хв] на твердые замены. В подобных системах, зафиксированных в пределах «рязанского» массива говоров, [х] в твердых заменах фиксируется широко, без тех фонетико-лексических ограничений, которые характерны, как показывает А. К. Васильева, для основного юго-западного ареала замен [ф], где [х] может выступать в основном в позиции перед [у] или же в формах косвенных падежей от слов типа *торф*, *шарф*. Типичным представителем «рязанской» системы замен, знающих *хв*, является говор д. Уляхино Курловского р-на Владимирской обл., описанный О. Н. Мораховской (деревня расположена на юге Курловского р-на, граничащего с юга с районами Рязанской обл.[22]).

[22] См.: О. Н. Мораховская. Говор д. Уляхино Курловского района Владимирской области. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1957, т. 7, стр. 195. — Такие же системы известны и в других говорах междуречья Оки и Клязьмы.

Само собой разумеется, что нельзя серьезно брать в расчет то незначительное количество систем (их всего 14), где как будто бы сохраняется исконное распределение [х]—[хв'] (система VIII). Хотя и не исключено, что часть из них отражает старые отношения, однако при малом количестве всегда есть опасность случайность или недостаточность материала принять за закономерность.

Из приводимых А. К. Васильевой данных о распространенности разных систем замен (из числа знающих обе замены) можно извлечь еще следующие данные, характеризующие относительную распространенность твердых и мягких замен:

1. Систем, знающих *х* в качестве твердой замены ([х]), — 661, систем, знающих *х* в качестве мягкой замены ([х']), — 266, т. е. *х* может выступать в качестве мягкой замены только в 26% систем, знающих вообще этот звук в качестве замены [ф].

2. При почти равной встречаемости систем, знающих замены [хв] и [хв'], только [хв'] в качестве мягкой замены встречается в 454 системах, только [хв] в твердых заменах — в 59.

К ним можно присоединить и те данные, которые приводятся в статье А. К. Васильевой об относительной встречаемости примеров с *х* и *хв* в твердых и мягких заменах: примеры с [х'] составляют 15% от примеров с [хв'], тогда как примеры с [х] составляют 30% от примеров с [хв].

Итак, несмотря на то, что предполагаемое исходное состояние предстает в современных говорах преобразованным поздними процессами, все же в них если не прямо, то косвенно просвечивают старые отношения: *хв*, получив и в мягких и в твердых заменах значительное преобладание над *х*, превалирует над *х* в мягких заменах значительно сильнее, чем в твердых.

В значительной части систем процесс обобщения *хв* распространился на всю лексику с иноязычным [ф]. Характерно, однако, что подобные системы (их 214) зафиксированы в основном на периферии той территории, где известны замены [ф] (см. карту 3, приложенную к статье А. К. Васильевой). Однако в части «рязанского» массива обобщение замен произошло на базе звука [х]. Для этих говоров нет оснований предполагать отсутствие в прошлом [хв']; скорее можно думать, что в них процесс обобщения замен происходил в позднее время на базе звука [х], который, оказавшись более активным, вытеснил [хв'] как замену [ф'] из системы.

4. Анализ диалектного материала, свидетельствующего о роли ‹х› в истории замен иноязычного [ф], хорошо увязывается с выдвинутым нами вначале предположением о позднем характере развития у ‹х› позиционной мягкости. Данные памятников, дающих, правда, весьма скудный материал, также ему не противоречат.

Тогда как фонема ‹к› проявляла способность к позиционному смягчению уже с XIII в. (автор специальной монографии, посвященной прогрессивному смягчению заднеязычных,—Л. Л. Касат-

кин [23] — связывает время смягчения [к] после мягких согласных с ранним этапом развития аканья), фонема ‹х› в ту же эпоху проявляла себя как непарная твердая фонема. Эта фонема, используемая для передачи звука [ф], воспринимаемого носителями языковой системы в его твердой и мягкой разновидностях, выступая в качестве мягкой его замены, выделяет мягкую губную артикуляцию [xw'], которая до тех пор, пока она оставалась позиционно обусловленной, не отражалась на письме [24]. С развиваемой точки зрения, показателем появления у ‹х› позиционной мягкости может служить факт распространения *xw* на твердые замены (см. об этом выше). Не располагая данными памятников, относящихся к ю.-р. диалектам ранее XVII в., трудно определить время этого процесса.

Памятники XVII в., изученные С. И. Котковым (см. указ. соч., стр. 85—86), дают уже картину замен [ф], в целом сходную (хотя и не полностью) с той, которая представлена в современных говорах. Сочетание [хв] ([хф]) уже известно в твердых заменах, однако занимает еще подчиненное положение по отношению к [хв']: их соотношение 12 : 16. Если распространить установленный А. К. Васильевой на диалектном материале факт большей употребительности слов с твердыми заменами (см. статью А. К. Васильевой), то в этом соотношении следует вдвое уменьшить долю [хв] по сравнению с [хв'].

Для более ранней эпохи мы располагаем только косвенными данными, позволяющими судить о судьбе замен [ф], а через их посредство — и о судьбе ‹х›. Интерес могут представлять показания языков, заимствовавших слова с рефлексами иноязычного [ф] через посредство русских диалектов. Такого рода материал содержится в статье Н. Ф. Мокшина «Мордовская доисторическая антропонимика», где приводятся имена, заимствованные из русского в ходе христианизации, начавшейся в середине XVI в. В мордовском, где русское [х] субституируется через [к], эти имена передаются следующим образом: на месте [ф'] — *кв*: *Кведор* (Федор), *Квиле* (Филипп), *Кведо* (Федосья); на месте [ф] — *к*: *Кома* (Фома), *Окро* (Офросинья), *Микикор* (Никифор); и лишь в двух словах *Кекла* (Фекла) и *Марква* (Марфа) — отступление от этой закономерности [25]. Заимствования XVI в. из русских диалектов

---

[23] См.: Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных в русских говорах. М., 1968, стр. 114.

[24] Заметим, что в книге П. Хюбнера, охватывающей материал памятников XI—XV вв., в качестве замен греческого φ зафиксированы только *п* и *х*; сочетание *хв* отсутствует (P. H ü b n e r. Zur Lautgestalt griechischer Heiligennamen im russischen seit dem 11 Jahrhundert. Bonn, 1966).

[25] См. в сб.: «Ономастика Поволжья» (Материалы I Поволжской конференции по ономастике). Ульяновск, 1969, стр. 61. В книге «Языки народов СССР», т. III. Финноугорские и самодийские языки (М., 1966) указывается, что «фонема ‹х› встречается в языке эрзя в начале слов, заимствованных из русского языка: *холямс* 'холить'. Часто *х* заменяет начальную фонему *ф* русских слов, например *хонарь* 'фонарь', *Хома* 'Фома'» (стр. 179).

с билабиальным [w] (по-видимому, это русские говоры рязанского типа, наиболее близкие по реализации замен и в настоящее время к предполагаемому их исконному распределению, см. выше) свидетельствуют, таким образом, более отчетливо, чем памятники XVII в., о предполагаемом распределении *х* и *хв* в качестве замен фонемы ‹ф›. Можно думать, что в период, к которому относятся мордовские заимствования христианских имен из русского, распространение *хв* на твердые замены в русских говорах только началось. Рассматривая этот процесс как следствие становления позиционной мягкости у ‹х›, можно ориентировочно датировать последнее концом XV в.

5. Что касается развития признака «твердость—мягкость» в качестве дифференциального, т. е. становления противопоставленности ‹х› и ‹х'› как двух разных фонем, то надо думать, что это явление — совсем позднее. Факты, обнаруживающие эту противопоставленность, не зафиксированы в памятниках. Сколько-нибудь последовательно они обнаруживаются только в очень локально ограниченных говорах, где в качестве замен ‹ф› — ‹ф'› в настоящее время употребляется пара ‹х› — ‹х'›. Причем маловероятно, что факты, в которых проявляется позиционно необусловленная мягкость ‹х› (безударное [х'а] и ударенное [х'о]), возникли чисто фонетически, как развитие из [хе] в [х'е] и далее как преобразование этого сочетания в результате действия фонетических процессов — «яканья» и перехода [е] > [о]. Гораздо более вероятно, учитывая положение этих говоров по отношению к основным ареалам реализации звуков на месте ‹ф›, что произношение типа [Х'а]*дóра*, [Х'ó]*дор* является результатом позднейшей субституции посредством *х* мягких звуков, уже выступавших в этой позиции: или [ф'] — в говорах, где [хw'] не возникало в связи с ранней заменой [w] парой [в] — [ф] ([Х'а]*дóра*, [Х'ó]*дор* вместо [Ф'а]дора, [Ф'ó]*дор*); или [хw'] ([Х'а]*дóра*, [Х'ó]*дор* вместо [Хw'а]дóра, [Хw'ó]*дор*). В обоих случаях это происходило по аналогии к твердым заменам, где [х] господствовало.

В основном же массиве русских говоров, знающем замены [ф] как посредством *х*, так и посредством *хв*, примеры типа [Х'а]*дóсья*, [Х'ó]*дор*, *ша*[х'ó]*р* отмечаются крайне редко: по данным, сообщенным нам А. К. Васильевой, перед [а] в «якающих» формах [х'] ([Х'а]*дóт*, *шо*[х'а]*рóв* и под.) встретился всего в 6 пунктах, а [хв'] ([Хв'а]*дóт*, *ша*[хв'а]*рóв* и под.) — в 148 пунктах; перед [о] [х'] ([Х'ó]дор, шо[х'ó]р и под.) встретился в 4 пунктах, а [хв'] ([Хв'ó]*дор*, *шо*[хв'ó]р и под. в 202 пунктах [26]. В этих говорах широко реализуется обратный процесс — распространения *хв* на твердые замены [ф], приводящий в конечном счете к полному вытеснению [х] в этой функции.

[26] Мнение, высказанное Л. Л. Касаткиным, о раннем развитии мягкости у ‹х› как фонологически существенного признака (см. указ. соч., стр. 95—96) за счет появления [х'] в раннее время именно в этих позициях представляется нам в свете высказанных соображений малоубедительным.

6. Развитие в русском языке признака «твердость—мягкость» у ‹х› обнаруживает, с одной стороны, параллелизм, а, с другой стороны, и различия по сравнению с развитием того же признака у ‹γ›. Общим для обеих фонем является, безусловно, поздний характер этого процесса. Обе фонемы в течение длительного времени сохраняли не только свою непарность по твердости—мягкости, но и неспособность к позиционному смягчению. Различие ‹х› и ‹γ›, связанное с интересующим нас признаком, в период, когда смягчение было им в равной мере неизвестно, имелось, но проявлялось оно не в свойствах самих этих звуков, а в их отношениях к другим фонемам древнерусской консонантной системы. Так, в условиях, когда в языке возникла потребность в мягкой заднеязычной артикуляции — для ‹х› при заменах мягкого [ф'], для ‹γ› при заменах мягкого иноязычного [г'] (или [γ']) — фонема ‹х›, не имея в консонантной системе «соседа», способного взять на себя эту функцию, развивала (в качестве субститута [ф']) в позиции перед гласными переднего ряда как бы «буферный» мягкий элемент *w'* ([xw']), сохраняя при этом свою органическую твердость, в то время как для передачи мягкого [γ'] мог быть использован такой «сосед» — [j] [27]. Таким образом, функционально [xw'] и [j] соответственно по отношению к ‹х› и ‹γ› представляли «одно и то же» — замены их еще не созревших в данной консонантной системе мягких позиционных вариантов.

В неравном положении оказались ‹х› и ‹γ› и позднее, в период, когда в недрах системы с развитой корреляцией по твердости—мягкости у них также развился этот признак. У фонемы ‹γ› он смог проявиться в чередовании γ//γ' в основах глаголов (*бере*[γ]*у* — *бере*[γ']*ошь*. . .). У фонемы ‹х› условий для его закономерного проявления не оказалось. Как было сказано выше, непозиционный характер мягкости мог проявиться в основной части ю.-р. говоров только в достаточно случайных субституциях мягкого [ф'] или его замены [хв'].

Фактов, аналогичных тем, которые приведены для иллюстрации формирования признака «твердость—мягкость» у фонем ‹γ› и ‹х›, по отношению к фонеме ‹к› не наблюдается. История развития признака «твердость—мягкость» у этой фонемы была, по-видимому, проще в связи с более ранним развитием у нее по-

---

[27] Это не значит, однако, что фонемы ‹γ› и ‹j› вступали в системные отношения, соответствующие коррелятивной по твердости—мягкости паре. Факт оформления заимствований с [г'] через [j] ничего не меняет в системе. Расширялась лишь сфера употребления [j] (ср. наличие диалектных слов с этой фонемой типа [j]*енерал*, [j]*ермания*). Известно, что [j] может выступать в функции мягкой замены [г] и в севернорусских говорах, где фонема ‹г› взрывного образования. Это можно объяснить двояко: или сам заимствуемый звук был фрикативного образования (γ или *h*) или же [j] был близок в них по своему качеству к мягкому взрывному [г], что известно в некоторых северных, например онежских, говорах. В материалах, собранных для атласа, он часто передается через *г'* или *j''*, см., например, пункт № 3 БСТ (поселок Ладва Прионежского р-на Карельской АССР).

зиционной мягкости, а в дальнейшем и фонологической противопоставленности ‹к› — ‹к'›. Заимствования с [к'] не претерпевают изменений, которые свидетельствовали бы об ограничении в возможностях передачи мягких вариантов этой фонемы.

А. К. ВАСИЛЬЕВА

ФОНЕМЫ ‹ф›, ‹ф'› И ИХ ЗАМЕНЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Общеизвестно, что фонем ‹ф›, ‹ф'› первоначально не было в русском языке, как и в других славянских языках, и что появление их связано с усвоением иноязычной лексики. В части русских говоров, как и в литературном языке, звуки [ф] и [ф'] заимствованных слов сохранялись, в других — подвергались заменам.

Установлено, что различная судьба иноязычных фонем ‹ф›, ‹ф'› в говорах русского языка связана с разным качеством в них фонемы ‹в›. Говоры, которые имели губно-зубное *в*, а после падения редуцированных развили *ф* в позиции перед глухими согласными и на конце слова, усвоили и фонемы ‹ф›, ‹ф'› заимствованных слов. Так как губно-зубная артикуляция была вообще чужда говорам с *w* (или *ў*), эти говоры не могли усвоить звука [ф] и заменяли его на [х], [хв], [хф] и [п] [1]. О заменах фонемы ‹ф› на [к], [кв], [в] см. ниже. Исследователями были замечены некоторые особенности в заменах иноязычной фонемы ‹ф›, связанные с положением данной фонемы в слове, а также с принадлежностью тех или иных слов к определенному кругу лексики.

Установлено, например, что звук [п] в соответствии с ‹ф› встречается преимущественно в собственных именах, что сочетание [хв] характерно лишь для позиции перед гласным, а звук [х] употребляется перед гласным, согласным, а также на конце слова.

Условием для нахождения [хв] (вместо ‹ф›) в с.-рус. говорах, как полагает А. М. Селищев, является положение перед ударенным гласным, перед безударным гласным наряду с [хв] может встречаться и [х]. Кроме того, А. М. Селищев подчеркивает, что в позиции

[1] См., например, следующие работы: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, стр. 124, 125; В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», т. II. М.—Л., 1950, стр. 173, 174, 208; С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 88, 90.

перед гласным [у] вместо фонемы ‹ф› обычно употребляется звук [х] [2]. Подобную же замену для говоров всей Орловщины отмечает С. И. Котков [3], для Ливенских говоров — Е. И. Кирсанова [4].

По мнению П. С. Кузнецова, в ряде говоров, главным образом южных, заменой фонемы ‹ф› чаще всего является «сочетание *хв*, точнее *х* с некоторым билабиальным призвуком: x^{w}. .». Но: «иногда, особенно в соответствии с мягким *ф*, прямо *х'* (точнее, среднеязычное *х*), например: *Х'о́кла — Фекла*» [5].

Говор д. Уляхино Курловского р-на Владимирской обл., описанный О. Н. Мораховской, характеризуется тем, что мягкая фонема ‹ф› заменяется там только сочетанием [хв'], во всех других случаях иноязычному ‹ф› соответствует звук [х] [6].

Перечень подобного типа замечаний можно было бы умножить, но даже в совокупности эти сведения не могут дать достаточно полного и правильного представления о заменах фонем ‹ф›, ‹ф'› по говорам русского языка, так как основываются они в ряде случаев на сравнительно небольшом материале и касаются нередко говоров только определенных, довольно узких территорий или даже отдельных населенных пунктов.

Не были до сих пор изучены в полном объеме и материалы «Диалектологического атласа русского языка». Именно эти материалы, а также карты, созданные для сводного тома атласа, были положены в основу данной статьи [7].

Этот огромный материал, собранный по единой «Программе», дает сведения по интересующему нас вопросу наиболее полные и систематические.

Он позволяет нам: 1) уточнить территорию распространения говоров, знающих фонемы ‹ф›, ‹ф'›, а также тех, в которых на месте этих фонем представлены другие звуки или сочетания; 2) определить круг лексики с фонемами ‹ф›, ‹ф'› (или их заме-

---

[2] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. «Избранные труды». М., 1968, стр. 316—318.

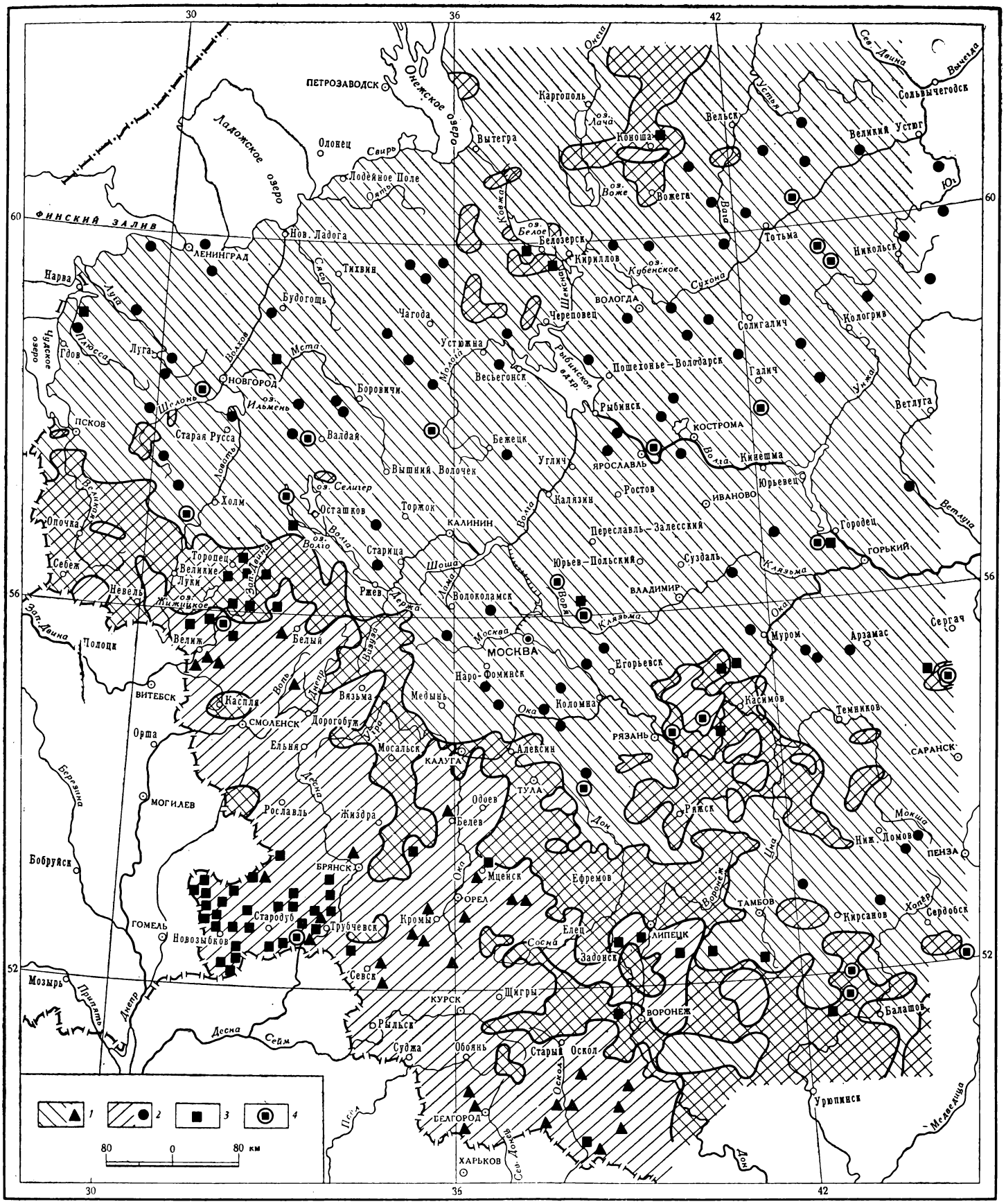
[3] С. И. Котков. Говоры Орловской области (фонетика и морфология), т. II. Докт. дисс. М., 1951, стр. 512.

[4] Е. И. Кирсанова. Губные спиранты в Ливенских говорах Орловской области. — В кн.: «Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности». Воронеж, 1959, стр. 9—12.

[5] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951, стр. 57, 58.

[6] О. Н. Мораховская. Говор д. Уляхино Курловского района Владимирской области. «Труды Ин-та языкознания», 1957, т. 7, стр. 195.

[7] «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957 (шифр — VI том), карта № 45 (автор Л. П. Жуковская), а также подготовленные к печати: «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» (шифр — V том), карта № 58 (автор А. К. Васильева); «Атлас русских народных говоров к северу от Москвы» (шифр — БСТ), карта № 82 (автор А. К. Васильева); «Атлас русских народных говоров к югу от Москвы» (шифр — ЮТ), карта № 59 (авторы В. Н. Теплова, А. К. Васильева); «Атлас русских народных говоров северо-западных областей» (шифр — I том), карта № 34 (автор Т. Г. Строганова); карты для сводного тома атласа составлены А. К. Васильевой.

Карта 1. Фонемы ‹ф›, ‹ф'› и их соответствия

1 — [ф], [ф']: [ф]*а́ртук*, [ф]*ами́лия*, *кон*-[ф']*е́та*, [Ф']*или́пп* и др.;

2 — [хв], [х]: [хв]*а́ртук*, [х]*а́ртук*, [хв]*ами́лия*, [х]*ами́лия*, *кон*[хв']*е́та*, *кон*[х']*е́та*, [Хв']*или́пп*, [Х']*или́пп* и др.;

3 — [п] в именах собственных: [П']*ёкла*, [П]*ро́ся*, [П']*или́пп* и др.;

4 — [п] в других словах: [п]*ура́жка*, [п]*у́ра* [п']*и́кус* и др.

Звук [к] вместо ‹ф› зафиксирован, кроме того, в словах *фура́жка*, *ко́фточка*, *дифтери́т*, *фля́жка*, *фру́кты*, *тиф*, а именно: V том — *кура́жка* 97, *ко́кточка* 130, *дикте́рит* 200; ЮТ — *кля́жка* 198, 200, *кру́хтъў* 46, *кру́хты* 495, *кру́хты* 506, *крухто́вый* 506, *тик* 241. Один раз встретилась замена ‹ф'› на [к']: БСТ — *к'е́тровые* 167.

Сочетание [кв] вместо ‹ф› зафиксировано в слове *фасоль* в материалах по ю.-р. говорам. В материалах северных и ср.-р. говоров это слово вообще встречается очень редко (ввиду отсутствия реалии) и только со звуком [ф]. Кроме того, сочетание [кв] встретили в следующих словах: ЮТ — *квуха́йка* 24, 39, *квуфа́йка* 523, *квура́ж* 181, *кво́рма* 409, *ква́ртук* 738, *кворнт* 195; V том — *квасо́н* 612.

Коротко мы коснулись всех замен фонемы ‹ф›, зафиксированных в наших материалах, но основное внимание будет уделено заменам фонем ‹ф›, ‹ф'› на [х], [хв], [хф], для реализации которых существенным является разграничение фонетических позиций: 1) позиции перед согласными и на конце слова и 2) позиции перед гласными. Попутно будет затронут вопрос о роли места ударения по отношению к слогу, содержащему замены ‹ф›.

Наибольшее единство в отношении замен ‹ф› проявляют говоры в позиции перед согласными и на конце слова, где наблюдается почти безраздельное господство звука [х].

Позиция перед несонорным согласным (в нашем случае при следовании после ‹ф› этот согласный всегда является глухим) представлена в наших материалах следующими словами: *кофта*, наиболее частотное, а в большей части материалов единственное, *кафтан*, а также единично зафиксированные слова *дифтерит*, *нефть*, *лифт*, *муфта*, *юфта*, *нафталин*, *лифчик*. Ни в одном из говоров не встретилось замен типа *хв* ([хв], [xw], [хф]) в этой позиции.

В говорах отдельных территорий (в пределах общей, где известны замены ‹ф›) на месте ‹ф› в этой категории слов отмечается звук [в] (или [w], [ў]) [9].

Наиболее последовательно такое произношение представлено в полосе сосуществования звука [ф] с его заменами. В особенности это характерно для севера описываемого юго-западного массива, а также в пределах полосы сосуществования в районе Тулы; такая же замена известна и в центре массива, севернее и северо-восточнее Курска. Можно думать, что в этих говорах звук на месте ‹ф› в позиции перед глухим согласным, не проверяемый сильной позицией в пределах той же лексемы, отождествляется с фонемой ‹в›. Характерно, что неоглушенный губно-зубной [в] в этих же говорах фиксируется перед глухими согласными и на месте искон-

[9] Зафиксировано: 71 случай с [в] (или [w], [ў]) в слове *кафта́н*, 20 в слове *ко́фта*, 6 в слове *ли́фчик*, ср. также возможность употребления [в] в слове *лиф* в позиции перед гласным: V том — *с ли́шъм* 385, БЮТ — *с ли́въм* 469, *с ли́шъм* 750, *ли́вой* 801.

ного *в* (например, *травка*, *девка*) [10]. Это явление связано, по-видимому, с закономерностями процесса усвоения говорами губно-зубного [в] и должно быть исследовано в этой связи.

Позиция перед сонорными согласными должна быть рассмотрена отдельно [11]. Она отличается тем, что в ней хотя и очень редко, но все же в принципе возможно произношение сочетания *х* с последующими губными согласными [хв], [xw], [хф] и др.[12] По отношению к общему числу примеров на положение ‹ф› перед сонорными согласными (1035 случаев) примеры, отражающие *хв* на месте ‹ф›, совершенно единичны. Характерно для этой позиции то, что в отдельных случаях ‹ф› может заменяться не на [х] с последующим губным, а на γ (*h*), т. е. звонким заднеязычным с последующим губным [13]. Вот этот материал: V том: 70 *hвралбй* (=Фролов), 117 *хфронт*, 128 *хвлан'ел'*, 331 *цыхʷра*, 365 *на хвантáх*, 703 *Хвранцыйа*, 735 *хфронт*; ЮТ: 130 *цыхвр'и*, *хванцýск'ий*, 171 *ахвраД'ита*, 347 *Хврóс'а*, 419 *гврунт*, *гвронт*, *гвруктóвый*, 429 *хфлот*, *Сóх'ф'йа*, *хфрóнта*, 454 *Сахврон*, 455 *Т'ихвл'ис*, 491 *хвлажбк*, 529 *йихвр'ётър*.

Позиция конца слова для ‹ф› представлена в материалах следующими словами: *торф*, *тиф*, *штраф*, *шкаф*, *шарф*, *лиф*, *граф*, *шеф*, *штоф*, *Евграф*, *Йосиф*, причем первые два, равно употребительные, составляют примерно 80% всех словоупотреблений, падающих на слова этой категории.

Позиция конца слова характеризуется повсеместным употреблением [х] в качестве замены ‹ф›: *торх*, *тих*, *штрах* и т. д. Лишь в материалах 13 населенных пунктов встретились примеры с [хв] ([хф]). Мы, однако, не можем на этом основании считать эту позицию отличной от позиции перед глухими согласными: в условиях отсутствия контекстов нельзя исключить возможность, что эти единичные примеры с заменой ‹ф› типа [хв], [хф] в конце слова извлечены из таких речевых ситуаций, где они выступали перед словом, начинающимся с гласного. Сочетания [хв], [хф] зафиксированы в следующих ответах: V том — 372 *штрахв*, 537 *торхв*,

---

[10] Это явление отражено на карте № 58 V тома атласа (автор А. К. Васильева), на карте № 59 ЮТ (авторы В. Н. Теплова, А. К. Васильева).

[11] Наиболее употребительны в говорах следующие слова, отражающие позицию для ‹ф› перед сонорным: *фронт* (395), *Фрол* (215), *туфли* (115), *Фрося* (51), *флот* (44), *флаг* (37), *фрукты* (36), *француз* (33), *Ефрем* (27), *картофлянный* (13), *Сафрон* (12). Остальные 57 случаев употребления словоформ, содержащих эту позицию, падают на 26 лексем.

[12] Специально на качестве губного элемента останавливаемся в конце статьи, а пока будем, говоря о сочетании *х* с последующим губным согласным, обозначать его *хв*, тем более, что *хв* является, безусловно, преобладающим среди замен этого типа.

[13] Ср. возможность озвончения в диалектах перед сонорным заднеязычных согласных в случаях типа [гр]*ыжовник* (=крыжовник), [Гл]*авдия* (=Клавдия). Звук *в* между заднеязычным и сонорным не препятствует их взаимодействию, см. об этом: Н. А. Е с ь к о в а. К вопросу о сонорных согласных в русском языке. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1971, стр. 243—247.

647 *торхв*, 725 *торхф*, *тихф*; VI том — 639 *шархф*; ЮТ — 48 *торхф*, 171 *торхв*, 218 *торхв*, 251 *торхф*, *тихф*, 432 *торхв*,437 *тихв*.

Рассмотренные позиции (перед согласными и конец слова), демонстрируя общность в отношении замен ‹ф› на [х] (кроме позиции перед сонорными), представляют собой единство и в другом отношении. Заменяемый элемент (‹ф›) выступает в них всегда в своей твердой разновидности. Исключением, где возможен мягкий *ф* и его замены, является лишь сочетание [фj]. Оно встретилось всего 10 раз в малочастотных именах *Софья*, *Агафья* и *Прокофьевна*, *Астафьевна* с разного типа заменами и в слове *сафьяновые*, ср. материал: V том — 369 *Агáх'йа*, 728 *Сóх'йа*; ЮТ — 47 *Агáх'йа*, 302 *Пракóхйив'иш'*, 429 *Сóх'ф'йа*, 542 *Астáх'йеўна*, 597 *Сóх'йа*, 744 *Сóх'йа*, 767 *Агáх'йа*; БСТ — 797 *сахйáновые*.

Замены ‹ф› на [х] в позиции перед согласными и на конце слова полностью совпадают с ареалом распространения говоров, знающих замены ‹ф› в положении перед гласными.

Совершенно иную и гораздо более сложную картину в отношении замен ‹ф› представляет собой положение перед гласными, где могут выступать как твердые, так и мягкие замены *ф*. Именно в положении перед гласными фонемы ‹ф› и ‹ф'› могут заменяться соответственно как звуками [х] — [х'], так и сочетанием *х* с последующим твердым или мягким губным согласным [хв] — [хв']. Обе эти возможности, однако, реализуются не во всех говорах.

Выделяются говоры, где ‹ф› и ‹ф'› могут быть переданы только соответственно звуками [х] и [х']. Такие говоры занимают небольшие, но компактные территориальные массивы. Это в первую очередь северная часть большого юго-западного массива говоров. В соответствии с новым диалектным членением [14] — это территория южной части Псковской группы ср.-р. говоров. Такие же говоры представлены на юго-восточной половине «рязанского» массива говоров, знающих замены ‹ф› [15]. Замена на [хв] в пределах обоих этих ареалов может выступать лишь в отдельных словах, в которых сочетание [хв], видимо, встает в один ряд с сочетанием [хв] в исконно русской лексике (типа *хватать*, *хвастать*). Наиболее отчетливо это проявляется в отношении слова *сарафан*, бытующего в виде *сара*[хв]*áн* в говорах, где на месте ‹ф› сочетание [хв] в других словах неизвестно. Можно думать, что оно проникло в эти говоры в позднейшее время из говоров, в которых уже утвердилось в облике, характерном для

---

[14] См.: К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

[15] Говоры севернорусского наречия также, по-видимому, сохраняют в остаточном виде явление, ранее реализовавшееся в соответствии с системой [х]—[х'], так как в словах (обычно единичных), которые приводятся для иллюстрации замен ‹ф› на северной территории, фиксируется обычно [х]: замены на [х] отмечены в 46 нас. п., замены на [хв] — в 25, из которых в 6 нас. п. [хв] отмечено лишь в слове *сарафан*.

тех территорий, где в заменах ‹ф› использовалось сочетание [хв] [16].

Основная часть юго-западного массива говоров, знающих замены ‹ф›, характеризуется использованием в этой функции как звука [х], так и сочетания [хв]. Однако и в пределах территории распространения таких систем и в особенности на ее периферии (в полосе, пограничной с говорами, знающими фонему ‹ф› и характеризующейся частичным ее усвоением) бытуют системы, где всякое *ф*, как твердое так и мягкое, заменяется только сочетанием *хв* соответственно в его твердой или мягкой разновидностях.

Наибольший интерес, естественно, представляют те говоры, где возможны обе замены, и [х] и [хв]. Закономерности распределения этих замен, так по-разному освещавшиеся в литературе (см. выше), вырисовываются на том материале, которым мы располагаем, в следующем виде.

Как выясняется, в заменах усваиваемой фонемы в положении перед гласными определенную роль играет ее твердость или мягкость. Поэтому мы в дальнейшем среди других условий реализации фонемы будем обращать внимание также и на различие в употреблении ее твердых или мягких замен. Для правильной оценки этих отношений следует иметь в виду, что в диалектной речи встречаемость слов с твердыми и мягкими заменами ‹ф› неодинакова. Судя по материалам, собранным для атласа, слова с мягкими заменами встречаются примерно в два раза реже, чем с твердыми [17]. Это соотношение тем более важно иметь в виду, что разница в реализации твердых и мягких замен выявляется в основном статистически, поскольку любая из замен — и [х] и [хв] (в его различных вариантах) — в принципе возможна в этих говорах в их совокупности в любом положении. При таком неравноценном соотношении примеров на твердые и мягкие замены прямой учет возможен только в пределах твердых или в пределах мягких замен, а при количественном соотношении фактов, касающихся твердых замен, с фактами, касающимися мягких замен, необходимо давать поправку, учитывающую указанное выше их общее количественное соотношение.

Твердые замены [ф] — [х] и [хв] — встречаются перед гласными [а], [о], [у] и их вариантами в безударном положении, причем в принципе обе эти замены известны перед всеми гласными (ср. [хв]*а́брика* и [х]*а́брика*, [хв]*о́рма* и [х]*о́рма*, [хв]*унт* и [х]*унт*). Твердые замены могут выступать и перед [е], но очень редко и

---

[16] О позднейшем распространении слова *сарафан* для обозначения определенного вида женской одежды можно заключить на основании данных об этом виде одежды в кн.: «Русские». Историко-этнографический атлас. М., 1967 (см. комментарии к карте № 41).

[17] Так, при подсчете этого соотношения, представленного в материалах по 393 нас. п. V тома, оказалось, что на 4219 примеров с твердыми заменами приходится 2015 примеров с мягкими заменами, т. е. несколько меньше половины.

исключительно в аббревиатурах. Так, например, в материалах V тома зафиксировано: *мэтэхвэ́* 3 раза, *хвэзэ́ў* 1 раз. Для того,чтобы судить о заменах фонемы ‹ф› перед гласным [ы], мы располагаем лишь следующим материалом: V том — *хы́ркнул* 589, *хвы́ркн'ьт'* 754, *нахухы́р'илас'* 729, а также *шархвы́* 164, 459, *бу́хвы* 564; ЮТ — *нахухы́р'илас'* 52, *хвы́ркн'ит'* 93, а также *γрахы́* 201, *γрахвы́* 514, *γра́хвы* 497, *др'о́хвы* (=дрофы) 680, *дро́хвы* 681.

Существуют говоры, где перед каждой из гласных ([а], [о], [у]) возможны обе замены, т. е. оба варианта проявляют как бы безразличие к качеству следующего за ними гласного. См., например: V том — 712 *Хвана́с*, *хва́ртук*, *кухва́йка* и *ха́брика*, *пътихфо́н* и *пътихо́н*, *хо́рма*, *Мархву́ша* и *ху́ры*, *худбо́л*. Однако таких материалов немного. Гораздо более типичны такие говоры, где распределение замен имеет более или менее отчетливо выраженную зависимость от последующего гласного, причем наиболее типичной является такая зависимость, при которой [хв] выступает преимущественно перед [а], [х] перед [у], тогда как перед [о] возможна как та, так и другая замена. См., например: V том — 591 *сърахва́н*, *хвам'и́л'ийа*, *кухва́йка*, *хва́ртук*, *хвана́р'*, *хфа́кты*, *път'ихво́н* и *Ахо́н'а*, *хура́шк'и*, *ху́ра*. Такое положение хорошо видно из приведенной ниже табл. 1, где показано соотношение [хв] и [х] в отдельных наиболее употребительных словах. Характерны также и следующие цифры: из общего числа диалектных систем, где на территории V тома и ЮТ атласов зафиксировано [х], что имеет место в 593 населенных пунктах, этот звук отмечен только в положении перед [у] в 253 пунктах; в положении перед [а] и [ъ] (в последнем случае на месте безударных замен [а] и [о]) — в 193 пунктах. Представление о распространении вариантов [х] и [хв] перед [у] дает карта № 2, которая показывает, что при широко, почти повсеместно распространенном [х] в этом положении сочетание [хв], разбросанное в виде островков по всей территории, концентрируется в восточной и юго-восточной части основного массива, в той полосе, где известно и наличие звука [ф] наряду с его заменами.

В связи с заменой ‹ф› на [х] следует специально остановиться на той лексике, которая была выше рассмотрена в связи с характеристикой замен ‹ф› в конце слова, т. е. на словах типа *торф*, *тиф* и т. д. Эти слова в формах косвенных падежей (*торфа*, *торфом*), а также некоторые производные от них (типа *оштрафовать*, *тифозный*) составляют тот круг словоформ, в которых чаще, чем в других словах, в позиции перед гласными (за исключением позиции перед [у]) выступает [х] в качестве замены ‹ф›, ср. *то́р*[х]*а*, *ти́*[х]*ом*, *шар*[х]*о́в*, *штра́*[х]*а*, *ти*[х]*о́зный*, *оштра*[х]*ова́ли* и т. д. В говорах 37 населенных пунктов при [х] в подобного типа лексике в тех же фонетических положениях в других словах фиксируется только [хв] ([хв]*а́брика*, [Хв]*ама́*, [хв]*о́рма* и т. д.). Из подсчетов, проведенных по материалам V тома и ЮТ, [х] в конце основы в формах косвенных падежей слов типа *торф* перед гласными

[а], [о] или [ъ] окончаний зафиксировано в 51 нас. п., тогда как сочетание [хв] — всего в 27 [18]. Кроме того, в 8 нас. п. в словах этой категории на месте ‹ф› зафиксирован [γ] или в уменьшительных образованиях [ж] как ступень чередования [γ], ср. ЮТ: 43 *шаржóчка* (от *шарф*), 148 *тору*, 241 *нъ тарґýй*, 336 *тóрґу*, *тóрґъм*, *таршкý*, *таржош'ку*, 404 *таржóч'ък*, 413 *нъ тарґýй*, 438 *тóрґам*, 439 *тóрґъм*.

Очевидно, звук [х], утвердившийся в этих словах первоначально как замена ‹ф›, находясь в исходной словоформе в слабой позиции, был в дальнейшем осмыслен как звук, представляющий в одних говорах фонему ‹х›, в других — фонему ‹γ›. Парность *γ* — *х* по звонкости—глухости явилась в последнем случае почвой для осмысления [х] как позиционного варианта ‹γ›. О том, что в других случаях «этимологизировался» *х*, свидетельствуют формы множественного числа с окончанием *-и*, зафиксированные в ЮТ в следующих населенных пунктах: 43, 78, 306, 309, 641 — *шархи́*, 135, 315, 404 — *тóрхи́*. Формы им. п. мн. ч. с окончанием *-и* от существительных мужского рода не могут быть образованы от основ на *ф* и, наоборот, образуются от основ на *х-*, ср. *грех — грехи*, *орех — орехи*.

Из сказанного, однако, не следует, что слова типа *торф* во всех говорах расходятся с другими словами по судьбе в них ‹ф›. Выше были приведены данные о распространенности в них сочетания [хв] как в позиции перед окончаниями и суффиксами, начинающимися с гласной, так и в позиции на конце слова. Эти данные свидетельствуют о том, что в части говоров такие слова в отношении судьбы в них ‹ф› сходны с другими заимствованными словами, содержащими эту фонему. Мена в них [хв] на [х] определяется в таких говорах позицией: [хв] — перед гласными (всеми или исключая [у], [х] в конце слова).

Мнение о том, что распространенность варианта [хв] связана с положением перед ударенным гласным, не подтверждается нашим материалом. Оно основано, видимо, на том, что в наиболее частотной для [хв] позиции, перед гласным [а], преобладают слова с ударением на [а], ср. *фáбрика*, *сарафáн*, *фáртук* и нек. др.

Однако такое же преобладание [хв] (или даже полное отсутствие варианта [х]) наблюдается и перед безударным [а], ср., например, слова *фамúлия* ([хв] — 259, [х] — 39), *фасóн* ([хв] — 21, [х] — отсутствует), *фатá* ([хв] — 17, [х] — отсутствует). Слова, где ‹ф› выступает перед [у] как ударенным, так и безударным, дают безусловное преобладание [х], при этом наиболее частотным словом, часто единственным, приводимым в ответах, является *фунт* с [у] под ударением. Среди слов, где осваиваемый звук находится в позиции перед [о], можно найти примеры с преобладанием [хв] в ударенном слоге, ср. *фóртка* ([хв] — 17, [х] —

[18] Выше мы отмечали в единичных случаях [хв] в этой категории слов и в положении конца слова (очевидно, перед гласным следующего слова).

2), *фо́кус* ([хв] — 22, [х] — 1), с приблизительно равным количеством примеров как для [хв], так и для [х], ср. *фо́рма* ([хв] — 97, [х] — 62); в собственных же именах *Фома́*, *Фо́мка* преобладающей оказывается замена на [х]: *Фо́мка* ([хв] — нет, [х] — 17), *Фома́* ([хв] — 31, [х] — 118).

Таблица 1

Слова с заменами ‹ф›

Слово	Общее кол-во примеров	Кол-во примеров		Слово	Общее кол-во примеров	Кол-во примеров	
		с [хв]	с [х]			с [хв]	с [х]
Сарафа́н	770	763	7	*Форси́ть, форсу́н*	42	39	3
Фунт	618	163	455	*Фунда́мент*	42	6	36
Фа́ртук	487	483	4	*Ма́рфа*	41	40	1
Фа́брика	364	337	27	*Афо́ня*	36	19	17
Фами́лия	298	259	39	*Фу́ра*	33	2	31
Фона́рь	174	149	25	*Фо́кус*	23	22	1
Фо́рма	159	97	62	*Мануфакту́ра*	21	19	2
Фома́	149	31	118	*Фасо́н*	21	21	—
Митрофа́н	140	132	8	*Фура́ж*	21	4	19
Марфу́ша	73	5	68	*Фо́ртка*	19	17	2
Телефо́н	72	62	10	*Сафо́ново*	18	13	5
Патефо́н	64	49	15	*Фата́*	17	17	—
Фура́жка	60	9	51	*Фо́мка*	17	—	17
Афана́сий	44	39	5				

Для того, чтобы можно было правильно оценивать соотношение замен [хв] и [х] перед гласными, приводим общую статистическую характеристику встречаемости ‹ф› и ее замен перед гласными [а], [о], [у], а также [а], [о] в безударном положении: [фа] — 902, [фо] — 163, [фу] — 406, [фъ] — 496 (по V тому).

Подводя итог рассмотрению твердых замен ‹ф› перед гласными, приведем цифры, характеризующие суммарное отношение замен ‹ф› посредством [х] к ее заменам посредством [хв]. Замены на [х] составляют ≈30% замен на [хв]. В абсолютных цифрах это соотношение выражается как 351 (примеры с [х]) к 1146 (примеры с [хв])[19].

Мягкие замены *ф* могут выступать перед ударенными [и], [е] и [о]: перед [и] в словах *фи́нский, графи́н, фи́кус, Фили́пп* и др.; перед [е] — в словах *конфе́ты, фе́рма* [20], *фе́льдшер* и др.; перед [о] — в словах *Фёдор, Фёкла, шофёр* и др. Лишь в одном слове *тюфя́к* фонема ‹ф'› выступает перед ударенным [а]. Широко отмечается ‹ф'› перед безударными [а] (на месте *е*) в словах *Федо́т, Февро́нья, шоферо́в, шо́фер* и др.

[19] Подсчет производился по материалам V тома и ЮТ. При подсчете не принимались во внимание те говоры, где всякое *ф* передается только как [х] или только как [хв].

[20] Это слово встречается также с гласным[и] — *ф'ирма*.

Во всех этих позициях для абсолютного большинства слов материал говоров показывает значительное преобладание примеров с заменой [хв'], хотя в разных словах оно может выражаться в разных соотношениях, вплоть до полного отсутствия замен с [х']. Но отдельные слова, как, например, слово *фе́рма* (*фи́рма*), могут давать примерно равное распределение вариантов, и, наконец, слова *февра́ль*, *Трофи́м*, *Ефи́м* дают преобладание [х'] (см. табл. 2).

Таблица 2

Слова с заменами ‹ф'›

Слово	Общее кол-во примеров	Кол-во примеров		Слово	Общее кол-во примеров	Кол-во примеров	
		с [хв']	с [х']			с [хв']	с [х']
Фили́пп	267	229	38	*Фе́рма*	52	37	15
Конфе́та	265	250	15	*Фи́рма*	49	29	20
Фёдор	172	166	6	*Буфе́т*	36	33	3
Фе́дя	167	157	10	*Фити́ль*	36	34	2
Фи́ны, *фи́нский*	96	86	10	*Трафи́м*	36	4	32
Ефи́м, *Фи́ма*	80	1	79	*Профе́ссор*	28	28	—
Фе́льдшер	70	68	2	*Фи́кус*	21	20	1
Февра́ль	61	13	48	*Графи́н*	19	18	1

Если для твердых замен мы отмечали значительное преобладание сочетания [хв] над [х] ([х] составляет там ≈30% от [хв]), то это преобладание вдвое увеличивается в мягких заменах, где [х'] составляет всего 15% от [хв']. В абсолютных цифрах оно выражается как отношение 105 (примеры с [х']) к 682 (примеры с [хв']).

В связи с судьбой мягкого *ф* следует отметить, что в ряде имен — сюда относятся *Федосья*, *Февронья*, *Федора*, — а также в названии месяца *февраль* в их «якающем» произношении в соответствии с ‹ф'› может выступать твердый [х]. Такая замена отмечена перед *и* в имени *Филимон*. Приводим этот материал полностью: I том — 206 *Халимо́нъф*; V том — 4 *Хадо́тка*, 12 *Хавро́н'йа*, 25 *Хъдо́ра*, 284 *Хадо́ра*, 294 *Хадо́ска*, *Хадо́ня*, 314 *Хадо́с'-с'ин брат*, 328 *Хадо́с't'а*, 511 *Хадо́ра*, 523 *Хадо́ска*, 544 *Хадо́ра*, *Хадо́ска*, 566 *Хадо́са*, 569 *хъврал'а́*, 652 *хавра́л'*, 683 *Хавро́н'йа*, 691 *Хадо́ра*, 692 *Хадо́ра*, *Хадо́рка*, 728 *Хал'имо́н*; VI том — 329 *Хавро́н'йа*, 368 *Хавро́н'йа*, 462 *ховра́л'*, 561 *Хавро́н'йа*, 646 *хъврал'е́*, 740 *хъшрал'а*; ЮТ — 4 *хъвра́л'*, 10 *Хадо́с'йа*, *Хадо́ра*, 133 *Хадо́с'а*, *Хадос"а*, 135 *Хадо́ра*, 137 *Хал'имо́н*, *Хал'имо́н'иха*, 144 *к Хадо́ры*, *Хадо́рка*, 152 *Хадо́с'с'а*, *Хадо́ра*, 162 *Хадо́рка*, 231 *Хавро́н'йа*, 485 *хавра́л'*, 552 *Хавро́шка*, 823 *хъврал'а́*.

Характеризуя твердые и мягкие замены *ф* в говорах, где они могут быть представлены двояко, как *х* и как *хв*, следует обратить внимание на сравнительную распространенность систем, в кото-

рых *х* и *хв* по-разному проявляют себя в твердых и мягких заменах. Как показывает карта 3, по этому признаку выделяются следующие системы [21].

II (440)	III (51)	IV (155)	V (38)	VI (14)	VII (8)	VIII (14)
— *хв'* *х*, *хв*	*х'*, *хв'* — *хв*	*х'*, *хв'* *х*, *хв*	*х'* — *х*, *хв*	*х'* *хв'* *х* —	*х'* — — *хв*	— *хв'* *х*

Как видим, безусловное преобладание имеют системы 2-го типа, где в качестве мягкой замены известно только [хв'], тогда как в твердых может быть представлено и [х] и [хв]. Следующими по употребительности являются системы 4-го типа, где и *х* и *хв* возможны в качестве твердых и мягких замен. Все остальные системы распространены значительно меньше, часть из них может являться отражением неполноты материала.

Как уже говорилось выше, диалектные системы, в которых в качестве замен и ‹ф› и ‹ф'› может выступать только сочетание *хв* ([хв] — [хв']), не представляя достаточно компактных массивов в центре основного ареала, все же достаточно заметно концентрируются на его периферии, во многом совпадая с территорией, где уже известен звук [ɸ] наряду с его заменами. На этом основании можно сделать предположение, что системы подобного типа — более поздней формации, чем те, которые в разной мере знают звук [х] в качестве замен *ɸ*. Характерно то, что юго-восток массива является также и той территорией, где в позиции перед [у] возможно [хв], значительно реже встречающееся в западной части массива (см. карту 2).

Характеризуя зону сосуществования [ɸ] с его заменами, следует отметить, что анализ материала, отражающего усвоение звука [ɸ], не показал каких-либо структурных особенностей проникновения этого звука в консонантную систему говоров, не знавших его ранее. Анализ фонетических позиций, в которых отмечается звук [ɸ] в системах, где одновременно известны и его замены, не дает возможности утверждать более раннее проникновение его в какие-либо одни фонетические позиции по сравнению с другими. В усвоении же ‹ф› и ‹ф'› отражаются, хотя и недостаточно четко, некоторые различия: [ɸ] составляет по количеству примеров немногим меньше половины всех твердых замен (их соотношение — 348 : 713), в то время как [ɸ'] составляет по количеству примеров немногим больше половины от всех мягких замен (их соотношение — 176 : 321). Однако следует признать, что материал, которым мы располагаем, собранный экстенсивным методом, для суждений о ходе описываемого процесса малопри-

[21] Мы приводим их под теми номерами, которые им присвоены на карте: цифры в скобках указывают на количество таких систем, зафиксированных в томах V, VI, ЮТ атласа.

годен вследствие его недостаточности. Эта проблема должна решаться на базе материалов, собранных интенсивным путем со специальной установкой на обильное фиксирование необходимого материала путем его сплошной записи в потоке речи.

В заключение остановимся на характеристике тех замен, которые представляют собой *x* с последующим губным элементом,— замен, которые мы рассматривали пока условно как нечто единое.

Как уже говорилось, среди этих замен повсеместное распространение имеет [хв], все остальные представлены в ограниченном числе материалов и почти всегда в сосуществовании с [хв]. Замена [xw] отмечена в 37, а [хф] — в 115 населенных пунктах [22].

Что касается соотношения [хв] и [xw], то оно в значительной степени определяется, по-видимому, качеством фонемы ‹в› перед гласными в тех же говорах [23] и должно быть в дальнейшем рассмотрено на фоне судьбы в этих говорах этой фонемы ‹в›.

Больший интерес в связи с судьбой ‹ф› представляет сочетание [хф], которое получало разную трактовку. Наиболее детально на этом останавливается В. Г. Орлова в своей монографии «Губные спиранты в русском языке» (стр. 194). В. Г. Орлова считает, что [хф] возникло на почве более раннего [хφ] путем замены перед гласным [φ] на [ф], аналогично тому, как сочетание [xw] в этом же положении изменялось на [хв]. С. И. Котков склонен вообще отрицать наличие такого сочетания в языке, во всяком случае в памятниках. Он считает его графическим приемом, отражающим контаминацию произношения писца и традиционного написания [24].

Сочетание [хф] распространено, кроме говоров западной Брянщины, стоящих несколько особняком, преимущественно в говорах пограничной полосы, для которой характерно сосуществование [ф] с его заменами. Уже сама определенность распространения сочетания [хф] говорит о том, что оно отражает определенную языковую реальность; другое дело, как это сочетание трактовать в плане его происхождения. Характер распространения на периферии явления скорее свидетельствует о вторичности этого сочетания, о его позднем появлении и, по-видимому, о его связи с определенными этапами освоения глухой губно-зубной артикуляции.

Проведенный нами анализ позиционных условий, в которых выступает сочетание [хф], показал отсутствие зависимости от позиции в слове, но наличие такой зависимости от твердости или мягкости заменяемого им звука. Так выяснилось, что твердое

---

[22] Имеем здесь в виду положение перед гласными. Для положения перед согласными и на конце слова материал приведен в соответствующих разделах.

[23] Как известно, именно в этой позиции [в] губно-зубной проникает раньше всего в системы с [w] билабиальным. В современных ю.-р. говорах оно в этом положении почти полностью вытеснило [w]. См. об этом: В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке.

[24] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 89, 90.

сочетание [хф] встретилось в 131 примерах, мягкое [хф'] — в 110, т. е. что количественно они представлены примерно одинаково. Однако, если мы сделаем поправку на относительную встречаемость слов с твердыми и мягкими заменами (2 : 1 в пользу твердых), то это соотношение следует трактовать как преобладание сочетания *х* с глухим губно-зубным в мягких заменах [25].

Если считать, что в употреблении [хф] проявляется процесс освоения произношения звука [ф], то появление *хф* преимущественно в мягкой разновидности [хф'] может свидетельствовать о том, что артикуляция [ф'] усваивается легче, чем [ф] твердого.

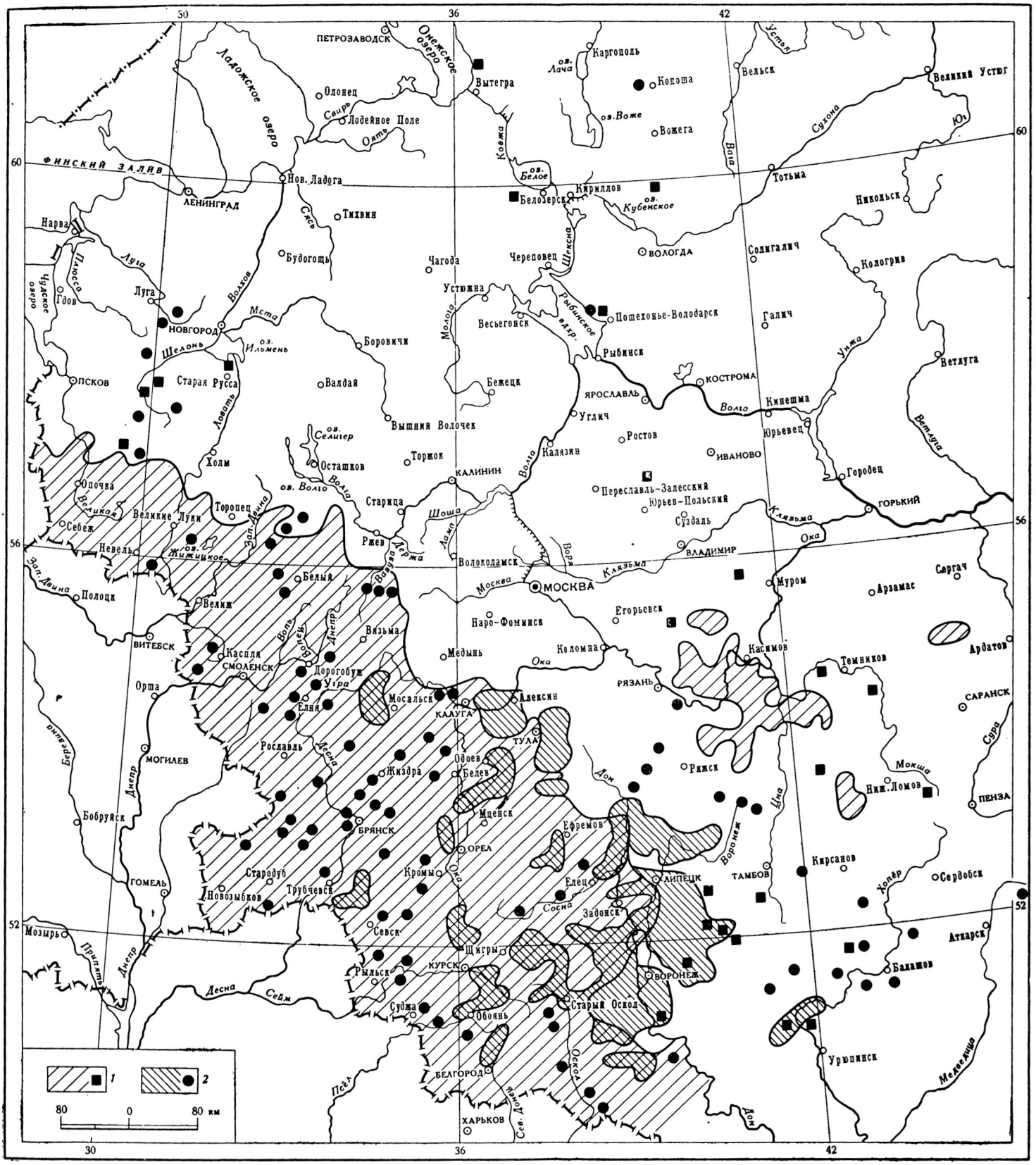
Еще менее значительное место занимают факты, которые могли бы свидетельствовать, прямо или косвенно, о губно-губном характере звука, произносимого в качестве второго согласного в сочетании с *х*, т. е. о наличии замен типа [хφ] или об особом диффузном звуке, как бы совмещающем губную и заднеязычную артикуляцию. Вот этот материал: V том — 353 *х^{w}ам'ил'ийа*, 568 *х^{w}абр'ика*, 583 *Митрафа́н*, *сарафа́н* [26], 619 *сарахфа́н*, 643 *хфа́ртук*, 677 *фана́р'*, 701 *хфунт* с ремаркой «билабиальное», 709 *хф^{w}асо́н*, 718 *х^{w}ътака́рточку*; VI том — 324 *^{ф}хе́н'а*, 589 приведены примеры с [х] и [хв], но есть ремарка: «В положении между гласными и в начале слова перед гласной *ф* звучит как *хв* или *хф*, но губной элемент слаб. Поэтому возникает затруднение в транскрибировании между буквой *х* и сочетаниями *хв* и *хф*»; 609 *на торфу́*, 857 *торф*; ЮТ—10 *фам'ил'ийа*, 59 *Х^{w}едо́ра*, 66 *тарфу́*, *то́рх^{w}у*, *тарх^{w}и́ну*, 214 *фата́*, *фура́ж*, 215 *фи́л'ка*, *ах^{w}и́шу*, 231 *тарх^{w}у́*, 266 *Ахфана́с*, *два шо́хфьра*, *т'и́хфам*.

Территориальное распространение этих фактов сходно с распространением [хф] — т. е. группируются они преимущественно в полосе сосуществования [ф] и его замен. Видимо, и трактовка их должна быть сходной. Разница заключается только в сохранении в последнем случае губно-губной артикуляции.

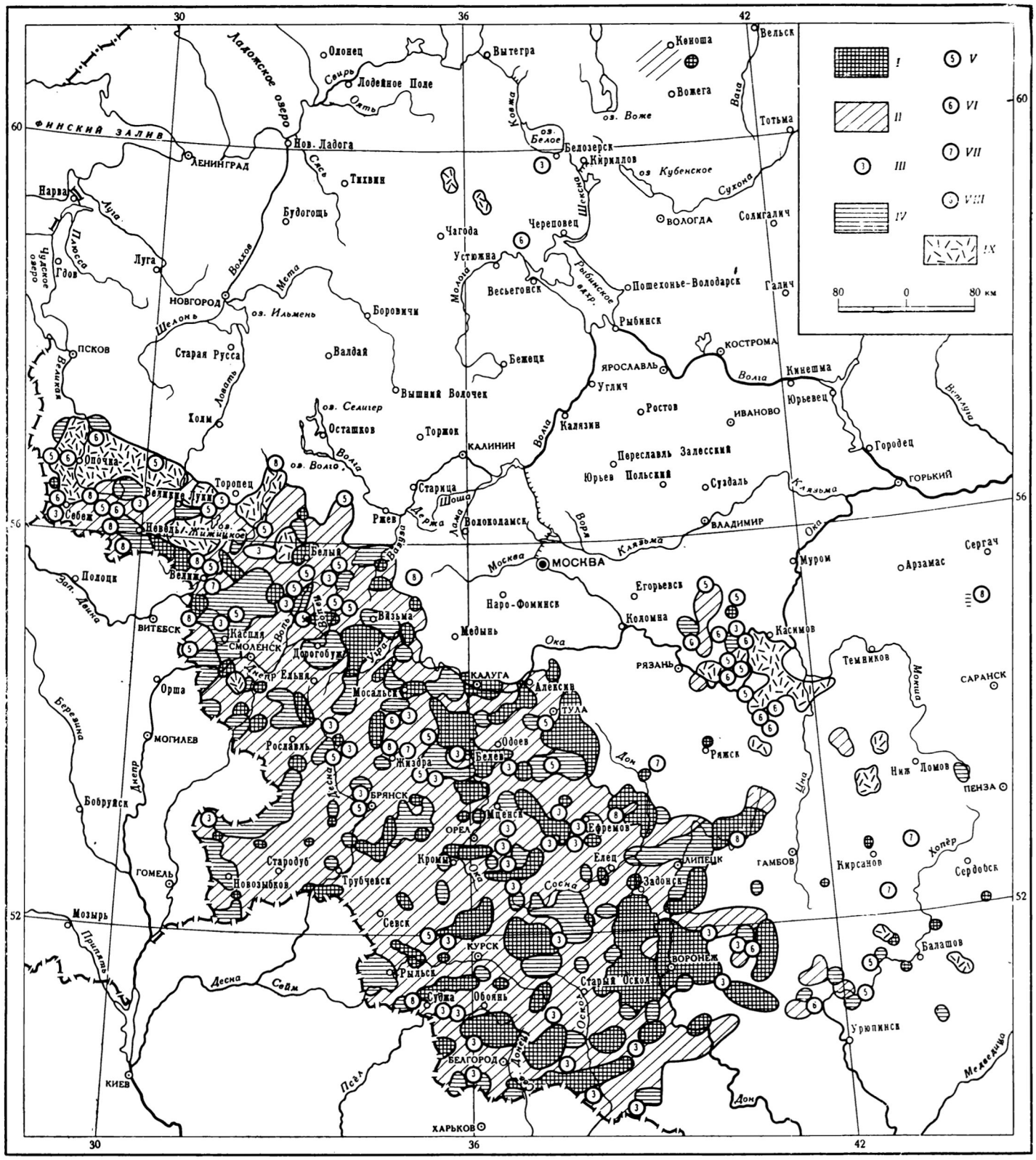
[25] Ср. данные С. И. Коткова («Южновеликорусское наречие в XVII столетии», стр. 88), который в исследованных им памятниках XVII в. находит четыре случая написания *хф* на месте *ф*, из которых три падают на положение перед *и* или *е*: *Ерохфей*, *Тимохфъевичемъ*, *Охфим* (ь)*ицу*, но *Сорохфанами*.

[26] Такой ход процесса хорошо согласуется с наблюдениями А. Б. Пеньковского в говорах западной Брянщины об особенностях процесса усвоения губно-зубной артикуляции звука *в* говорами, знающими *w* билабиальное. «Навязываемая извне губно-зубная артикуляция усваивается не сразу и замещает губно-губную прежде всего тогда, когда она оказывается плоскощелевой и напряженной. Поэтому раньше всего это изменение распространяется на *w'*, поскольку мягкий согласный оказывается наиболее напряженным» («Фонетика говоров западной Брянщины», ч. II. Канд. дисс. Владимир, 1966; рукопись). Можно думать, что между процессом усвоения звонкой и глухой губно-зубной артикуляции должен быть параллелизм.

Карта 2. Замены ‹ф› в позиции перед [у]

1 — [х]: [х]*унт*, [х]*ура́жка* и др.; *2* — [хв]: [хв]*унт*, [хв]*ура́жка* и др.

Карта 3. Системы звуков, выступающих в соответствии с ‹ф› и ‹ф'›

I | — | хв' / — | хв (214 нас. п.); II | — | хв' / х | хв (440 нас. п.); III | х' | хв' / — | хв (51 нас. п.); IV | х' | хв' / х | хв (155 нас. п.);

V | х' | — / х | хв (38 нас. п.); VI | х' | хв' / х | — (14 нас. п.); VII | х' | — / — | хв (8 нас. п.); VIII | — | хв' / х | — (14 нас. п.); IX | х' | — / х | — (56 нас. п.)

Н. А. ЛИПОВСКАЯ

ГУБНЫЕ СПИРАНТЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЗОНЫ

По характеру произношения губных спирантов говоры русского языка можно разделить на такие, где имеется произношение спиранта губно-губного образования и где такое образование отсутствует [1].

Характер произношения губных спирантов в славянских языках вообще и в говорах русского языка в частности, привлекал внимание многих ученых [2]. В процессе исследования этого вопроса были высказаны различные предположения о фонетических условиях, вызывавших произношение [в], [w], [ў]. Анализ диалектных данных русского языка дал возможность исследователям установить определенные фонетические позиции, в которых наблюдается подобное произношение [3]. Эти положения сохраняют свою правомерность до сих пор и подтверждаются показаниями современных лингвогеографических данных. В соответствии с установленными фонетическими позициями будет рассматриваться чередование [в] — [w] ([ў]) и в настоящей работе, причем при

[1] Известно, что спирант губно-губного образования может обладать меньшей или большей сонорностью и в последнем случае переходить в [ў] неслоговое. Однако акустически и функционально [w] и [ў] очень близки (см.: В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», II. М.—Л., 1950, стр. 167—210; В. И. Борковский и П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 52; О. Брок. Очерки физиологии славянской речи. — В кн.: «Энциклопедия славянской филологии», вып. 5. СПб., 1910, стр. 23), поэтому в дальнейшем произношение [w] и [ў] будет рассматриваться как известное единство, а следовательно, и знаки *w* и *ў* приниматься без различия для обозначения билабиального типа произношения губного спиранта.

[2] См.: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 120—123; Он же. Опыт русской диалектологии. М., 1897, стр. 14; А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. II (литограф. изд.), стр. 192—198; Он же. Введение в курс русского языка. Пг., 1916; Он же. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии». вып. 11. Пг., 1915, стр. 289—294; Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, 1924, стр. 119—120; Е. Ф. Карский. Русская диалектология. Л., 1914, стр. 56; Он же. Белорусы, т. I, стр. 97—98; Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 124—125; Он же. Очерки диалектологии Рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.—Л., 1949, стр. 180—181; П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951, стр. 56—59; Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Казань, 1896, стр. 146—155; В. Г. Орлова. К истории звуков *в* — *ф* в русском языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 1948, вып. 6; Она же. Губные спиранты в русском языке, стр. 170—173; А. Б. Пеньковский. Фонетика говоров западной Брянщины. Канд. дисс. Владимир, 1966, стр. 4—20.

[3] В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке, стр. 181—186; А. Б. Пеньковский. Указ. соч., стр. 4—20.

анализе материала будет учитываться контекст согласных фонем, особенно тех согласных, которые следуют за губным спирантом.

В Институте русского языка АН СССР закончена работа над «Диалектологическим атласом русского языка». Материалы этого атласа дают возможность рассмотреть вопрос об употреблении губных спирантов в территориальном аспекте, т. е. с учетом положения говоров, знающих то или иное произношение губных спирантов в общем ареале их диалектного употребления. Такое изучение может помочь, в частности, выяснению причин, от которых зависит последовательность чередования [в] с [w] ([ў]), для чего детальное изучение фонетических условий должно органически сочетаться с указанными данными о местоположении отдельных говоров в общем ареале явления.

Как показывают данные лингвистической географии, на картографируемой в атласе территории русского языка выделяются два больших ареала, характеризующихся наличием произношения [w] ([ў]) в различных позициях: юго-западный и северный [4]. В настоящей работе произношение губных спирантов изучается по данным говоров, находящихся на территории северного ареала, охватывающего с разной степенью последовательности подобного произношения территорию северо-восточной диалектной зоны [5]. По характеру произношения изучаемых звуков этот ареал не является однородным, и в соответствии с особенностями, выступающими при реализации фонемы ‹в›, он может быть подразделен на более частные территории: западная часть Вологодской группы говоров, средняя часть северных межзональных говоров, западная часть Онежской группы говоров и восточная часть Вологодской группы говоров. Важно оговорить, что произношение билабиального [w] обычно не наблюдается в положении перед гласными в начале и середине слова. На всей изучаемой территории в этой позиции отмечен губно-зубной [в]. Исключение составляют единичные говоры, в которых зафиксирован губно-губной спирант в этом положении [6]. В качестве примера приведем материал одного из подобных говоров: 808 *wожý*, *wоды́*, *wo дwор'é*, *wозáм*, *wóлосы*, *самоwáр*, *дроwá*, *тоwáрка*, *мохоwáто*, *даwáй*, *трawá*, *д'ép'ewo*, *на wойн'é*, *д'ешоwбй*, *упowодá*, *заwóда*, *wкузоwý*, *wы́л'ezla*, *пос'éwы*, *корówы*, *wы́pocla nolow'и́ной; w'éрóй*, *w Wóжегу*. На основании исследования материала этих говоров не удалось установить какую-либо зависимость качества согласного от лабиализации соседних гласных, так как [*w*] отмечен в соседстве с различными гласными, лабиализованными и нелабиализованными.

---

[4] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 35 и 37.

[5] В работе использованы составленные А. К. Васильевой карты «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы».

[6] Материал в работе приводится из «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы»; цифры при примерах означают номера населенных пунктов по атласу.

ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ ВОЛОГОДСКОЙ ГРУППЫ ГОВОРОВ

Ареал произношения билабиального [w] в середине слова перед согласными в западной части Вологодской группы говоров представляет собой территорию, очерченную линией Коноша—Вологда—Кубенское оз.—оз. Воже—Коноша (см. карту 1). В системе говоров данной территории распространено губно-губное образование согласного как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании с губно-зубным.

В положении перед глухим согласным произношение билабиального типа представлено на всем ареале. Однако важно отметить, что наблюдается определенная территория исключительного распространения подобного произношения. Границы ее можно охарактеризовать следующим образом: оз. Воже—Коноша—р. Вага—Кубенское оз.—оз. Воже. На этой территории произношение указанного типа представлено последовательно в неограниченном кругу лексики. См., например: 314 *голо́ўкой, соўхо́сск'и, з д'е́ўшкам, морко́ўку, була́ўк'и, в'ер'о́ўка, голодо́ўка, торго́ўц'и, на кана́ўках, w'up'óўка, сл'и́ўк'и, д'е́ўкам;* 318 *кр'укоўшч'ик'и́, соўс'е́м, кладо́ўка, из коўша, лоўцы́, зголодо́ўк'и, ла́ўка, орло́ўской, коро́ўка, соўхо́с, пу́гоўка, ос'и́ноўка, за́ўтра.*

На опоясывающих центральный ареал территориях отмечаются говоры, в которых в этом положении наблюдается сосуществование [в] и [w] ([ў]). Однако губно-зубная артикуляция отмечается лишь в единичных случаях [7]. Так, например: 146 *за́фтрак — муто́шка, морко́шка, кошш, напла́шка, за́штра, м'иро́шка, с'в'екро́шка, золо́шка;* 319 *под ла́фку — Б'ил'а́йьшскъй, продаўцу́, кошш, л'ито́шка, ка́ўкает, д'е́ўка, woўс'о́, за́ўтра, w ла́ўку, була́ўку.*

Говоры, в которых наблюдается нарастание случаев губно-зубного образования спиранта, или где губно-губная и губно-зубная артикуляция спиранта имеют широкое распространение, непосредственно примыкают к описанным выше говорам, как бы опоясывая их. В качестве примера возьмем материал населенных пунктов на окраине этого ареала: 923 *продафцо́м, д'е́фка, о́фц'и, золо́фка, ла́фк'и, за́фтр'е, спра́фку, в оўс'е́, ко́ўшык, в'ер'о́ўку;* 925 *совс'и́м, д'ивц'о́шку, за́фтра, д'е́фку, золо́фка, ло́фкайа, в'ер'о́фка, в ла́фках, коро́фк'и, софс'е́м, мото́ўка, д'е́ўк'и, коўш, по ла́ўкам, из оўса́.*

Преимущественное употребление [в] губно-зубного образования при единичных случаях произношения [w] ([ў]) отмечено в окраинных говорах описываемой территории. См., например: 946 *коўш — Борш'ш'о́вку, коро́вк'и, овц'и́н, овца́, овса́, кофш, под ла́фку, п'ит'идн'е́фку, страхо́фк'и, ло́фко, коро́фку, обу́фка, д'е́фк'и, спра́фк'и, офца́, лофч'а́йе, за́фтра, пофс'ем'е́сно, софс'е́м, офс'а́на, обу́фшыс'*; 949 *ла́ўк'и — за кана́вкой, со фроло́вск'им'и,*

[7] В говорах, где звонкие согласные перед глухими и на конце слова оглушаются, на месте [в] в этих позициях будет рассматриваться [ф].

в К'ировск'е, золóвк'и, с овсóм, лáвка, ковш, овч'áрн'ик, овцá, ржáвч'ина, совс'éм, д'ифч'áта, в д'éфках, в'ер'óфка, спрáфку, вы́шыфка, кладóфка, д'ефч'óнка.

Таким образом, на данной территории мы можем наблюдать как бы самый процесс перехода от билабиального типа произношения спиранта к губно-зубному. В более глубинных ее говорах последовательно выступает исключительное употребление билабиального произношения губного спиранта. По мере удаления от них нарастает количество случаев губно-зубного образования, и постепенно оно становится преобладающим в окраинных говорах этой территории.

Как показало исследование материала, для изучения различных вариантов произношения [в] в положении перед звонким согласным важно выделить в качестве особой позиции положение перед сонорным согласным. В этом положении исключительное употребление [w] ([ў]) выступает в виде двух ареалов на общей территории западной части вологодских говоров: северного и южного (см. карту 2).

Произношение [w] ([ў]) в говорах этих ареалов в положении перед сонорными согласными представлено достаточно широко и последовательно. См., например: 809 *нароўн'é, бр'óўна, даўнó, д'ер'éўн'а, глáўно, заготоўл'ел'и*; 926 *готóўл'у, под'ешéўл'е, claўнýл'а, соўм'éсно, праўл'éне'йо, п'иўнýт, рóўно, сыноўйá*.

На материале говоров, примыкающих к территории исключительного употребления [w] ([ў]), можно наблюдать, как в положении перед сонорным появляется новая губно-зубная артикуляция, отмеченная в единичных случаях: 143 *давнó — соўр'óт, наўр'óт, Коўжа, с крóўл'и, д'ер'éўн'а, рóўно, даўн'ó*; 734 *д'ер'éвн'а — даўнó, роўнó, крóўл'у, д'ер'éўн'а*. В говорах, опоясывающих территорию исключительного употребления [w] ([ў]) перед сонорным, широко представлены оба типа произношения губного спиранта. Так, например: 140 *отправл'éйут, д'ер'éвн'а, зайавл'éйот, жарóўн'а, полóўн'ик, пороўн'ál'ис', д'ер'éўн'а, даўнó*; 923 *направл'éл'и, отправл'éйут, настáўл'у, домóўн'иц'ейут, состаўл'ел'и, д'ер'éўн'а, claўнýха*; 943 *д'ер'éвн'а, м'ихáйловна, настáвн'ик'и, ивн'áк, совráў, пр'ибавл'éйут, убавл'éт', жоравл'и́, завл'окý, на бр'óвнах, соўрáт', остаўл'áў, рóўна, н'едáўно, даўнó.*

Говоры, примыкающие к описанным выше на юго-востоке территории, характеризуются преобладанием в них губно-зубного [в]. См,. например: 948 *даўнó, ловл'ý, отправл'áйут, овráг, справл'ál'и, заставл'áт', журавл'и́, мурав'йи́, испрáвл'ены, задавл'ýс', в д'ер'éвн'е, головн'и, бр'óвна, пáловна, коц'éвн'иком* и т. д. плюс около 40 примеров с *в*; 949 *д'ир'иўн'áх, дрóўн'и, н'едáўно, д'ер'éвн'у, полкóвн'иком, пр'иставл'álос', дрóвн'и, д'ер'éвн'а, пр'иготовл'áйут, овráг, н'едáвно, фс'оровнó, постáвл'ен, ч'асóвн'и, л'аксáндровна.*

В единичных рассеянных говорах отмечается исключительное произношение [в]. Расположение подобных говоров носит характер

отдельных вкраплений в общую систему говоров с билабиальным типом произношения в данной позиции.

Наибольшую территорию занимают говоры с исключительным употреблением [w] в положении перед звонким шумным согласным. Губно-губной спирант в этой позиции зафиксирован на территории, расположенной в пределах между Каргополем—Кирилловом—Грязовцем, на востоке ее границы доходят примерно до 42° в. д. (см. карту 1). Билабиальный тип произношения в данной позиции представлен наиболее последовательно. Однако приводимый материал лексически довольно ограничен, в ответах приводится, как правило, программное слово *правда*, а также слова *август*, *Евгения*, *Евдокия*, *Новгород*, *Клавдия*, *овдовела* [8]. Вероятно, в языке говоров невелико количество слов, где бы [в] был в положении перед звонким шумным согласным [9]. Подобный материал не дает возможности говорить о количественном соотношении [в] и [w] на различных участках данной территории. Мы можем лишь заметить, что говоры, примыкающие к зоне исключительного употребления [w] в положении перед звонким шумным согласным, характеризуются сосуществованием в них [в] и [w].

При изучении различных вариантов произношения [в] в положении конца слова выделяются в качестве особой категории случаи, в которых конечный [в] представлен в исходе основы и тем самым находится в чередовании с неконечным [в] в других формах того же слова.

Исключительно билабиальный тип произношения отмечен в данной позиции почти на всей территории западной части вологодских говоров, кроме незначительных территорий в районах Коноши и Кириллова, на юго-востоке от оз. Воже, на северо-востоке от Вологды и в районе нижнего течения Ваги (см. карту 3).

Материал, характеризующий данное явление, лексически является довольно ограниченным. Губной спирант в исходе основы наиболее регулярно представлен в словах: *боров*, *голов*, *дров*, *кружев*, *кузов*, *рёв*, *ров*, *сев*, *сплав*, *трав*, *хлев*, *шов* [10].

В периферийных пунктах западной части Вологодской группы говоров наблюдается сосуществование двух типов образования губных спирантов в исходе основы на конце слова. Произношение [в] и [w] ([ў]) в них сравнительно равноправно.

В пределах общего ареала распространения [w] можно наблюдать говоры с исключительным употреблением [в] губно-зубного в данной позиции, которые имеют рассеянный характер распространения.

---

[8] Аналогичный материал рассматривается в дальнейшем в соответствующих разделах работы.

[9] На это же указывает А. Б. Пеньковский: «Следует отметить, что употребление звонкого губного спиранта внутри слов перед звонкими шумными ограничено здесь, как и в большинстве русских говоров, единичными случаями типа *правда*, *кривда*, *Авдей*» (указ. соч., стр. 12).

[10] Подобная лексика рассматривается в дальнейшем в соответствующих разделах работы.

В окончании род. п. мн. ч. существительных (*-ов*) на рассматриваемой территории широко представлены два типа губного спиранта, причем наибольшую территорию занимают говоры с исключительным употреблением [w] [11]. Они делятся на два ареала: северный и южный. Северный ареал расположен примерно от 40° до 41° в. д. и с севера на юг от Коноши до 60° с. ш., южный ареал находится в районе Кубенского оз. (см. карту № 3). Говоры, опоясывающие территорию исключительного произношения [w] в данном положении, характеризуются сосуществованием [в] и [w]. Достаточно значительные ареалы такого употребления наблюдаются в районе Каргополя—Коноши, на крайнем западе рассматриваемой территории от линии о. Воже—Кириллов до 40° в. д., а также на востоке территории между Вагой и Сухоной. Исключительное произношение [в] губно-зубного в этой позиции наиболее компактно представлено в юго-западном углу рассматриваемой территории — в районе Вологды и на востоке — вдоль течения Ваги.

На основании изложенного можно заключить, что на описанной западной части территории Вологодской группы говоров сравнительно широко представлено произношение [w]. При этом оказывается возможным выделить центральную часть этой территории, на которой подобное произношение наблюдается в исключительном распространении во всех изучаемых позициях. Наиболее широко распространено исключительное употребление [w] ([ў]) перед звонкими шумными согласными, меньшую территорию имеет произношение [w] на конце слова в исходе основы, затем — окончания, а также в положении перед сонорными согласными, наиболее ограничен ареал произношения [w] ([ў]) в позиции перед глухими согласными. В связи с этим можно предположить, что утрата явления начинается именно с позиции перед глухими согласными.

СРЕДНЯЯ ЧАСТЬ СЕВЕРНЫХ МЕЖЗОНАЛЬНЫХ ГОВОРОВ

Другой ареал, характеризующийся произношением [w] ([ў]) не перед гласным, расположен к западу от описанной выше территории. Его границы могут быть очерчены линией, проведенной от Вытегры к северной оконечности оз. Воже, далее на юг до 60°с.ш., затем на запад по этой параллели и на север до Вытегры. В системе говоров данной территории широко представлено губно-губное образование согласного.

В положении перед глухим шумным согласным [w] отмечен на всей территории, исключая единичные пункты в северо-восточном углу данной территории и ряд пунктов в восточной части по р. Ковже. Исключительное употребление губно-губной артику-

[11] Своеобразие данной позиции определяется грамматической категорией, а не характером лексики. Поэтому здесь и в следующих аналогичных разделах работы материал не приводится.

ляции в данном положении на описываемой территории отмечают лишь в отдельных единичных населенных пунктах на северо-западе от Белого озера и на востоке описываемой территории. Случаи преобладания [в] губно-зубного при единичном [w] ([ў]) отмечены в рассеянном распространении преимущественно на севере данной территории. См., например: 110 *д'éўк'и*, *заўтра* — *золóфка*, *зáфтра*, *лóфкой*, *кóфшык*, *в'ер'óфкам*, *лóфкайа*, *здорóфше*, *лыжн'óфка*, *корóфку*; 125 *кóўшык* — *моркóфка*, *мутóфка*, *кладóфка*, *офс'áнка*, *солофк'и́*, *св'екрóфка*, *лáфка*, *офцá*.

В основном же для данной территории характерно примерно равноправное сосуществование [в] и [w] ([ў]) в положении перед глухим шумным согласным. Так, например: 116 *лáфка*, *лáфк'и*, *трáфк'и*, *д'éўка*, *кóўшык*, *св'екрóўка*, *лáўка*; 136 *д'éфка*, *офцá*, *в'ер'óфкой*, *заўтра*, *пр'ип'éўк'и*, *д'éўка*.

В положении перед сонорными согласными в подавляющем большинстве случаев на этой территории наблюдается сосуществование [в] и [w], лишь в единичных пунктах отмечено в исключительном употреблении произношение [w].

При изучении колебаний в употреблении [w] в данной позиции следует иметь в виду, что круг лексики, свидетельствующей о произношении [w], сравнительно неширок и в основном представлен словами, приведенными в «Программе»: *деревня*, *бревно*, *давно*, *равно*, *готовлю*, *дровни* [12].

В положении перед звонким шумным согласным для средней части северных межзональных говоров характерно употребление [w]. В исключительном употреблении губно-губная артикуляция отмечена почти на всей южной половине изучаемой территории, за исключением нескольких пунктов на северо-западном побережье Белого озера и крайнем юго-западном углу данной территории. Сосуществование обоих типов произношения спиранта отмечено в единичных говорах. Периферийные говоры описываемой территории характеризуются употреблением [в] губно-зубного в данной позиции.

На территории средней части северных межзональных говоров, кроме крайнего юго-западного угла, отмечено [w] ([ў]) на конце слова в исходе основы как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании с [в] губно-зубным. Исключительное произношение [w] ([ў]) наблюдается на южной части рассматриваемой территории, включающей побережье Белого озера. Сосуществование произношения [в] и [w] отмечается в говорах, примыкающих к описанному выше ареалу с севера и востока. Так, например: 91 *корóў*, *готóў*, *П'етрóў*, — *Хролóв*, *жóрноф*, *нап'éф*, *Гýс'оф*; 93 *покрóў*, *корóў*, *хл'еў*, *роў*, *дроў* — *хл'ефа*, *корóф*, *сплаф*.

Произношение [w] в окончании род. п. мн. ч. существительных (*-ов*) наблюдается на всей данной территории, кроме ее юго-

[12] В аналогичных разделах работы, рассматриваемых в дальнейшем, эти слова являются основой изучаемого материала.

западного угла. Исключительное употребление [w] в данном положении представлено двумя ареалами: в средней части изучаемой территории и на ее крайнем востоке (см. карту 3). На остальной территории, исключая юго-западный угол и ряд пунктов на севере, употребляются оба типа произношения спиранта.

Таким образом, на территории средней части северных межзональных говоров мы наблюдаем произношение [w] в подавляющем большинстве случаев в сосуществовании с произношением [в]. Говоры, отмечающие [w] в исключительном употреблении во всех рассматриваемых позициях, являются единичными. Наиболее последовательно [w] употребляется в положении перед звонким шумным согласным и в исходе основы.

ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ ОНЕЖСКОЙ ГРУППЫ ГОВОРОВ

На данной территории широко представлены оба типа произношения спиранта.

В положении перед глухим шумным согласным [w] и [в] отмечены как равноправные или произношение [в] является преобладающим. Иллюстрируем данное положение материалом следующих населенных пунктов: 8 *л'итбўка*, *лáфка*, *трáфка*, *сохран'úфшы*, *собрáфша*, *д'éфка*, *разб'úвша*, *надойéфшы*, *зáфтра*, *офцá*, *офсá*, *испóлн'ифшы с'éфшы*; 70 *д'éўка*, *оўцá*, *кбўшык*, *мутбўка*, *жыўшы*, *обнбўка*, *зáфтра*, *моркóфку*, *прогор'éфшы*, *остáфшы*, *офцá*, *в'ер'бфкъй*, *москóфскай*, *св'екрóфкай*, *жывшы*, *д'евч'бнкъй*, *распростран'úвшы*. В единичных рассеянных населенных пунктах в этой позиции представлен в исключительном употреблении губно-зубной тип образования спиранта.

Для положения перед сонорным в подавляющем большинстве случаев характерно сосуществование произношения [в] и [w] ([ў]), отмеченное на северной половине и в юго-восточном углу данной территории. Так, например: 7 *ф ф'еврал'и́*, *бр'евнó*, *д'ер'éвн'а*, *заставл'áйут*, *дашнó*, *бр'еўнó*; 82 *остáўл'у*, *бр'еўнó*, *дрбўн'и*, *зготбўл'ена*, *д'ер'éвн'а*, *справл'иваца*, *корбвн'ицей*. В междуречье Ояти и Свири отмечается в исключительном употреблении произношение [в].

Положение перед звонким шумным согласным очень непоследовательно отражено в материалах, далеко не во всех населенных пунктах есть примеры на эту позицию. На рассматриваемой территории отмечены два типа образования губного спиранта в этом положении, причем они, как правило, выступают в исключительном употреблении. Произношение билабиального [w] в исключительном употреблении наблюдается преимущественно на северной половине территории (см. карту 2). Сосуществование [в] и [w] отмечено в единичном пункте. Исключительное употребление [в] губно-зубного наблюдается в основном на южной половине территории за р. Свирью.

В исходе основы на конце слова билабиальный тип произношения представлен как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании с [в] губно-зубного образования. В исключительном употреблении произношение [w] отмечено в основном на небольшой территории к северу от р. Свири. Сосуществование губного-зубного и билабиального произношения спиранта наблюдается в междуречье Ояти и Свири. Исключительное употребление губно-зубного спиранта представлено в ряде говоров населенных пунктов, расположенных на западном побережье Онежского озера, а также в юго-западной части рассматриваемой территории.

В окончании род. п. мн. ч. наиболее характерным является сосуществование губно-губного и губно-зубного спирантов. В исключительном употреблении как [в], так и [w] ([ў]) отмечены в единичных разрозненных пунктах.

Таким образом, для территории западной части Онежской группы говоров характерным является сосуществование двух типов употребления губного спиранта. Произношение [w] в исключительном употреблении наблюдается лишь в единичных случаях, относящихся к позициям перед звонкими согласными и на конце слова.

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ВОЛОГОДСКОЙ ГРУППЫ ГОВОРОВ

Территория, граница которой проходит примерно по 42° в. д. на западе и по линии Чухлома—Кологрив на юге, характеризуется произношением двух типов губного спиранта, причем произношение [w] билабиального имеет островное распространение, и, как правило, не отмечается в исключительном употреблении.

В положении перед глухим шумным согласным произношение [w] представлено значительными ареалами в пределах описываемой территории (см. карту 1). Всюду употребление [w] отмечается в сосуществовании с [в] губно-зубным, при этом в большинстве говоров наблюдается преобладание случаев произношения [в] губно-зубного. См., например: 778 *соўс'и́м — ковш, от овса́, завс'о́, с овц'и́, за́фтра, золо́фка, по голо́фк'е, офса́, спра́фку, д'е́фк'и, наб'и́фка, на постано́фках, д'ефц'а́т, наза́фтр'е, св'екро́фка, о св'екро́фк'е, в ла́фку, за́фтр'е, на побы́фку, г д'е́фк'е, голо́фку, п'е́фц'айа, о́фц'и, муто́фка, ло́фко, из офц'и́н, хоўшо́фк'и, н'е зна́вшы, н'е в'ида́фшы*; 996 *морко́ўка, н'елбўко, коўш, оўца́, оўцў — хл'е́фц'ик, морко́фка, голо́фка, ко́фшык, кана́фка, офц'а́, ла́фка, га́фкайет, офц'а́рка, пўгофк'и, д'е́фка, снорофка, за́фтра, тра́фка, коро́фка, л'есозагото́фкой, обу́фка, из ла́фк'и, н'ело́фко, с офсо́м, морко́фка, спра́фка, в'ер'о́фка.*

В положении перед сонорными произношение [w] представлено в виде разорванных ареалов (см. карту 2). При этом билабиальный [w] отмечается как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании с [в] губно-зубным. В случаях сосуществования произношение того или другого звука может выступать в ка-

честве преобладающего или являться равноправным с другим типом. При этом различия в соотношении подобных типов произношения не связаны с определенными территориями, а выступают в рассеянном распространении.

В положении перед звонким шумным согласным произношение [w] билабиального представлено в единичных рассеянных говорах. Некоторое сгущение подобных случаев наблюдается в западной части территории. Примерно в трети населенных пунктов отмечается сосуществование [w] и [в], в остальных случаях — исключительное употребление билабиального [w] (см. карту 2).

Произношение [w] на конце слова в исходе основы наблюдается в рассеянном распространении: сравнительно чаще оно представлено в западной части рассматриваемой территории примерно вдоль линии Вельск—верховье Унжи, а также в юго-восточной части территории (см. карту 3). Губно-губной спирант в данной позиции выступает в сосуществовании с губно-зубным.

В окончании род. п. мн. ч. на рассматриваемой территории билабиальный тип произношения [w] наблюдается в единичных пунктах, имеющих рассеянное распространение, при этом произношение [w] сосуществует с произношением [в]. Примерно в половине населенных пунктов, где отмечено [w], наблюдается равноправное употребление двух типов произношения губного спиранта, в остальных случаях отмечается преобладание [в] губно-зубного образования. Ни то, ни другое соотношение употребления [w] и [в] не связаны с какими-либо четкими территориями.

Таким образом, в восточной части Вологодской группы говоров губно-губной спирант в исключительном употреблении наблюдается только в положении перед звонкими шумными и сонорными согласными. Важно отметить, что подобное последовательное произношение (причем в позиции перед звонкими шумными согласными) отмечено в говорах, имеющих рассеянное распространение и образующих некоторое сгущение на западе территории.

В положении перед глухими шумными согласными и в конце слова употребление [w] выступает в сосуществовании с произношением [в] губно-зубного образования, не образуя при этом достаточно определенной компактной территории.

* * *

Итак, в пределах территории северо-восточной диалектной зоны наблюдается четыре ареала, характеризующихся наличием произношения [w] билабиального, но различающихся по степени интенсивности подобного произношения в говорах.

Наиболее широко и последовательно в исключительном употреблении во всех изучаемых позициях произношение губно-губного спиранта отмечено на западной части территории вологодских говоров, где оно представлено определенным очерченным ареалом.

Менее последовательно произношение [w] наблюдается в пределах территории северных межзональных говоров. В исключительном употреблении произношение [w] билабиального на этой территории отмечается в основном лишь в двух положениях — перед звонким шумным согласным и на конце слова в исходе основы; в окончаниях род. п. мн. ч. существительных оно встречается в единичных говорах, в остальных позициях оно сосуществует с произношением [в] губно-зубного.

На территории западной части онежских говоров и восточной части вологодских говоров произношение [w] билабиального представлено в основном в сосуществовании с произношением губно-зубного [в], случаи исключительного употребления [w] билабиального являются немногочисленными и имеют рассеянный характер распространения.

Произношение [w] билабиального характеризовало древний новгородский диалект [13]. В силу причин исторического характера это явление почти полностью утрачено на центральной новгородской территории, однако, как видно из изложенного, оно сохраняется в том или ином виде в говорах, генетически связанных с новгородским диалектом.

Как уже говорилось, наиболее последовательно произношение билабиального [w] отмечается в западной части Вологодской группы говоров, представляющей собой наиболее исконную и стабильную территорию новгородской колонизации. Известно, что для этой территории вообще характерно сохранение архаических новгородских черт (ср. чаще наблюдаемое здесь произношение [ê] и [ие͡]—в соответствии исконному *ѣ* и [о͡] и [ео͡] — в соответствии исконному *о* под восходящим ударением, более частое употребление звуковых сочетаний [ш͡'ч'], [шч͡], [шч], [ждж], [жж] и др. [14].

Известно, что восточная часть территории вологодских говоров в большей степени подвергалась воздействию со стороны говоров ростово-суздальского типа [15], для которых было характерно произношение [в] губно-зубного образования. Видимо, с этим связано и то, что на данной части территории произношение [w] билабиального выступает преимущественно в сосуществовании с произношением [в] губно-зубного.

О значительном разрушении системы произношения [w] билабиального свидетельствуют и онежские говоры, относящиеся также к территории сравнительно поздней колонизации. В этих говорах исключительное употребление [w] наблюдается в единичных случаях и лишь в отдельных позициях. Можно предположить,

---

[13] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 1, стр. 126.

[14] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 289.

[15] А. И. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 93—116.

что произношение [w] билабиального в этих говорах утрачивается под воздействием окружающих говоров, в которых представлено [в] губно-зубного образования.

Кроме того, всегда следует иметь в виду, что утрата билабиального произношения [w] в изучаемых говорах происходила также при активной поддержке литературного языка.

Особый случай представляют говоры с билабиальным произношением [w], расположенные на территории средней части северных межзональных говоров. Эти говоры по своему происхождению не были связаны с новгородским диалектом, и, вероятно, явление произношения [w] билабиального в них развилось вследствие взаимодействия с вологодскими говорами. Возможно, что данное явление не успело получить закономерного развития в этих говорах.

В. Н. ТЕПЛОВА

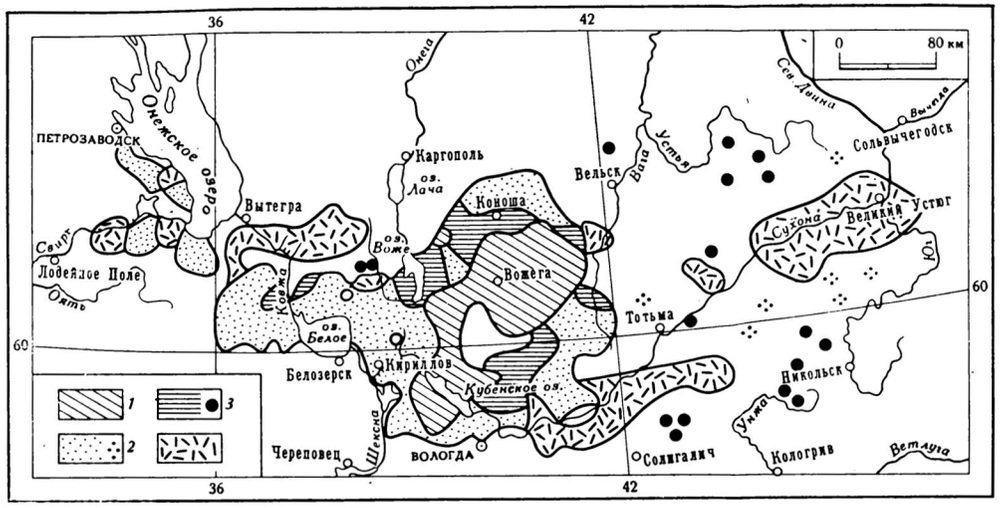
ХАРАКТЕР УПОТРЕБЛЕНИЯ СМЫЧНО-ПРОХОДНЫХ БОКОВЫХ СОНОРНЫХ СОГЛАСНЫХ В ЗАПАДНЫХ ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В ряде работ, посвященных обобщению данных лингвистической географии, находим выделение западных говоров русского языка с двух точек зрения: 1) они выделяются на основании определенного комплекса языковых черт как особая диалектная зона русского языка — «Западная зона» [1]; 2) с другой стороны, эта территория характеризуется наличием таких диалектных явлений, которые связывают ее с говорами северного наречия русского языка и имеют таким образом западно-северное распространение [2]. Степень интенсивности распространения языковых явлений западно-северной локализации неодинакова на различных территориях; при этом важно также, что подобные черты обычно наблюдаются и в говорах белорусского и украинского языков или в одном из них.

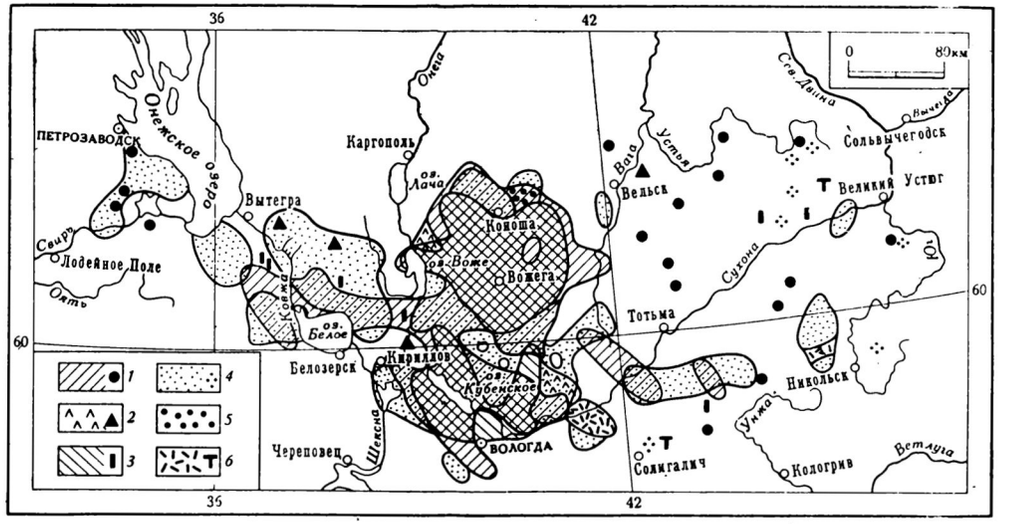
[1] К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., 1970, стр. 83.

[2] См., например: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 200—211; В. Г. Орлова. О некоторых связях между диалектами восточнославянских языков. «Проблемы истории и диалектологии славянских языков». М., 1970, стр. 209.

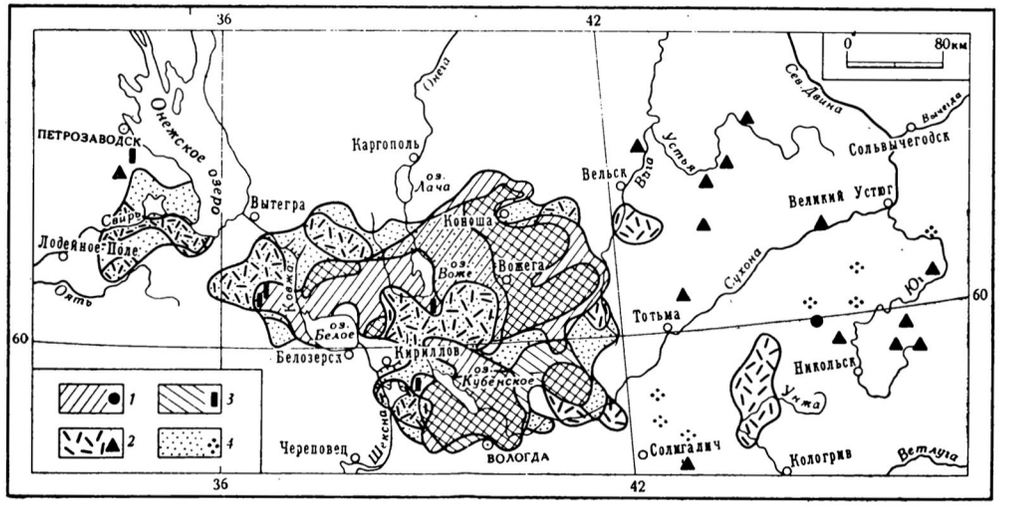
Карта 1. Произношение губных спирантов в середине слова перед глухим шумным согласным

1 — произношение [w] в исключительном употреблении: *трáв*[w]*ка*, *о*[w]*сá* и т. п.;
2 — произношение [w] наряду с [в], ([ф]): *трáв*[w]*ка*, *о*[w]*сá*, *трáв*[в]*ка*, *о*[в]*сá*, *трáв*[ф]*ка*, *о*[ф]*сá* и т. п.;
3 — произношение [w], [в] ([ф]) с преобладанием [w];
4 — произношение [w], [в] ([ф]) с преобладанием [в] ([ф]).

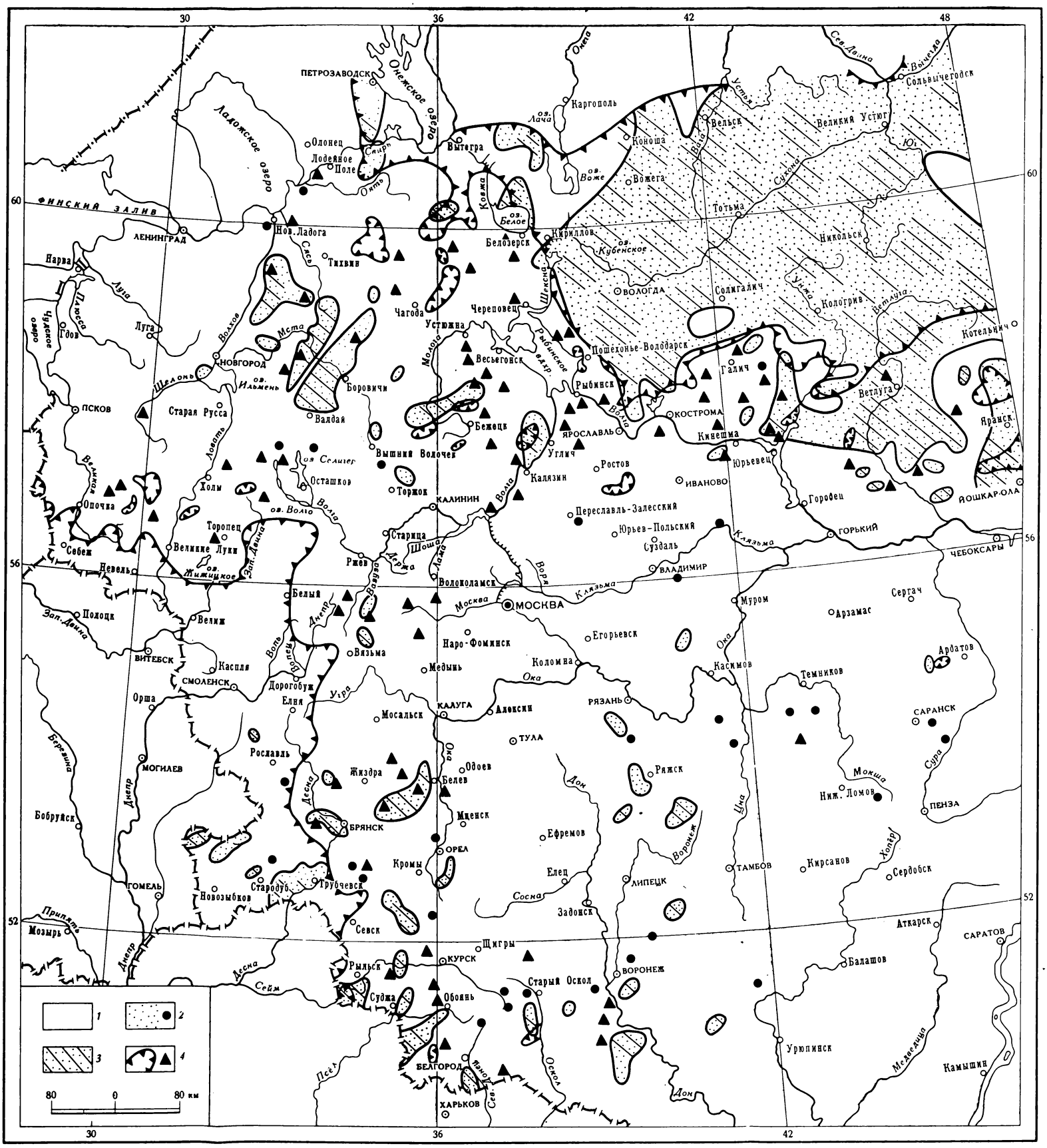
Карта 2. Произношение губных спирантов перед звонким шумным и сонорным согласным

1 — произношение [w] перед звонким шумным согласным в исключительном употреблении: *прá*[w]*да*, *á*[w]*густ* и т. п.;
2 — произношение [w] наряду с [в] перед звонким шумным согласным: *прá*[w]*да*, *á*[w]*густ*, *прá*[в]*да*, *á*[в]*густ* и т. п.;
3 — произношение [w] в исключительном употреблении перед сонорным согласным: *да*[w]*нó*, *гóтов*[w]*лю* и т. п.;
4 — произношение [w] наряду с [в] перед сонорным согласным: *да*[w]*нó*, *гóтов*[w]*лю*, *да*[в]*нó*, *гóтов*[в]*лю* и т. п.;
5 — произношение [w] и [в] перед сонорным с преобладанием [w];
6 — произношение [w] и [в] перед сонорным с преобладанием [в].

Карта 3. Произношение губных спирантов в конце слова

1 — произношение [w] в исходе основы в исключительном употреблении: *се*[w], *коро́*[w] и т. п.;
2 — произношение [w] наряду с [в], ([ф]) в исходе основы: *се*[w], *коро́*[w], *се*[ф], *коро́*[ф] и т. п.;
3 — произношение [w] в исключительном употреблении в окончании род. п. мн. ч. существительных: *столо́*[w], *дворо́*[w] и т. п.;
4 — произношение [w] наряду с [в], ([ф]) в окончании род. п. мн. ч. существительных: *столо́*[w], *дворо́*[w], и *столо́*[ф], *дворо́*[ф] и т. п.

Карта. Территория с произношением звуков на месте *л* твердого (к статье В. Н. Тепловой)

1 — произносится [л] во всех положениях; отмечено произношение [l]: .

2 — перед гласными (*lук*, *xолод*. . .);

3 — во всех положениях (*lук*, *nol*, *пошól*, *вolк*, *nálka*);

4 — отмечено употребление [ў(w)]: (*пошóў*, *поў*, *náўка*, *воўк*).

К их числу относятся и явления, связанные с употреблением смычно-проходных боковых сонорных согласных. Одним из них является чередование [л (l)] с [ў (w)], характер которого и его структурные разновидности в пределах западных говоров русского языка уже были предметом специального исследования [3]. Другое явление, относящееся к изучаемым согласным, связано с характером образования звуков в соответствии ‹л›, с возможностью употребления звука [l] «среднего» в западных говорах русского языка [4], чему и посвящается настоящая статья.

Вопрос о сфере употребления [l] «среднего» находится в тесной связи с тем, имеется ли в соответствующих говорах чередование [л (l)] с [ў (w)] и особенно с наличием и характером разрушения последнего. Напомним, что при двух типах различения смычно-проходных боковых сонорных согласных в положении перед гласными в западных говорах широко представлен I тип (‹л› — ‹л'›); II же тип (‹l› — ‹л'›) известен небольшому числу говоров, расположенных в южной части западной зоны, а также значительному количеству говоров (более 80), находящихся в северной ее части.

В зависимости от характера произношения ‹л› перед согласными и на конце слова в них выявился ряд разновидностей (см. табл. (стр. 118).

Показанные в таблице разновидности употребления ‹л›, намеченные по соотношению произношения смычно-проходных согласных перед гласными, а также перед согласными и на конце слова, в разной степени представлены в говорах западной территории. Так, разновидности, при которых имеется чередование с [ў (w)], наиболее широко употребительны в южной части территории, причем самой распространенной из них является 1-я разновидность I типа. В немногочисленных населенных пунктах все они обнаружены и в северной части территории западных говоров, где чередование с [ў (w)] выступает чаще всего в реликтовом виде.

Разновидности, которые представляют ту или иную степень чередования с [ў (w)], редко существуют в западных говорах в «чистом» виде. Обычно в тех позициях, где произносится [ў (w)], отмечается и проникновение [л] при I типе различения и [l] при

---

[3] В. Н. Теплова. Материалы к изучению исторических связей между западными и северными говорами русского языка. — ВЯ, 1973, № 4, стр. 109—118. См. также: «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 79—80; «Образование севернорусского наречия. . .», стр. 50—53.

[4] Речь пойдет преимущественно о тех западных говорах, которые расположены к западу от городов Старый Оскол, Орел, Калуга, Калинин, Весьёгонск, Череповец, безотносительно к дальнейшему подразделению этих говоров на более частные диалектные объединения. В статье использованы материалы «Атласа русских народных говоров к северу от Москвы» (БСТ), «Атласа русских народных говоров к югу от Москвы» (ЮТ) и «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» (V).

Таблица

Тип различения	Разновидности	Перед гласными		Перед согласными		На конце слова	
		переднего и непереднего ряда	непереднего ряда	в словах с сочетанием * *tъlt*	в словах с суфф. **ъk*	в глагольных формах прош. вр.	в существительных и кратких прилагат.
I	1	*л'*	*л*	*ў (w)*	*л*	*ў (w)*	*л*
	2	*л'*	*л*	*ў (w)*	*ў (w)*	*ў (w)*	*л*
	3	*л'*	*л*	*ў (w)*	*ў (w)*	*ў (w)*	*ў (w)*
	4	*л'*	*л*	*л*	*л*	*л*	*л*
II	1	*л'*	*l*	*ў (w)*	*л*	*ў (w)*	*л*
	2	*л'*	*l*	*ў (w)*	*ў (w)*	*ў (w)*	*л*
	3	*л'*	*l*	*ў (w)*	*ў (w)*	*ў (w)*	*ў (w)*
	4	*л'*	*l*	*l*	*l*	*l*	*l*
	5	*л'*	*l*	*л*	*л*	*л*	*л*

наличии [l] в позиции перед гласными, т. е. при II типе. См., например, при 1-й разновидности I типа данные говора д. Тарасы Великолукского р-на Великолукской обл. (70, V): *л'ат́ит'*, *л'уб́ў́* и т. п.; *закал́о́ла*, *маладо́ва*, *л'агла́*, *лы́к'и* и т. п.; *воўк*, *до́ўго*, но и *волк*; *жы́лка*, *па́лка*, *пр'а́лка*; *сказа́ў́*, *пр'ишо́ў́*, *жыў́*, но и *сказа́л*, *жыл*, *науч'и́л*, *пашо́л* и др.; *М'ихаи́л*, *стол*. При 2-й разновидности — д. Каськово Дорогобужского р-на Смоленской обл. (552, V): *ву́л'ица*, *сл'апо́й* и т. п.; *залбу́ўкъ*, *хъласто́й*, *луч'и́на* и т. п.; *воўк*, но *столп*; *иуб́ўкъ*, *б' е́ўка*, но и *иуб́лкъ*; *сказа́ў́*, *пълажы́ў́*, *б'иў́*, но и *ўз'а́л*; *нъзыва́ўс'а*, *уз'а́ўс'а*, но и *нън'а́лс'ъ*. При 3-й разновидности — д. Васильевка Екимовичского р-на Смоленской обл. (568, V): *хл'авбк*, *н'ад' е́л'и*, *бал' е́йит* и т. п.; *пълуч'а́т'*, *лбўкъ*, *кла́съў́* и др.; *воўк*, но *дблуъ*, а также *пблдн'и*, *тблстъй*, *пъталк'бм*; *п'и́ўка*, *ў м'а́ўку*, *б' е́ўкъ*; *даў́*, *ўз'а́ў́* и др., но и *търуува́л*; *поў́*, но и *стол*, *кол*. Приведенные материалы отражают сосуществование элементов двух систем.

Если в этих случаях звуки [ў (w)] и [л] выступают как бы на равных правах, то в ряде западных говоров (особенно на окраине юго-западного ареала) употребление [л] уже господствует, звук [ў (w)] при этом сохраняется лишь в отдельных примерах, относящихся к различным лексико-морфологическим категориям. Чаще всего [ў (w)] сохраняется в глагольных формах типа *пошел*. См., например, характерный в этом отношении материал говора д. Старое Подвязье Ленинского р-на Великолукской обл. (120, V): при обычном *л* во всех категориях отмечено также: *пр'ив'аза́ў́*, *стаў́*, *замазъў́* и др.. . . .; но и *пр'ишо́л*, *зап'и́съвъл* и др.; *стол*. Значительно реже примеры с *ў (w)* отмечены лишь в существительных типа *волк*, единично — в существительных типа *палка* и *пол*.

В более северной части западной территории в большинстве населенных пунктов употребление [л] занимает господствующее положение, в то время как сохранение [ў (w)] зафиксировано в них, как правило, лишь в отдельных примерах. Количественное превосходство примеров с [л] обнаруживаем здесь и в тех случаях, когда в говорах отмечены разновидности с тем или иным видом чередования. В качестве иллюстрации приведем материал говора д. Моркины Горы Теблешского р-на Калининской обл. (623, БСТ): *Гал'и́на, л'ётом* и т. п.; *пола́д'ил, ла́пы, хло́пнут'* и т. п.; *стоўп, то́ўку*, но и *толк, ф сталб'е́, во́лк'и, до́лжън, калдў́н, со́лнышка* и др.; *сруб'и́ў, н'е попа́ў, уста́ў* и т. п., но и *пъгл'а-д'е́л, вз'ал, спал* и др.; *ф кат'о́л, за у́гъл, пол, ф' е́ршал.*

На указанной части территории разновидность употребления смычно-проходных боковых согласных часто определить уже невозможно, примеры с *ў* (*w*) обычно представлены лишь случаями, относящимися к различным лексико-морфологическим категориям. Как и в говорах более южной части территории, сохранение [ў (w)] здесь чаще всего отмечено также в глагольных формах типа *пошел* или в соответствующих возвратных глаголах, как, например, в говоре д. Б. Дощаново Бежаницкого р-на Великолукской обл. (56,V): *жал' е́ў*, но *был, хад'и́л* и др. (В остальных случаях приведены лишь примеры с *л*). Несколько реже употребление [ў (w)] отмечено только в существительных типа *волк* (при [л] во всех остальных случаях): см., например, *до́ўго*, но *волк* — д. Лидь Ефимовского р-на Ленинградской обл. (225, БСТ). Только в д. Суково Весьёгонского р-на Калининской обл. (456, БСТ) сохранение [ў (w)] зафиксировано в существительном *пр'а́ўка*, но при этом ср.: *га́лка, м'а́лк'и, молот'и́лк'и* и др. Сохранение *ў* (*w*) только в слове *стоў* (при наличии также и *л* — *стол*) отмечено в д. Пеньково Брусовского р-на Калининской обл. (593, БСТ). В некоторых ответах отдельные примеры с *ў* (*w*) в соответствии ‹л› встречаются не в одной, а в двух каких-либо категориях: 1) в случаях типа *волк* и *пол*, напр., в д. Покров Молоковского р-на Калининской обл. (443, БСТ): *пол'а́, л'ўба* и др., но *ла́пт'и, лук* и т. п.; *стоўп, тоўк*, но и *толпа́, го́лб'ец, столба́, па́лка; кот'о́ў*, но и *кот'о́л, фе́ршал; был, знал, ход'и́л* и др.; 2) в случаях типа *пошел* и *пол*: д. Малахово Бабаевского р-на Вологодской обл. (253, БСТ): *л'и́па, з'емл'а́; лоп, ла́дно, лы́къ* и др.; *поў*, но *подва́л; вы́жаў, хът'е́ў, нашо́ў* и др., но и *п'ер'ем'ен'и́л, пр'ишо́л* и т. п.; *то́л-стыйе* и др.; *ч'еса́лка* и др.

При II типе различения изучаемых согласных (‹l› — ‹л'›), в позиции, где ранее употреблялся [ў (w)], идет проникновение звука [l] (нередко наряду с [л]). См., например, материал говоров: а) в южной части западной территории — д. Сенча Сурожского р-на Брянской обл. (13, ЮТ): *пл'оў, Ко́л'у* и т. п.; *кало́дк'и, бы́lo, hlyха́йа* и др.; *пр'ипо́ўз, даўгу́йа, доўб'а́т* и др., *по́шны*, но *xalcто́ў, kalxо́з; кашо́ўка*, но и с *пас'о́lку, ску́lка* и др.; *паур'е́ў, быў, пъбра́ў* и др., но *γlыну́l, ун'исто́жыl; стуl, ар'о́l, nol;* б) в се-

верной части территории — д. Порог Дрегельского р-на Новгородской обл. (196, БСТ): *пл'о́тка*, *хл'еп* и т. п.; *сl'ы́шу*, *д'élай*, *молодо́й* и т. п., но и *сл'ы́шу*, *молод'ы́* и др.; *вошк*, но и *колхо́с*; *иго́шка*, но и *па́лка*, а также *па́лка*, *иго́лка*; *упл'ы́л*, *вз'ал* и т. п.; *пр'ас'ел*, *д'ел* и т. п. Если в первом из приведенных говоров мы видим сосуществование элементов двух систем, то во втором представлены элементы трех систем. Нет надобности приводить данные говоров, где сохранились лишь реликты с [ў (w)] в отдельных категориях, поскольку подобный материал характерен для говоров при I типе различения, в отличие от которых при II типе различения господствуют примеры с *l* (обычно в сосуществовании с *л*).

При отсутствии чередования разновидностями, представляющими широкое употребление [l], являются 4-я и 5-я при II типе различения. В южной части западной территории эти разновидности зафиксированы в немногочисленных говорах, причем нередко при наличии в тех же говорах чередования [л] с [ў (w)] как элемента сосуществующей системы, в то время как в северной части западной территории они представлены в более многочисленных говорах. Эти разновидности также редко встречаются в «чистом» виде; обычно в тех позициях, где произносится [l], всегда употребляется и звук [л]. См., например, материал говоров, расположенных на южной части территории: д. Вязовое Краснояружского р-на Белгородской обл. (483, ЮТ): *пал'а́*, *л'ét'ъм* и т. п.; *ч'ucló*, *dalá* и др., но *ла́дна*, *пъмагло́*, *лу́жъ* и др.; *жaltók*, *до́лγъ* и др., но *волк*; *γо́lка* и др., и *иγо́лка*; *забы́l*, *вral* и т. п., но *йе́з'дил* и др.; *stol*. На северной части территории — д. Тальцы Дрегельского р-на Новгородской обл. (178, БСТ): *Л'и́да*, *Л'у́ба* и др.; *nolу́ч'ка*, *продалá* и др. но, но *д'и́ло*, *жы́лы* и др.; *шolк*, но и *мо́лч'а*, *потолку́йом* и др.; *ч'оса́лка*, *б'е́лка*; *уб'и́l*, *погла́д'ul* и др., но *был*, *жыл*.

Таким образом, во всех западных говорах (как южных, так и северных) бытуют не только одни и те же разновидности употребления смычно-проходных боковых сонорных согласных, но, как показал анализ материала, им присущи и одинаковые процессы отхода от старых систем, одни из которых ведут к расширению сферы употребления [л], другие — к расширению употребления [l]. Это показывает, что говоры Западной зоны связаны не только генетически, но и в их современном существовании и развитии. С другой стороны, напомним, что наличие разновидности с собственно фонетическим характером чередования, отмеченной в ряде окраинных говоров юго-западного ареала употребления [ў (w)] на месте *л*, а также в отдельных говорах северной части западной территории свойственно абсолютному большинству северо-восточных говоров [5], а это указывает, в свою очередь, на родство не

[5] См.: В. Н. Теплова. Звуки [л], [l], [ў] на месте этимологического *л* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». Под ред. Л. Л. Касаткина, О. Н. Мораховской, Т. Ю. Строгановой. М., 1967, стр. 153—176.

только всех западных, но и северо-восточных говоров по данной диалектной черте. В указанной выше работе автора было показано наличие на северо-востоке таких процессов отхода от чередования с [ў (*w*)], которые представляют полную аналогию только что описанным процессам западных говоров. Таким образом, как показывают данные лингвистической географии, сходство по изучаемым особенностям проявляют не только все западные говоры, но и северо-восточные говоры русского языка. Возможность проникновения [l] в позицию конца слога и слова при устранении чередования с [ў (w)] в западных говорах находится в непосредственной зависимости от того, что произношение [l] отмечено в западных говорах, по современным данным, также и в положении перед гласными. Правда, между западными и северо-восточными говорами имеются значительные различия в широте распространения [l] «среднего», что является, однако, моментом количественного характера. В пределах северо-восточных говоров употребление [l] перед гласными охватывает сплошной обширный ареал, занимающий территорию всей Вологодской и значительной части севера и северо-востока Костромской групп северного нарѐчия. К западу от этого ареала и на прилегающей к нему с юга территории употребление [l] известно как в рассеянных говорах, так и в пределах небольших ареалов, нередко при наличии чередовании с [ў (w)] или по соседству с говорами, где также зафиксировано употребление [ў (w)]. На южной части западной территории произношение [l] представлено, как правило, в пределах небольших островков и в отдельных рассеянных населенных пунктах, причем в значительной их части [l] употребляется не только перед гласными, но и в конце слога и слова. Характерно также, что в некоторых из них употребление данного звука отмечено в сосуществовании с [ў (w)], либо говоры с [l] и говоры с [ў (w)] расположены по соседству друг с другом. Таким образом, в целом распространение [l] «среднего» представлено в западных говорах русского языка (следуя с севера на юг) в значительной части Ладого-Тихвинской и Белозерской групп северного наречия, в некоторых говорах на территории западной части Онежской группы северного наречия, а также встречаются и в западной части среднерусских говоров на территории Новгородской и Селигеро-Торжковской групп. Далее к югу употребление [l] отмечено на юге Западной и на юго-западе Курско-Орловской групп говоров южного наречия, а также в разбросанных говорах южной части Межзональной группы (см. карту, вклейка стр. 116). Во всех этих говорах употребление звука [l], как уже указывалось, либо наслоилось на чередование с [ў (w)], либо соответствующие говоры расположены по соседству с говорами, где отмечены отдельные случаи чередования с [ў (w)].

Употребление [l] встречается также в рассеянных говорах или небольших группах населенных пунктов и на восточной части южного наречия и среднерусских говоров, однако на этой

территории данный звук зафиксирован исключительно при отсутствии чередования с [ў (w)].

Итак, к настоящему времени может быть достаточно точно определена территория распространения звука [l] в соответствии ‹л› в пределах русского языка, взятого во всей совокупности его говоров.

Отсутствие этих данных долгое время позволяло некоторым ученым[6] противопоставлять западные говоры (в частности, юго-западные) и говоры северо-восточные на основании того, что в юго-западных говорах в чередовании с [ў (w)] находится велярный [л], произносимый перед гласными, а в северо-восточных представлено чередование [l] с [ў (w)]. Из-за отсутствия систематически собранных данных в ряде работ находим высказывания, противоречащие реальным данным о распространении [l], как, например, следующее: «*l* среднее встречается лишь в немногих ю-в-р говорах. Если не иметь в виду отдельных говоров переселенцев с севера, то среднее *l* в ю-в-р говорах встречается главным образом в языке детей и женщин» [7]. Ср. также: «В ряде говоров распространено произношение так называемого «среднего» [l] на месте *л* твердого. . . Такое произношение встречается во многих говорах севера Европейской части СССР, а также Сибири. Известно оно и некоторым говорам южновеликорусским, а также украинским» [8]. Между тем современные данные показывают, что употребление [l] может быть последовательным в ряде западных южнорусских говоров и наблюдаться у всех носителей в пределах одного говора. Указания на наличие [l] в соответствии ‹л› в южной части западных говоров отсутствуют и в части относительно недавно вышедших работ [9]. Такие сведения появляются по мере обобщения диалектологических материалов лишь в наиболее поздних работах. Особенно существенно появление этих сведений для западных говоров русского языка, причем сведений не только о характере распространения этого звука, но и об условиях употребления [l] в пределах слова [10].

Для изучения рассматриваемого нами вопроса важно также и то, что в ряде работ содержатся данные об употреблении [l] на месте *л* (обычно перед гласными) и в говорах украинского

---

[6] См., например: Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 334.

[7] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, стр. 171.

[8] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. Изд. 2. М., 1954, стр. 65; изд. 3. М., 1960, стр. 84. Ср. также в работе «Русская диалектология» под ред. П. С. Кузнецова (М., 1973, стр. 84) — сведения о наличии [l] «среднего» в русских говорах по-прежнему не являются достаточно точными: «В некоторых говорах, как на севере, так и на юге, твердого *л* вообще нет и вместо него в тех же позициях представлено [l] среднее западноевропейского типа. . . Ср. в соответствующих говорах *былá*, *поwлá*».

[9] См., например: «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, стр. 80.

[10] См.: «Образование севернорусского наречия. . .», стр. 51, 248.

языка. См., например: «Существуют восточные и западные малорусские говоры, вовсе лишенные *ł* и знающие лишь *l* [11]»; «*ł* немягкое звучит: а) как *l* среднее («европейское») в вост.-полесских, восточной части полес.-укр., вост.-укр., а также на Буковине у гуцулов и в большей части карп.-р. говоров» [12]; ср. также: «Во многих м-р. говорах. . . утрачено вовсе *л* твердое велярнозубное, заменившееся *л* средним; такие говоры очень распространены на Востоке (наприм., в Харьковской губ.), известны и на Западе, наприм., в западной части Закарпатской Руси» [13]. В ряде работ содержатся сведения о наличии [l] и в ряде современных украинских говоров [14]. Наличие [l] во многих украинских говорах (в том числе и в восточноукраинских), а также в ряде населенных пунктов на территории южной части западных говоров русского языка, несмотря на отсутствие в последних сплошного ареала употребления [l], не является, видимо, случайным. Этот факт, вероятно, следует рассматривать как признак, сближающий два близкородственных восточнославянских языка и определенные диалектные группы в пределах каждого из них.

Итак, в западных говорах русского языка (особенно в южной и северной их части) наблюдается достаточно ощутительное употребление [l] «среднего». Характерно при этом, что [l] почти всегда сосуществует с [л] во всех положениях, что объясняется влиянием литературного языка и говоров, не знающих чередования [л] с [ў (w)].

Анализ имеющихся данных об употреблении [l] приводит к выводу, что этот звук появлялся во всех западных говорах, по-видимому, в период отхода от чередования с [ў(w)], заменяя собой [л] велярный, поскольку [l] не мог исторически измениться в [ў (w)], а в настоящее время употребляется по говорам в тех же положениях, где обычно ранее употреблялся [ў (w)], а также в позиции перед гласными при отсутствии чередования. Именно такого же происхождения [l] в соответствии ‹л› и в северо-восточных говорах. На вторичность [l] в последних указывали А. М. Селищев [15], Р. И. Аванесов [16], П. С. Кузнецов [17], В. Г. Орлова [18]. См., например, следующие высказывания: «Как видно, появление *l* относится ко времени более позднему, чем *л* → неслог. *у*» [19].

[11] А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. II. СПб., 1910, стр. 323 (литогр. изд.).
[12] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, стр. 198.
[13] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 234.
[14] См., например: Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 94, 135, 141, 161.
[15] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 185.
[16] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 169.
[17] П. С. Кузнецов. Русская диалектология, изд. 2, стр. 66; «Русская диалектология». Под ред. П. С. Кузнецова, стр. 85.
[18] «Образование севернорусского наречия. . .», стр. 53.
[19] А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 185.

См. также: «Оно (т. е. *l* «среднее». — *В. Т.*) развилось, по-видимому, уже после того, как твердое *л* изменилось в *ў* (последнее в силу своих артикуляционных особенностей. . . могло развиться из твердого *л*, но не из среднего)» [20]. Полагаем, что не исключена возможность такого пути появления [l] и в западных (как более южных, так и более северных) говорах русского языка.

Приведенные соображения не дают оснований для суждения даже хотя бы об относительной хронологии появления [l] на территории восточной части южнорусского наречия и среднерусских говоров, поскольку на этой территории отсутствует чередование [л] с [ў (w)]. В этом плане следует принять во внимание следующее высказывание Р. И. Аванесова: «Среднее *л* (l) представлено в отдельных южновеликорусских говорах, но там оно, видимо, имеет другое происхождение, независимое от происхождения соответствующего явления в северновеликорусских говорах. Об этом косвенно свидетельствуют и иные, очевидно, позиционные условия для [l] в южновеликорусских говорах не только перед гласными, но и на конце слова (*дал*, *сказáл*) и т. д., что на севере имеет место лишь в процессе отхода от диалектного *даў*, *сказáў*» [21]. Однако следует обратить внимание на то, что в этом высказывании отсутствует разграничение южнорусских говоров на западные (где, как видели, [l] также наслоилось на чередование с [ў (w)], либо говоры с [l] расположены по соседству с говорами, в которых отмечено [ў (w)] на месте *л*) и восточные, где произношение [l], действительно, имеет место при отсутствии чередования с [ў]; поэтому предположение Р. И. Аванесова об ином происхождении [l] справедливо, по-видимому, лишь для восточной части южнорусских говоров, для западной же их части не исключена возможность появления данного звука также в процессе отхода от употребления [ў (w)].

Появление [l] в северо-восточных говорах обычно связывают с иноязычной подосновой [22], указывая, что явление возникло в процессе овладения русским языком неславянского населения, знавшего произношение [l]; считают, также, что на определенном этапе и славянское (русское) население северо-восточной территории при отходе от употребления [ў (w)] и при переходе к литературному произношению стало употреблять [l] не только перед гласными, но и в тех положениях, где ранее произносился [ў (w)]. Не отрицая приведенного объяснения применительно к северо-

---

[20] См. П. С. Кузнецов. Русская диалектология, изд. 3, стр. 84.

[21] См.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957, вступ. статья, стр. 85.

[22] См.: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 171; П. С. Кузнецов. Русская диалектология, изд. 3, стр. 84; Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, стр. 334. — Заметим при этом, что [l] «среднее» характерно также для многих говоров коми языка. — См.: В. И. Лыткин. Современный коми язык, ч. 1. Сыктывкар, 1955, стр. 30.

восточным говорам русского языка [23], напомним, однако, что употребление [l] «среднего» не чуждо говорам ряда славянских (и не только восточнославянских) языков. Наличие [l] не только в говорах северо-востока, но и в западных, а также во всех южнорусских говорах также требует какого-то более единого объяснения генезиса [l]. В этой связи мы и сочли необходимым напомнить о тенденции изменения [л] в [l], известной ряду славянских языков вообще [24]. На основании этого можно предположить, что и в русском языке на определенном этапе его развития имело место действие тенденции изменения [л] в [l], рано прекратившееся под влиянием литературного языка. Этим, по-видимому, объясняется спорадическое распространение [l] в восточной части среднерусских и южнорусских говоров. При этом в последних [l] «среднее» может быть даже не везде замечено и зафиксировано наблюдателями, так как в некоторых говорах [l] имеет средне-заднее образование, в связи с чем его трудно воспринять на слух [25]. Заметим также, что в южной части западных говоров русского языка наблюдается некоторое сгущение (при общей факультативности распространения [l] в этих говорах) населенных пунктов, где отмечен данный звук, что, возможно, объясняется действием той же тенденции, свойственной и украинскому языку, которому не чуждо употребление [l].

Таким образом, изучение не только процессов, выступающих при чередовании [л (l)] с [ў (w)], но и возможностей употребления [l] на территории русских говоров дает право подтвердить вывод о близости по ряду черт [26], наблюдаемой между западными и северо-восточными говорами русского языка, знающими соответствующие явления. Различие состоит в том, что широкое употребление [l] свойственно большинству северо-восточных говоров; в северной и южной частях западных говоров оно представлено в пределах небольших ареалов или в рассеянных населенных пунктах. На всех трех территориях в разной степени представлено и чередование [л] или [l] с [ў (w)].

---

[23] Подобное объяснение, очевидно, можно отнести к появлению [l] и в северо-западных говорах русского языка.

[24] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1960, стр. 300; «В ряде языков (славянских. — *В. Т.*) этот звук (*л* твердое. — *В. Т.*) утратил альвеолярно-корональное образование и перешел в ряд так называемого европейского *l*».

[25] В ряде материалов подобный звук обозначен [л^{l}] или [l^{л}], при произношении которого наблюдается известная степень напряженности языка.

[26] Целый комплекс подобных по распространению явлений с разной степенью интенсивности см. в книге «Образование севернорусского наречия. . .», стр. 200—211.

Е. Г. БУРОВА

К ВОПРОСУ О СОЧЕТАНИИ *чн* В РУССКИХ ГОВОРАХ

Академик С. П. Обнорский, который в работе «Сочетание *чн* в русском языке» собрал и обобщил весь диалектный материал по этому вопросу, имевшийся в лингвистической литературе к 1930 г., сетовал на трудности, которые «заключаются в недостаточности материала, фактически находящегося в нашем распоряжении, для четкого установления граней распространения тех или иных рефлексов сочетания *чн*» [1]. За прошедшие с тех пор сорок лет наши сведения относительно данного явления в русских говорах значительно расширились. В частности, хранящиеся в Институте русского языка АН СССР материалы диалектологических атласов содержат данные о диалектных соответствиях сочетанию *чн*, собранные более чем в 4000 населенных пунктов. Эти данные представляют собой ответы на вопрос: «Как произносят сочетание *чн* — как *чн*, *шн*, *цн*, *сн* или как-нибудь иначе?. . .»[2] и включают в себя около шестисот разных слов, которые встречаются в ответах с разной частотой и в разных комбинациях. Следует признать, что и этот материал не является удовлетворительным для разрешения большинства вопросов, которые возникают в связи с данным явлением. Он недостаточен в двух отношениях. Во-первых, имеющиеся в нашем распоряжении ответы относятся к ограниченной территории центра европейской части РСФСР; во-вторых, в большинстве ответов количество слов невелико, а лексический состав примеров в разных ответах неоднороден.

Для основательного анализа такого явления, как произношение старого **-чьн-*, потребовалось бы зафиксировать в целом ряде говоров (в том числе и за пределами указанной территории) весьма значительное количество слов, одних и тех же для всех говоров и подобранных не случайно, лишь по принципу наличия в них этимологического **-чьн-*, а с учетом многих других признаков (стилистического, акцентологического, семантико-морфологического характера и др.).

Такого материала мы пока не имеем ни в обследованиях говоров для атласа, ни в монографических описаниях.

И все же имеющийся у нас материал является существенным дополнением к тому, чем располагал для своих выводов академик С. П. Обнорский, а также позволяет, как нам кажется, высказать некоторые свои соображения, хотя бы в качестве предположения.

---

[1] С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, стр. 237.

[2] «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М.—Л., 1947, вопрос № 65.

Прежде всего, материал атласа выяснил нам территориальное распространение разных вариантов произношения исконного *-*чьн*-.

Произношение *сн* оказалось определенно локализованным и связанным в основном с немногими словами, причем для каждого из этих слов характерен свой ареал. Наиболее широко распространено произношение *сн* в слове *пшеничный*. Оно встречается внутри территории, которую приблизительно можно ограничить линией, идущей через Ветлугу, Кологрив, Чухлому, Вологду, Кириллов, Череповец, Весьегонск, Вышний Волочок, Ржев, Можайск, Москву, Владимир, Муром, юго-западнее Саранска и далее западнее и южнее Пензы на восток. С востока изоглосса в пределах нашей территории не замыкается. Ареал произношения *молосный* вписывается в ту же территорию, но оказывается у́же ее: *молосный* почти не встречается южнее линии Горький—Владимир, а на западе исчезает, не доходя до Калинина и Бежецка. *Яисница* имеет еще более узкое распространение, группируясь в два ареала — между Ростовом и Владимиром, с одной стороны, и между Горьким и Юрьевцем, с другой. За пределами описанного ареала все три слова с произношением *сн* встречаются в виде небольших островов в Арх., Волог. и Костр. областях, а также в отдельных населенных пунктах на территории других областей. Произношение *ясневый*, *ясный* (вм. *ячневый*, *ячный*) в пределах основной территории, занятой словом *пшенисный*, отмечено лишь в нескольких отдельных населенных пунктах, но образует компактное сгущение на северо-востоке, встречаясь в Сольвычегодском и Вилегодском р-нах Арх. обл., Кичменско-Городецком, Велико-Устюжском, Усть-Алексеевском р-нах Волог. обл., Подосиновском, Опаринском, Мурашинском, Лальском, Яранском р-нах Киров. обл. *Сн* в слове *мучной* приведено в 11 территориально не группирующихся населенных пунктах в Коношском и Котласском р-нах Арх. обл., Вашкинском и Усть-Алексеевском р-нах Волог. обл., Павинском и Парфеньевском р-нах Костр. обл., Ростовском и Петровском р-нах Яросл. обл., Гаврилово-Посадском р-не Иван. обл.

Кроме перечисленных пяти слов, произношение *сн* отмечено также и в ряде других слов, но в единичных случаях (обычно 1 фиксация), которые в основном относятся к зоне распространения *пшенисный*, однако встречаются и вне ее [3]. В этих случаях представлена следующая лексика: *всеносная*, *гасник* (2 раза), *горчисник*, *двойнисный*, *девисник* (2 раза), *единолисный*, *желудосный*, *Климисна*, *конесно* (4 раза), *кумасный*, *наросно* (2 раза), *нарусник*, *настолесник*, *Никитисна*, *носной*, *однолисный*, *подсолнесный*, *прачесная*, *русник*, *скворесник*, *скусно* (2 раза), *сливосный*, *столесник* (2 раза), *сумрасный*, *сутосный*, *табасный*.

---

[3] Более точные и подробные данные имеются на карте «Произношение *с* на месте этимологического *ч* перед *н*», составленной автором статьи для «Диалектологического атласа русского языка» (сводный том).

Как известно, *сн* является закономерным результатом изменения старого **-чьн-* в говорах с цоканьем [4]. Но область распространения *сн* не совпадает с современной территорией цокающих говоров, совмещаясь с ней лишь частично, что уже отмечалось в литературе [5]. Однако следует отметить, что *сн* в непокающих говорах представлено лишь в трех словах: *пшенисный*, *молосный*, *яисница*. Все остальные слова с *сн* зафиксированы или в говорах с цоканьем (мягким или твердым), или в самом непосредственном соседстве с такими говорами. Исключением является *гасник* в говоре с различением аффрикат в Нагорьевском р-не Яросл. обл. Может быть, не лишен значения тот факт, что два слова из трех соотносятся с непроизводными словами, имеющими в исходе основы *ц*: *пшеница*, *яйцо*. Относительно третьего слова — *молосный* — надо сказать, что в значительной части фиксаций соответствие *сн* старому **-чьн-* вызывает сомнение, так как это слово может восходить не к *молочный*, а к *молостный* (скоромный, не постный) [6]. В большинстве случаев семантические пояснения или хотя бы минимальные контексты отсутствуют. Лишь из одного говора в Арбажском р-не Кировской обл. мы имеем определенное указание, что *молочный* и *молосный* — это два разных слова. Еще в ряде говоров можно предполагать то же самое, исходя из сочетания разных вариантов интересующего нас слова с разными существительными. Например, *молошна* каша — *молосный* суп (Брейтовский р-н Яросл. обл.), *молочная* или *молошная* каша, кисель — *молосное* масло (Тутаевский р-н, Яросл. обл., Медведевский и Оршанский р-ны Мар. АССР), *молошная* лапша — *молосный* суп (Лальский р-н Киров. обл.), *молошная* лапша — *молосно* масло, *молосна* пища (Семеновский р-н Мар. АССР). О том же могут, вероятно, свидетельствовать следующие сочетания, данные без противопоставления: *молосно* масло (Вохомский р-н Костр. обл., Калининский р-н Горьк. обл., Килемарский р-н Мар. АССР); *молосный* суп (Велико-Устюжский р-н Волог. обл., Павинский р-н Костр. обл., Некрасовский р-н Яросл. обл., Кинешемский р-н Иван. обл., Залесный р-н Горьк. обл.); *молосны шти* (Подосиновский р-н Киров. обл.). Можно указать еще, что в Юрьевецком р-не Иван. обл., в Буйском, Нейском и Палкинском р-нах Костр. обл. в значении 'молочный' записано прилагательное *молокóнный*, что также, пожалуй, свидетельствует о том, что слово *молосный* в соответствующих говорах имеет другое значение и *сн* в нем не имеет отношения к старому **-чьн-*.

Следует допустить также еще и возможность взаимовлияния этих двух слов на базе звуковой и смысловой близости: ведь *мо-*

[4] См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 237.

[5] См.: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 134; В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959, стр. 30.

[6] См.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1903—1909. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1967.

лочное в смысле 'приготовленное из молока или с молоком' — это одновременно и *молостное*, т. е. скоромное.

Уверенно считать *сн* рефлексом исконного *-*чьн-* можно лишь в словоупотреблениях, не относящихся к пище. Такие примеры в нашем материале имеются, но также очень малочисленные: *молосная* ферма (Свечинский р-н Киров. обл.), *молосьная* ферма (Кирилловский р-н Волог. обл.), *молосник* для молока (Вичугский р-н Иван. обл.), *молосник* 'молочный теленок'(Пестяковский р-н Иван. обл.), *молосные* зубы (Балахнинский р-н Горьк. обл.).

Произношение *тн* в соответствии старому *-*чьн*, представленное в сводке С. П. Обнорского двумя примерами из Ржевского у. Тверской губ. и одним примером из Саратовского у. [7], по нашим материалам, обнаружено лишь в западных говорах. Относительно многочисленными примерами (при наличии также *чн* и *шн*) оно представлено в трех населенных пунктах Ильинского р-на Пск. обл.: *малóтныя*, *малóтный*, *пшенúтный*, *нарóтно*, *скýтно*, *смáтно*, *яéтня*, *мутнáя*, *рятнэ́й*, *натнэ́й*, *чернúтник*, *натнú*. В соседних с ним Слободском и Пречистенском р-нах Смол. обл. такое произношение зафиксировано в единичных случаях: *пшенитный* — в двух нас. п. и *сматный* — в одном нас. п. Единичные же примеры с *тн* приведены еще в двух нас. п. Пск. обл., причем материал последних показывает, что это *тн* здесь нужно рассматривать в связи с особым качеством шипящей аффрикаты и в других положениях, особенно в положении перед любым согласным: *натнóй*, *вы́л'атыш* (=вылечишь), *апла́тыш* (=оплачешь), *заты́м* (=зачем), при преобладающем *ч'* и более редких *ч́*, *ц'*, *ц''* (Пыталовский р-н), *йид'инал'и́тн'икъм*, *пъ йид'инал'и́тнъму*, *п'ётк'и* (=печки), *к Апóтк'и* (=к Опочке), при *ц* вместо *ч* в других случаях (Красногородский р-н). Возможно, что утрата фрикативного элемента (*молотный*, *пшенитный* и т. п.) в Ильинском и соседних с ним районах тоже не является особенностью именно данного сочетания, а характерна для аффрикаты в некоторых более общих условиях. Ср. *натлех* (=ночлег) в Ильинском, а также в двух нас. п. соседнего Усвятского р-на Пск. обл.

Тн в соответствии старому *-*чьн* по другим источникам известно несколько шире. В картотеке Псковского областного словаря, хранящейся в словарном кабинете ЛГУ, такие формы имеются в записях из Невельского, Опочкинского, Островского, Себежского, Пустошкинского, Великолукского, Куньинского р-нов. Форму *натнёт* в ряду других примеров произношения *т* вместо *ч* или *ц* приводит из Калин. обл. С. А. Копорский [8], описывая это явление как результат утраты фрикативного элемента на основе былого цоканья. У С. А. Копорского преобладают примеры с *т* на конце слова или перед согласным. Этими же позициями пред-

---

[7] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 241, 242.

[8] С. А. Копорский. Цоканье в Калининской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М., 1949, стр. 167.

ставлен подобный материал из Пушкинского р-на у В. И. Чернышева [9], который вместе с другими словами приводит *натнут* и *датники*.

В сходных условиях наблюдаются случаи утраты затвора у *ч* в сочетании *чн* при сохранении мягкости в говорах с нормальной аффрикатой в положении перед гласными. Подобное произношение мы находим в отдельных населенных пунктах, чаще всего на юго-западе, в районах, прилегающих к территории последовательной утраты затвора у *ч*. Иногда в том же говоре зафиксировано беззатворное *ч* и перед *к*. Например, *р'иш'нóй, муш'нóй, наш'нóй, на р'éш'к'и, с'éн'иш'к'и, дóш'к'и, каласóш'к'и, двóиш'ка* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калуж. обл. — ЮТ—51) или *малóщьнай, пшанúщьнай, канéщьна, нарóщьна, яúщьница, пящьнóй, рящьнóй, мущьнóй, нащьнóй, дащькá, бóщька* (д. Самохваловка Хомутовского р-на Курской обл. — ЮТ—210).

Аналогичный материал приведен из Калуж. и Брян. областей в книге В. Г. Орловой [10]. Подобное же явление констатирует Н. Б. Парикова, описывая речь орловской интеллигенции. Н. Б. Парикова пишет, что трудно определить, соответствием какой из фонем — *ш* или *ч* — является *ш'* в этих случаях [11]. Еще более трудна интерпретация подобного *ш'н* в севернорусских говорах, где такое произношение может быть связано как с позиционной утратой затвора, так и с мягкостью *ш*, спорадически встречающейся в этих говорах. Приводим материал: *молóш'на, руш'нáйа, табáч''ш''ный, пшон'úш'найа, пшон'úш'ной*, при *ч'н* и *шн* (д. Мосеево, Вашкинский р-н Волог. обл. — БСТ — 113); *д'ев'úш'н'ик* при *шн* и *чн* в других словах (д. Шурчилы, Котельничского р-на Киров. обл. — БСТ—1432).

Что касается вариантов *чн* (включая его регулярные замены: *цн* в цокающих говорах, *ш'н* в говорах с утратой затвора у аффрикат) и *шн*, то оба они оказались известными повсеместно в пределах нашей территории. Имеются, правда, ответы, указывающие только один вариант. В 60 населенных пунктах наблюдатели зафиксировали только *чн* или *цн*, в более чем 1000 населенных пунктах даны примеры только с *шн*. И хотя в расположении этих населенных пунктов определенно заметно тяготение к разным зонам, но все же ни одни, ни другие не образуют нигде даже небольших сколько-нибудь компактных ареалов, а материал смежных с ними населенных пунктов заставляет предполагать, что отсутствие одного из вариантов в таких ответах объясняется неполнотой последних, а не отсутствием соответствующего про-

---

[9] В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района. «Язык и мышление», т. VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 112.

[10] В. Г. Орлова. Указ. соч., стр. 158.

[11] Н. Б. Парикова. Некоторые данные о состоянии орфоэпических норм в речи интеллигенции в условиях южнорусского диалектного окружения (на материале г. Орла). «Вопросы истории и теории русского языка». Тула, 1968, стр. 85.

изношения в говоре. Действительно, такие ответы, как правило, содержат всего 1—5 слов. Более длительное наблюдение и расширение круга наблюдаемой лексики, вероятно, обнаружило бы в большинстве случаев и другой, отсутствующий в ответе вариант. Это особенно относится к ответам с последовательным *шн*.

Таким образом, для современных диалектов на всей нашей территории характерно наличие одновременно двух рефлексов **-чьн.-*: *шн* и *чн* (*цн*). И тем не менее рассматриваемая территория совсем не однородна в отношении данного явления. Анализ всей массы материала показывает явное преобладание *чн* и *цн* в одной зоне и *шн* — в другой, в то время как имеется территория, где оба вида произношения встречаются примерно в равном соотношении. Соответствующим образом располагаются и вышеупомянутые населенные пункты с однородными примерами в ответах. Ответы, где есть только *чн*, *цн*, относятся именно к той территории, где в других ответах *чн*, *цн* является не единственным, но преобладающим вариантом. Говоры с исключительным *шн* в ответах тоже рассыпаны в основном по той обширной области, где преобладает *шн*. Изучение материала и картографирование отдельных слов показывает, что по говорам имеется параллельное употребление *шн* и *чн* в одних и тех же словах, но все же в большинстве современных говоров, подобно литературному языку, выбор произношения *шн* и *чн* определяется и лексически. Каждый из вариантов закреплен за своей группой слов, разумеется, при наличии колебаний, еще более значительных, чем в нормализованном литературном языке. В разных говорах лексика распределяется между *чн* и *шн* по-разному, что и составляет диалектные различия по данному явлению. Несопоставимость ответов по лексическому составу примеров, а также небольшое число примеров в каждом ответе не позволяет выявить эти качественные различия хоть сколько-нибудь полно и конкретно. Наш материал показывает лишь отдельные элементы разных систем. Но можно все же определенным образом представить себе, насколько различно на разных территориях количественное распределение лексики между произношением *чн* и *шн*, что также характеризует диалектное различие и представляет свой интерес. С этой целью автором данной статьи была составлена карта-схема, в грубо-приблизительном виде отражающая относительную распространенность рефлексов *чн* (*цн*) и *шн*. Картографирование производилось на основе только количественных данных: в общем количестве зафиксированных в ответах лексем с любым рефлексом **-чьн-* определялась доля лексем с *шн*. Полученные относительные частоты использованы в качестве объекта картографирования. Подробнее способ составления карты и обоснование этого способа изложены в отдельной заметке [12].

[12] Е. Г. Бурова. Из опыта картографирования на основании количественных характеристик материала. — Сб. «Лингвогеография, диалектология и история языка». Кишинев, 1973. — При составлении карты была

Карта показывает, что наиболее интенсивное распространение *шн* приходится на восточную половину Калин. и Моск. областей, северную часть Ряз. обл., Влад., Горьк. обл., Морд. АССР, частично на Новг., Яросл., Иван., Костр., Волог. обл.

За пределами этой территории интенсивность употребления *шн* в соответствии с **-чьн-* снижается, особенно заметно на самом севере (т. е. в южных районах Арх. обл.), где произношением *шн* охвачены очень немногие слова: *конечно*, *нарочно*, *яичница*, *пшеничный*, *молочный*, *порядочный*, *-о*, *сердечный*, *уборочная* (кроме перечисленных встретилось по одному-два раза еще 32 слова с *шн* на 120 нас. п., расположенных в северной части нашей территории). Все эти слова зафиксированы в тех же районах также и с *чн*(*цн*), притом последнее решительно преобладает у всех слов, кроме трех: *конешно* встречается гораздо чаще чем *конечно*; *яишница*, *нарошно* столь же часто как *яичница*, *нарочно*.

В работе С. П. Обнорского приводится большой перечень слов с *шн*, записанных на обширной территории. Анализируя этот материал, С. П. Обнорский выделяет в нем значительное количество слов, которые относит к числу лексики, «заведомо литературного происхождения, лексики книжного характера или связанной в том или другом отношении с городом, отражающей понятия специфической принадлежности к городской жизненной обстановке и под.» [13]. Исключив таким образом квалифицированную лексику [14], С. П. Обнорский приходит к выводу, что формы с *шн* являются исконными, органическими только для Московской и, может, Рязанской областей. Нисколько не имея в виду поставить под сомнение этот вывод С. П. Обнорского, мы хотим только заметить, что многие из тех слов с *шн*, которые С. П. Обнорский, по-видимому, не считал в говорах пришлыми, заимствованными и на основании которых признавал *шн* «органической чертою Московской области» [15], по современным данным широко распространены и в других областях. Так, например, слова *яичница*, *пшеничный*, *молочный*, *скучно*, *огуречный*, *огуречник* встречаются с сочетанием *шн* во всех входящих в нашу территорию областях. Многократно записано: *девишник* — в 221 нас. п. в 27 областях, *кумашный*, *кумашник* — в 138 нас. п. в 23 областях, *зажытошный* — в 123 нас. п. в 25 областях, *подсолнешный*, *под-*

использована методика, предложенная Н. Н. Пшеничновой в статье «К вопросу о статистическом анализе материала для лингвистического картографирования». — Сб. «Исследования по русской диалектологии» (М., 1973), а также опыт И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко — см. их карту в статье «К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах» («Мат-лы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, т. III, М., 1962).

[13] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 243—244.

[14] Такая квалификация не во всех случаях бесспорна. См., например, такие слова, как *сказочник*, *уличный*, *смачный*, *язычник* ('человек, дерзкий на язык', 'сплетник', 'болтун', 'клеветник').

[15] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 245.

солнешник — в 115 нас. п. в 24 областях, *яблошный*, *яблошник* — в 72 нас. п. в 23 областях, *горшешный*, *горшешник* — в 67 нас. п. в 25 областях, *грешневый* — в 84 нас. п. в 18 областях, *привышный* — в 87 нас. п. в 24 областях. Кроме того, можно указать ряд слов, принадлежащих к местной лексике и, следовательно, несомненно исконного происхождения, которые произносятся именно с *шн*: например, *бурашный* (свекольный), *бурашник* (свекольная ботва) в Белг., Брян., Ворон., Калуж., Курск., Липец., Орл., Смол. обл.: *заплешник*, *заплешница* (заплечный мешок, корзина) в Пск., Ленингр., Новг., Волог., Костр. обл.; *лопатошник*, *налопатошник* (футляр для точильного бруска ‘лопатки’) в Арх., Волог., Иван., Калин., Киров., Костр., Нов., Яросл., Смол. обл.; *голбешный* (от *голбец*) в Арх., Волог., Киров. обл.; *глотошная*, *глотошница* (название болезни); в Ворон., Липец., Сарат., Т мб. обл.; *полавошник* (половик или холст, которым накрывают лавку) — в Яросл., Волог., Горьк. обл.; *спишник*, *наспишник* (полотенце, которое вешают на специальную вешалку ‘спицу’) в Яросл., Горьк., Волог. обл.; *тышни́к* (вид изгороди) в Костр. и Влад. обл.

Поскольку употребление *чн* или *шн* в говорах в большой степени лексикализовано или, может быть, определено еще какими-то условиями, то закономерным является внимание к отдельным конкретным словам. Более или менее полно представить себе территориальное распространение произношения *шн* и *чн* (*цн*) можно только у девяти слов, приведенных в качестве примеров в вопросе «Программы». Наиболее последовательно в пределах нашей территории *шн* произносится в слове *яичница* (*яичня*). *Чн* в этом слове регулярно встречается (наряду с *шн*) лишь в Арх. обл. (о чем уже говорилось ранее) и в Тарногском и Нюксенском р-нах Волог. обл. В других областях сохранение *чн* в этом слове встречается в виде редких случаев в отдельных нас. п. п., преимущественно в западных говорах: в Кингисеппском, Ломоносовском, Гатчинском, Павловском р-нах Ленингр. обл., Волотовском, Поддорском, Старорусском, Залучском р-нах Новг. обл., Мосальском, Спас-Деменском, Сухиничском, Людиновском р-нах Калуж. обл., Рогнединском, Суражском, Мглинском, Клетнянском, Брянском р-нах Брян. обл.

У слова *конечно шн* также решительно преобладает на всей территории. Доля *чн* в целом незначительна. Наиболее часто *чн* встречается в Подпорожском р. Ленингр обл. в Пудожском и Прионежском р-нах Карел. АССР, в Каргопольском и Няндомском р-нах Арх. обл., в Оштинском, Андомском, Вытегорском, Ковжинском, Вашкинском, Кирилловском р-нах Волог. обл. *Конечно* параллельно с *конешно* отмечено во многих населенных пунктах к югу от Рыбинского водохранилища, а также встречается спорадически на остальной территории, несколько заметнее в западной ее части: в отдельных районах Ленингр., Новг., Пск., Смол., Брян., Калуж., Моск. обл. Слово *нарочно* представляет сходную ситуацию, но только картина менее определенна,

в связи с тем, что материала на это слово несколько меньше.

Слово *пшеничный* на большей части территории произносится с *шн*. Произношение *чн* (*цн*) преобладает в Кингисеппском, Подпорожском, Ломоносовском, Гатчинском р-нах Ленингр. обл., Пудожском р-не Карел. АССР, Каргопольском, Няндомском, Коношском, Устьянском, Вельском, Черевковском, Красноборском р-нах Арх. обл., Андомском, Вытегорском, Оштинском, Нюксенском, Велико-Устюгском, Верховажском, Тарногском р-нах Волог. обл. Часто встречается оно, наряду с *шн* и *сн*, также в широкой зоне, прилегающей к Рыбинскому водохранилищу с запада, юга и юго-востока, и включающей Весьегонск, Бежецк, Калязин, Ростов, Юрьевец, Галич, Пошехонье-Володарск. На остальной территории произношение *чн* в этом слове рассеяно в виде отдельных населенных пунктов или небольших некомпактных групп, которые на западе и юге встречаются несколько чаще: Ленингр. обл., Себежский р-н Пск. обл., Велижский р-н. Смол. обл., говоры по течению рек Ловать и Западная Двина, Брян. обл., верхнее течение р. Цна, к югу от Балашова.

Распространение *шн* и *чн* в слове *молочный* в общих чертах сходно со словом *пшеничный*. Два основные ареала распространения *чн* у слов *пшеничный* и *молочный* совпадают. На остальной территории *чн* в слове *молочный* встречается несколько чаще, чем в *пшеничный*, сгущаясь в Ленингр., Пск., Новг., Брян. обл., отдельных районах Смол., Калуж., Калин. обл.

Слова *печной*, *мучной*, *речной*, *ночной* по судьбе сочетания **-чьн-* в общем сходны между собой. Для всей территории в целом у них значительно преобладает произношение *чн.Шн*, в сосуществовании с *чн*, довольно часто встречается на восточной половине территории, особенно сгущаясь во Влад., Иван., Горьк. обл. В западных областях *шн* в этих словах встречается редко. Возможно, что изоглоссы употребления *шн* и *чн* у названных слов не вполне совпадают. Наиболее сильное предпочтение произношению *чн*, кажется, оказывает слово *ночной*. Слово *мучной* может быть несколько чаще, чем другие слова, имеет *шн* в Волог. обл. Но утверждать это определенно, равно как судить о наличии других частных территориальных расхождений, нельзя из-за отсутствия нужного материала во многих ответах.

Из других слов наиболее часто встречаются следующие:

	Сколько раз встретилось	% *шн*	% *чн*
скучно	более 700	68	32
порядочный, -о	около 600	96	4
кирпичный	около 550	88	12
огуречный, -ник	более 400	92	8
уборочная	около 400	85	15
ручной	около 400	68	32
праздничный	более 300	91	9
девичник	более 200	98	2
единоличный, -ник	более 200	62	38

	Сколько раз встретилось	% *шн*	% *чн*
сердечный	около 200	79	21
сливочный, -ник	более 150	78	22
зажиточный	около 150	85	15
подсолнечный, -ник	более 100	89	11
ручник	более 100	82	18
точно, -ый	более 100	22	78
фабричный	более 100	75	25
гречневый	более 100	75	25
коричневый	более 100	66	34
ячный	около 100	89	11
яблочный, -ник	около 100	86	14

При подсчете вариантов ввиду отсутствия данных не могли быть учтены семантические различия или оттенки, в зависимости от которых может определяться выбор того или иного произношения. Например, *порядочный* — 'большой' и 'честный', *сердечный* — друг, разговор или приступ, укол.

В связи с обычным предпочтением, которое наблюдатели оказывают при записи материала диалектному варианту, нельзя придавать абсолютного значения числам, выражающим соотношение вариантов. Однако они показательны в сопоставительном плане, для сравнения отдельных слов между собой. По поводу некоторых из них можно сделать кое-какие замечания.

Обращает на себя внимание относительно высокий процент *чн* в слове *скучно*. Территория распространения обоих вариантов не определяется ввиду недостатка материала, но можно все же сказать, что формы с *чн* почти не встречаются во Влад., Ряз., Иван., Горьк. обл., Морд. АССР. В Моск. обл. они появляются лишь на западной окраине, а в Калин. обл. — на западе и севере области.

Сравнительно частое *чн* в слове *коричневый*, по-видимому, можно связывать с его относительной новизной в говорах [16]. С неисконностью слова, видимо, связано и произношение *чн* в слове *подсолнечный*, так как почти все случаи (12 из 14) записаны в северных областях, где подсолнечник не возделывался и подсолнечное масло в старину широко не употреблялось.

Территориальное размещение вариантов у остальных слов этого списка неясно ввиду недостаточности материала. Можно лишь заметить, что формы с *чн*, как правило, более многочисленны в западных областях и в той северной зоне, о которой уже говорилось ранее.

Прочие слова повторяются в ответах слишком редко, а более половины из них записаны лишь в 1—5 нас. п. Рассмотрение каждого из 600 слов в отдельности поэтому не имеет смысла. Не правомерен как будто бы и суммарный анализ этой лексики, поскольку она представляет собой множество отдельных фактов,

[16] См.: Н. Б. Бахилина. История цветообозначений в русском языке. Ч. II, раздел «История названий коричневого цвета». Рукопись.

принадлежащих разным системам. И все-таки такой анализ материала как целого нам кажется до некоторой степени оправданным, если исходить из того, что не исключено существование каких-то закономерностей или тенденций, общих для всех говоров или их большинства. В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что большинство говоров вместе с литературным языком одинаковы в отношении слов *яичница*, *конечно*, *нарочно*, с одной стороны, и *печной*, *ночной*, *речной*, *мучной* — с другой.

Подлежащие рассмотрению слова неоднородны во многих отношениях: являются исконными или сравнительно новыми для говора, в разной степени употребительны, связаны с деревенским бытом или относятся к иным областям жизни, различаются по типам основ мотивирующих слов, принадлежат к разным словообразовательно-семантическим и акцентологическим моделям. Попытаемся взглянуть на наш материал с точки зрения некоторых факторов, которые могут иметь значение для выбора того или иного произношения.

В стилистическом плане вся эта лексика довольно однородна, поскольку она извлечена из записей разговорной речи типичных представителей традиционного говора — в основном старых малограмотных людей. Элементы книжной, отвлеченной или специальной, терминологической лексики встречаются в виде единичных фактов, на основе которых нельзя делать никаких выводов. С одной стороны имеются примеры: *автоматичный*, *библиотечный*, *геологоразведочный*, *мягкосердечный*, *периодичные* (дроби), *десятичный*, *политичный*, *полировочный* — все с *чн*, каждое слово приведено один раз. С другой стороны также по одному разу приведены: *публишный*, *браковошный*, *вальцовошный*, *таблишный*, *честносердешный*, *деревообделошный*, *забастовошный*, *избытошный* (в основном в зоне наибольшего распространения *шн*). Некоторые слова из той же категории отмечены в двух вариантах: *частичный* — 2 раза, *частишный* — 1 раз, *первичный* — 1 раз, *первишный* — 2 раза, *симпатичный* — 2 раза, *симпатишный* — 3 раза.

В плане морфологическом наш материал, естественно, еще более однообразен: основную массу составляют относительные прилагательные с суффиксом *-н-* и мотивированные ими существительные. Глаголы представлены всего несколькими словами. В непроизводных глаголах находим преимущественно *чн*: *начну*, *зачну*, *почну* и другие личные формы записаны с *шн* 13 раз, с *чн* — 31 раз. *Качнуть*, *очнуться*, *стычнуться* (всего 5 примеров) встретились только с *чн*. Глаголы, образованные от существительных и прилагательных (типа *кусочничать*, *помучнеть*, *соскучниться*), по-видимому, в произношении сочетания *чн* следуют за мотивирующим словом. Мы имеем два примера с *чн* — *уточнить* и 18 примеров с *шн*, в том числе 1 раз *утошнить*. В дальнейшем мы глаголов касаться не будем, исключив их из рассмотрения.

Для рассмотрения материала с точки зрения исконности и употребительности слов мы не располагаем нужными данными. Для этого потребовалось бы специальное исследование.

Влияние родственных слов, имеющих *ч* в основе, на сохранение *чн* оценить трудно, так как подавляющая масса соответствующих примеров — это слова *печной*, *ночной* и *точно*, *-ый*, которые имеют еще свои дополнительные особенности, небезразличные для данного явления. Общее соотношение *шн* и *чн* в других словах, образованных от основ на *ч*, составляет 83% *шн* и 17% *чн*. Но конкретные слова внутри данной группы сильно различаются в этом плане. Например, *подсвечник*, записанное в 22 нас. п., дает только *шн*; *дачник*, *-ца* записано 24 раза с *шн* и 17 с *чн*, *удачный* — 40 раз с *шн* и 19 с *чн*, *отличный* — 2 раза с *шн* и 23 раза с *чн*. О словах *кирпичный* и *гречневый* см. выше.

Одним из моментов, способствующих сохранению *чн*, С. П. Обнорский считал «ударяемость слова на слоге непосредственно за сочетанием *чн*» [17]. По нашим данным слова этой категории в этом отношении неодинаковы. Преобладает *чн* только у слов *ночной*, *печной*, *речной*, *мучной*, в которых *шн* зафиксировано в среднем в два раза реже, чем *чн*. Следует помнить, что это слова «Программы», которые частью собирателей воспринимались как обязательная лексика и фиксировались специально. Вследствие этого соотношение *шн* и *чн* здесь ближе к истинному, чем в прочих словах, которые попадали в записи нерегулярно и наиболее вероятно обращали на себя внимание в диалектном звучании. Слова *ручной*, *ручник*, *вручную* дают преобладание *шн*, но притом доля *чн* здесь очень велика (данные см. выше), гораздо больше, чем у суммы прочих слов с тем же местом ударения. Эти прочие слова (каждое из которых представлено немногими примерами) — *волчня́к*, *встречно́й*, *гречне́вый*, *гречне́вка*, *добычно́й*, *лучно́й*, *лычно́й*, *мелочно́й*, *немочно́й*, *облачно́й*, *очно́й*, *плечни́к*, *подручно́й*, *приручни́лась*, *протечно́й*, *свечно́й*, *свечни́к*, *сволочно́й*, *скучно́й*, *случно́й*, *случни́к*, *строчно́й*, *стручно́й*, *стычно́й*, *уточни́ть*, *тычни́к*, *окучни́к*, *черничня́к* — все вместе дают 81% *шн* и 19% *чн*, что почти не отличается от частоты *шн* и *чн*, которую в нашем материале имеют слова с иным ударением. Может быть, наиболее устойчивое сохранение *чн* в словах *речно́й*, *мучно́й*, *ручно́й* и под. связано не с местом ударения, а с другой характерной для них особенностью: краткостью корневой морфемы. Подсчет произносительных вариантов у всех слов, также имеющих односложную корневую морфему и только два звука перед *чн*, но с ударением не после, а перед *чн* (типа *сбчный*), показал почти равное соотношение *шн* и *чн*, хотя и в этой группе очень заметны различия между отдельными словами: *ве́чный* — 22 раза с *шн*, 54 раза — с *чн*; *ту́чный* — 13 раз с *шн*, 2 раза — с *чн*. См. также приведенные выше данные о словах *да́чник*, *я́чный*, *то́чно*,

[17] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 237.

-ый. Слова с односложной же корневой морфемой, в которых перед *чн* содержится три звука, приводятся с *шн* примерно в два раза чаще, чем с *чн*. Отдельные слова в этой группе существенно нарушают данное соотношение в пользу варианта *шн*: *клю́шник* — 20 раз *шн*, *чн* — нет; *гре́шный* ('гречневый') — 14 *шн*, 2 *чн*; *сма́шный* ('вкусный') — 17 *шн*, 3 *чн*. О слове *гре́чневый* см. выше. Итак, можно сказать, что сравнительно более частое сохранение *чн* характерно для слов с краткой корневой морфемой. Этот факт можно истолковать как стремление сохранить узнаваемость морфемы.

Не входящее в число регулярных чередований изменение последнего звука короткой морфемы может помешать ее отождествлению [18]. Не является ли проявлением той же тенденции — сохранить морфему в наиболее выразительном, узнаваемом виде — образование форм типа *ноче́шный*, *печи́шный*, *муча́ный*, *ре́чешный*, *рекове́й*, которые отмечены в нашем материале?

Напротив, наличие перед *чн* длинного отрезка, достаточного для отождествления морфемы, не препятствует переразложению морфемы и осознанию *шн* как формального элемента, типичного для определенной категории относительных прилагательных. Действительно, соотношение примеров с *шн* и *чн* дает некоторое основание предполагать, что нахождение интересующего нас сочетания в отрезке *-очн-* или *-ечн-*, особенно заударном, является благоприятным условием для появления варианта *шн*. *Шн* встретилось в такой позиции в 86% случаев, *чн* — в 14%.

Таковы те немногие предположения, которые позволяет выдвинуть наш материал в дополнение к тем, которые уже высказывались по этому вопросу в литературе.

Объективность этих наблюдений, сделанных на описанном выше «сборном» материале, поддерживается теми результатами, которые мы получили, обратившись к картотеке Псковского областного словаря. Обильный материал последней относится к сравнительно небольшой территории, характеризующейся относительным диалектным единообразием. Мы извлекли из этой картотеки 234 слова из числа тех 600, которые зафиксированы в материалах атласа (остальных слов из этого списка в картотеке Псковского словаря не оказалось). Общая сумма фиксаций этих 234 слов — более 1700, а интересующие нас варианты *шн* и *чн* распределились в целом следующим образом: примеры с *шн* составили 53%, а с *чн* — 47% всех словоупотреблений. При этом соотношение *шн* и *чн* в разных группах слов различно. В относительно длинных словах, где рассматриваемое сочетание входит в заударный отрезок *-очн-* или *-ечн-*, доля *шн* несколько выше общего соотношения — 57%. У слов же с краткой корневой мор-

[18] Ср. с тенденцией к устранению чередований, мешающих отождествлению морфем, в кн.: «Русский язык и советское общество». Фонетика современного русского литературного языка. Под ред. М. В. Панова. М., 1968, стр. 100.

фемой доля *шн* значительно ниже. В частности, слова, имеющие только два звука перед *ч* (типа *со́чный*, *лы́чный*, *ку́чный*, *ту́чный*, *мучно́й*, *ручно́й*, *речно́й*, *ночно́й* и т. п.), зафиксированы с *шн* только в 14% случаев (38 раз), а с *чн* — 86% (241 раз). Место ударения, по-видимому, не имеет значения, так как при делении этой группы слов на две в зависимости от места ударения соотношение *шн* и *чн* в обеих подгруппах оказалось совершенно одинаковым.

А. М. КУЗНЕЦОВА

О ГИПЕРКОРРЕКТНЫХ ФОРМАХ В ОБЛАСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ СОГЛАСНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ

В современных русских диалектах наблюдаются интенсивные процессы развития, затрагивающие различные уровни языковой структуры. Степень интенсивности этих процессов обусловлена не только характером внешнего воздействия (например, влиянием нормализованного языка), но и внутренними факторами, определяющими специфику диалектной системы и степень ее устойчивости.

Факты перестройки фонологической системы, отмечающиеся в ряде диалектных систем, связаны, в частности, с процессом отхода от явлений, вступающих в наибольшее противоречие с общерусскими тенденциями языкового развития.

В число этих явлений включаются в первую очередь диалектные черты, резко выделяющиеся на фоне закономерностей фонологической системы русского литературного языка (например, цоканье, т. е. функционирование системы консонантизма с одной аффрикатой). Эти особенности обычно оказываются слабоустойчивыми при взаимодействии с литературным языком и быстрее подвергаются преобразованию.

Степень устойчивости отдельных диалектных явлений (в социально-лингвистическом плане) может быть различной, подчиняясь специфике взаимодействия фонологической системы литературного языка и диалекта, а также особенностям артикуляционной базы говора.

Существенной в этом отношении является и роль так называемой п е р ц е п т и в н о й базы говора, непосредственно связанной с его фонологической системой, а также с социальными условиями функционирования диалектной системы. Само понятие перцептивной (или аудитивной) базы предполагает оценку (носителями конкретного языка или говора) воспринимаемых элемен-

тов речи не в соответствии с их объективными фонетическими признаками, а в соответствии с нормами фонологического восприятия. Примером такой оценки, регулируемой перцептивной базой, является восприятие носителями русского литературного языка фонетических аффрикат [д͡з'] и [т͡с'] — в случае дзеканья — в качестве палатализованных фонем ‹д'›, ‹т'› [1].

Устойчивость дзеканья в пределах системы русского литературного языка поддержана корреляцией согласных по признаку твердости—мягкости, оказывающимся релевантным для рассматриваемых согласных. В пределах иной фонологической системы, например, с отсутствием корреляции согласных по твердости—мягкости, можно предположить перераспределение релевантных и нерелевантных признаков при восприятии согласных [д͡з'], [т͡с'], в частности приобретение фонологической значимости для признака аффрикатности.

Дзеканье, т. е. аффрицированное произношение смычных ‹т'›, ‹д'›, известное в ряде русских диалектов, в настоящее время получает распространение и в литературном языке, где сосуществует с сохраняющейся нормой произношения палатализованных ‹т'›, ‹д'› без дзеканья. По-видимому, эта особенность может оказаться устойчивой и в тех диалектах, фонологическая система которых (в области консонантизма) близка литературной.

Еще более перцептивно устойчивым фонетическим явлением диалектного происхождения является произношение в соответствии с фонемами ‹т'›, ‹д'› среднеязычных палатальных [т''], [д''] различных разновидностей (краепалатальные, переднепалатальные, заднепалатальные). Все эти типы реализации взрывных зафиксированы в ряде русских говоров (севернорусских, южнорусских, среднерусских) с помощью инструментальных методов. В условиях взаимодействия с литературной нормой и контроля со стороны перцептивной базы литературного языка среднеязычные взрывные [т''], [д''] получают известное право на существование, что поддерживается уже указанной категорией русского консонантизма: корреляцией согласных по признаку твердости—мягкости (именно эта корреляция препятствует выделению согласных среднеязычного образования в самостоятельный палатальный ряд).

В качестве еще одного примера устойчивого фонетического диалектного явления можно назвать специфику способа образования язычных щелевых — свистящих и шипящих. Фонетическая реализация указанных щелевых в русских говорах, с одной стороны, включает случаи значительного артикуляционного и акустического контраста щелевых свистящего (дентального) и шипящего

[1] См.: А. М. Кузнецова. О взаимодействии артикуляционной и перцептивной базы русского литературного языка на современном этапе. «Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению». М., 1973, стр. 41—43.

(альвеолярного) ряда, а с другой стороны, охватывает случаи, когда фонетические признаки, дифференцирующие данные согласные, относительно сглажены. Так, в говорах с помощью инструментальных методов отмечено употребление свистящих а п и к а л ь н о г о уклада (в отличие от дорсальных свистящих литературного языка и ряда говоров), а также зафиксированы согласные образования промежуточного типа, так называемые с в и с т я щ е - ш и п я щ и е (твердые): $с^{ш}$, $з^{ж}$ и т. п.

Фонетическая реализация ш и п я щ и х щелевых в русских диалектах также разнообразна в типологическом отношении. Кроме шипящих какуминального уклада, типичных для литературной речи, отмечены шипящие а п и к а л ь н о г о уклада невеляризованные (т. е. с отсутствием так называемого 2-го фокуса шипящих), которые воспринимаются (носителями литературного языка) как несколько смягченные, хотя и не обладают фонетическим признаком палатализации. Указанная типология шипящих, известная по инструментальным данным целого ряда языков, противоречит широко распространенной трактовке шипящих как «двухфокусных», в соответствии с которой двухфокусность рассматривается в качестве основного, характерного артикуляционного признака шипящих (обусловливающего сам эффект «шипения») — в противоположность однофокусности свистящих [2]. Более убедительным представляется мнение о связи 2-го фокуса, т. е. дополнительного подъема задней спинки языка при произношении какуминальных [ш], [ж], с явлением в е л я р и з а ц и и, которая может характеризовать самые различные группы согласных, в том числе и свистящие [с], [з] [3].

В русских диалектах отмечены звукотипы шипящих со значительной степенью веляризации и лабиализации. В этом случае в спектре согласных наблюдается заметное перемещение основного спектрального максимума вниз (по шкале частот), что обеспечивает пониженный тембр согласных.

Указанные разновидности твердых свистящих и шипящих щелевых нередко присутствуют в речи лиц, овладевших литературным языком, в качестве своеобразного диалектного «субстрата». Существование этих элементов также не противоречит закономерностям перцептивной базы литературного языка.

К диалектной типологии принадлежат так называемые «шепелявые» мягкие свистящие, представляющие собой среднеязычные палатальные образования типа [с''], [з''] (среднеязычные щелевые подобного типа наблюдаются, в частности, в польском языке,

---

[2] Ср.: Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка. М., 1948, стр. 69; М. В. Г о р д и н а. Фонетика французского языка. Изд. ЛГУ, 1973, стр. 77.

[3] Так, украинские фонетисты отмечают, что «при веляризационной окраске аналогичный задний фокус можно наблюдать также и при произношении свистящих [с], [з]» («Сучасна українська літературна мова». Київ, 1969, стр. 160).

в удмуртском языке и в языке коми). В случае слабо выраженного признака «шепелявости» (краепалатальные, передне-среднеязычные щелевые типа белорусских) эти согласные в связной речи обычно не воспринимаются как отличные от соответствующих палатализованных свистящих литературного языка.

Примером неустойчивого элемента диалектной фонетической системы (при взаимодействии с литературным языком) может служить цоканье (в широком смысле — употребление одной аффрикаты в соответствии с двумя этимологическими) во всех его разновидностях, обусловленных спецификой артикуляционной базы говора.

Отход от цоканья представляет собой сложный и длительный процесс, затрагивающий лексико-морфологическую и фонологическую структуру говора. Поскольку в самой системе консонантизма цокающих говоров отсутствуют условия для имманентного развития различения двух аффрикат, то естественно, что толчком для восстановления утраченного распределения этимологических аффрикат *ц* и *ч'* может послужить лишь внешнее воздействие на систему диалектного консонантизма. Источником этого воздействия явилась система литературного языка (или говора с аналогичным распределением аффрикат), в связи с чем на начальном этапе усвоения новой фонологической единицы «из литературного языка заимствуется в его звуковом оформлении весь лексический состав с аффрикатой *ч'*, что и служит образцом к новому для говора распределению всех слов на две категории сообразно с наличием в них *ц* или *ч'*» [4].

Одновременно с усвоением новых лексем и морфологических форм, содержащих новую фонологическую единицу, в диалектной системе происходит формирование новой фонологической модели, что приводит к перестройке внутрисистемных отношений в области консонантизма. При этом получает соответствующее проявление специфика фонологической системы и артикуляционной базы конкретного говора. В конечном итоге новая фонологическая единица, участвующая в восстановлении исконной дистрибуции этимологических аффрикат, приобретает различный фонетический облик и вступает в различные отношения с другими фонологическими единицами частных диалектных систем.

Таким образом, процесс отхода от цоканья не является процессом фонетического характера и далеко не во всех случаях связан с непосредственным усвоением фонетического облика согласного *ч'* в заимствуемой из литературного языка лексике.

Усвоение новой фонологической модели, происходящее путем абстрагирования дифференциальных признаков фонемы — в результате накопления количественных изменений в лексике и мор-

---

[4] С. С. Высотский. Говоры восточной окраины Московской области. «Бюллетень Диалектологического сектора ИРЯ АН СССР», вып. 1. М.—Л., 1947, стр. 54.

фологических формах, — нередко сопровождается своеобразным «отталкиванием» от имеющейся в языке модели, непосредственно соотносимой с новой, и «исправлениями» в лексике, в семантическом отношении соприкасающейся с заимствуемой.

Данные процессы, известные в литературе как г и п е р и з м ы, или г и п е р к о р р е к т и з м ы, свидетельствуют об активном участии языкового сознания говорящих в процессах языкового развития. «Специфика эволюции . . . всякой языковой нормы состоит в том, что языковые процессы до некоторой степени определяются представлениями о языке самих носителей языка (наиболее показательным признаком этой связи являются всевозможные гиперкорректизмы)» [5].

Существует мнение о том, что начальный этап отхода от цоканья представляет собой «беспорядочное употребление вновь усваиваемой аффрикаты *ч'*, т. е. так называемое чоканье» [6], классифицируемое некоторыми исследователями в качестве гиперизма [7]. Такая трактовка чоканья, которая исходит из признания ф о н е т и ч е с к о г о характера процесса перехода к различению аффрикат, одновременно предполагает наличие в диалектных системах звуков «промежуточного характера» типа *ц'ч'* (*ч'ч'*), представляющих «определенный этап перехода от мягкого цоканья к различению *ч'* и *ц*» [8].

Согласно другой точке зрения, чоканье принадлежит к самостоятельному типу употребления аффрикат в русских говорах и в типологическом отношении равноправно собственно цоканью, несмотря на то, что исконная территория распространения чоканья в прошлом могла оказаться меньше ареала цокающих говоров. В пользу такой трактовки чоканья свидетельствуют не только лингвистические, но и историко-археологические факты, позволяющие выдвинуть гипотезу о субстратном происхождении чоканья.

Существенным представляется и тот факт, что, в соответствии с экспериментально-фонетическими данными, отмечающиеся в ряде говоров согласные образования типа *ц'ч'* (*ч'ч'*) следует классифицировать как самостоятельные аффрикаты среднеязычного уклада краепалатальной ([*ц''ч''*]) и переднепалатальной ([ц'']) разновидности, употребление которых не связано с усвоением шипящей аффрикаты в цокающих говорах. При этом, как правило, среднеязычный уклад характеризует реализацию всех трех групп согласных, противопоставленных по признаку способа образования: взрывных, щелевых, аффрикат.

[5] Б. А. У с п е н с к и й. Книжное произношение в России. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 32.

[6] В. Г. О р л о в а. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959, стр. 53.

[7] Л. Л. К а с а т к и н. Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах. «Изв. АН СССР». Серия лит-ры и языка, 1965, т. XXIV, вып. 6, стр. 513.

[8] В. Г. О р л о в а. Указ. соч., стр. 201.

Отдельные случаи мены аффрикат в говоре на начальном этапе заимствования новой лексики при переходе к различению аффрикат, собственно и представляющие собой гиперкорректные формы в области произношения согласных, видимо, не следует расценивать как факты чоканья. В таких случаях «адаптивные формы с ошибочной постановкой *ч'* на месте исконного *ц* единичны» [9].

К числу неустойчивых диалектных явлений относятся и случаи так называемой утраты затвора у аффрикат, т. е. функционирование системы, в которой лишь две группы согласных противопоставлены по признаку способа образования: взрывные и щелевые. Отход от этого явления связан с заимствованием новой лексики с двумя аффрикатами и усвоением нового различительного признака согласных фонем — признака аффрикатности.

Усвоение признака «аффрикатность», который является релевантным для согласных [ц] и [ч'], отсутствующих в диалектных системах с произношением [с] на месте *ц* и [ш'] на месте *ч'*, в отдельных случаях может привести к «отталкиванию» от признака «фрикативность» у соответствующих щелевых согласных и его гиперкорректной замене новым признаком «аффрикатность». В литературе отражены примеры подобных замен, в основном локализуемые на территории южнорусских говоров, ср.: *царай* (=сарай), *лец* (=лес), *чацы* (=часы) [10], *цапоги* (=сапоги), *руцкая* (=русская) [11] и т. п. По материалам Атласа русских народных говоров аналогичные примеры отмечены и на территории севернорусских говоров, ср.: [ц']*ёрп* (=серп), *о́*[ц']*ень* (=осень), [ц]*вёкла* (=свекла), *ре́ль*[ц]*ы* (=рельсы), *ку*[ц]*о́к* (=кусок) и др.[12]

В литературе отмечалась возможность лексикализации или морфологизации указанных форм с [ц] на месте этимологического *с* [13]. В качестве морфологических форм, аналогичных форме *руцкий*, можно указать следующие примеры, характеризующие говор д. 1-е Скородное Золотухинского р-на Курской обл. (наша экспедиция 1969 г.): *плóцких* (=плоских), *деревёнцких* (=деревенских).

В говоре д. 1-е Скородное представлена спорадическая замена этимологического согласного *с* аффрикатой [ц] (наряду с обычным употреблением [с]) на фоне широкого употребления щелевых на месте этимологических аффрикат *ц* и *ч'*, начавшийся процесс от-

---

[9] С. С. Высотский. О говоре д. Лека. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., 1949, стр. 43.

[10] С. И. Котков. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», II. М., 1952, стр. 49.

[11] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных. СПб., 1913, стр. 232; А. Никольский. Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губернии. — РФВ, 47/48. Варшава, 1902, стр. 180; и др.

[12] См. Комментарий к карте № 96 «Атласа русских народных говоров к северу от Москвы» (БСТ), автор Е. Г. Бурова. Рукопись хранится в Секторе истории и диалектологии русского языка Ин-та русского языка АН СССР.

[13] Л. Л. Касаткин. Указ. соч., стр. 513—514.

хода от которого далеко еще не закончен. Примеры гиперкорректных форм: [ᵀц]*апоги́*, [ᵀц]*оба́ка*, *гра́ду*[ц]*ов*, *на*[ц]*евбдня*, *под*[ц]*ъло́мой*, *ры*[ц']*ью* (=рысью) и др.

С фонетической стороны согласный [ц] (отмеченный в произношении некоторых представителей старшего поколения) нередко отличается усилением затворной части (удлинением фазы смычки): в условной транскрипции [ᵀц].

Наибольший интерес представляют спорадические случаи произношения в говоре звонких аффрикат [ʒ] ([д͡ʒ]) и [ʒ'] ([д͡ʒ']) на месте щелевых [з] и соответственно [з']. Ср. примеры: [д͡ʒ]*апи́сано*, [д͡ʒ]*аболе́л*, *расска*[д͡ʒ]*а́л*, *обя*[д͡ʒ]*а́тельно*, [д͡ʒ']*я́ть* (=зять), *бре*[д͡ʒ']*е́нт* (=брезент) и т. п.

Процесс отхода от «соканья» (неразличения фонем ‹с› и ‹ц›) существенно отличается от параллельного процесса, затрагивающего согласные шипящей разновидности. Поскольку «изменение [ч'] > [ш'] не приводило к утрате фонемы, воплощенной в этих звуках» [14], то и в процессе отхода от этого явления, как правило, не возникали гиперкорректные формы.

Как видно на примере говора д. 1-е Скородное Курской обл., абстрагирование признака аффрикатности (в результате усвоения новой фонологической модели) может проявиться в такой сильной степени, что, полностью «оторвавшись» от заимствуемой из литературного языка лексики, признак аффрикатности способен вытеснить признак фрикативности у согласных, «не причастных» к явлению исторической замены аффрикат щелевыми.

Примечательно и то, что абстрагирование признака аффрикатности сопряжено со своеобразной его корректировкой — в сторону сближения данного признака с признаком смычности (в более широком аспекте). Это предположение подтверждается не только фонетическими фактами, характеризующими особенности артикуляционного образования гиперкорректной аффрикаты [ц] (ср. замечание об усилении смычной части согласного: [ᵀц]. Помимо этого, в говоре д. 1-е Скородное отмечены отдельные факты замены этимологических звонких щелевых *з* взрывным согласным [д]: например, [д]*аблу́дишь* (=заблудишься,) [д]*олоту́хино* (=Золотухино).

Гиперболизация признака аффрикатности, сближаемого с признаком смычности, проявляется и в фонетической реализации усваиваемых аффрикат [ц] и [ч'], в тех случаях, когда их распределение в лексемах полностью соответствует литературному употреблению: ср. *про*[тц]*е́нты*, *за*[тч·]*е́м* (ср. также более редкие случаи реализации шипящих щелевых как [дж], [тш]: *По*[дж]*а́рский* (=Пожарский), [тш·]*а́ли* (=шали)).

Рассматриваемые явления, характеризующие специфику имманентного развития говора д. 1-е Скородное, на первый взгляд, свидетельствуют об изолированной тенденции в консонантной

[14] Там же, стр. 513.

системе говора. Однако дальнейшие наблюдения обнаруживают существование более глубоких внутрисистемных отношений в динамике консонантных сдвигов в частной системе говора.

Явления, о которых шла речь, получают в говоре поддержку со стороны тождественного по направлению процесса в области гиперкорректных форм: замены фрикативного согласного [в] губного ряда смычным (взрывным) того же ряда [б]. Например: [б]*бт* (=вот), [б]*рéмя* (=время), *однод*[б]*брцы* (=однодворцы). Отмечены единичные случаи и обратной замены: [в]*ыли* (=были).

Наряду с этими фактами в говоре зафиксировано употребление неполносмычного согласного [б^{в}] (типа аффрикаты губного ряда [б͡в]) на месте фонем ‹б› и ‹в› (параллельно с их обычной дистрибуцией): [б͡в]*рéд* (=вред), [б͡в]*окзáл* (=вокзал), [б'͡в']*инá* (=вина), *у*[б͡в]*рáл* (=убрал) и др.[15]

Таким образом, в условиях отхода от неразличения фонем ‹б› и ‹в› в говоре возникли гиперкорректные формы, фонетическая реализация которых обусловлена фонологической релевантностью консонантного признака смычности, также проявляющегося и в реализации гиперкорректных форм переднеязычных согласных свистящего (дентального) и шипящего (альвеолярного) ряда.

В целом отмеченная в говоре тенденция употребления гиперкорректных форм лишена перспектив дальнейшего развития, поскольку она противоречит общерусским языковым тенденциям в области фонологического распределения и фонетической реализации указанных консонантных категорий.

Р. Ф. ПАУФОШИМА

О ТЕМПЕ РЕЧИ В НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ

Вопрос о темпе речи в русских говорах до сих пор экспериментально не исследовался, хотя сведения о различиях по темпу речи между отдельными группами говоров в литературе имеются [1]. Представляется, что темп речи, сам по себе не имеющий лингвистической значимости, может быть связан с такими сторонами просодической системы языка, как степень примыкания соглас-

[15] О «слабосмычном *б*» в русских говорах Сибири писал А. М. Селищев, объясняя его возникновение иноязычным влиянием (см.: А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. «Избранные труды». М., 1968, стр. 245—246). Аналогичные факты отмечены в некоторых польских и литовских говорах.

[1] Ср., напр.: С. С. Высоцкий. О звуковой структуре слова в русских говорах. — В сб.: «Исследования по русской диалектологии». М., 1973.

ных к гласным, ритмическая структура слова, интонация. Имеется ряд исследований, посвященных связи темпа речи с характером артикуляции отдельных звуков [2].

Известны различия в индивидуальном темпе, характеризующем речь конкретного диктора [3].

Задачей настоящей работы является исследование зависимости темпа речи от степени примыкания согласных к гласным: можно предположить, что при большей спаянности звуков в потоке речи, определяющейся сильным примыканием, следует ожидать бо́льшую скорость смены артикуляций в единицу времени, т. е. убыстрение темпа речи. Если это действительно так, то определенный темп может быть свойственным не только речи индивидуума, но и характеризовать речевую систему диалекта или языка.

Исходя из того, что по степени примыкания многие севернорусские говоры контрастируют со среднерусскими [4] и южнорусскими [5], материал для исследования был выбран из магнитофонных записей одного говора Вологодско-Кировской группы севернорусского наречия (д. Макаровская и Полутиха Харовского р-на Вологодской обл.[6]), одного среднерусского говора Владимиро-поволжской группы (д. Елховка Собинского р-на Владимирской обл.) и одного говора Восточной группы южнорусского наречия (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.[7]).

Вторым моментом, который предстояло проверить, был вопрос о связи степени выраженности нефонематических гласных с темпом речи.

Известно, что нефонематические, или вставные, гласные довольно регулярно представлены в определенных сочетаниях гласных как в русском литературном языке, так и в русских говорах [8].

Однако в говоре д. Деулино нефонематические гласные выражены более ярко — и качественно и количественно, чем

---

[2] Л. Р. Зиндер. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков. Вопросы фонетики. «Уч. зап. ЛГУ им. А. А. Жданова», серия филол. наук, 1964, № 325, вып. 69; В. И. Ильина. К вопросу о речевых вариантах. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.

[3] H. Frischeisen-Köhler. Das persönliche Tempo. Leipzig, 1933.

[4] В статье принято современное членение русских говоров. См.: «Русская диалектология». М., 1964.

[5] См.: Р. Ф. Пауфошима. О распределении мягкости в двучленных сочетаниях зубных согласных в некоторых русских говорах. — В сб.: «Исследования по русской диалектологии». М., 1973.

[6] Запись произведена сотрудниками Ин-та русского языка АН СССР Ю. С. Азарх и М. Н. Преображенской.

[7] Запись произведена группой сотрудников Ин-та русского языка АН СССР под руководством И. А. Оссовецкого.

[8] В. А. Богородицкий. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930; Н. А. Любимова. Акустические характеристики русских сонантов. Автореф. канд. дисс. Л., 1966; И. С. Никольская. Экспериментально-фонетическое исследование вставных гласных в некоторых русских говорах. Автореф. канд. дисс. Казань, 1971.

в первых двух говорах, в то время как наименее отчетливо соответствующие гласные фиксируются в вологодском говоре. Возникло предположение о том, что в говоре д. Деулино бóльшая длительность вставных гласных и связанная с этим их бóльшая тембральная определенность может быть обусловлена замедленным темпом речи, что влечет за собой более отчетливое восприятие нефонематических гласных даже при простом прослушивании материала.

Существуют различные способы измерения темпа речи [9].

В настоящей работе сведения о темпе спонтанной речи получены путем измерения количества речевых звуков, произносимых диктором в единицу времени [10].

В каждом из трех говоров выбирались пять дикторов, несколько различающихся между собой в отношении речевого темпа. Из записей речи каждого диктора брались отрезки длительностью в 1000 мсек — до 20 таких отрезков, затем подсчитывалось количество звуков речи, приходящихся на каждый отрезок. Отрезки выбирались произвольно, но из разных участков записи, характеризующихся некоторыми различиями в темпе, исследовались и более замедленные, и более ускоренные участки. Вторым условием подбора материала было отсутствие в выбранных отрезках пауз — каждый отрезок представляет собой непрерывно звучащий фрагмент речевой цепи (образцы таких отрезков приведены в приложении).

При такой статистике происходило как бы некоторое выравнивание длительности звуков, стирание различий, связанных со спецификой ритмической структуры слова в исследуемых говорах. Значения темпа речи, выраженные в цифрах, подтверждают это предположение — они оказываются довольно постоянными для каждого диктора.

Выяснилось, что для говора из Вологодской обл. средним темпом речи — по данным пяти дикторов — является скорость 17 звуков в секунду, т. е. при этом средняя длительность звука составляет около 60 мсек. При ускоренном темпе речи те же дикторы могут произносить до 21—22 звуков в секунду (средняя длительность одного звука — 46—48 мсек), при замедленном — 12—14 звуков в секунду (средняя длительность звука — 71—83 мсек).

Говоры из Рязанской и Владимирской областей в отношении характерного для них темпа обнаруживают большое сходство. Средний темп речи по данным пяти дикторов из д. Елховки Владимирской обл. составляет 12 звуков в секунду (средняя длительность одного звука — 83 мсек); максимальные значения темпа

---

[9] E. Foulke. Methods of controlling the word rate of recorded speech. «Journal of communication». Lawrence, 1970, v. 20, № 3; E. Fröschels. Untersuchungen über das Sprechtempo. Mschr. Ohr. hk. usw. Wien, 1921, 1; P. Zima. Zur Klassifizierung des Sprechtempos. «Slovo a slovesnost», 1959, 96.

[10] Такая же методика была использована в указанной статье Л. Р. Зиндера.

речи в этом говоре — 15—16 звуков в секунду при средней длительности звука 63—66 мсек. Выше было показано, что приблизительно такой темп речи является н о р м а л ь н ы м для говора из Вологодской обл. Замедленные отрезки речи владимирского говора могут произноситься со скоростью 8—10 звуков в секунду при средней длительности звука 100—125 мсек. В говоре Деулина Рязанского р-на Рязанской обл. по данным пяти дикторов средний темп составляет 12—13 звуков в секунду, т. е. средняя длительность одного звука равна 77—83 мсек. Минимальные значения темпа речи в этом говоре — 9—10 звуков в секунду, максимальные — 14—15 звуков в секунду [11].

Приведенный ниже материал позволяет судить и об индивидуальном темпе речи каждого диктора. Так, можно отметить большую стабильность речевого темпа некоторых дикторов (ср., напр., речь диктора 1, Деулино, диктора 3, Полутиха), — как правило, их речь характеризуется средними значениями темпа данного говора. Речь других дикторов, напротив, представляется более неровной с точки зрения темпа, но преобладающими и здесь оказываются не экстремальные, а средние для данного говора значения. Можно проиллюстрировать сказанное на примере диктора 3 (Деулино), речь которой представляется довольно неровной по темпу: из 17 отрезков текста 9 было произнесено со скоростью 11—13 звуков в секунду, 6 — со скоростью 14 и более, 2 — со скоростью 10 звуков в секунду.

Полученные после обработки значения темпа речи V и длительности звуков t для трех изученных говоров представлены на диаграммах (см. рис. стр. 151). Для каждого из говоров на диаграммах показаны три значения темпа речи V и соответственно три значения длительности звуков t в миллисекундах. Два крайних значения соответствуют минимальной и максимальной измеренным величинам V и t, а среднее значение соответствует среднему арифметическому всех значений V и t для данного говора. Результаты обработки показывают, что среднее отклонение ΔV от значения $V_{ср.}$ составляет 1,5 для вологодского говора, 1,3 для владимирского и 1,1 для рязанского. Тем самым относительная ошибка измерений $\frac{\Delta V}{V_{ср}}$ составляет 10% для всех трех говоров, не зависит от специфики говора и определяется только методикой измерения. Это в свою очередь означает, что отраженные на диаграммах различия в темпе речи и длительности звуков между тремя говорами значительно (в несколько раз) превышают ошибку измерений и, следовательно, отражают объективные характеристики темпа речи.

---

[11] По данным ленинградских исследователей, средняя длительность звука в русском литературном языке колеблется в диапазоне от 72 до 120 мсек. (ЛЭФ ЛГУ, отчет по теме «Ключевые звуки русской речи». Л., 1958). Следовательно, владимирский и рязанский говоры практически не отличаются в этом отношении от литературного варианта русского языка.

Следовательно, вологодский говор существенно отличается по темпу речи от владимирского и рязанского, а также и от русского литературного языка, что можно связать с различием в степени примыкания. Что же касается двух последних говоров, то они обладают практически одинаковым темпом речи, а из этого следует, что нельзя связывать длительность нефонематических гласных, особенно ярко представленных в рязанском говоре, с характером темпа речи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Образцы фрагментов текста

Вологодская обл., Харовский р-н. Диктор 1. «Или может у кого и не поздний?» [л'е и́л'е мо́жет у кowо́ и н·е п] — 19 звуков, «День на колхозной работе работаешь» [д·е́н' на kowхо́зноu̯ роб] — 17 звуков, «Покупаем мы в магазинах нитки-десятки» [покупа́м мы wмагаз] — 15 звуков.

Диктор 2. «Как из реки да вот в ямоцку» [как ызъ р'ек'и́ да wотъ] — 16 звуков, «Ой, да у меня мама так делает» [оu̯ да у м'ен'а́ ма́ма таг) — 16 звуков; «И на рецку идем полоскать» [и на р'е́ц'ку ид·е́м polос] — 17 звуков.

Диктор 3. «А сестренка на три года моложе» [а с'истр'о́нка на́ тр'и го̯] — 17 звуков, «А тут две сестры были неродные» [а туд д'ив'е́ с'истры́ бы́л'и] — 17 звуков, «Уж я десяти лет два года обряжалася по хозяйству» [уш ja д'ес'ет'и́ л'ед̯ва́] — 16 звуков.

Диктор 4. «Но она болела уже опять другой болью» [но она́ уже́ бол'е̯ла оп'е́д' дър] — 19 звуков, «А это вот молотило-то сделают, землю ото зерна околацивают» [а ето wот молот·и́lo то з'д'е̯лы] — 22 звука, «Вот война-то и слуцилась, еще та-то, германская-то война» [вот wou̯на́ то и clуц'и́la] — 18 звуков.

Диктор 5. «Вот не люблю как ногти крашены да губы крашены» [вот н·е л'убл'у́ как но̯к] — 16 звуков, «Как нынце девушки-те постригаются» [как ны́нц'е д'е̯вушк'и т'и] — 17 звуков, «Туто-ка знаешь, дети пойдут, да жена пойдет да» [ту́то ка зна́еш д'и́] — 13 звуков.

Владимирская обл., Собинский р-н. Диктор 1. «А вас здесь вот выведут» [а ваз з'д'е́с' во] — 10 звуков, «Вот я уж там не знаю» [воты já уш там н'е] — 13 звуков, «На Жерихово я считаю мне как-то податнее» [на же́р'икво ja] — 11 звуков.

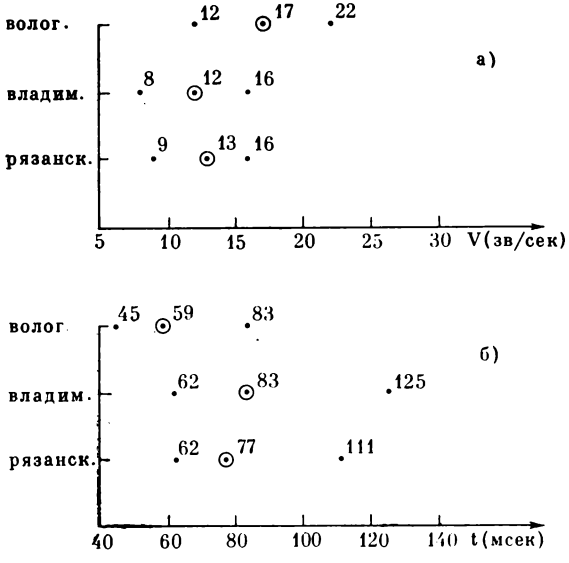
Диктор 2. «Главно ведь, собаку-то вот убили» [гъла́вно в'ит' со] — 12 звуков, «Деньги теперь у которых все в банке ведь лежат» [т'еп'е́р' у кото́ры] — 12 звуков, «Надо розвод, он ни с кем тоже не гулял» [надо розъво́] — 10 звуков.

Диктор 3. «Жених приезжает за невестой» [жен'и́х пр'иe̯ж] — 11 звуков, «Нас в Ратморове вот венчали» [нас в ра́тъ-

мърв'е во] — 15 звуков, «Мы жили победнее его» [мы жы́л'и поб'ид] — 11 звуков.

Диктор 4. «Сойдутся артель, гуляют с гармошкой» [соцдýц̄а ар'т'^{и}е] — 11 звуков, «Ну бывало ведь, все были дома» [ну бывáл в'ит' фс'ие] — 13 звуков, «Раньше была мельница, ездили здесь прямо» [рáн'шы былá м'^{и}ёл'н'] — 13 звуков.

Диктор 5. «Испечет, вымот, закваски маненько оставит» [ис'п'еч'óт вы́мо] — 12 звуков, «Чугун обгорел, его выставят» [ч'угýн обгор'ёл ыв] — 14 звуков, «А молока мать копила, масла накопит, вытопок» [а молокá мáч'] — 11 звуков.

Рязанская обл., Рязанский р-н. Диктор 1. «Три часа они пекутся» [тр'и ч'асá ан'и́ п'ак] — 13 звуков, «Я вынула хлебы и пошла» [ја вы́нулъ х^{ъ}л'ёб] — 13 звуков, «И так он всю лето ловил моим бреднем» [и тáк он фс'ý л'ёт] — 12 звуков.

Диктор 2. «Ну а тут, бог дал, пришел один плотник-то» [на туд^{ъ} бо̝γ дъл пр'иш] — 15 звуков, «Я тебе, Паранька, за четыре тыщи сделаю на совесть» [ја таб'ие пара^{и}] — 12 звуков, «Все на свете будет на совесть» [фс'ó на с'в'ёт'и бý] — 12 звуков.

Диктор 3. «И эта семя-то, она вся и отколачивается от него» [и ета с'ём'а т анá с'а и] — 14 звуков, «Она чистая делается, семя» [анá ч'и́стыц̄а д'] — 10 звуков, «Рожь сушили, молотили» [рош сушы́л'и ма] — 11 звуков.

Диктор 4. «Сидю жду ли кого-нибудь, камею [12] сидю» [с'ид'ý жду л'и каó] — 12 звуков, «Два лица, вот видишь —

[12] *Каметь* — томиться при долгом ожидании чего-л. («Словарь современного русского народного говора». М., 1969).

с этого боку лице и с этого боку лицо» [дᵞвá л'ицá вот в'и́д'] — 14 звуков, «Ходять вон с ведром, лавють» [хо́д'т' вън с в'ад] — 11 звуков.

Диктор 5. «У бога дён много» [у бо́ɣа д'о́н мъ̄но] — 12 звуков, «Сняла с себя рубашку» [с'н'алá с̄'еᵘб'á] — 9 звуков, «А ведь ветер, холодно» [а в'ит' в'ét'ър хъ] — 11 звуков.

А. Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

ЗАМЕТКИ О КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Несмотря на давнюю научную традицию и в целом обширную литературу предмета, многие из вопросов, составляющих проблему категории одушевленности—неодушевленности существительных (КОН) в русском языке, остаются недостаточно изученными. Это касается как некоторых общих ее аспектов (таковы, например, вопросы об отношении этой грамматической категории к соответствующим категориям мышления и сознания, особенно с учетом различий между научным и общим, так сказать, «бытовым» пониманием живого—неживого и одушевленного—неодушевленного [1]; об уровневой принадлежности КОН — в плане ее отне-

[1] Ср. своеобразный «принцип круга» в определении соответствующих понятий, когда существительные, принадлежащие категории одушевленности, трактуются как обозначающие одушевленные предметы, а одушевленные предметы объясняются как «принадлежащие к грамматической категории живых существ» (см.: «Толковый словарь русского языка». Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. II, стлб. 772).

Если учесть также широкораспространенное поэтическое «одушевление» растительного мира, что не следует смешивать с поэтическим приемом олицетворения (ср.: «. . . сквозь тяжелый мрак миротворенья Рвалась вперед бессмертная душа Растительного мира» — Н. Заболоцкий, Лодейников, и др. под.), а также одушевление мира неорганической природы (ср.: «Верь мне, одна без различия жизнь и людей и природы. Всюду единая царствует мысль и душа обитает В глыбах камней бездыханных и в радужных листьях растений. . .» — Н. Щербина, Моя богиня, и др. под.), то станет понятным скептическое отношение ряда ученых к самим терминам «одушевленность», «неодушевленность», к стоящим за ними не вполне определенным понятиям и стремление найти им подходящую замену. Ср., например, предложение Б. А. Абрамова о разделении существительных на классы антропонимов и неантропонимов, что представляется ему «не только более удобным, чем их. . . рубрикация на одушевленные и неодушевленные, но с лингвистической точки зрения и более строгим», поскольку «избавляет от необходимости решать скорее биологический, чем лингвистический, и в сущности неразрешимый вопрос о том, где же проходит граница между одушевленностью и неодушевленностью в мире жи-

сения к морфологии или синтаксису [2], вопрос о системных связях КОН с другими грамматическими категориями — например, с категорией залога, и некот. др.), так и целого ряда конкретных особенностей ее структуры, функционирования и развития в современном языке и на различных этапах его истории.

Таковы, например, вопросы об отношении к КОН существительных, обозначающих существа микромира, или существительных (преимущественно имен собственных), являющихся названиями машин, самодвижущихся устройств и особенно речных и морских судов; об употреблении одушевленных существительных в счетных оборотах с числительными *два*, *три*, *четыре*, в оборотах с приложениями и перифразами различных типов и др.; об употреблении некоторых местоимений и местоименных фразеологизмов при замене одушевленных и неодушевленных существительных в определенных синтаксических конструкциях; о выборе падежной формы обособленных определений, относящихся к личным местоимениям, и др.[3]

Почти совершенно не изучена проблема системных последствий развития КОН в истории русского языка, хотя эти последствия, как можно полагать, весьма значительны. К их числу есть основания относить такие, например, процессы, как все расширяющееся вытеснение форм род. пад. формами вин. пад. при глаголах с отрицанием, при глаголах известных семантических групп, а в прошлом — при супине. Чрезвычайно слабо изучена КОН в русском диалектном языке и в других восточнославянских языках и их диалектах.

Общепризнано, что в отличие от украинских и белорусских говоров, которые в процессе дифференциации совпавших формально падежей подлежащего и прямого дополнения в ед. ч. развили КОН, а во мн. ч. остановились на ступени категории лица—нелица (или даже неполной категории лица — лица мужского пола), русские говоры выработали полную категорию одушевленности—неодушевленности [4] и характеризуются в этом

вотных» (см.: Б. А. Абрамов. О понятии семантической избирательности слов. — В кн.: «Инвариантное синтаксическое значение и структура предложения». М., 1969, стр. 9).

[2] Ср. безоговорочное признание КОН синтаксической категорией в работах В. Курашкевича. См., например: W. Kuraszkiewicz. Zarys dialektologii wschodniosłowiańskiej. Warszawa, 1954, стр. 31. Ср. также мнение И. А. Мельчука о необходимости исключения КОН из числа грамматических категорий имени, поскольку, с его точки зрения, она, как и категория рода, является «синтаксическим признаком основы», подобным глагольному управлению (см.: ВЯ, 1972, № 3, стр. 163).

[3] Всем этим и некоторым другим вопросам автор предполагает посвятить специальное монографическое исследование.

[4] См.: W. Kuraszkiewicz. Указ. соч., стр. 31; K. Horálek, Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955, стр. 194; Н. И. Букатевич, И. Е. Грицютенко и др. Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков. Одесса, 1958, стр. 96.

отношении полным единством [5], не отличаясь по указанному признаку также и от литературного языка [6].

Лишь в некоторых говорах, как отмечает академический курс «Русской диалектологии», а именно, в говорах Смоленской и Брянской областей — на территории, примыкающей к БССР, а спорадически и в других говорах как северного, так и южного наречия, а также в некоторых среднерусских, обнаруживаются факты, как будто нарушающие это единство. Речь идет о случаях нерегулярного употребления в значении прямого объекта гиперформы им.-вин. пад. мн. ч. существительных, являющихся названиями животных, и еще реже — лиц в оборотах типа: *А домашние зайцы кроликами зовут; Надо кони поить; Старики жалеть надо* и т. п.[7], которые являются, очевидно, пережитками предшествующего этапа развития КОН и которые могли бы рассматриваться как свидетельство того, что формирование КОН для мн. ч. существительных в этих говорах еще не закончено.

Авторы названного курса, однако, отвергают такого рода трактовку этих фактов и, усматривая в них особые синтаксические структуры, в которых прямой объект выражается формой не винительного, а именительного падежа, считают, что они связаны с КОН лишь генетически и что форма имени в этих сочетаниях является формой винительного падежа только по происхождению. Предполагается, что категориальная трансформация падежной формы имени в таких сочетаниях (вин. мн. → им. мн.) произошла под воздействием других — исконных сочетаний типа *нести* (*несу*, *нес*) *вода* и *надо нести вода* — с именительным падежом в значении прямого объекта. Сюда же авторы относят также сочетания типа *надо вода* (*конь*, *кони*) [8]. Помещенные в этот синтаксический ряд, сочетания типа *пасти кони*, *домашние зайцы кроликами зовут* и т. п. оказываются вообще вне связи с КОН и, следовательно, не нарушают единства этой категории в русских говорах. Важным аргументом в пользу этой точки зрения, по мнению авторов, оказывается то, что в этих говорах вне функции прямого дополнения употребляются словоформы вин. мн.= род. мн. (*охотиться на зайцев*, *сесть на коней*) [9].

В свете сказанного особенно интересными и заслуживающими внимания представляются обнаруживаемые в некоторых среднерусских и западнорусских говорах факты, которые, по-видимому, не могут быть расценены иначе, как свидетельство неполноты КОН, и, следовательно, требуют смягчения категорической формулировки приведенного выше тезиса.

---

[5] «Русская диалектология». М., 1964, стр. 97.

[6] Иначе обстоит дело в украинском и белорусском, литературные варианты которых в отношении КОН сближаются с русским, усваивая новые формы вин. мн.=род. мн. и отходя, таким образом, от собственных говоров.

[7] «Русская диалектология». М., 1964, стр. 181—182.

[8] Указ. соч., стр. 131, сн. 12.

[9] Указ. соч., стр. 182, сн. 13.

I

Одно из такого рода свидетельств неполноты КОН характеризует компактную группу говоров левобережья Клязьмы на территории Вязниковского р-на Владимирской обл. (Большие и Малые Удолы, Золотая Грива, Дегтярня, Козлово, Заборочье и некот. др.), где КОН обнаруживает отступления, связанные с формами мн. ч. существительных, имеющих уменьшительное (уменьшительно-ласкательное и уменьшительно-пренебрежительное) значение.

Все они, независимо от того, каково значение производящей основы (значение лица, живого существа или неодушевленного предмета), используют во множественном числе форму винительного падежа, совпадающую с именительным. Таковы:

1. Существительные со значением взрослого лица мужского пола: *нам бы ба́бам собра́цца да и ръзогна́ть мужычи́шки э́ти* [10]; *молодо́й-от наро́д ушол, тък наш дале́хтор и старичи́шки рабо́тать зъставля́т.* Ср.: *пло́хонький был мужычи́шка, жа́лкай; слап стал старичи́шка, софсе́м умо́м услабе́л.* Но ср.: *но́не ба́бы пъроспусти́ли свои́х мужыко́ф; созва́ли мужыко́ф; мужыко́ф мужы́к, а бап — ба́ба умыва́эт; што нас старико́ф лечи́ть* (М. Удолы).

2. Существительные со значением невзрослого лица мужского пола: *напилса́ чай опе́ть — парнищёнки ганя́эт.* Ср.: *маня́хонький, худу́нный тако́й парнищёнок.* Но ср.: *парне́й пъзову́т, де́вак; парне́й фсех забра́ли* (Золотая Грива).

3. Существительные со значением взрослого лица женского пола: *мужыки́ софсе́м с кру́гу спили́с, пьют ка́жний день и жо́нки ганя́ют; што го́ря, што беды́ на старущёнки на э́ти.* Но ср.: *поми́нки бу́дут, стару́х събёру́т; ну фсех стару́х перписа́ли?* (М. Удолы).

4. Существительные со значением невзрослого лица женского пола: *без му́жа дефченёнки свои́ расти́ла.* Но ср.: *де́вок то́жэ учи́ть ста́ли; пока́ де́вок свои́х подняла́ да вы́дала; де́вок туды́ силко́м не загони́ш* (М. Удолы).

5. Существительные, обозначающие ребенка без указания на пол: *ну, ду́му, што́ мне топе́рь де́лать, че́м я бу́ду робе́нчишки корьми́ть.* Ср.: *пло́хонькой робе́нчишка како́й роди́цца.* Но ср.: *робя́т на́ ноги поста́вила; я фсех дете́й свои́х кости́ла; злы каке́ ста́ли — и дете́й-ту убижа́ют* (Дегтярня).

6. Существительные, обозначающие домашних животных: *я но́не у ней офчёнки стри́гла* (М. Удолы); *офчёнки на по́дволку, а коровёнки води́ли на моста́х* (во время наводнения; Б. Удолы); *фче^{a}ра́ не ганя́ла не офчёнки, не телёнка* (Козлово); *офчёнки де́ржым; больши́х-то я стар коло́ть, коро́ву там али быка́, а офчёнки-те али бара́нишки я колю́* (Б. Удолы); *уш офчи́шки де́ржат фсе^{a}гда́* (Заборочье); *бригади́р лошадёнки-те даёт* (М. Удолы).

---

[10] Все примеры приводятся в упрощенной транскрипции.

Но ср.: *овéц-то штó водúть; овéц держáли; дéфки гадáли бывáло, корóф щýпали, кудú корóва рогáми стоúт; корóва нáша гуляэт, на корóф прúгат каг бúк; овéц-ту да бараноф бсенью прикáлывут* (М. Удолы).

7. Существительные, обозначающие детенышей домашних животных: *не даю́т обрáт брáть, им на фéрме телятишки поят; вы-то дýмате, вам хорóшых телят дадýт? — вúбёрут телятишки какé похýже, плохýнны да больнýнны, и прикóлют; пойдý ягнятишки попою; и лежúт эта свиньúща, ворóчяцца, кáк тóлько поросятишки э́ти мáненьки не роздáвит.* Но ср.: *дáли ёму корóву, телýшку да ягнят; телят обрáтом поят; держáла и я поросят, а тепéрь не хочý, и не нáдо они мне; а хто, мóже, и козлят дéржыт* (М. Удолы).

8. Существительные, обозначающие других животных: *у нас лéтось стояли бéлыхи какé-то, так те зверёф ловúли, пътрошáли их, пичю́жечки ходúли слýшать, черьвячкú съберáли; ну штó он принесёт? — щучúшки чай какéи мáненьки; щурятки принесёт, ёршóф, плóтки* (М. Удолы). Но ср.: *у нас птиц кому́ ловúть?* (там же); *пусь пъкопáцца — найдёт черьвéй* (Б. Удолы); *он хорошó щук ловúл* (Козлово); *карасéй, линéй ловúли* (Заборочье); *за охóтой ходúл зайцéй стреля́ть; бьют лосéй и шрáфу не боя́цца* (М. Удолы); *бобрóф там завелú* (Золотая Грива); *гнéзды ръзоря́ют, птенцóф таскáют* (там же); *лýчче держáть кур, нечéм гусéй; цыпля́т фсех у мя́ пертаскáл хорёк-от* (М. Удолы); *опéть бýэм къмарóф корьмúть; раньше бывáлъ ръзвёдут клопóф да тарканóф и мóрют их выморáжывут, а сечáс ничёво нет, фсё газáми вы́вели* (там же) и др. под.

Следует отметить, что формы вин. мн.=им. мн. в этих говорах возможны и у неуменьшительных существительных, но не во всех семантических группах, и притом лишь у существительных женского рода и лишь в качестве единичного явления. Ср.: *зъпрягáют лóшади-те; бывáло мы и ýтки и гусéй держáли, а сечáс фсё нарýшыли; щурятки принесёт, ёршóф, плóтки* (М. Удолы); *вот какéи щýчины притáскъвали; он чай годóф пять уш как пчёлы дéржыт* (Б. Удолы).

Напротив, некоторые из существительных, для которых нормой является форма вин. мн.=им. мн., могут использовать параллельно и форму вин. мн.=род. мн. Ср.: *намы́ла парнищёнкоф своúх* (М. Удолы); *дефченёнок тóже нáдо обýть-одéть* (Б. Удолы); *станет вот холоднé — тогдá учнýт телятишек э́тих рéзать* (там же). Как показывают примеры, форма вин. мн.=род. мн. возможна у существительных с личным значением, а из неличных — у существительных мужского рода.

Таким образом, противопоставленность неуменьшительных и уменьшительных образований оказывается различной в различных семантических или, точнее, семантико-грамматических группах существительных. Обозначив арабскими цифрами выделенные семантико-грамматические группы (к ним следует прибавить

еще одну — группу неодушевленных существительных), буквами А и Б — соответственно неуменьшительные и уменьшительные образования и символами ВР, ВИ — противопоставленные формы винительного падежа, можно будет представить структуру КОН в указанной группе говоров следующей схемой:

1 А — ВР	4 А — ВР	7 А — ВР // ВИ
1 Б — ВИ // ВР	4 Б — ВИ // ВР	7 Б — ВИ // ВР
2 А — ВР	5 А — ВР	8 А — ВР // ВИ
2 Б — ВИ // ВР	5 Б — ВИ // ВР	8 Б — ВИ // ВР
3 А — ВР	6 А — ВР // ВИ	9 А — ВИ
3 Б — ВИ // ВР	6 Б — ВИ // ВР	9 Б — ВИ

Учитывая, что здесь полностью отсутствуют конструкции с именительным падежом прямого объекта, а конструкции с *надо* имеют неоспоримые признаки субъектно-предикатной структуры (ср.: *ёму не жона́ — ёму рабо́тница была́ на́до; а тепе́рь мы никому́ не ста́ли на́до; шабёр наш Тро́шын-ат то́же оди́н дожива́э: корьми́л, учи́л — хоро́ш был, а ста́р стал — не на́до стал* и т. п., — М. Удолы) [11], необходимо признать, что приведенная схема отражает действительно диалектную специфику КОН.

Колебания в выборе формы вин. мн. в некоторых группах существительных типа А могут быть истолкованы как свидетельство того, что процесс формирования КОН для множественного числа в этих говорах еще не завершен и что мы присутствуем при последнем акте перехода от категории лица—нелица (КЛН) к категории одушевленности—неодушевленности [12].

Колебания в выборе формы вин. мн. для большинства существительных типа Б (в группах 1—8) свидетельствуют, очевидно, о специфике этой словообразовательной и семантико-грамматической категории, сохраняющей здесь некоторые архаические черты той эпохи, когда уменьшительно-ласкательные и уменьшительно-пренебрежительные образования определенных типов относились еще к среднему роду [13]. Именно этим можно было бы

---

[11] О глаголах-связках в прошедшем времени как формальном показателе грамматического значения предложений типа *надо вода* см.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964, стр. 173—175.

[12] Естественно возникающий вопрос о закономерностях перехода от КЛН к КОН и о том, какую роль в этом процессе играет влияние литературного языка — индуцирующую или только поддерживающую, — должен быть предметом специального изучения. О незавершенности формирования КОН в этих владимирских говорах свидетельствует и тот факт, что в счетных оборотах с числительными *два, три, четыре* здесь последовательно используется форма вин.=им. Ср.: *внук у мя де́ржыт две пти́чки; два мнучёнка вы́нянчала; два сы́на и три до́чери вы́растила* (М. Удолы).

[13] Важно отметить, что в южновеликорусской области изменение грамматического рода таких существительных и вовлечение их в КОН заверши-

объяснить задержку и отставание в их развитии сравнительно с существительными типа А. Ибо если для этих последних, как было показано выше, завершается переход из КЛН в КОН, то для существительных типа Б не закончен еще и процесс дифференциации по признакам, релевантным для КЛН [14].

II

Иного рода особенности характеризуют КОН в говорах западной Брянщины, которые, как показало специальное исследование, имеют в системе диалектного членения восточнославянских языков статут говоров с развивающейся переходностью от ср.-б-р. к ю-в-р [15].

Здесь, как и в соседних белорусских говорах, завершено формирование КОН для ед. ч. существительных [16], тогда как для мн. ч. характерна КЛН, которая в условиях усиливающегося воздействия ю-в-р говоров и русского литературного языка обнаруживает сейчас явные сдвиги в сторону КОН. Отсюда обычные для современных западнобрянских говоров колебания типа *пасвить кони//коней*, *ловить щуки //щук* и т. п.

Поскольку здесь, как и во владимирских говорах, отсутствуют какие бы то ни было признаки конструкций с им. п. прямого объекта, а конструкции с *надо*, а также с *видно* и *видать* имеют бесспорную субъектно-предикатную природу (ср.: *кислъта́ была́ на́да; я им тяпе́ритьки ни на́да ста́ла; яны́ вам бо́ли ни на́ды; у их зъ трабо́ю и капу́ста была́ ни вида́ть* и т. п.), колебания в выборе формы вин. мн. в указанных случаях не могут не быть связаны с развитием категории одушевленности—неодушевленности, с переходом от КЛН к КОН.

лось до XVII в. См. об этом: Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической морфологии южновеликорусского наречия. «Уч. зап. МОПИ», 1969, т. 228, вып. 15, стр. 291.

[14] Есть основание считать, что в сознании носителей местных говоров до сих пор сохраняется внеличное и внеполовое представление о только что родившемся существе. Во всяком случае при указании на него, непосредственном или анафорическом, используется местоимение среднего рода. Ср: *свинья́ по мно́гу прино́сит, так оно́ роди́цца тако́ ма́ненько*; *иди́ дава́й скоре́, твоя́ сло́вно тели́цца хо́чет, ну я прибёгла́, а оно́ уш стои́т, кача́цца*; *ма́нька но́не де́ушку свою́ приноси́ла, пъсмотре́ла я — тако́ё слабо́ё, тако́ё хи́лоё* (М. Удолы). Факты такого рода отмечены и в некоторых других владимирских говорах. Известны они также многим севернорусским говорам (см.: В. И. Чернышев. О нарушении согласования в русском языке. «Избранные труды», т. I. М., 1970, стр. 204—205), а также украинским, белорусским и западнорусским говорам.

[15] См.: А. Б. Пеньковский. Фонетика говоров Западной Брянщины. Канд. дисс. Владимир, 1966.

[16] Следует отметить, что в современных западнобрянских говорах почти совершенно изжиты известные в прошлом и совпадающие с аналогичными фактами украинского и белорусского языков случаи употребления формы род. ед. при прямо переходных глаголах типа *срезать гриба*, *накрутить хвоста*, *смолить невода* и т. п., нарушающие внутреннюю цельность КОН.

Не останавливаясь сейчас на закономерностях этого перехода, обратимся непосредственно к тому, что составляет специфическую и, по-видимому, уникальную особенность западнобрянских говоров, — к структуре категории лица—нелица.

Особенность эта состоит в том, что помимо личных существительных и личных субстантивированных местоимений, прилагательных и причастий мужского рода, категория лица здесь охватывает и личные субстантивированные местоимения, прилагательные и причастия женского рода. В соответствие общевосточнославянским формам вин. ед. на *-ую* (ср.: русск. *молодая* 'невеста' — *молоду́ю*, б-р. *маладая* — *маладую*, укр. *молода* — *молоду* и т. п.) здесь используются формы вин.=род. с флексией *-ыя* [17]. Ср.: *до́рять мъладо́га и мълады́я* (Рохманово Унечск. р-на); *вы нам мъладо́га, мы вам мълады́я* (Ст. Задубенье Унечск. р-на); *дару́я падру́жчик мъладо́га и мълады́я* (Нижнее Стародубск. р-на); *пирякри́стя те́шча мъладо́га и мълады́я* (Валуец Почепск. р-на); *их и покла́ли у́мéста* (=похоронили вместе) — *старо́га и стары́я* (Красновичи Унечск. р-на); *ина́ сабе́ друго́га знъйшла́ и ён сабе́ други́я* (Субовичи Клинцовск. р-на); *ни на́да ён мне, иди́тя шука́йтя сабе́ други́я* (Валуец Почепск. р-на) и др. под.

Как показывает приведенный материал (а его легко было бы умножить), рассматриваемые формы употребляются преимущественно в паре с соответствующими формами мужского рода. Вне таких пар обычно используются общевосточнославянские формы на *-ую*. Ср.: *ста́р-стар, а мала́дже́йшую шука́я; поба́тьтя во як мъладу́ю вяду́ть; друго́ю ён кро́пка люби́ў; нявóж ты и друго́ю ки́ниш?* и мн. др. под.

Очевидно, таким образом, что в западнобрянских говорах мы обнаруживаем две формы вин. ед. личных субстантиватов женского рода, выбор и использование которых осуществляется на основе принципа позиционной прикрепленности. Одна из этих форм — с флексией *-ую* — употребляется преимущественно вне сочетаний с формой вин. ед. личных субстантиватов мужского рода, хотя единично может использоваться и в составе таких сочетаний. Другая — с флексией *-ыя* — употребляется преимущественно в составе сочетаний с формой вин. ед. личных субстантиватов мужского рода, обнаруживая явную зависимость от этих последних. Эту позицию можно было бы считать слабой, если бы не возможность единичного использования в ней и форм с флексией *-ую* [18].

[17] Формы на *-ыя* в род. ед. ж. р., непосредственно продолжающие исконные восточнославянские образования на *-ыѣ* (*-иѣ*), не только не подверглись здесь воздействию соответствующих форм неличных местоимений на *-оѣ* (ср. др.-рус. *то́ѣ*), но, напротив, подчинили себе эти последние. Ср. местные формы типа *тыя, самыя, одныя* и т. п.

[18] О принципе позиционной прикрепленности см.: А. Б. Пеньковский. О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов. — В кн.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 203.

Зависимость форм на *-ыя* от позиции настолько очевидна, что есть все основания рассматривать ее как явление морфологической ассимиляции в самом полном и точном значении этого термина, ассимиляции, совершившейся в условиях синтагматизации парадигматических единиц [19].

Можно предполагать, что в первоначальных сочетаниях типа *молодого* и *молодую*, *старого* и *старую* и т. п., т. е. в сочетаниях, построенных по модели «вин. ед. м. р. личн.» — вин.=род. — и — «вин. ед. ж. р.» — вин.≠род., формы на *-ую* были вытеснены формами на *-ыя*, которые обеспечивали не только содержательное, категориальное, но и системно-парадигматическое тождество сочетающихся единиц. Тенденция к установлению единства плана выражения при единстве плана содержания («вин. ед. личн.») привела к перестройке указанной выше модели, которая получила новый вид: «вин. ед. личн. м. р.» — вин.=род. — и — «вин. ед. личн. ж. р.» — вин.=род. При этом сохранялось материальное различие флексий как средство выражения родовых различий и, что особенно важно, значение «личн.» у второго члена из интегрального превращалось в дифференциальное.

Хронология этого новообразования неизвестна, поскольку и само оно до сих пор оставалось неизвестным диалектологии и не было обнаружено в памятниках письменности. Единственный пример такого рода был отмечен П. С. Кузнецовым в Лаврентьевской летописи («видиши мя болноѣ сущю», л. 20 об.), но уникальность его не давала и не дает оснований для каких-либо выводов хронологического порядка. Остаются неизвестными также и причины и условия возникновения этого явления.

Очевидно, однако, что рассматриваемое изменение не является неким имманентным, само собой разумеющимся и обязательным для тех сочетаний, в которых оно обнаруживается (об этом свидетельствует сохранение их в подавляющем большинстве восточнославянских говоров), и, следовательно, для его осуществления был необходим определенный импульс, который заставил говорящих преодолеть инерцию покоя и отступить от традиции.

Поскольку в современных условиях, в условиях перехода от КЛН к КОН, действие подобного импульса представляется маловероятным, можно предполагать, что обсуждаемое новообразование появилось в западнобрянских говорах не в самое недавнее время и что вызвавший его к жизни импульс исходил от грамматической категории лица в период наиболее активного ее развития.

---

[19] Роль и значение этого фактора в процессах языкового развития до сих пор не оценена по достоинству, а между тем он многое мог бы объяснить и в истории разнообразных процессов, объединяемых под общей рубрикой «изменений по аналогии», и в истории слово- и формообразования, и в истории отдельных слов и форм. См. об этом: А. Б. Пеньковский. Сочетаемость как фактор языкового развития (в печати).

Известно, что категория лица—нелица, а затем категория одушевленности—неодушевленности развивались постепенно, охватывая последовательно все новые и новые семантические и грамматические группы существительных и субстантиватов.

Как свидетельствуют многочисленные данные, в КОН были вовлечены в ряде говоров даже существительные среднего рода. Ср. отражение этого в языке севернорусских былин: Хватила она дитятка за белые волоса, Ушибла она дитятка о сырую о землю (Онежские былины, т. III, стр. 522); А очищу я ведь Царь-то град Да убью поганого Идолища (там же, стр. 13); Походочкой в Чурила Пленковича, Кудрями в царища Кудреянища (там же, стр. 219); Заколи чада милого (там же, стр. 274); Он и згрел змеишша по буйной главы (А. Григорьев, Архангельские былины, т. I, ч. 2, стр. 349); Шып как калика переежжая В цюдишша поганого, некрещеного (там же, стр. 401); Мала детишша валили во середочку (там же, стр. 235); Как наскакивал Илеюшка на Соловьюшка (Былины Севера, т. I, стр. 287); Увидали Солнышка Владымира (там же, стр. 538) и др. под.

В тех же говорах по общему образцу КОН были перестроены и счетные обороты с количественными числительными. Ср.: Потравила-то Маринка девяти ли молодцов (Онежские былины, т. III, стр. 397); Она справила-срядила семи сыновьев (там же, стр. 449); Как убил-то Фадеюшко пяти братов (там же, стр. 434) и мн. др.[20]

На этом фоне является особенно показательным то, что ни памятники письменности, ни диалектные материалы не дают никаких сколько-нибудь надежных свидетельств о вовлечении в КОН или в КЛН существительных женского рода в единственном числе. Во всей восточнославянской области эти последние, как и в литературном русском языке, находятся вне указанных грамматических категорий.

Все отмеченные в наличном материале примеры, где приглагольная падежная форма может быть понята как форма вин. ед.= род. ед. ж. р., в действительности представляют исконные формы родительного падежа, пережиточно сохраняющиеся как элемент супинной конструкции (ср.: А поехали они к Царюграду Отымать царици Соломанихи. — А. Марков, Беломорские былины, стр.453), как члены глагольных словосочетаний с особыми типами управления (ср.: Да женился князь да во двенадцать лет, Уж он брал княгини девяти годов. — А. Григорьев, Архангельские

---

[20] Ср.: — Чертушка-то опять рыбы давает. . . Скольких-то вынул? — Девять щук. — Завтра этого не давает. Шести принесешь (А. Онегов, Я живу в Заонежской тайге). Из истории этих конструкций см.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, стр. 185; Л. Н. Дровникова. Конструкции типа *встретил пяти человек* в XVII в. (К истории склонения числительных). «Филол. науки», 1962, № 1, стр. 206—209.

былины, т. I, ч. I, стр. 30) и в ряде других случаев. Все они заслуживают специального изучения [21].

Таким образом, рассматриваемые западнобрянские формы вин. ед. личных субстантиватов женского рода оказываются во всем восточнославянском материале совершенно одинокими [22], но тем более важны и значительны свидетельствуемые ими отношения и тем большую силу должны приписывать мы тем процессам, которые привели к их развитию, преодолев непоколебимую устойчивость исконных форм вин. ед. ж. р.

Не располагая пока данными, необходимыми для полного разрешения проблемы генезиса этих форм, следует подчеркнуть следующие принципиально важные положения:

1. Западнобрянские формы вин. ед. субстантиватов ж. р. принадлежат категории лица, а не категории одушевленности.

2. Уникальное на восточнославянской языковой территории совпадение вин. ед. ж. р. с родительным как средство выражения категории лица обнаруживается здесь не у существительных, а исключительно у субстантиватов, т. е. у слов, которые благодаря своей адъективной природе обладают изначальной способностью к согласовательным изменениям флексий.

3. То, что эти формы выступают исключительно в сочетаниях с соответствующими формами вин. ед.=род. ед. субстантиватов мужского рода и, таким образом, обнаруживают позиционную зависимость от контекста, говорит о том, что их возникновение обязано не парадигматическим, относительно слабым связям, а более сильным связям синтагматического сцепления [23].

---

[21] Особо следует выделить единичные факты использования форм вин. ед.= род. ед. существительных женского морфологического рода, обозначающих лицо мужского пола. Ср.: Да зазбуривало чудищо поганоё; Шып он калики перехожое и переежджое (А. Григорьев, Архангельские былины, т. I, ч. 2, стр. 495) и др. под.

[22] Единственную аналогию им представляют диалектные западно-южновеликорусские формы вин. ед.=род. ед. существительных *мать* и *дочь* (реже — *лошадь*), широко отражаемые памятниками местной южновеликорусской письменности XVI—XVII вв. (см.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 182—185; Г. А. Хабургаев. Указ. соч., стр. 297). Происхождение этих форм остается пока во многом неясным, но, по-видимому, может объясняться вне связи с развитием категории одушевленности—неодушевленности или категории лица—нелица. Неясно прежде всего, каково их отношение к аналогичным формам старославянского языка: являются ли те и другие прямым праславянским наследием, как думал С. П. Обнорский (см. его «Именное склонение в современном русском языке», вып. 1. Л., 1927, стр. 268), или в южновеликорусских формах типа *матере* (*матеря*) следует видеть позднюю диалектную инновацию, как это предлагает Г. А. Хабургаев (указ. соч., стр. 298)? Важно отметить, что в старославянском формы вин. ед.=род. ед. ж. р. имели и неодушевленные существительные типа *цръкы* (см.: Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 262).

[23] Важно отметить, что возникновение указанных выше диалектных форм типа *матере* (*матеря*) исследователи объясняют воздействием форм вин. ед.=род. ед. существительных мужского рода в сочинительных слово-

* * *

Диалектный материал, положенный в основу этой статьи, невелик и относится всего лишь к двум сравнительно небольшим диалектным группам. Тем не менее он представляет значительный интерес и имеет важное научное значение. И не только и не столько потому, что вводит в оборот новые, до сих пор мало известные факты, сколько потому, что показывает, как много неизвестного сохраняют еще русские говоры и сколь многого мы еще можем в них ожидать. Трудно сомневаться в том, что дальнейшее изучение КОН в русских говорах (а они, как уже говорилось, с этой точки зрения по существу никогда серьезно не рассматривались) даст науке новый богатый материал и приведет к новым существенным выводам. Привлечь внимание исследователей к этой проблематике и составляет основную цель настоящей статьи.

сочетаниях типа *отьца* и *матерь*, *сына* и *дъштерь* (*дъчерь*). См.: Н. В а п-В е й к. Указ. соч., стр. 262; А. М. С е л и щ е в. Старославянский язык, II. М., 1952, стр. 108; Г. А. Х а б у р г а е в. Указ. соч., стр. 298.

О том, насколько значительна роль синтагматического фактора, можно судить хотя бы еще по одному яркому явлению, которое широко представлено в русском литературном языке и также имеет непосредственное отношение к КОН, хотя не только не укрепляет, а, напротив, разрушает ее. Здесь имеются в виду случаи, когда при прямом дополнении, выраженном формой вин. пад. личного местоимения 3-го лица в неличном значении, имеется согласованное определение (обычно обособленное), которое должно и может выражаться формой вин.=им. (ср.: Я не знаю имени скульптора, создавшего памятник. Но видел такие у многих дорог. Видел их, *исхлестанные* дождями и ветрами. «Комс. правда», 22 дек. 1965 и т. п.), но, в результате морфологической ассимиляции, выражается обычно формой вин.=род.

Ср.: — Ну ладно, мол, овес обозвали беспартийной культурой. Но ты-то ведь партийный. . . Значит и действуй как коммунист, по-ленински, исходя из конкретных условий. . . Сманеврировали; весной на самых дальних землях посеяли его, *беспартийного* (Н. Почивалин, Среди долины); Тоска смертная, а тут еще ноет и ноет большой палец правой ноги, так бы и оторвал его, *окаянного* (А. Васильев, В час дня, Ваше превосходительство, кн. II) и т. п.

А. И. СОЛОГУБ

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ *мать, дочь* В РУССКИХ ГОВОРАХ

Исследование лингвогеографических данных показало, что особенности образования форм существительных *мать, дочь* в говорах русского языка могут касаться всех формообразующих элементов — основы, окончания и ударения [1].

В связи с этим, в частности, изучение этих форм является весьма актуальным как при разработке вопросов, относящихся к диалектному членению языка, так и при изучении истории формирования диалектных объединений.

Повсеместное распространение на изучаемой территории имеет то соотношение основ этих существительных, при котором в им.— вин. п. выступает основа *мат'-, доч'-*, а в остальных формах — основа с наращением *-ер*; известно, что подобное же соотношение основ характерно и для литературного языка. В исключительном употреблении оно известно говорам центральной территории и многим говорам северной территории русского языка (см. карту 1).

Карта 1 указывает на возможность следующих парадигм изучаемых существительных по характеру образования основ.

В рассеянном распространении по западно-северной территории наблюдается употребление форм, образованных во всех падежах от основы без суффикса *-ер:* И. В. *дочь*, Р. *до́чи*, Д. *до́чи*, Т. *до́чью*, П. *до́чи*. При этом в большинстве случаев подобная основа представлена у существительного *дочь*, аналогичные формы от существительного *мать* фиксируют реже [2].

---

[1] При работе над статьей были использованы следующие карты диалектологических атласов русского языка: по «Атласу русских говоров центральных областей к северу от Москвы»: карта № 167 «Форма именительного падежа единственного числа существительных *мать* и *дочь*, распространение слов *матка, дочка*», карта № 168 «Формы родительного, дательного и предложного падежей единственного числа существительного *мать*», карта № 169 «Формы родительного, дательного и предложного падежей единственного числа существительного *дочь*», карта № 170 «Форма винительного падежа единственного числа существительных *мать, дочь* и *матка, дочка*», карта № 171 «Форма творительного падежа единственного числа существительных *мать, дочь*» (автор карт Ю. С. Азарх); по «Атласу русских говоров центральных областей к западу от Москвы»: карта № 145 «Форма винительного падежа единственного числа существительных *мать, дочь*» (автор карт Е. Г. Бурова); по «Атласу русских говоров центральных областей к югу от Москвы»: карта № 138 «Формы именительного падежа единственного числа существительных *мать, дочь*», карта № 139 «Формы винительного падежа единственного числа существительных *мать, дочь*» (автор карт В. Н. Теплова).

[2] Возможность такой же парадигмы, но в основном только для существительного *мать*, Е. Ф. Карский отмечал для говоров белорусского языка (см.: Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3). М., 1956, стр. 186—189.

В некоторых говорах русского языка может выступать основа с суффиксом *-ер* во всех падежных формах. Наиболее значительные ареалы, на которых наблюдается парадигма форм с основой, имеющей суффикс *-ер*, представлены в южной части Вологодской группы говоров и к югу от Вытегры; кроме того, они известны в рассеянном распространении на территории, опоясывающей центральные говоры.

В материалах, относящихся преимущественно к северной части территории русского языка, отмечено и такое соотношение основ, при котором основа с суффиксом *-ер* выступает в форме им. п. и в формах косвенных падежей кроме вин. п.; в последней в этом случае отмечают основу *мат'-*, *доч'-* (см. карту 1). Есть, однако, основание выразить недоверие к этим сообщениям и предположить, что подобные материалы являются неполными: видимо, наблюдателю не удалось зафиксировать диалектную форму вин. п. изучаемых существительных.

Соотношение основ, при котором в им. п. выступает основа *мат'-*, *доч'-*, а во всех остальных формах, включая форму вин. п., — основа *матер'-*, *дочер'-*, наиболее последовательно представлено на территории говоров юго-востока, в рассеянном распространении оно наблюдается также на остальной части территории.

На территории крайнего юго-востока в косвенных падежах отмечают употребление основы *матр'-* (реже *матър'-*): *ма́три*, *ма́трю*, *ма́трей* и т. п.; при основе им. п. *мат'* (реже *ма́ть*, *ма́тря*).

В целом ряде говоров западной и северной территории русского языка имеют распространение парадигмы существительных со значением ‘мать’, ‘дочь’, образованные от основы *дочк-*, *матк-* [3].

Исконное соотношение основ существительных *мать*, *дочь*, при котором в им. п. употребляется основа *мат'-*, *доч'-*, а во всех остальных формах — основа с наращением *-ер* (др.-рус. *мати — матере — матери — матерь — матерью — матере;* так же: *дочи — дочере* и т. д.) как бы сохраняется на территории юго-востока и в рассеянных населенных пунктах на остальной части изучаемой территории.

Впрочем, наблюдаемое на территории юго-востока соотношение основ может быть и вторичным, поскольку для говоров этой территории является весьма продуктивным обобщение основ с суффиксом *-ер-* (см. ниже). Другие виды распределения основ у данных существительных являются новообразованием. Считают, что наиболее ранним является процесс обобщения основы форм им.— вин. п., т. е. процесс уподобления форм вин. п. формам им. п.: *мать*, *дочь*, связанный с переходом существительных *мать*, *дочь* в склонение основ на **i*. О времени развития процесса перехода изучаемых существительных в склонение основ на **i* существуют

---

[3] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 69—74.

различные мнения [4]. Однако известно, что формы данных существительных, образованные по типу форм существительных *i-основы, отмечают уже в древних памятниках и что к XVI в. процесс полного перехода существительных *мать*, *дочь* в склонение основ на *i в говорах русского языка можно считать завершенным [5]. В процессе усвоения падежных окончаний существительных с основой на *i парадигма склонения существительных *мать*, *дочь* приобретала лишь общее сходство с моделью склонения существительных типа *кость*, для которой было характерно совпадение форм им.—вин. п. (ср. И.—В. *кость* при Р.—Д.—П. *кóсти*, Т — *кóстью*). Формы вин. п. ед. ч. *мать*, *дочь* в памятниках письменности отмечают с XVI в. [6], однако в говорах они могли развиваться и в более раннее время. В XVII в. эти формы, по мнению Л. И. Житеневой, становятся преобладающими. В пользу того, что процесс образования форм вин. п. от основ *мат'-*, *доч'-* был сравнительно ранним, говорит, видимо, повсеместный характер их распространения по территории русского языка.

Сравнительно позже, по-видимому, в говорах русского языка происходили другие процессы унификации основы данных существительных во всех падежных формах. В ряде говоров подобная унификация осуществлялась на основе формы им. п. в результате чего сложилась парадигма *дочь — дóчи — дочь — дóчью* (*дóчей*) —

---

[4] С. Д. Никифоров. Из наблюдений над именами существительными в памятниках второй половины XVI века. «Уч. зап. Львовского гос. ун-та», 1948, т. VII, кн. 1, стр. 145; Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 313; А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 111; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 162; А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 136—138; B. Unbegaun. La langue russe au XVI siècle, v. I. La flexion des noms. Paris, 1935, стр. 66; П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 33; Ю. П. Ульянов. История склонения имен существительных с основой на *i в памятниках русской письменности XI—XVII вв. «Уч. зап. Чарджоуского пед. ин-та», 1959, вып. II, № 5, и др.

[5] И. Х. Тот. К истории склонения имен существительных в русском языке (на материале Музейного евангелия). «Мат-лы и сообщ. по славяноведению», I. Сегед, 1962, стр. 19; В. Б. Куликов. Очерки о языке деловой письменности северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в. «Труды Самаркандского гос. ун-та», 1971, Новая серия, вып. 205, т. III; Л. И. Житенева. Из истории имен существительных 3-го склонения современного русского языка. «Уч. зап. Мурманского пед. ин-та», 1963, т. III, стр. 52—70; Н. С. Валгина. Из истории склонения имен существительных (на материале Суздальской летописи). «Сб. трудов Московского заочн. полиграфич. ин-та», 1958, вып. 6, стр. 139—152; А. Л. Мирецкий. Склонение имен существительных в новгородской деловой письменности XVII в. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 14, и др.

[6] Л. И. Житенева. Указ. соч., стр. 54—55; С. В. Фролова. Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII вв. «Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та», 1947, вып. 8, стр. 130—132; В. М. Марков. Формы имен в языке судебников XV—XVI вв. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та», 1956, т. 116, кн. II; А. Л. Мирецкий. Указ. соч., и др.

дóчи (в единичных говорах также *мать — мати* и т. д.). Такое направление процесса было характерно, видимо, для говоров Смоленского и Новгородского княжеств в период до временного отрыва западных земель при вхождении их в состав Литовского княжества [7].

Процесс обобщения основы по форме им. п. у существительных данного типа известен и другим славянским языкам, ср., например, в чешском: Р. mátě или máti, Д.—В.—П. máti, Т. mátí, и др. Однако в других языках он касается только основы mat'-, которая может выступать и в неизменяемой форме для всех падежей: máti (чешск.), *мáты*, *мáці* (белор.) и др. Самостоятельность этого процесса в разных славянских языках свидетельствует, видимо, о позднем характере его происхождения.

Можно думать также, что парадигма с подобной основой в древности имела более широкое распространение на территории западных говоров русского языка (см. карту 1) и лишь позднее она была вытеснена формами, образованными от основы *матк-*, *дочк-*. Возможно, что формы с основой *матк-*, *дочк-* первоначально возникали на территории говоров современного белорусского языка и тесно примыкавших к ним западных говоров русского языка, откуда они впоследствии распространялись в северном и северо-восточном направлении. Об этом свидетельствует современный характер распространения форм *мáтка*, *дóчкá*: последовательный (а в ряде говоров и исключительный) на юго-западе территории русского языка и менее последовательный на более северных и северо-восточных территориях, где по говорам нередко наблюдается сосуществование этих форм с другими, присущими как русскому литературному языку, так и местным диалектным группам. Возникновение и первоначальное распространение форм с основой *матк-*, *дочк-* могло иметь место в период сосуществования определенных диалектов в пределах княжества Литовского, а дальнейшее их распространение по территории говоров русского языка — в более позднее время. Об этом говорит и широкий характер распространения форм с основой *матк-*, *дочк-* по территории белорусского языка [8]. В период образования белорусской народности подобные формы уже широко представлены в памятниках письменности [9]. Данные о формах с основой *матк-*, *дочк-*, не имеющих отношения к развитию старого типа склонения интересующих нас существительных, приводятся нами только для того, чтобы дать представление о характере территориального распространения основ изучаемых существительных,

---

[7] С. П. Обнорский, отмечая эти формы, не считал их особенностью живой речи. По его мнению, подобные формы являются принадлежностью языка фольклора (С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Л., 1927, стр. 16).

[8] «Дыялекталагічны атлас белорускай мовы». Мінск, 1963, карта № 89.

[9] М. А. Жидовіч. Назоўнік у беларускай мове. Мінск, 1969, стр. 185—189.

генетически так или иначе связанных со старыми типами отношений [10].

Процесс унификации основы с наращением суффикса *-ер* во всех падежных формах происходил, видимо, позднее, уже на этапе самостоятельного существования восточнославянских языков [11]. О самостоятельном развитии подобного процесса в белорусском и русском языках может свидетельствовать самый характер распространения парадигм с основой *матер-*, *дочер-:* подобные парадигмы представлены ареалами, имеющими своеобразное очертание и распространение в каждом из этих языков (см. карту 1) [12].

Наиболее поздним, видимо, следует признать процесс возникновения основ *матр'-*, *дочр'-*, характеризующий говоры восточной части южного наречия русского языка (см. карту 1). Можно предположить, что в основе этого процесса также лежит тенденция, хотя и своеобразно реализованная, к дальнейшему и наиболее полному уподоблению формам существительных с основой на **i*, т. е. не только к усвоению окончаний парадигмы склонения этих существительных, но и к уравниванию количества слогов в падежных формах существительных *мать*, *дочь* по типу форм существительных типа *кость* (ср. *кость — ко́сти — ко́стью* и *мать — ма́три* и т. п.). С этим процессом и могли быть связаны наблюдаемые в этих говорах редукция и утрата гласного *е* между *т* и *р*: *ма́три*, *до́чри* и т. п., а также диссимиляция согласных *т* и *р* в слове *мать* по признаку мягкости, в результате чего *т* стало твердым: *ма́три*. В некоторых говорах на этой новой основе развилась, видимо, новая форма твор. п. *ма́търью*, с гласным непереднего ряда между *т* и *р* (образовавшими в сочетании с *j* — *ма́тр'jу* — труднопроизносимую из-за наличия сонорного группу согласных).

В образовании отдельных падежных форм существительные *мать* и *дочь* также имеют определенные особенности.

Ф о р м ы и м е н и т е л ь н о г о п а д е ж а. В говорах русского языка представлены следующие формы именительного падежа существительных *дочь* и *мать*: *до́чи*, *дочи́*, *дочь*, *до́ча*, *до́черь*, *до́черя*; *мать*, *ма́ти*, *ма́терь*, *ма́теря*. Формы *мать* и *дочь* имеют повсеместное распространение на изучаемой территории. Формы *до́чи* и *ма́ти* представлены разорванными ареалами на территории северо-востока и около Онежского озера, кроме того, их отмечают также в единичных рассеянных пунктах. Форму *дочи́* отмечают в единичных пунктах на территории к западу от Онежского озера. Формы *до́черь*, *ма́терь* имеют рассеянное распро-

---

[10] Известно, что подобный тип образования основы у существительных этого типа наблюдается и в других славянских языках, ср. польск. matka, чешск. matka и др.

[11] Формы им. п. *матерь*, *дочерь* были известны и русскому литературному языку, хотя и в ограниченной сфере употребления (см.: С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., стр. 15).

[12] См. также: «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», карта № 89.

странение на территории периферийных говоров с определенным сгущением их в пределах северного наречия русского языка, юго-восточной диалектной зоны и южной части Псковской группы говоров. На территории юго-восточной диалектной зоны и в разрозненных говорах представлены формы *ма́терея*, *до́черя*. В рассеянном распространении на территории северо-западной диалектной зоны известна форма *до́ча*, кроме того, ее отмечают также и в отдельных говорах северо-восточной территории.

Исконные формы им. падежа *ма́ти*, *дочи́*, *до́чи* [13], наиболее архаические, характеризуют отдельные северо-восточные говоры и часть онежских говоров. При этом онежские говоры сохраняют форму с наиболее исконным ударением — *дочи́*.

Формы им. п. *мать*, *дочь* являются ранними новообразованиями и связаны, как уже указывалось, с воздействием склонения основ на **i*. Некоторые ученые объясняют их появление ослаблением и редукцией до нуля конечного безударного *i* [14]. Памятники письменности фиксируют наличие этих форм с XV в. [15], что не исключает возможности более раннего их развития в говорах. Аналогичные формы можно наблюдать и в других славянских языках, ср. mat' в чешском и словацком языках, mać — в польском и т. д. Образование форм *ма́терь*, *до́черь* связано с унификацией основы *матер-*, *дочер-* во всех падежных формах изучаемых существительных. Можно предположить, что формы *ма́терь*, *до́черь* являются поздними новообразованиями, возникшими в период самостоятельного существования восточнославянских языков (см. выше). Подобные формы в литературном языке исследователи наблюдают на протяжении XVII—XIX вв. [16] С. П. Обнорский, отмечая их широкое распространение в говорах, считал эту черту почти исключительной принадлежностью северновеликорусского наречия [17].

Лингвогеографические данные дают основание для предположения, что тенденция к образованию форм им. п. *ма́терь*, *до́черь* была свойственна говорам периферийных территорий, причем сравнительно более широкое развитие она получила в говорах северного наречия русского языка и юго-восточной диалектной зоны.

---

[13] О происхождении этих форм см., например: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 343; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. МГУ, 1953, стр. 87 и др.

[14] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 293; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 88.

[15] В. М. Марков. Указ. соч.; М. А. Соколова. К именному склонению в «Домострое». — В кн.: «Памяти академика Льва Владимировича Щербы». Л., 1951, стр. 248; В. Unbegaun. Указ. соч., стр. 67; П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 283; Л. И. Житенева. Указ. соч., стр. 54—56; С. В. Фролова. Указ. соч., стр. 56—57.

[16] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 15; Л. И. Житенева. Указ. соч., стр. 59.

[17] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 16.

Формы *до́черя*, *ма́теря* развились вследствие влияния продуктивного типа склонения существительных женского рода на *-а* и представляют собой, видимо, более поздние инновации русских говоров [18].

Сравнительно поздним по времени, видимо, можно считать и образование формы *до́ча*. Об этом, по-видимому, свидетельствует тот факт, что форма *до́ча* часто на территории ее распространения выступает в общей парадигме склонения, образованной по продуктивному типу (например, при формах Р. *до́чи*, Д. *до́че*, В. *до́чу*, Т. *до́чей*, П. *до́че*). Следовательно, в этом случае можно говорить уже о переходе существительного *дочь* в продуктивный тип склонения существительных женского рода, что само по себе представляет явление позднего характера. Можно предположить, что развитию этой инновации в достаточной мере способствовало распространение формы с основой *дочк-*, образующейся по типу основ на *-а*, в говорах той же территории, где отмечают форму *до́ча* (а также и форм косвенных падежей подобного типа).

В качестве единичных в говорах представлены также формы *ма́тря*, *ма́три*, *матрь*, *ма́терья*, *до́чря*, *до́черья*. Все они относятся к территории юго-востока и представляют собой поздние инновации. В формах *матрь*, *ма́тря* и *ма́три* произошло обобщение основы по типу форм косвенных падежей, известное говорам этой территории (ср. Р.—Д.—П. *ма́три* и др.), при этом форма *матрь* представлена без окончания и образована по модели формы *мать*, а форма *ма́три* представлена с окончанием *-и*, которое может свидетельствовать о переходе существительного *мать* в класс несклоняемых существительных (И.—Р.—Д.—В.—Т.—П. *ма́три*). Подобное явление известно, например, говорам белорусского языка [19] и некоторым другим славянским языкам [20].

Возможно, тенденция к развитию этой новой парадигмы слова *мать* была занесена на данную территорию переселенцами из Белоруссии [21].

Формы *ма́тря*, *до́чря* образованы от новой основы *матр'-*, *дочр'-* по типу форм продуктивного типа склонения. Формы *до́черья*, *ма́терья* представляют собой образования от новой основы *ма́тер'й-*, унифицированной во всех падежных формах, с помощью

---

[18] С. И. Котков указывает на их отсутствие в южнорусских говорах в XVII в. (см.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 183). В памятниках, относящихся к восточной части южнорусского наречия, подобные формы отмечают с XVII в. — см.: В. Н. Новопокровская. О некоторых морфологических особенностях рязанских говоров XVII в. (имя существительное). «Уч. зап. Орловского гос. пед. ин-та», 1958, т. XIII, вып. V.

[19] М. А. Жидович. Указ. соч., стр. 189.

[20] Ср., например, форму máti, представленную во всех падежах в говорах чешского языка.

[21] Д. И. Багалей. Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. I. История колонизации. М., 1887.

окончания *-а*, по типу склонения существительных женского рода на *-а*.

Формы родительного падежа. Повсеместное распространение на картографируемой территории имеют формы с окончанием *-и*: *ма́тери*, *до́чери*. В рассеянном распространении наблюдаются формы с окончанием *-е*.

На отдельных ареалах вокруг Онежского озера представлена форма с ударением на среднем слоге — *дочéре*. В единичных рассеянных говорах западно-северной локализации отмечают форму *до́чи* (о ней см. выше).

Случаи употребления формы *до́чере* по говорам встречаются сравнительно чаще и даже определенным образом локализованы в пределах северо-восточной диалектной зоны, форма *ма́тере* встречается в говорах несколько реже. Возможно, образование наблюдаемых отдельных расхождений в употреблении различных падежных форм существительных *мать* и *дочь* определялось различием в ударении падежных форм этих существительных. Не исключено, что благодаря наличию наконечного ударения в форме им. п. у существительного *дочь* несколько дольше удерживалось употребление исконных форм, как, по-видимому, об этом свидетельствуют современные говоры.

Формы на *-и* (возникшие под влиянием основ на **i*) памятники письменности отмечают с древнейших времен [22]. Однако старая форма на *-е* удерживается в памятниках различных жанров до XVII в. [23] Форма *дочéре*, наблюдаемая в говорах около Онежского озера, возможно, представляет древнее состояние в отношении ударения в этом слове. Известно, что слово *дочь*, в отличие от слова *мать* (которое имело постоянное ударение на корне), в древности обладало подвижным ударением [24]. В дальнейшем в форме им. п. произошла перетяжка ударения на первый слог, а затем — выравнивание ударения по этой форме в формах косвенных падежей. Однако по памятникам письменности известны и случаи перетяжки ударения на второй слог: *дочéре* [25]. Важно отметить также, что в некоторых говорах территории около Онежского озера наблюдаются и другие формы косвенных падежей с ударением на втором слоге: *к дочéре*, *с дочéрью* и др. (о них см.

---

[22] Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 262; А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 114.

[23] Л. И. Житенева. Указ. соч., стр. 62—63. Флексию *-е* в род. п. до сих пор сохраняют некоторые славянские языки, ср. *mateře* — в чешском, matere — в словацком и др.

[24] По поводу ударения в парадигме склонения слова *дочь* см.: В. В. Колесов. История русского ударения. ЛГУ, 1972, стр. 103—104; Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957, стр. 91; Р. Брандт. Начертание славянской акцентологии. СПб., 1880, стр. 312. Y. Kuryłowicz. Le probleme des intonations balto-slaves. Rocznik Slawistyczny. Kraków, 1931, X, стр. 61.

[25] В. В. Колесов. Указ. соч., стр. 104; Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 262.

ниже). В связи с этим можно предположить, что в этих говорах в основе форм косвенных падежей слова *дочь* ударение, видимо, закрепилось на втором слоге.

Формы винительного падежа. В говорах представлены следующие формы вин. п.: *мать*, *дочь*, *ма́терь*, *до́черь*, *ма́терю*, *до́черю*, *ма́теря*, *до́черя*, *ма́ти*, *до́чи*, *ма́тере*, *до́чере*, *ма́трю*, *до́чрю*, *ма́тре*, *до́чу*, *ма́търю*.

Повсеместно на изучаемой территории представлены формы *мать* и *дочь*. Формы *ма́терь*, *до́черь* имеют рассеянное распространение на территории опоясывающих центр говоров. Формы *ма́терю*, *до́черю* представлены в юго-восточной диалектной зоне. Формы *ма́ти*, *до́чи* наблюдаются в рассеянном распространении в основном в пределах северо-восточной диалектной зоны. Формы *ма́теря*, *до́черя* имеют островное распространение в западной половине юго-восточной диалектной зоны. Формы *ма́тере*, *до́чере* отмечены в единичных говорах западной части юго-восточной диалектной зоны. Форма *ма́трю* в виде разорванных ареалов представлена в восточной половине юго-восточной диалектной зоны. В отдельных говорах на этой территории известна и форма *ма́търю*. Там же в единичных населенных пунктах отмечают и форму *до́чрю*. В рассеянном распространении по западно-северной территории известна форма *до́чу*.

В качестве единичных отмечают на территории юго-востока следующие формы: *ма́търь*, *ма́терья*, *ма́тюр*, *ма́терью*, *ма́тырю*, *ма́тре*, *ма́тери*, *до́черья*, *до́черью*, *до́чери*. На основании исключительного распространения форм *мать* и *дочь*, исторически сменивших формы *ма́терь*, *до́черь*, в говорах центра и их сосуществования с другими формами на других территориях можно предположить, что первоначальной территорией распространения форм *мать*, *дочь* являлась центральная территория говоров русского языка. К достаточно раннему времени, видимо, относится и появление форм вин. п. *ма́ти*, *до́чи*, развившихся в вин. п. на основании тех же процессов, что и формы *мать*, *дочь*.

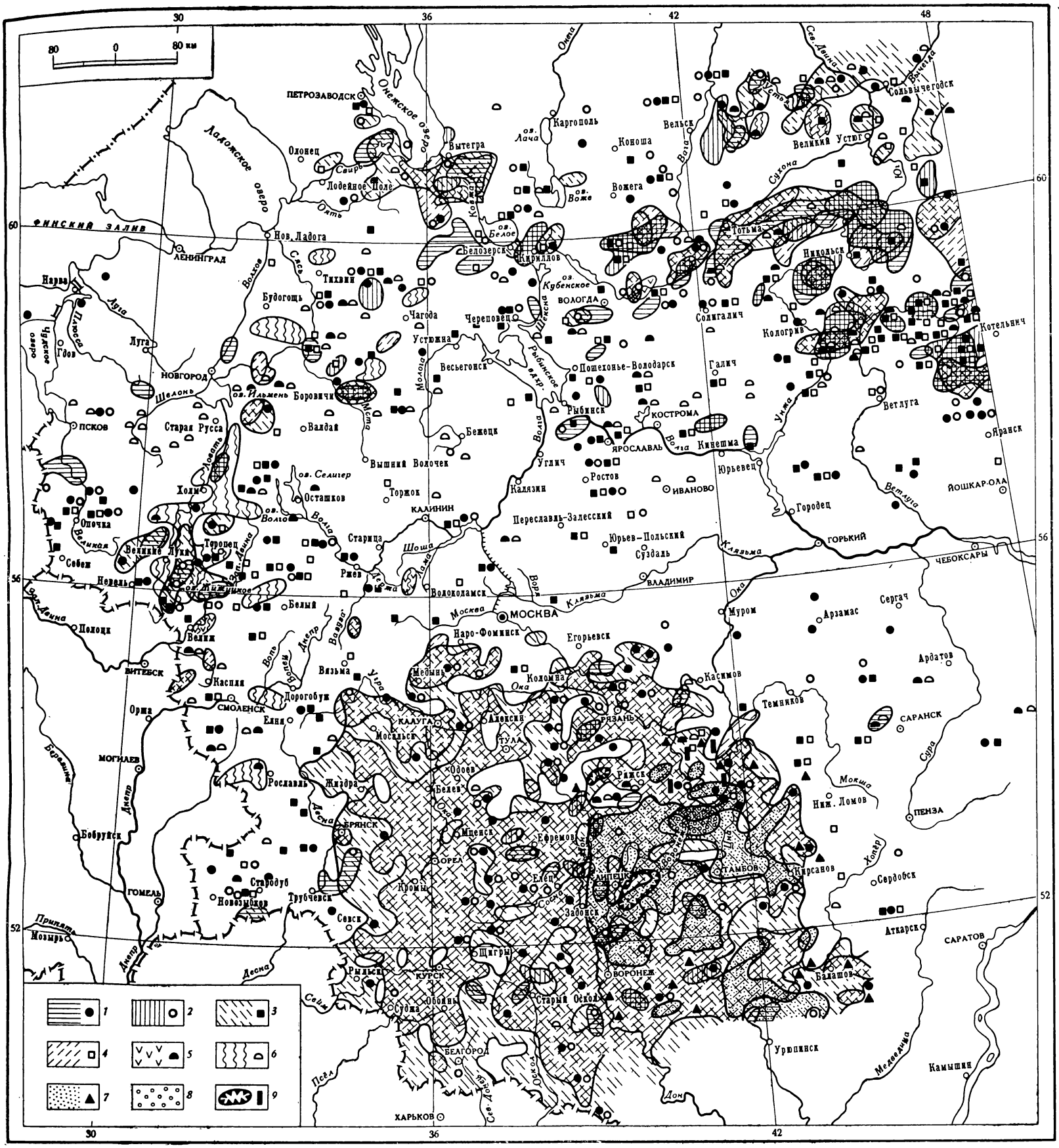
К числу новообразований следует отнести и формы *ма́тере*, *до́чере*, которые возводят к древнему родительному—винительному падежу [26]. Предполагают, что на основе этих форм в позднее время на территории говоров южного наречия русского языка развились и формы *ма́теря*, *до́черя* [27].

Все остальные формы являются поздними, присущими русским говорам инновациями и представлены на территории юго-восточной диалектной зоны, для которой является характерным активное взаимодействие продуктивного и непродуктивного типов склонения существительных женского рода, с одной стороны, и

---

[26] Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 262; А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 114.

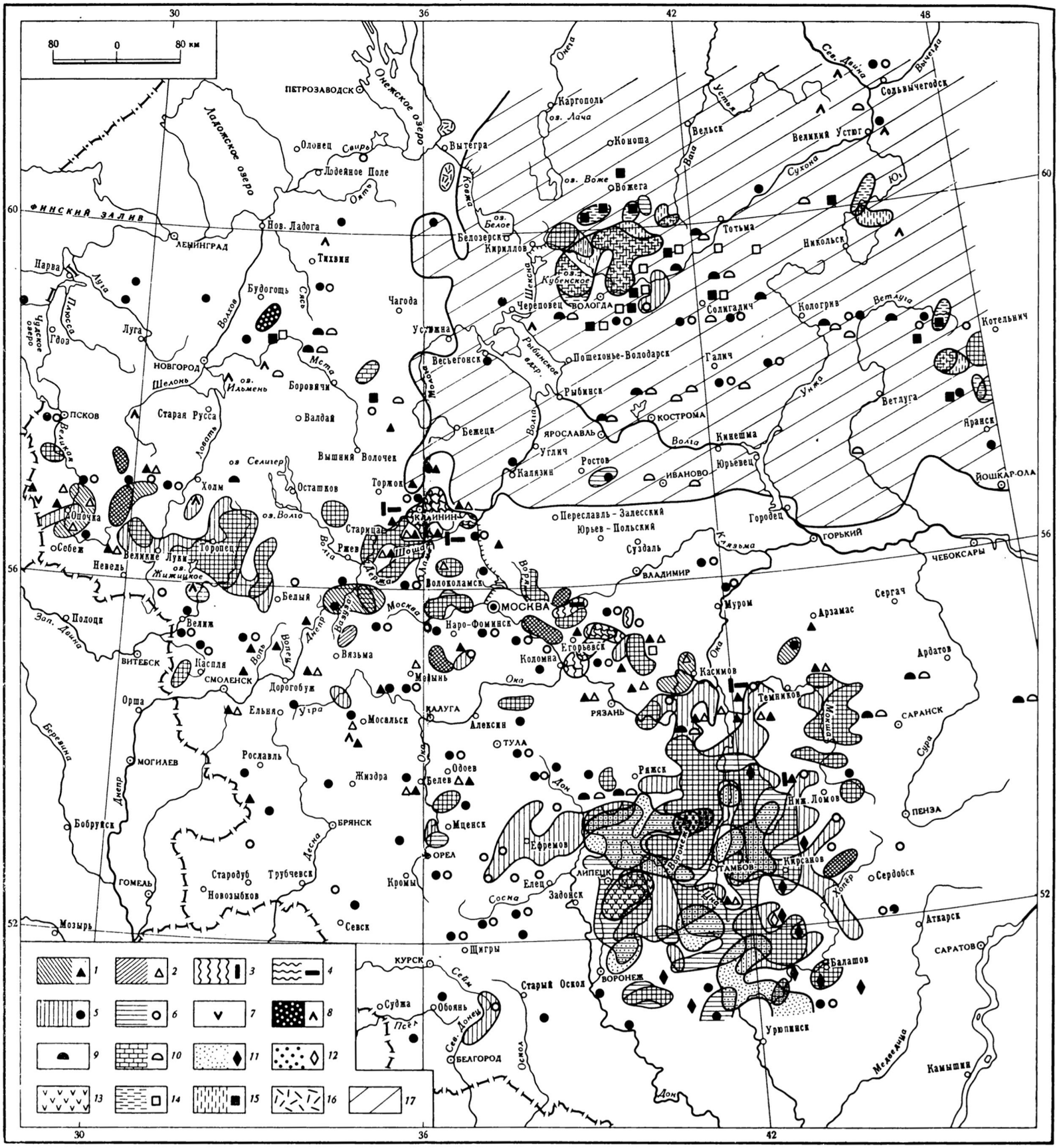
[27] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 87; С. И. Котков. Указ. соч., стр. 184.

Карта 1. Основа существительных *мать*, *дочь*

именительный падеж:
1 — *мáтер'-*;
2 — *дóчер'-*;
винительный падеж:
3 — *мáтер'-*;
4 — *дóчер'-*;

основа без наращения во всех формах:
5 — *мат'-*;
6 — *доч'-*;
7 — основа *матр'-*;
8 — основа *дочр'-*;
9 — основа *мáтър'-*.

Карта 2. Формы творительного падежа существительных мать, дочь:

1 — *ма́терью*;
2 — *до́черью*;
3 — *ма́терьюй*;
4 — *до́черьюй*;
5 — *ма́терей*;
6 — *до́черей*;
7 — *ма́тей*;
8 — *до́чей*;
9 — *ма́тью*;
10 — *до́чью*;
11 — *ма́трей*;
12 — *до́чрей*;
13 — *ма́търей*;
14 — *ма́терьей*;
15 — *до́черьей*;
16 — *дочёрью*;
17 — территория распространения форм дат. — предл. п. существительных *мать*, *дочь* с окончанием *-е*: *ма́тере*, *до́чере*.

новообразования, касающиеся основы существительных *мать, дочь*, с другой стороны. Так, формы *ма́терю, до́черю* представляют новообразования в отношении флексии этих форм, развившейся под влиянием форм существительных на *-а*, а также, вероятнее всего, вторичного проникновения в эту форму основы *-ер-*; *ма́търъ, ма́тре* образованы от новой основы. Формы *до́чрю, ма́трю* имеют новообразования аналогичного характера в отношении флексии и основы. Такой же характер носят инновации в формах, являющихся единичными в говорах юго-востока.

Формы творительного падежа. На всей изучаемой территории представлены формы *ма́терью, до́черью*. Другие формы тв. п. данных существительных отмечены в сосуществовании с этими формами.

Формы *ма́терюй, до́черюй* имеют рассеянное распространение преимущественно в полосе среднерусских говоров (см. карту 2). Формы *ма́терей, до́черей* представлены значительными ареалами в восточной половине юго-восточной диалектной зоны, кроме того, в рассеянном распространении они известны целому ряду говоров русского языка (см. карту 2). Формы *ма́терьюй, до́черьюй* известны в части говоров около Калинина и к востоку от Коломны. Формы *ма́тей, до́чей, ма́тью, до́чью* отмечают в рассеянном распространении по западно-северной территории русского языка. Форма *доче́рью* наблюдается в отдельных пунктах около Онежского озера. Формы *ма́терьей, до́черьей* представлены на небольшом ареале к северу от Вологды, а также в рассеянных говорах южной части территории Вологодской группы. Формы *ма́трей, до́чрей* имеют распространение в восточной половине юго-восточной диалектной зоны (см. карту 2). В качестве единичных в говорах русского языка представлены формы *ма́тюй, до́чуй, ма́терю, до́черю, ма́търею, ма́трею, ма́терею, ма́терь, до́черь, ма́терьё, до́чери, с до́ци, с ма́ти, с дочери́*. Формы *до́черью, ма́терью*, исторически также не исконные и сформировавшиеся под влиянием основ на **i*, свойственны литературному языку и повсеместно известны русским говорам.

В рассеянном распространении на территории западно-северных говоров выступают формы с новой основой и исконным окончанием — *ма́тью, до́чью*.

Характер образования и распространения всей совокупности отдельных диалектных форм тв. п. существительных *мать, дочь* также свидетельствует о наличии в говорах русского языка процесса взаимодействия данных форм с формами существительных женского рода продуктивного типа склонения, что выразилось в усвоении окончания тв. п. продуктивного типа склонения. В говорах русского языка мы можем наблюдать формы с новыми окончаниями, образованные от исконной основы *матер'-, дочер'-*: *ма́терей, до́черей*, они наиболее широко представлены на изучаемой территории (см. карту 2). В более редких случаях можно наблюдать формы с подобными окончаниями, образованные

от новых основ: *ма́тей*, *до́чей*, *с ма́търей* или *ма́терьей*, *до́черьей*. Отразились в образовании форм тв. п. существительных *мать*, *дочь* также поздние инновации, возникавшие у существительных продуктивного типа склонения. Так, в частности, в форме тв. п. этих существительных появилось новое окончание *-уй: ба́буй*, *во́люй* [28]. Формы с подобным окончанием отмечают на территории среднерусских говоров. На той же территории представлены аналогичные формы существительных *мать*, *дочь*: *ма́терюй*, *до́черюй*, *ма́терьюй*, *до́черьюй*, развившиеся, видимо, под непосредственным влиянием форм тв. п. существительных женского рода на *-а*.

Формы дательного—предложного падежей. В говорах русского языка представлены формы существительных *мать* и *дочь* с окончаниями *-и*, *-е; -е́: ма́тери*, *ма́тере*, *матере́*, *до́чери*, *до́чере*, *дочере́*.

При образовании форм дат.—предл. п. может выступать основа *ма́тер'-* и *матр'-*, *до́чер'-* и *дочр'-*.

Формы дат.—предл. п. *ма́тери*, *до́чери* последовательно представлены на той части картографированной территории, которая образуется при исключении территории северо-восточной диалектной зоны; на территории последней подобные формы выступают то более, то менее значительными ареалами наряду с формами *ма́тере*, *до́чере*, которые в виде разорванных ареалов имеют распространение в пределах северо-восточной диалектной зоны; кроме того, они известны также в рассеянном распространении и на других территориях говоров русского языка (см. карту 2) [29]. На территории крайнего северо-востока отдельными ареалами представлена форма дат.—предл. п. существительного *дочь—дочере́;* у существительного *мать* аналогичная форма *матере́* на той же территории выступает в рассеянном распространении.

В разрозненных говорах западно-северной локализации известны формы *до́чи*, *до́че*, единично — *ма́ти* (о них см. выше).

В качестве единичных на территории юго-востока представлены формы *ма́тре* и *до́чре*, образованные от новой основы, характерной для этих говоров, и с окончанием, свойственным парадигме склонения женского рода продуктивного типа.

Поскольку с древнейших времен известны формы предл. п. с окончанием *-и*, сменившие формы с окончанием *-е*, наличие форм дат.—предл. п. *ма́тере*, *до́чере* в современных говорах исследова-

---

[28] О происхождении этих форм см.: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1947, стр. 115; А. И. Сологуб. Формы родительного, дательного и предложного падежей существительных женского рода продуктивного типа склонения в русских говорах. — ВЯ, 1972, № 1, стр. 77.

[29] По данным С. П. Обнорского, формы *матере*, *дочере* отмечают также в отдельных кировских и пермских говорах, см.: С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 252—257.

тели объясняют влиянием форм существительных с исконной основой на *-а* [30].

Существительные *мать*, *дочь*, в давнее время объединившиеся со склонением основ на **i*, в последующие периоды развития русского языка в ряде случаев разделяют судьбу этого склонения. И, в частности, образование форм дат. — предл. п. *ма́тере*, *до́чере* на территории северо-востока находится в тесной связи с явлением образования форм дат.-предл. п. типа *гря́зе*, *пе́че*, о чем свидетельствует и совпадение территории распространения обоих этих явлений. Обращает на себя внимание тот факт, что эта же территория характеризуется сохранением заударного *-е* во флексиях дат. и предл. п. имен существительных продуктивных типов склонения: *по дере́вне*, *на рабо́те*, *в колхо́зе*, *в ми́ре*, *в де́ле* и т. д. Возможно, это обстоятельство сыграло определенную роль в процессе образования форм типа *пе́че*, *гря́зе*, а следовательно, и форм *ма́тере*, *до́чере*: при наличии огромного количества продуктивных форм с заударным *-е* круг немногочисленных изолированных форм существительных женского рода типа *печь*, *грязь*, а с ними и существительных *мать*, *дочь* мог оказаться втянутым в общий поток форм на *-е*. Таким образом, могли появиться формы дат. — предл. п. типа *по гря́зе*, *к но́че* и под., а также и формы *ма́тере*, *до́чере* [31]. Позже, видимо, под влиянием форм типа *пече́*, *грязе́* в дат. и предл. п. образуются формы *матере́*, *дочере́*, наблюдаемые на той же территории, что и формы типа *грязе́*, *пече́*. Более интенсивно подобные формы представлены у существительного *дочь*. В связи со сказанным есть основание считать процесс образования форм *ма́тере*, *до́чере* поздним. Памятники письменности фиксируют подобные формы начиная с XVI в.[32] По-видимому, процесс образования подобных форм является характерной особенностью говоров русского языка, поскольку нет свидетельств об образовании аналогичных форм в говорах других славянских языков. Форма *доче́ре*, возможно, отражает более древние особенности ее ударения (см. о форме род. п.).

---

[30] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 257; А. А. Потебня. О звуковых особенностях русских наречий. «Филол. записки», 1865, вып. 1, стр. 83; А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, т. III. Литогр. изд. СПб., стр. 527 и др.

[31] Подробнее см.: А. И. Сологуб. О формах дательного — предложного падежей ед. ч. существительных женского рода с нулевой флексией в русских говорах. — В сб.: «Исследования по русской диалектологии», т. I. М., 1973.

[32] Ю. П. Ульянов. Указ. соч.; Р. П. Сысуева. Из истории склонения существительных типа *кость—гость*. «Уч. зап. Курганского пед. ин-та», 1961, вып. III, т. 4; Л. Ф. Конопосов. Формы склонения имен существительных в вологодских памятниках делового стиля XVI века. «Уч. зап. МОПИ», 1966, т. 163, вып. 12, стр. 403; Л. И. Житенева. Указ. соч., стр. 65; М. А. Веселова. Склонение имен существительных в деловых документах московских приказов I пол. XVII века. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 10.

Таким образом на основании изучения рассмотренного материала мы можем получить достаточно определенное представление о характере распространения различных парадигм существительных *мать* и *дочь* в русских говорах. При этом в одних случаях можно наблюдать совпадающие по характеру их образования парадигмы этих существительных, имеющие обычно и одинаковое распространение в диалектах русского языка; остановимся на основных из них, имеющих наиболее важное значение для исследования вопросов, связанных с диалектным членением русского языка. Наиболее широкое распространение в русских говорах имеют парадигмы, совпадающие со свойственными литературному языку, И. *мать*, *дочь*, Р. *ма́тери* — *до́чери*, Д. *ма́тери*, *до́чери*, В. *мать*, *дочь*, Т. *ма́терью*, *до́черью*, П. *ма́тери*, *до́чери*, они характерны для говоров центральной территории и говоров северо-запада, на остальной части изучаемой территории они представлены в рассеянном распространении. Парадигмы, имеющие формы дат. — предл. п. с окончанием *-е* при остальных, совпадающих с формами литературного языка (И. *мать*, *дочь*, Р. *ма́тери*, *до́чери*, Д. *ма́тере*, *до́чере*, В. *мать*, *дочь*, Т. *ма́терью*, *до́черью*, П. *ма́тере*, *до́чере*) представлены большими ареалами на территории северо-восточной диалектной зоны. В рассеянном распространении в пределах территории северного наречия русского языка мы можем наблюдать парадигмы, имеющие окончание *-е* только в дат. п. или только в предл. п. (напр., И. *мать*, *дочь*, Р. *ма́тери*, *до́чери*, Д. *ма́тере*, *до́чере*, В. *мать*, *дочь*, Т. *ма́терью*, *до́черью*, П. *ма́тери*, *до́чери* и т. д.). В виде отдельных ареалов в основном по территории среднерусских говоров имеют распространение парадигмы, содержащие формы тв. п. с окончанием *-ей* при формах других падежей, одинаковых с литературными: И. *мать*, *дочь*, Р. *ма́тери*, *до́чери*, Д. *ма́тери*, *до́чери*, В. *мать*, *дочь*, Т. *ма́терей*, *до́черей*, П. *ма́тери*, *до́чери*. Отдельными ареалами в пределах восточной половины южного наречия представлены парадигмы, имеющие формы вин. и тв. п. с окончаниями, усвоенными от существительных продуктивного типа склонения и сохраняющие формы других падежей, тождественные литературным: И. *мать*, *дочь*, Р.—Д. *ма́тери*, *до́чери*, В. *ма́терю*, *до́черю*, Т. *ма́терей*, *до́черей*, П. *ма́тери*, *до́чери*. В пределах западной половины юго-восточной диалектной зоны имеют распространение парадигмы, содержащие форму вин. п. с окончанием *-у*: И. *мать*, *дочь*, Р.—Д. *ма́тери*, *до́чери*, В. *ма́терю*, *до́черю*, Т. *ма́терью*, *до́черью*, П. *ма́тери*, *до́чери*. Парадигмы, содержащие формы вин. п. с окончанием *-а* (И. *мать*, *дочь*, Р.—Д. *ма́тери*, *до́чери*, В. *ма́теря*, *до́черя*, П. *ма́тери*, *до́чери*) известны в виде разрозненных ареалов на западной половине территории южного наречия русского языка.

Парадигмы с формами вин. п. *ма́терь*, *до́черь*, (И. *мать*, *дочь*, Р.—Д.—П. *ма́тери*, *до́чери*, В. *ма́терь*, *до́черь*, Т. *ма́терью*, *до́черью*, редко *ма́терей*, *до́черей*) имеют рассеянное распространение по территории периферийных по отношению к центру говоров.

В других случаях говоры представляют различия в образовании парадигм у изучаемых существительных или различия в характере распространения аналогичных парадигм этих существительных. Так, на территории восточной половины юго-восточной диалектной зоны мы можем наблюдать употребление парадигм с основой *матр'-* и *матър'-*: И. *мать*, *ма́тря*, *ма́трь*, Р. *ма́три*, Д. *ма́три*, В. *мать*, *ма́трю*, *ма́три*, Т. *ма́трей*, П. *ма́три* или: И. *мать*, *ма́търь*, Р. *ма́търи*, Д. *ма́търи*, В. *ма́търь*, *мать*, *ма́търю*, Т. *ма́търью*, *ма́търей*, П. *ма́търи*. В отдельных говорах в основном северо-западной диалектной зоны и крайнего северо-востока представлена парадигма существительного *дочь*, образованная от основы *доч'-*: И. *дочь*, *до́ча*, Р. *до́чи*, Д. *до́чи*, В. *дочь*, *до́чу*, Т. *до́чью*, *до́чей*, П. *до́чи*. Аналогичная парадигма существительного *мать* представлена лишь в единичных говорах. В пределах территории северного наречия русского языка отдельными ареалами представлены парадигмы с формой И. *ма́ти:* И. *ма́ти*, Р. *ма́тери*, Д. *ма́тери*, *ма́тере*, В. *ма́терь*, *ма́ти*, *ма́ть*, Т. *ма́терью*, П. *ма́тери*, *ма́тере*. Парадигмы существительного *дочь* с формой И. *до́чи́* наблюдаются лишь в отдельных говорах той же территории.

Остальные типы парадигм представлены в немногих (или даже единичных) разрозненных говорах.

В силу изолированности склонения существительных *мать* и *дочь* в говорах наблюдается своеобразная лексикализация процессов на фоне общего склонения существительных женского рода с нулевой флексией, которые в нем происходят. При этом в одних случаях процессы образования инноваций захватывают оба слова, ср., например, обобщение основы по типу основы косвенных падежей в форме им. п. — *матерь*, *дочерь* или *ма́теря*, *до́черя*, или образование новой основы с суффиксом *-к-*: *матка*, *дочка*. В других случаях изменения, переживаемые этим склонением, оказываются различными для этих слов, так, например, ср. процесс обобщения основы по типу основы им. п., преимущественно представленный у слова *дочь*, и лишь в единичных случаях наблюдаемый у слова *мать*, или образование неизменяемой формы для всех или для большей части падежей в ряде говоров юго-востока *ма́три* при сохранении различий в образовании подобных форм у существительного *дочь*. Подобный же характер изменений этих существительных наблюдается и в других славянских языках, ср., например, наличие унифицированной для всех падежных форм основы у существительного *мать* в белорусском, чешском и др. языках (белор. *маці*, *за маці*, *к маці* и т. д., чешск. od máti, k máti и т. д.) при особой судьбе склонения слова *дочь*: в белорусском оно перешло в другой тип склонения в связи с образованием новой основы — *дочка́*, *дочкі́* и т. д.; в чешском оно выступает с обобщенной основой на *-er*: dcéra, dcéry и т. д.

Е. В. НЕМЧЕНКО

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТИ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В РУССКИХ ГОВОРАХ

В настоящей статье ставится задача выяснить, являются ли суффиксальные морфемы причастных образований от глагольной основы прошедшего времени, с одной стороны, и настоящего времени — с другой, морфологическими показателями категории времени данного разряда форм в русских говорах.

Работа строится на материалах, собранных для составления диалектологических атласов русского языка, и записях диалектной речи в 17 населенных пунктах разной территориальной приуроченности [1].

Специфика морфологической противопоставленности указанных образований в диалектных системах русского языка, по-видимому, наиболее отчетливо может быть выявлена на фоне той картины, которую представляют соответствующие отношения в системе именных форм глагола литературного языка.

Как известно, в литературном языке именные формы глагола составляют два разряда, различающихся по совокупности морфологических, синтаксических и семантических признаков, — причастия и деепричастия [2]. Оба разряда характеризуются тем, что у них формально выражена (с точки зрения словообразования ли морфологии) категория вида; причастия же, кроме того, морфологически противопоставлены по времени [3] и лексико-

---

[1] Названные материалы входят в состав источников, использованных в другой нашей работе; более подробно о них см. в книге: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, стр. 5—7.

[2] Здесь и далее, оперируя понятием «литературный язык», мы имеем в виду его письменную форму. По отношению к соответствующим образованиям в разговорной форме литературного языка существует мнение, что они занимают принципиально иное, по сравнению с письменной формой, место в грамматической системе. Так, наблюдения над употреблением в разговорной речи 1) форм типа *убегая*, *горящая*, *отдохнувший*, *испуганный* и 2) форм типа *записан*, *поставлены* привели Е. В. Красильникову к выводу 1) «об отсутствии в системе глагола специализированных (маркированных) форм для выражения зависимой предикации» и 2) «об отсутствии страдательного залога как синтаксически маркированной категории в системе РР. В текстах РР представлены перфектные употребления образований на *-н*, *-т*, т. е. реализуется их номинативная функция», см.: Е. В. Красильникова. Наблюдения над морфологией разговорной речи. (Противопоставление имени и глагола). Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 6—11.

[3] В данном случае мы принимаем одну из существующих точек зрения на вопрос о категории времени причастий в литературном языке, а именно ту, согласно которой указанная категория в этих формах выражена морфологически, ср., напр.: Н. Н. Дурново. Повторительный курс грамма-

грамматически — по залогу. Попытаемся показать это на примерах соответствующих образований от глаголов *собрать* и *собирать* (примеры эти, разумеется, не могут дать исчерпывающей морфологической характеристики указанных разрядов форм в целом).

Именные формы глагола несовершенного вида *собирать*:

причастия настоящего времени действительного и страдательного залога (*собирающий*, *собираемый*);

причастие прошедшего времени действительного залога (*собиравший*);

деепричастие (*собирая*).

Именные формы глагола совершенного вида *собрать*:

причастие прошедшего времени действительного залога (*собравший*);

причастия прошедшего времени страдательного залога (*собранный*, *собран*);

деепричастие (*собрав*).

В связи с приведенной иллюстрацией для нас существенно подчеркнуть то обстоятельство, что в литературном языке противопоставленность причастий по признаку времени

тики русского языка, вып. 1. М., 1924, стр. 69; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 490; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1945, стр. 210; А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971, стр. 5; «Грамматика современного русского литературного языка». Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970, стр. 360—361. Другие исследователи считают, что время причастий выражается синтаксически, см., в частности: Э. Черный. Об отношении видов русского глагола к греческим временам. — ЖМНП. СПб., 1876, ч. 188, декабрь, стр. 95 и след; Н. Н. Прокопович. Категория вида в страдательных причастиях. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 42. Кафедра русского языка. М., 1947, стр. 117; Е. Кржижкова. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке. — ВЯ, 1962, № 3, стр. 22. — По мнению некоторых ученых, в значении времени причастий совмещаются морфологические и синтаксические признаки, ср., напр.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 31, 127; С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. М., 1948, стр. 322 и след. Отдельные ученые вообще отрицают значение времени у причастий, см., напр.: Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 260; К. Аксаков. О русских глаголах. М., 1855, стр. 11, 15; ср. также: В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 188, 272. — Следует при этом иметь в виду, что вопрос о категории времени кратких страдательных причастий, употребляемых предикативно, рассматривается особо, см., например: А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 489; В. Havránek. Genera verbi v slovanských jazycích, II. Praha, 1937, стр. 94; А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 226—227; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 206; J. Damborský. O časovém významu příčestí. «Prace filologiczne», t. 13, § 3. Warszawa, 1964; А. В. Бондарко. Указ. соч., стр. 5; «Грамматика современного русского литературного языка», стр. 361.

выражена морфологически — с помощью суффиксальных морфем (применительно к конкретным глаголам *собирать* и *собрать* — это суффиксы *-ущ-*, *-вш-*, каждый из которых по отношению к данным морфемам следует рассматривать как один из возможных алломорфов).

В отличие от литературного языка в говорах выделение из круга именных форм глагола разряда деепричастий, как показало изучение соответствующих материалов, не имеет достаточных оснований [4].

Морфологический состав именных форм глагола, употребляющихся в говорах, для удобства сравнения с составом соответствующих форм литературного языка представляется целесообразным проиллюстрировать примерами образований от тех же глаголов — *собрать* и *собирать*. Поскольку вопрос о способе выражения категории времени для причастных форм диалектных систем подлежит еще выяснению, мы можем распределить наши примеры лишь с учетом залоговых признаков соответствующих словоформ (при этом, однако, следует заметить, что в говорах одни и те же словоформы, например, с суффиксом *-ши*, могут выражать разные залоговые значения — в зависимости от их синтаксического окружения).

Именные формы глагола *собирать*:

причастия (причастные формы) действительного залога (*собиравший*, *собиравши*, *собирая*, *собираючи*).

Именные формы глагола *собрать*:

причастия действительного залога (*собравший*, *собравши*);

причастия страдательного залога (*собранный*, *собран*).

Как и по отношению к литературному языку, иллюстрация морфологического состава именных форм глагола, известных говорам, на примерах образований от двух глаголов не может представить полной морфологической характеристики данного разряда форм (такой задачи мы перед собой здесь и не ставим). Для наших целей достаточно учитывать различия в суффиксальных морфемах причастных образований [5] и различия по полноте/краткости формы; изменяемость (неизменяемость) кратких форм в данном случае несущественна.

---

[4] См.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Указ. соч. (в частности — заключение), стр. 306 и след.

[5] Заметим, что суффиксальные морфемы причастных образований в диалектных системах (как и в системе литературного языка) представлены несколькими алломорфами, ср., напр.: написа-*н*-о / нали-*т*-а / посаж-*ен*-ы (далее для краткости эти формы мы называем причастиями с суффиксами *-н-*, *-т-*); нали(в)-*ши* (нали(м)-*ши*, нали(т)-*ши*. . .) / пришо-*тчи* (*-тци*) (эти образования далее, также для краткости, называются причастиями (причастными формами) с суффиксом *-ши*). Но в образованиях типа *наливши* (*налимши*, *налитши*, *налилши*) в качестве суффикса мы выделяем формант *-ши*, а предшествующий ему согласный (*в*, *м*, *т* или *л*) рассматриваем как интерфикс.

При сравнении примеров, иллюстрирующих морфологический состав именных форм глагола в системе литературного языка, с одной стороны, и примеров аналогичных форм в диалектных системах — с другой, можно заметить, что общими для говоров и литературного языка являются образования, составляющие в литературном языке причастия прошедшего времени, а также — образования от основы настоящего времени с суффиксом *-а*. Отличие же диалектных систем от системы литературного языка — помимо того, что в говорах причастные образования объединяются в один разряд форм, — связано с отсутствием в них форм, относящихся в литературном языке к причастиям настоящего времени; кроме того, говорам известны краткие формы причастий действительного залога, отсутствующие в литературном языке (особенно широко в части говоров употребляются образования типа *вставши*, *приехавши*).

Как было сказано выше, мы должны выяснить, различаются ли между собой временны́е значения употребляемых в диалектной речи причастных форм в зависимости от различий в их суффиксальных морфемах. Решить поставленную задачу мы сможем лишь в том случае, если рассмотрим разные формы в одинаковом употреблении, т. е. в одной и той же синтаксической функции. Мы постараемся далее показать, существуют ли морфологические средства передачи значения времени причастий, рассмотрев для этой цели предикативное (I), а затем полупредикативное (II) и непредикативное (III) их употребление.

I. Для причастных форм в русских говорах предикативная функция является основной и определяющей. В этой функции, по нашим данным, отмечаются все причастные формы, хотя и с весьма значительными расхождениями в степени частоты и регулярности употребления различных форм в разных диалектных системах: наиболее широко представлено употребление форм с суффиксами *-н-*, *-т-* — оно известно всем русским говорам, за исключением небольшой части селигеро-торжковских, и употребление причастий с суффиксом *-ши* — оно распространено в значительной части говоров, преимущественно на западе РСФСР [6]; в разных говорах (главным образом в западных) отмечается предикативное употребление форм на *-ший*; единичны примеры предикативного употребления образований с суффиксом *-учи* (почти все они отмечены за пределами территории регулярно употребляющихся предикативных форм с суффиксом *-ши*); наконец, единственный пример предикативного употребления формы с суффиксом *-а* зафиксирован в одном из говоров Московской обл.[7]

---

[6] См.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немчепко. Указ. соч., карта 4.

[7] Можно думать, что еще в начале XIX в. это явление было свойственно некоторым южнорусским говорам, где в настоящее время, по нашим материалам, оно не отмечается, см.: И. Ф. Нелюбова. К вопросу о зна-

Если попытаться представить разные диалектные системы с точки зрения морфологического состава предикативно употребляющихся в них причастных форм, то мы получим приблизительно следующую картину.

Значительная часть русских говоров использует в функции предиката краткие формы как с суффиксами *-н-*, *-т-*, так и с суффиксом *-ши*. Этим же говорам известно предикативное употребление и полных форм данных причастий. Но в большинстве русских говоров регулярно в качестве предиката употребляются только причастия с суффиксами *-н-*, *-т-* (преимущественно краткие формы), а использование в этой функции других причастных образований от глагольной основы прошедшего времени является возможным, но нерегулярным. Что касается причастных образований от глагольной основы настоящего времени, то они представлены в отдельных говорах совершенно единичными примерами.

Из сказанного вытекает, что в абсолютном большинстве говоров, где употребляются только причастные образования от глагольной основы прошедшего времени, категория времени причастий морфологически не выражена. Данная категория в этих диалектных системах получает синтаксическое выражение — с помощью глагольной связки (примеры см. ниже).

Наличие морфологической противопоставленности причастных форм по признаку времени мы можем предполагать в тех единичных диалектных системах, где в функции предиката употребляются образования как от основы прошедшего времени (типа *собран*, *собравши*), так и от основы настоящего времени (типа *собирая*, *собираючи*).

Для этих систем мы должны установить, с помощью каких способов выражается значение времени форм с суффиксами *-а* и *-учи*: если эти формы всегда, независимо от контекста, имеют значение настоящего времени, то можно допустить, что причастия типа *собран*, *собравши*, с одной стороны, и типа *собирая*, *собираючи* — с другой, обозначают разное время, и это выражено с помощью их суффиксальных морфем. В случае же зависимости временно́го значения форм на *-а* и *-учи* от контекста у нас нет оснований для такого допущения.

Имеющийся материал, хотя и недостаточный для определенных выводов [8], все же позволяет предположить, что форма на

чении и употреблении деепричастий в южновеликорусских говорах. «Наук. зап. Станіславського пед. ін-ту». Іст.-філол. серія, т. 1. Київ, 1956, стр. 118 и след.

[8] По материалам диалектологических атласов русского языка, охватывающих около 6000 населенных пунктов, предикативное употребление формы с суффиксом *-учи* отмечено в говорах всего семи населенных пунктов (в каждом из них записано по одному примеру). Правда, следует при этом иметь в виду, что вопрос об употреблении данной формы по говорам в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Ярославль, 1945; М.—Л., 1947) отсутствует.

-учи, например, может передавать значение настоящего или прошедшего времени — в зависимости от того, в каком синтаксическом окружении она выступает. Так, в предложении *Сегодня я хвораючи* Почтенное Дмитриевск. Курск. детерминирующее обстоятельство времени *сегодня* указывает на то, что причастная форма имеет значение настоящего времени; об этом же значении свидетельствует синтаксическое окружение причастной формы и в следующих предложениях: *Я ведь старуха-то умеючи* Пестовы Котельническ. Кировск.; *Она* (Красивая Мечь) *впадаючи в Дону* Еременка Сафоновск. Тульск. Однако есть и такие предложения, в которых форма на *-учи* передает значение прошедшего времени — когда из контекста вытекает, что сообщение относится к прошлому, а не совпадает с моментом речи, ср.: *Ты не пиваючи, что ли?* (т. е. не пила раньше) Б. Ковали Свечинск. Кировск.; *Я у их живучи* (речь идет о времени, когда рассказчик находился в другом месте) Логовичи Лодейнопольск. Ленинградск. В данном случае, по-видимому, имеет место пропуск связки *был* (*была*) — явление, известное говорам и при употреблении предикативных причастий, образованных от глагольной основы прошедшего времени [9].

Следовательно, и по отношению к говорам, которым известно предикативное употребление причастных образований не только от глагольной основы прошедшего времени, мы не можем говорить о морфологической выраженности категории времени причастий.

На основании всего сказанного о предикативном употреблении причастных форм в разных диалектных системах можно заключить, что в данной функции причастия м о р ф о л о г и ч е с к и не противопоставлены друг другу по признаку времени.

Категория времени предикативных причастий, как уже было сказано, выражается синтаксически, а именно — с помощью

В связи с тем, что предикативная форма на *-а* в материалах диалектологических атласов, как уже говорилось, отмечена всего один раз (*печку истопили, лежанку не топя́* Костино Талдомск. Московск), мы не можем судить о ее временно́м значении.

[9] См.: И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о. Указ. соч., стр. 197—199.

Пропуск глагольной связки при именном сказуемом — причастной форме известен и другим славянским языкам. Так, в частности, академик Ф. Травничек в работе, посвященной историческому синтаксису чешского языка, пишет, что употребление связки (форм глагола býti) в сочетании с предикативными формами типа nesa, nesúci уже в ранних памятниках древнечешского языка представляло собой архаизм. Данные формы (определяемые как přechodník 'деепричастие'), по словам акад. Ф. Травничка, в именных древнечешских конструкциях типа žena nesúci могли обозначать любое из трех времен глагола в индикативе, см.: F. T r á v n í č e k. Historická mluvnice česká, III. Skladba. Praha, 1956, стр. 182.

В материалах современных русских говоров имеется очень интересный пример такого употребления формы на *-учи*, когда эта форма — предикат образует одно из синтаксических ирреальных наклонений — повелительное: *бражку изладить крепкую — чтобы с ног сшибаючи была*! Толкуново Кайск. Кировск.

связки (в том числе и нулевой), ср., напр.: *церковь сделана и топор брошен — больше такой красоты не будет* (о Кижах) Типиницы Медвежьегорск. Карельск. АССР; *ему что же дана есть комнатка?* Ямок Новгородск. Новгородск.; *руки вроде как они опухши — жарко* Кроксово Гдовск. Псковск.; *мы не ездивши естя со своей деревни* Гимрека Лодейнопольск. Ленинградск.; *шкаф был в багаж сдаден* Счастливка Мценск. Орловск.; *кот с обеда до вечера не был проснувши* Колоколово Гдовск. Псковск.; *две-то склала, еще копна будет накладена* Чудово Лодейнопольск. Ленинградск.; *я нагнувши хоть сколько буду* Лопатки Березовск. Воронежск.[10]

Указанный способ выражения временно́го значения причастий в предикативном их употреблении, с нашей точки зрения, подчеркивает одну из сторон этого разряда форм — их именной характер. Однако это явление можно рассматривать и иначе — как формальное выражение особой глагольной категории в некоторых диалектных системах — категории перфекта [11].

II. К полупредикативному мы относим такое употребление причастий (причастных форм) в говорах, когда они выполняют либо функцию предикативного атрибута (выступая в сочетании с непереходным глаголом-связкой, ср., напр.: *пришли все перемокши* Подоспа Гдовск. Псковск.; *столы собраны стоят* Долговка Лужск. Ленинградск.; *баба одна пришла заколевшая* Загорье Оредежск. Ленинградск.), либо функцию предикативного обстоятельства (обозначая обстоятельственный признак как процесс, ср., напр.: *с армии пришотчи сени покрыл* Улемль Жиздринск. Калужск.).

Следует заметить, что тот тип полупредикации причастий, который свойствен литературному языку, для говоров совершенно не характерен: обособленные причастия, по нашим данным, встретились всего в двух предложениях: *идет женщина, вся в черном одетая, платком повязанная* Колоколово Гдовск. Псковск.; *лядина — место, заросшее кустам* Кануновщина Гдовск. Псковск.

Чрезвычайно редко также бывает представлена в говорах функция предикативного обстоятельства — тип полупредикативного употребления в литературном языке, которым характеризуются деепричастия [12]. Употребление же причастий в качестве

---

[10] Ср. также в материалах упомянутой выше статьи И. Ф. Нелюбовой: *у нас печка разаря́*; *пришол яво брат ста́ршай, а йон уже был аддяля́*; . . . *нонча ни бу́дить сильма́х атваря́* (И. Ф. Нелюбова. Указ. соч., стр. 118—119).

[11] См.: И. Б. Кузьмина. Предикативное употребление причастий в русских говорах (краткие формы, образованные от глагольной основы прошедшего времени). Докт. дисс. (рукопись). М., 1972.

[12] Отсутствие в разговорной форме литературного языка того полупредикативного употребления причастий и деепричастий, которое свойственно его письменной форме, констатируется в указанной работе Е. В. Красильниковой (стр. 6—9). Это обстоятельство послужило автору основанием для выведения данных разрядов форм из системы глагольного класса слов

предикативного атрибута — явление, достаточно широко известное всем русским говорам.

Названные две функции различаются между собой не только по частоте встречаемости в диалектной речи, но также тем, что каждая из них характеризуется разным лексико-грамматическим составом причастных форм. С последним обстоятельством связаны, в свою очередь, различия причастий — предикативных атрибутов, с одной стороны, и причастий — предикативных обстоятельств — с другой, в их временно́м значении, которое они приобретают в составе предложения. Чтобы ответить на вопрос, каково именно это значение, необходимо рассмотреть употребление причастий в каждой функции отдельно.

1. В функции предикативного атрибута могут употребляться все причастные образования от глагольной основы прошедшего времени (сравнительно редко — краткие формы с суффиксами *-н-*, *-т-*) и образования с суффиксом *-а* от глагольной основы настоящего времени (единично).

Выбор круга форм, используемых в качестве предикативного атрибута, диктуется спецификой самой функции: в ней могут употребляться лишь такие словоформы, которые позволяют представить определяемый ими признак предмета как его состояние, являющееся результатом предшествующего действия. Поэтому здесь, как правило, употребляются формы, образуемые от основы прошедшего времени глаголов совершенного вида. Единично отмеченные образования с суффиксом *-а* от глагольной основы настоящего времени выступают с тем же значением и в принципе не могут быть противопоставлены указанным выше причастиям по признаку времени, ср., напр.: *дверь стоит отворя* Бабынино Белевск. Тульск. и *у меня топор сломавши лежит* Новая Дубровка Красногорск. Брянск., *он вышел одетый* Сапино Воротынск. Горьковск.

Из сказанного следует, что обозначаемый причастием — предикативным атрибутом признак предмета всегда, независимо от того, какое именно причастие употреблено — типа *открывши*, *открыт* (*открытый*) или *отворя*, — находится в одной временно́й плоскости с предикативным признаком, выраженным глаголом.

Таким образом, и в функции предикативного атрибута, как и в предикативном употреблении, причастные формы лишены морфологического показателя категории времени.

2. В функции предикативного обстоятельства, для говоров в целом не характерной, могут употребляться образования как от глагольной основы прошедшего времени — только с суффиксом *-ши*, так и от глагольной основы настоящего времени —

разговорной речи. Как видно из всего излагаемого в настоящей статье, мы считаем возможным изучаемый разряд форм в говорах рассматривать внутри глагола.

с суффиксами *-а* и *-учи*. И те и другие отмечаются в самых разных говорах, но первые (с суффиксом *-ши*) — преимущественно на территории предикативного употребления данных образований, а вторые, наоборот, — преимущественно за пределами этой территории.

Причастные формы — предикативные обстоятельства выступают, как правило, в двусоставных предложениях с глагольным сказуемым. Причем грамматическая семантика этих форм предопределяет тот факт, что они могут включать в свой состав образования от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида: передавая значение относительного времени (подобно деепричастиям литературного языка), первые обозначают обстоятельственный признак как процесс, предшествующий по времени предикативному признаку, выраженному глаголом, вторые — как такой же признак, но совпадающий по времени с предикативным признаком, ср., напр.:

я сегодня всталши там вымыла Редковцы Пушкиногорск. Псковск.; *в гору поднявши сел* Цыковка Хиславичск. Смоленск.; *отработавши выехал в деревню* Борисово Старорусск. Новгородск.; *вижу, голову загня, четыре лося* Дуброво Горецк. Калининск. и *это ты повырывал ходивши?* Горожанка Суземск. Брянск.; *идет с портфелем помахивавши* Конецкая Ковжинск. Вологодск.; *песни играешь прявши* Карцево Великолукск. Великолукск.; *баловамши голову открутишь* Овстуг Жуковск. Брянск.; *я измучился по нем ходя* Васильково Кесовогорск. Калининск.; *обнаружили мину, в нашу деревню едучи* Гимрека Лодейнопольск. Ленинградск.

Из сопоставления этих примеров ясно, что различия во временно́м значении причастных форм определяются принадлежностью последних глаголам совершенного или несовершенного вида и не связаны с их различиями в суффиксальных морфемах. При этом существенным представляется следующее обстоятельство: для диалектного языка характерно, что причастные образования в указанном функционировании обозначают признак, либо совпадающий по времени с признаком, выраженным глагольной формой, либо — непосредственно предшествующий признаку, обозначенному глаголом. Таким образом, сходство рассмотренного употребления причастных форм в говорах с употреблением деепричастий в литературном языке — в плане выражения данными образованиями временно́го значения — является весьма относительным [13].

Нельзя не отметить тот факт, что в говорах относительно сво-

[13] Ср., напр.: Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 107—108. (Здесь, в частности, констатируется для русского литературного языка противопоставление временно́го интервала и контакта между двумя сообщаемыми фактами, обозначенными соответственно деепричастием и глаголом).

бодно употребляются как предикативные обстоятельства причастные образования от основы прошедшего времени глаголов несовершенного вида (с суффиксом *-ши*) в случаях, когда в литературном языке соответствующие временные отношения передаются с помощью образований от основы настоящего времени (с суффиксом *-а*) тех же глаголов, ср., напр.: *сама по себе идет клоктавши* Поляки Октябрьск. Великолукск.; *он лает стоявши* Раменье Ленинск. Великолукск.; *гулявши оны и про дом забудут* Милеево Глинковск. Смоленск. (другие примеры см. выше).

Указанное явление объясняется тем, что для говоров в целом не характерно, как уже говорилось, употребление причастных образований от глагольной основы настоящего времени. Поэтому в тех случаях, когда естественно было бы ожидать употребление формы с суффиксом *-а* или *-учи* (при сказуемом — глаголе непрошедшего времени), в диалектной речи свободно может быть употреблено образование с суффиксом *-ши* от глагола несовершенного вида.

Следует также отметить, что рассмотренный выше способ передачи причастными формами значения относительного времени в говорах последовательно не выдерживается: есть ряд предложений, в которых образования от глаголов совершенного вида обозначают время, совпадающее с глагольным, а образования от глаголов несовершенного вида — предшествующее глагольному, ср., напр.: *провожал-то ее любимый брат, проводивши наказывал* Антропшино Павловск. Ленинградск.; *пошатавши всяку всячину слышала* Заозерье Порховск. Псковск.; *убивши* (т. е. надрываясь) *работали* Таложня Новоторжск. Калининск.; и *он справлявши пошел — меня спросил* (т. е. справившись, пошел) Але Новосокольническ. Великолукск.; *они вчера пришли ночью стоговамши* Крапивна Ульяновск. Калужск.

Приведенные факты, вероятно, связаны с тем, что употребление причастных форм как предикативных обстоятельств — явление в говорах чрезвычайно редкое, не регулярное, когда система четких противопоставлений по названному признаку и не могла быть выработана. Но возможно, что некоторая нейтрализация противопоставленности глагольных форм по их видовой принадлежности в разных диалектных системах объясняется разными причинами [14].

Из всего сказанного о причастных формах в полупредикативном употреблении вытекает, что и здесь — как это имеет место в предикативном употреблении — различные суффиксальные мор-

[14] Так, например, факты неразличения вида глагольных форм в русских говорах на территории Эстонии объясняются длительным взаимодействием последних с говорами эстонского языка, в глагольной системе которых данная категория отсутствует, см.: В. В. Мюркхейн. Фонетико-фонологическое и морфологическое описание русского старожильческого говора Мехикоорма Эстонской ССР. Канд. дисс. Таллин, 1970, стр. 250—259; Х. И. Хейтер. Фонетика и морфология островного русского говора Ийзаку на территории ЭССР. Автореф. канд. дисс. Тарту, 1970, стр. 22.

фемы не передают разного временно́го значения этих форм. Но если для причастий-предикатов время — это категория синтаксическая, то полупредикативные причастия передают в предложении значение относительного времени, которое зависит как от лексико-грамматических признаков глаголов, образующих эти формы, так и от синтаксического окружения самих причастных форм.

III. Непредикативное употребление причастий (причастных форм) в русских говорах по существу сводится к двум функциям — функции определения, которая отмечена для всех причастных форм за исключением образований с суффиксами *-а* и *-учи* — ср., напр.: *девчата — приехатчи студентки — пололи кукурузу* Шамокша Лодейнопольск. Ленинградск.; *стоит у самой дороги разваливший дом* Ковришкино Куньинск. Великолукск.; *естя у меня курятина варена* Красный Бор Лодейнопольск. Ленинградск.; *ни одного полешка нет поколоного* Выбье Кингисеппск. Ленинградск. — и функции определительно-обстоятельственной, в которой отмечаются образования с суффиксами *-ши*, *-а* и *-учи* типа *спит свернувшись клубышем* Загорье Оредежск. Ленинградск.; *все скорчивши пригнули в углу и ждем, что будет* Засово Залучск. Новгородск.; *косят наклоня* Красавино Никольск. Вологодск.; *сидючи берут эдак — ягод-то много* Гимрека Лодейнопольск. Ленинградск.

Естественно, что вопрос о способе передачи временно́го значения причастными формами в непредикативном употреблении может возникнуть лишь по отношению к определительно-обстоятельственной функции, в которой употребляются образования от основы глаголов как прошедшего, так и настоящего времени. При данном функционировании эти формы, сочетая в себе определительный и обстоятельственный признаки, обозначают состояние предмета, вызванное предшествующим действием, или обычно — состояние как результат предшествующего действия (поскольку здесь преимущественно употребляются образования от глаголов совершенного вида). Признак, передаваемый причастной формой, всегда находится в одной временно́й плоскости с предикативным признаком, обозначенным глаголом. (В этом случае имеет место полная аналогия с употреблением причастий — предикативных атрибутов, причем последние не всегда могут быть отграничены от причастных форм — обстоятельств.)

Из сказанного следует, что морфологические различия причастных форм, употребляемых в определительно-обстоятельственной функции, с категорией времени не связаны.

* * *

Мы рассмотрели, таким образом, все функции причастных форм, по отношению к которым мог быть поставлен вопрос о способах выражения категории времени причастий в говорах.

Наш общий вывод сводится к тому, что суффиксальные морфемы причастий, образуемых от глагольной основы прошедшего

или настоящего времени, — при любом употреблении этого разряда форм в говорах — не являются морфологическими показателями категории времени [15].

Способы выражения временно́го значения причастных форм, как было показано, зависят от их функции в предложении. В этом отношении наиболее четко противопоставлены друг другу, с одной стороны, предикативная функция, с другой — все остальные. На основании рассмотренного выше материала можно заключить, что для всех тех случаев, когда причастные формы не являются предикатом в предложении, одновременность обозначенного ими признака с признаком, выраженным предикатом, является инвариантным временны́м значением причастных форм в русских говорах.

Памяти
Петра Саввича
КУЗНЕЦОВА

Л. Н. БУЛАТОВА

ПЕРФЕКТНЫЕ ФОРМЫ В ОДНОМ РУССКОМ ГОВОРЕ КАРЕЛЬСКОЙ АССР (К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ ПРИЧАСТИЙ В ФУНКЦИИ СКАЗУЕМОГО В РУССКИХ ГОВОРАХ) [1]

0.1. Для изучения категории перфектности в русском диалектном языке говор с. Ладва [2], который я наблюдала в 1966 г., представляет тот интерес, что в нем одновременно существуют две ярко выраженные диалектные конструкции с перфектным значе-

---

[15] То обстоятельство, что категория времени причастий в говорах не выражена морфологически, сказалось, как нам представляется, и на морфологической структуре данных форм: наряду с тем, что всем говорам известно образование причастий с помощью суффикса *-он-* от основы настоящего времени глаголов с разрядной характеристикой *-и-/-ø-* ((*с*)*варить*, *сушить* и т. п.), в части говоров с этой же основой связаны диалектные образования типа *сварёвши*, *сушомши*; кроме того, в разных говорах отмечаются образования с суффиксами *-н-*, *-т-* или *-ши* от основы настоящего времени и глаголов других разрядных характеристик, см.: Е. В. Немченко. Образование причастных форм в русских говорах. «Исследования по русской диалектологии». М., 1973.

[1] Статья представляет собой переработку доклада, прочитанного на Кузнецовских чтениях в МГУ 27 марта 1972 г. Автор благодарит Н. С. Авилову, И. К. Бунину и Е. В. Красильникову за критические замечания, которые помогли улучшить работу.

[2] С. Ладва Прионежского р-на Карельской АССР расположено в 50 км к югу от Петрозаводска. Морфологическая система Ладвинского говора опи-

нием типа: *он привыкши* и *у волков здесь хожено*, соотношение которых в системах отдельных говоров еще недостаточно изучено.

Первая работа, специально посвященная анализу этих конструкций, принадлежит П. С. Кузнецову. Сопоставляя обе конструкции, П. С. Кузнецов писал: «Поскольку временно́е значение сказуемостно употребленных деепричастий и страдательных причастий в безличном обороте (по крайней мере, отчасти) сходно, мы вправе поставить вопрос: являются ли два рассматриваемых оборота параллельными друг другу конструкциями, употребляющимися в одном и том же говоре (подобно тому, как являются параллельными конструкциями, например, действительный и страдательный оборот в литературном языке), или же эти обороты распространены в разных говорах?» [3].

Материал, которым располагал П. С. Кузнецов в то время, когда он писал эту статью, был недостаточен для ответа на поставленный им вопрос (работа над диалектологическим атласом русского языка тогда еще только начиналась).

В настоящее время территориальное соотношение этих конструкций достаточно изучено. Установлено, что каждая из них имеет свой ареал, но эти ареалы частично накладываются друг на друга, причем зона их совмещения проходит по Карелии [4].

Что касается функционального соотношения обеих конструкций на той территории, где они сосуществуют, то оно изучено еще недостаточно: хотя в этой области уже накоплено много ценных наблюдений, особенно в работах В. И. Трубинского, но для успешного решения проблемы, поставленной П. С. Кузнецовым, необходимо, чтобы исследования, основанные на материале целых районов, как, например, работы Т. Г. Доли и В. И. Трубинского, были дополнены изучением отдельных диалектных систем, так как есть основание считать, что функциональное соотношение конструкций типа *он привыкши* и *у волков здесь хожено* неодинаковы в разных говорах. При этом необходимо, чтобы причастные формы, употребляющиеся в качестве сказуемых специфически диалектных конструкций, рассматривались в их соотношении с причастиями в той же роли в общерусских

сана в кн.: С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, стр. 285—324. Однако формы причастий в этой работе не рассматриваются.

[3] П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. — В кн.: «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М.—Л., 1949, стр. 76.

[4] Наиболее полно территориальное распространение этих конструкций освещено в кн.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах (М., 1971), основанной на материалах диалектологического атласа русского языка. О распространении их в пределах Карелии см. также: Т. Г. Доля. Синтаксические особенности говора Заонежья Карельской АССР. «Лингвистический сб.», вып. 1. Петрозаводск, 1962; В. И. Трубинский. Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 366. Гуманитарные науки. Петрозаводск, 1969.

конструкциях и с предикативными формами глагола (verbum finitum) в пределах одной диалектной системы [5].

Этой цели должно послужить, по мнению автора, и предлагаемое описание перфектных форм в Ладвинском говоре. Не претендуя на исчерпывающее описание, автор остановится главным образом на характере противопоставления перфектных и неперфектных форм и на залоговых отношениях в системе перфектных форм.

0.2. Следует учесть, что материал, использованный в статье, не был собран со специальной целью и поэтому в каких-то отношениях является недостаточным. Этот материал включает в себя записи, сделанные на слух С. В. Бромлей и автором в 1966 г. попутно со сбором материала по другой теме; магнитофонные записи автора (1966 г.) и Л. Л. Касаткина (1972 г.) [6], а также ответ на диалектологическую программу (шифр хранения БСТ, 5), составленный О. Н. Мораховской совместно с группой студентов (1955 г.).

Всего записано 612 причастных словоформ (считая и повторные случаи употребления) от 370 глаголов [7]. Но в полной мере используется лишь часть этого материала: главным образом, магнитофонные записи, которые дают возможность проследить соотношение причастных и предикативных форм глагола в речи одного лица. Этот материал имеет также и то преимущество, что благодаря большому контексту обеспечивается, как правило, однозначное понимание высказываний. Материал магнитофонных пленок дополняется собственноручными записями автора статьи, в основном от тех же лиц, речь которых записана на пленку. Недостаток контекста в этих записях во многих случаях восполняется тем, что автору известна речевая ситуация. Это материал, на основании которого сделаны основные выводы.

Материал С. В. Бромлей [8], наибольший по объему и самый разнообразный в лексическом отношении, а также очень интересный материал ответа на диалектологическую программу удалось использовать только частично, потому что краткость контекста (при отсутствии указаний на речевую ситуацию) часто не позволяла однозначно понять смысл высказывания.

---

[5] Пока мне известна только одна работа такого характера: Х. И. Хейтер. Формы причастий и деепричастий в русском говоре Йизаку на территории ЭССР. «Труды по русской и славянской филологии (Тартуского гос. ун-та)», XIX. Серия лингвистическая. Тарту, 1971.

[6] Пленки хранятся в Фонетической лаборатории Института русского языка АН СССР.

[7] Число глаголов указано условно, поскольку условна граница между разными значениями глагола и омонимичными глаголами. При определении этих границ автор следовал за «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

[8] Пользуюсь случаем поблагодарить С. В. Бромлей и Л. Л. Касаткина, предоставивших мне свои материалы, а также сотрудников Фонетической лаборатории Института русского языка за помощь в работе.

Разнородность материала сделала невозможной его статистическую обработку, которая была бы очень полезна в таком описании.

1.0. В Ладвинском говоре существуют причастия с суффиксами *-он-*, *-н-*, *-т-*, *-вши*, *-ши* (*-вш-*, *-ш-*), образованные от основы прошедшего времени. Никакие другие причастные формы в говоре не употребляются.

Причастия с суффиксами *-он-*, *-н-*, *-т-* тождественны по своему грамматическому значению и сочетаемости. Поэтому эти причастия рассматриваются в статье как нечто единое. То же относится и к причастиям с суффиксами *-вши* (*-вш-*) и *-ши* (*-ш*). Поскольку у нас нет для этих единств специальных терминов, а термины, которые обозначают сходные с ними по внешней форме и происхождению причастия литературного языка (страдательные и действительные причастия, деепричастия), отражают иные отношения, чем те, которые существуют в Ладвинском говоре (и в диалектном языке вообще), будем вслед за И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко называть разные группы причастий по тем суффиксам, которыми выражаются их грамматические значения, причем для краткости причастия с суффиксами *-он-*, *-н-*, *-т-* будем условно называть причастиями на *-н-*, *-т-*, а причастия с суффиксами *-вши*, *-ши* (*-вш-*, *-ш-*) — причастиями на *-ши*.

И те и другие причастия употребляются в Ладвинском говоре преимущественно в функции сказуемого, реже в функции предикативного атрибута (например, *Пробудилась вся в слезах, вспотевши*; *. . . потом топором разрубили, так эти кусочки пляшут уже разрубленные* (о змее)) [9]. Другие синтаксические функции не характерны для причастных форм Ладвинского говора, в частности, форме на *-ши* не свойственна та функция, которую выполняет деепричастие в литературном языке [10].

Причастия на *-н-*, *-т-* выполняют функцию сказуемого как в личных, так и в безличных предложениях (ср., например, *Еда представлена, баенка стоплена; У него дак своима рукамы обработана была земля; Вычищены пожни были* и *Давно не топлено; дак от печки запах; У нее в сельпе работано и в колхозе работано; Здесь у мишки спано; Вези, вези побывано*). Причастия на *-ши* выполняют функцию сказуемого почти исключительно в личных предложениях (если не считать предложений типа *Военных было наехатчи!*).

---

[9] Здесь и далее примеры даются в записи, отражающей фонемный состав морфем средствами обычной русской графики. В тех случаях, когда фонемный состав морфемы неизвестен автору, применяется орфографическая запись. Это же относится и к гиперфонемам.

[10] Хотя в нашем материале есть единичные примеры (менее десяти), которые по аналогии с литературным языком могли бы быть истолкованы как деепричастия, например *робенок спал всю ночь не пробудивши, не рядивши-то много не дадут*, но в свете всей системы здесь следует видеть или предикативный атрибут (первый пример) или сказуемое (второй пример).

В личных предложениях причастия на *-н-*, *-т-* выступают как в краткой, так и в полной форме: *У меня рыба жарена и суп варен; Ведь он у нас был лично тканик выткан у самих и самовар был поставленый; Был такой подойничек сделаный у мастера; Был в Верховье даный кот; Велел домой взять — так взятая домой.*

Причастия на *-ши* также отмечены нами и в краткой и в полной форме (в последнем случае суффиксы *-вши*, *-ши* выступают в виде алломорфов *-вш-* и *-ш*), причем, в отличие от причастий на *-н-*, *-т-*, краткая форма причастия на *-ши* неизменяема: *В автобус попавши — так уж не вылезу* и *Были иные в блокаду попавшие; Бабушка-то ладвинская не умерши* и *Старуха умершая.* Однако у причастий на *-ши* полная форма встречается в единичных случаях и, по-видимому, не характерна для Ладвинского говора, как и для диалектного языка в целом [11].

1.1.1. Причастные формы в Ладвинском говоре имеют перфектное значение, т. е. значение состояния, наступившего в результате действия, обозначенного основой глагола. Это значение свойственно обеим группам причастий как в краткой, так и в полной форме, в обеих упомянутых синтаксических функциях. Поэтому перфектное значение может считаться общим грамматическим значением причастных форм. Проиллюстрируем это значение несколькими примерами:

Нету моста — проваливши; Такая полная была, а теперь испивши, искуривши; Подите: бык вырвавши да всих людей заботае; Вечером покрасила, а утром уже высохши; ехали, так уж высохши были ветки; Замерзало уж; Лед делался на дороге; Грибы уже были замёрзши; Тут простокваша да́на — ешь; Теперь очки невестке о́тданы есть; — Сейчас он цел? — Нет, разорён; Пошли ево искать — он лежит у моста, у медведя весь обо́драный; Она (медведица) *его всего передра́ла, и даже на головы волосы были выдраны и кожа за́драна; Видишь поворот: с лесу выехано; Если я не успею когда взять денег у нее — про́пито; Ой, сколько перемолото хлеба! Я как пришла, так там на пол овцы были повалёны у волка; Лучина за́жгена была* (когда легли спать).

1.1.2. При помощи различных форм связки выражается отношение состояния, обозначенного причастием, к моменту речи (непосредственно или опосредствованно — через отношение к форме времени другого глагола). С уверенностью можно гово-

---

[11] Поскольку в Ладвинском говоре отмечается стяжение (см.: С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова. Указ. соч., стр. 300), то о количественном соотношении полных и кратких форм можно говорить в тех случаях, когда полная форма не имеет стяженного варианта (мужской род) или когда ее стяженный вариант не совпадает с краткой формой (полная форма причастия на *-ш-* в женском и среднем роде). Причастия на *-н-*, *-т-* в мужском роде отмечены нами 42 раза, из них 37 раз в полной форме и 5 — в краткой. Причастия на *-ши* (*-ш-*) отмечены нами в сочетании с подлежащим в единственном числе 176 раз, из них только один раз в полной форме.

рить о сочетаемости причастий, по крайней мере, с двумя формами связки: формой настоящего и формой прошедшего времени (см. приведенные примеры), причем форма настоящего времени связки имеет два варианта: нулевая связка и связка *есть(е)*[12].

Не вдаваясь в рассмотрение временны́х значений сочетаний причастных форм со связкой настоящего времени и связкой прошедшего времени, отметим, что в парадигме предикативных форм (verbum finitum) всем им соответствует форма прошедшего времени, которой они противопоставлены как перфектные формы (т. е. формы, обозначающие состояние как результат действия) — неперфектной (обозначающей действие безотносительно к его результату). Это соотношение наглядно иллюстрируется следующими примерами: *Ездил в лес, а на другой день умер*, ср. *Свекрова умерши была* (свекрови уже не было в указанное время); *Фины уходили, мы и не видли, когда ушли фины*, ср. *Нет теперь медведя: ушёдчи на добычу; Потом она* (мэдведица) *зарыла его в мох, послушала над им, что дышит ли еще, и прошла от его недалеко и пала, тоже сдохла*; ср. с восклицанием над мертвой змеей: *Ой, да сдохши уже!*

Показательно употребление причастий и предикативных форм глагола в записанном нами комическом рассказе о мужике, поменявшемся с ́женой хозяйственными обязанностями. В этом рассказе сначала говорится о событиях, которые произошли, когда мужик остался за хозяйку (употреблены только формы прошедшего времени), а потом описывается плачевное состояние хозяйства к моменту возвращения жены (употреблены в основном причастные формы): *Она уехала, он взял цыплят, кур привязал на веревочке. . . Сметану склал в кошель за плеча. Ястреб прилетел, курицу схватил с цыплятами. Курица закричала. Он побежал, через порог пал, и сметана пр́олилась. Потом двери полые оставил — прибежала свинья в и́збу и тесто с квашни съела. Потом хозяйка пришла домой — у его всё нахозяйничено, всё сделано: и курица у ястреба-то вынесена, и сметана пр́олита, и тесто в квашне съела свинья.*

Последний пример, наглядно демонстрирующий соотношение

[12] Сочетание причастия в предикативной функции со связкой следует отличать от сочетаний глагола *быть* ‘иметься’ с причастием в полупредикативной функции. В Ладвинском говоре есть и то и другое, причем разграничить эти конструкции не всегда практически возможно.

То, что *есть* (*е*) хотя бы в части случаев означает ‘имеется’, подтверждается наличием слова *нету* с родительным падежом имени в соответствующих отрицательных конструкциях: *говоруна-то нету пришёдчи*; *да и сена нету накошено*; *у нас еще нету взято.*

Если имеются определенные данные считать словоформу *есть(е)* в сочетании с причастиями самостоятельным, а не служебным словом, что вполне согласуется с интуитивным восприятием таких примеров, как *Там е кусок булки засохши, Сколь-то е оставши* и т. п., то во многих других случаях служебный характер словоформы *есть* не вызывает сомнений, например: *Устарела уж е Глафирка*; *Теперь очки невестке отданы есть*; *Опять голос е потерянный у парня*; *На дорогу железную е похожено.*

между причастными формами и формой прошедшего времени, одновременно показывает, что это отношение выдерживается не всегда (см. *тесто в квашне съела свинья* вместо *тесто в квашне у свиньи съедено*).

Отклонения возможны в двух направлениях: 1) причастная форма употребляется не в перфектном значении, 2) перфектное значение не получает своего выражения. Но отношение этих отклонений к системе говора, с нашей точки зрения, различно.

Случаи употребления причастной формы в неперфектном значении отмечаются только у отдельных информантов, и то единично, причем это касается только формы на *-ши* (например: *Я севодня два раза поливши; Тот после нас женивши*). Показательно, что одна информантка, употребив причастную форму в неперфектном значении, поправилась: *Когда значит спалили город, это фины вси тайком убежавши. . . убежали* [13].

Случаи, когда употребляется форма прошедшего времени там, где можно было бы ожидать причастную форму, встречаются значительно чаще, у многих информантов, и, по-видимому, никем не воспринимаются как неправильные. Приведем некоторые примеры: *Нету, нету финов. Фины убежали* (ср. *Нету теперь медведя — ушёдчи на добычу*); *Наверно, все икуировались. Нам некуда ехать* (ср. *Населенье все овакуировавши было*). *Она уже отвыкла* — сказано в объяснение причины, по которой дочь не пожелала остаться с матерью и вернулась в интернат (ср. *Ну дак она раз уже привыкши пить так. . . разве буде* (жить самостоятельно). *Уж привыкши человек*); *У меня своих лошадей оборвали* — о медведях (ср. *Этот конь и эта кобыла так у медведя разодраны были. . .*).

То, что перфектное значение остается нередко невыраженным, может иметь два объяснения: влияние литературного языка и привативный характер оппозиции перфектности—неперфектности. Ни одно из них не может быть отвергнуто.

Влияние литературного языка обнаруживает себя в том, что форма прошедшего времени вместо причастной формы употребляется иногда тем же лицом, которое в таком же контексте употребляет причастную форму в условиях более непринужденных. Но, по нашим наблюдениям, под влиянием литературного языка не причастие вытесняется в речи носителей традиционного говора формой прошедшего времени, как одна морфологическая форма — другой, а определенные синтаксические конструкции с причастием — другими конструкциями с глагольной формой прошедшего времени. Синтаксической конструкцией, которая легче всего вытесняется под влиянием литературного языка,

[13] То, что эта поправка связана с несоответствием формы высказыванию, а не с диалектным характером самой формы, доказывается свободным употреблением этой формы той же информанткой в той же обстановке (во время того же сеанса магнитофонной записи), но в другом значении.

является страдательная конструкция, в которой субъект действия выражен формой родительного падежа с предлогом *у* [14].

Напротив, конструкции типа *он привыкши* очень устойчивы. Они встречаются не только у типичных носителей диалекта, но и в речи местных учителей при их общении с приезжими из Москвы, т. е. в обстановке, когда трудно предположить у них сознательное намерение говорить на диалекте [15]. И если одновременно мы сталкиваемся с употреблением формы на *-л-* вместо формы на *-ши* в таком контексте, где могло бы быть употреблено причастие на *-ши*, в речи лиц, являющихся типичными носителями говора (см. примеры, приведенные на стр. 195), то это может указывать на то, что невыраженность перфектного значения допускается самой системой говора, где маркированы только причастные формы (перфектное значение), а предикативные формы глагола не маркированы в отношении перфектности—неперфектности.

Таким образом, влияние литературного языка на говор проявляется в данном случае (если иметь в виду его типичных носителей) не в разрушении системы, а в том, что ее возможности часто оказываются неиспользованными в речи.

1.1.3. Соотношение перфектных и предикативных форм рассмотрено нами на материале сочетаний причастий со связкой в форме настоящего и прошедшего времени, соотнесенных во временно́м отношении с формой прошедшего времени на *-л*.

Свойственны ли Ладвинскому говору сочетания причастий с другими формами связки, противопоставленные другим формам времени и наклонения глагола?

В материале, которым я располагаю, такие случаи единичны: *етот край буде обошёдчи; как-то буде по-хорошему складено; заборонёно будет; чтобы собака счас унесена!; село было бы у своих сбжжено*. Четыре примера из пяти записаны от одного информанта [16], который по своим экстралингвистическим данным и по наличию других диалектных черт может считаться типичным носителем говора в его традиционном виде (Е. Ф. Баженова), но у которого встречаются иногда отклонения от нормальных для

[14] Именно этой диалектной черты, по-видимому, стесняется А. П. Самсонова, которая употребляет такие конструкции в обычной речи, но при записи на магнитофон заменяет их конструкциями с глаголом в прошедшем времени. Ср., как одно и то же событие передано ею в рассказе, который не записывался на магнитофон, и при повторном рассказе, когда велась магнитофонная запись: *Это у медведя брожено. Нет ли медведя?* (первый раз); *Пришли мы на покос. Трава смята. . . я и говорю: «Соня, тут медведь ходил»* (второй раз). При этом вне подобных конструкций А. П. Самсонова использовала перфектные формы (как на *-ши*, так и на *-н-*, *-т-*) в речи, которую, как она знала, записывают на магнитофон.

[15] Мнение об устойчивости диалектных форм на *-ши* разделяется многими диалектологами; см., например: В. И. Трубинский. К вопросу о русском северо-западном перфекте. Л., 1958, стр. 16.

[16] Общее количество информантов — 24, не считая материала ответа на программу, данного без указания информантов.

говора причастных форм [17]. Правда, это может объясняться тем, что от Баженовой записано самое большое количество словоформ, и доля в этом материале как малочастотных форм, так и случайных отклонений от нормы, естественно, выше.

В других диалектологических материалах, относящихся к северо-западу, также невелико количество подобных примеров, что уже отмечалось в литературе, но получило различное толкование у разных исследователей. И. Б. Кузьмина объясняет этот факт малой частотностью соответствующих форм в речи [18], а В. И. Трубинский — их несоответствием нормам северо-западных говоров (влияние литературного языка или инодиалектных систем) [19]. Для меня этот вопрос остается пока открытым, хотя предварительно я больше склоняюсь к мнению В. И. Трубинского. Не исключено также, что применительно к Ладвинскому говору ответ на этот вопрос должен быть различным для причастий на *-н-*, *-т-* и причастий на *-ши*. Относительно первых можно скорее предположить, что они закономерно, с точки зрения норм говора, сочетаются с формами будущего времени и условного наклонения связки, чем относительно причастий на *-ши*.

И. Б. Кузьмина обосновывает соотносительностью перфектных форм с разными формами времени и наклонения предикативных форм (verbum finitum) выдвинутую ею трактовку перфектности как особой по отношению к категории времени грамматической категории.

Мне кажется, что даже в том случае, если перфектные формы соотносятся только с формами прошедшего времени, перфектность все равно должна трактоваться как особая категория. Дело не в параллелизме форм перфекта и verbum finitum, а в том, что перфектные формы противопоставлены формам времени индикатива не по тому признаку, по которому эти последние противопоставлены друг другу. Это положение остается верным независимо от того, соотносятся ли перфектные формы только с формами прошедшего времени или со всеми формами индикатива и других наклонений. Поэтому утверждение И. Б. Кузьминой, что перфектные формы противопоставлены verbum finitum в целом, справедливо в любом случае [20].

1.1.4. В понимании перфектного значения (определение его см. выше, стр. 193) я солидаризируюсь с теми исследователями, которые не считают совершенный вид необходимым условием пер-

---

[17] Так, например, от нее записано *мы уже раньше познакомившись*, хотя причастия на *-ши* от возвратных глаголов не имеют в Ладвинском говоре возвратного постфикса.

[18] И. Б. Кузьмина. Предикативное употребление причастий в русских говорах (краткие формы, образованные от глагольной основы прошедшего времени). Автореф. докт. дисс. М., 1972, стр. 42.

[19] В. И. Трубинский. Функциональные варианты отпричастной формы в русских говорах Северо-Запада. «Псковские говоры», II. Псков, 1968.

[20] И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Указ. соч., стр. 222.

фектности. Хотя, как справедливо отмечал Ф. П. Филин [21] и вслед за ним другие исследователи, подавляющее большинство причастий на *-ши*, бытующих в северо-западных говорах, образовано от глаголов совершенного вида, теми же исследователями отмечаются и неоднократно употребляемые причастия на *-ши* от глаголов несовершенного вида (то, что некоторые из этих причастий всегда или преимущественно употребляются с отрицанием, с моей точки зрения, не меняет дела). Еще чаще, что также отмечал Ф. П. Филин, встречаются причастия на *-н-*, *-т-* от глаголов несовершенного вида. Материал, записанный в Ладвинском говоре, показывает, что эти формы, так же как и формы, образованные от глаголов совершенного вида, обозначают состояние как результат действия, например: . . . *бежишь вслед пастуха: «Ой, дорогой, верни ты корову. Мни надо. Корова не доена»; Картошка была не копана, не снята; На корову да и на телку кошено; Не закрыли ни сарая и ничево. Да и так корова недодоена оставлена, да и квашня на сундуку не печена да и ничто; кудели не пряденые; у ей в сельпе работано и в колхозе работано; топлено вверху; давно не топлено; тумбочка шатана; пододеяльники еще не шиты; это у медведя брожено* (т. е. остались следы того, что бродил медведь; о конструкциях подобного типа подробнее говорится ниже); *вот ведь и евши, и рыбу ела, а села к столу; на поваров не учивши* (сказано в оправдание недостаточного владения кулинарным искусством).

Таким образом, для говоров с такой же системой, как Ладвинский говор, нет оснований связывать перфектное значение с идеей законченности действия, вызвавшего известное состояние.

1.2.1. Если перфектное значение является общим значением причастий на *-ши* и на *-н-*, *-т-*, то друг другу они противопоставлены как формы залога.

Грамматические значения форм залога носят очень отвлеченный характер. Они видоизменяются в зависимости от переходности или непереходности глагола, от которого образованы причастия, и конструкций, в которых эти причастия функционируют. Понять суть залоговой оппозиции легче, идя от частных значений форм залога. Поэтому прежде чем дать общие определения, рассмотрим конкретные случаи противопоставления причастий на *-ши* и на *-н-*, *-т-*.

Наиболее наглядно залоговые различия причастий на *-ши* и на *-н-*, *-т-* выявляются при сопоставлении причастий, которые образованы от двух глаголов, различающихся только значением переходности—непереходности.

Сравним предложения с причастиями на *-ши-* и на *-н-*, *-т-*, образованными соответственно от непереходных и переходных

---

[21] Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень Диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 4. М.—Л., 1948, стр. 32.

глаголов: *Качай тут как уж сердце разорвавши* (т. е. бесполезно откачивать пострадавшего, если сердце разорвалось) и *Наверно разорвано у ребят* (о книге); *Нету моста — проваливши* и *Этот конь и эта кобыла так у медведя разодраны были, мякоть так и провалёна; Вот такие червики завёвши в ростках* и *Не намы заведено; По етым документам разыскали, что вот такой-то действительно потерявши с такого-то времени* и *Опять голос е потерянный у парня; Без ног был оставши* и *Корова недодоена оставлена.*

Возьмем первую пару примеров. Причастие на *-ши* указывает, что состояние, обозначенное этим причастием, относится к субъекту действия (сердце разорвалось — *сердце разорвавши*)[22], а причастие на *-н-* указывает, что состояние относится к объекту действия, субъект которого выражен род. падежом имени с предлогом *у* (ребята разорвали книгу — *книга разорвана у ребят*).

Аналогичные отношения существуют между причастием на *-ши* и причастием на *-н-* во всех остальных примерах. Не в каждом предложении с причастием на *-н-*, *-т-* имеется дополнение в род. падеже с предлогом *у*, обозначающее субъект действия, но потенциально любое из них может быть распространено таким дополнением, что невозможно в предложениях с причастием на *-ши*, так как субъект действия (он же носитель состояния) уже выражен подлежащим. Пример *У Анны опять приехатчи* в записях С. В. Бромлей, по-видимому, следует толковать как ʻк Анне опять приехали' или ʻу Анны опять кто-то приехал', а не ʻАнна опять приехала', как в некоторых других говорах[23], ср. *Были у отца приехатчи*, где толкование род. падежа как формы субъекта полностью исключено.

1.2.2. Причастия на *-н-*, *-т-* образуются не только от переходных, но и от непереходных глаголов. При этом варьируется и их залоговое значение. Приведем примеры: *У телятника хожено. У возов тут хожено; По пожне тут хожено — нету лошади; Это у медведя брожено. Нет ли медведя? Шура, гляди: это у Мишки здесь спано; Видишь поворот: с лесу выехано; По тропы пошел* (в поисках лошадей) — *у их пить хожено; Через этот глазник пробежано.* Во всех этих примерах речь идет о следах, свидетельствующих о совершавшемся действии. В отличие от причастных форм на *-н-*, *-т-* переходных глаголов, которые указывают на отнесенность состояния к объекту действия, причастия от непереходных глаголов означают, что состояние относится к среде действия, но непосредственно носитель состояния не указан. Однако в обоих случаях причастие на *-н-*, *-т-* указывает, что состояние не относится к субъекту действия.

---

[22] Впервые на совпадение субъекта действия и носителя состояния в перфектной форме на *-ши* в северо-западных говорах обратил внимание В. И. Трубинский (см. его работу «К вопросу о русском северо-западном перфекте»).

[23] См.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Указ. соч., стр. 126—127.

В свете сказанного становятся понятными значения таких конструкций, как *Везди, везди побывано; Е в этых избушках пожито!*; *каменья . . . поношено на носилках, да и всего; На дорогу железную е похожено.* Хотя эти конструкции распространены гораздо шире, чем описываемые здесь залоговые отношения, но именно при таких залоговых отношениях, как в Ладвинском говоре, они вписываются в общую систему перфектных форм. Как и в конструкциях, приведенных выше, частным значением состояния является здесь след, оставленный действием (но в отличие от предыдущих примеров след нематериальный), и поскольку это состояние не относится к субъекту, представлено отчужденно от него (человек как бы оглядывается на оставленный им или другим след в жизни, в своей и чужой памяти), то и передается оно формой на *-н-*, *-т-*.

Проиллюстрируем описанные залоговые значения сопоставлением двух причастий, образованных от одних и тех же непереходных глаголов:

спавши и *спано*: *До 12 часов была не спавши* — причастие обозначает состояние того, кто не спал; *Шура, гляди: это у мишки здесь спано* или *Ну как спано!* (постель смята) — причастие обозначает состояние того места, где спали, след, оставленный там спавшим;

бывши и *быто: Он в заключенье бывши, три года пробыл* или *Вот та́к воды бывши* — причастие обозначает состояние того, кто был (состояние пребывания где-то) и *Как и в бане не быто* (если не попаришься) — причастие обозначает не состояние пребывания кого-то в бане, а след, оставленный этим пребыванием (в данном случае — отсутствие следа, но это значение вносит уже частица).

1.2.3. Причастия на *-ши*, рассмотренные в предыдущих разделах, представляют собой перфектные формы непереходных глаголов, от которых эта форма преимущественно и образуется. Но в известных условиях причастие на *-ши* может быть образовано и от переходного глагола. Причастия на *-ши* образуются от переходных глаголов в том случае, если эти глаголы употребляются в таких предложениях, которые И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров назвали собственно безличными, потому что в них не только отсутствует подлежащее, но и устранен субъект действия [24]. Речь идет о безличных предложениях типа *Грозой повалило дерево, Огород залило водой* с твор. падежом орудия или без него, но с потенциальной возможностью такого дополнения. Перфектной формой этих глаголов является причастие на *-ши*: *Огород водой был заливши; Все покосы заливши; На той стороны все вымывши*

[24] См.: В. Н. Сидоров и И. С. Ильинская. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. «Изв. АН СССР». Отд. лит-ры и языка, 1949, т. VIII, вып. 4, стр. 348.

(о песке, вымытом водой); *Ен маленько разбивши параличом; Утром темно-темно было — опять занесши; Кругом занесши сподтуда и тут* (о тучах); *Дак насилу вытащил — засосавши был.*

Форма на *-ши* от переходных глаголов указывает, что состояние предмета вызвано стихийным (бессубъектным) действием, ср.: *Огород водой был заливши* и *Были карасином либо бензином облиты* (продукты). Твор. падеж имени в обоих предложениях обозначает орудие действия [25]; субъект действия в обоих случаях не назван, но в первом случае он и не мыслится, а во втором — подразумевается и мог бы быть выражен именем в род. падеже с предлогом *у*: *У кого-то продукты были карасином либо бензином облиты* (т. е. 'кто-то облил продукты керосином или бензином').

Таким образом, формы залога причастия выражают отношение состояния к субъекту действия, в результате которого наступило состояние, выраженное причастием. Форма на *-н-*, *-т-* указывает, что состояние, обозначенное причастием, вызвано действием, субъект которого не является носителем данного состояния. Форма на *-ши* указывает, что состояние, обозначенное причастием, не вызвано действием постороннего по отношению к этому состоянию субъекта.

Показательно, что при наличии двух глаголов с одинаковой основой, из которых один является переходным, а другой — непереходным, что выражено постфиксом *-ся*, принадлежность причастия к тому или другому глаголу выражена только суффиксом причастия, потому что постфикс *-ся* у причастий на *-ши* отсутствует: ср. *разорвано* от *разорвать* и *разорвавши* от *разорваться*, *провалёна* от *провалить* и *проваливши* от *провалиться*, *потерянный* от *потерять* и *потерявши* от *потеряться*, *заведено* от *завести* и *завевши* от *завестись* (см. приведенные выше примеры) [26]. Значения перфектных форм перекрывают значения переходности и непереходности, что приводит к избыточности постфикса.

Изредка встречаются отклонения от описанных залоговых отношений. Приведем пример:

Ну след . . . как сейчас прогнано и человек в резиновых сапогах прошедчи (т. е. виден след человека в резиновых сапогах и телки, которую он гнал). Если форма на *-н-*, *-т-* в первом случае понятна, то форма на *-ши* во втором случае незакономерна с точки зрения описанных залоговых отношений.

Другой пример: *Во втором пересиживал, болел зимой долго — так не перевела учительница, что отставши был. Ну не прошедчи была программа, запущена очень.* Здесь также незакономерно

---

[25] Твор. падеж субъекта не характерен для Ладвинского говора, как и вообще для диалектного языка (единственный пример в нашем материале — *Не намы заведено*), поэтому не может быть сомнения, что в данных конструкциях этот падеж имеет значение орудия.

[26] Отсутствие постфикса *-ся* в форме на *-ши*, образованной от возвратных глаголов, впервые отметил П. С. Кузнецов (указ. соч., стр. 62—63).

употреблена форма *прошедчи* вместо *пройдена*. Это, возможно, объясняется тем, что переходное отвлеченное значение глагола *пройти* чуждо говору.

В целом залоговые отношения причастий на *-ши* и на *-н-*, *-т-* отличаются значительной устойчивостью.

Возвращаясь к вопросу, поставленному П. С. Кузнецовым в его статье (см. стр. 190), можно сказать, что конструкции типа *он привыкши* и *у волков здесь хожено* функционируют и порознь в разных диалектных системах, и в пределах одной диалектной системы, где их функции разграничены. Такова система Ладвинского говора. Соотношение конструкций типа *он привыкши* и *у волков здесь хожено* базируется здесь на залоговой системе причастных форм, в корне отличной от системы литературного языка с его противопоставлением действительного и страдательного залога.

И. Б. КУЗЬМИНА

ЕЩЕ РАЗ О КОНСТРУКЦИЯХ ТИПА *картошка выкопано, кони запражено, пол помыто,* В РУССКИХ ГОВОРАХ

В настоящей статье предлагается — применительно к материалу современных русских говоров — определенная синтаксическая квалификация предложений, предикативная основа которых состоит из краткой формы причастий страдательного залога прошедшего времени на *-но*, *-то* и имени в форме им. падежа или омонимичной форме им.—вин. падежей.

Основным источником работы послужили данные, заключенные в материалах, собранных для диалектологических атласов русского языка, — были использованы ответы на вопросы «Вопросника для составления диалектологического атласа русского языка» (М.—Л., 1940 — № 133, 134, 136—139) и «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Ярославль, 1945; М.—Л., 1947 — № 114, 120—122, 124, 129, 130), а также тексты-приложения. В качестве дополнительного материала для характеристики конструкций типа *корова подоено* и интересующих нас в сравнительном плане конструкций типа *школа надо* (*видно*) привлечены ответы на вопросы № 3099, 3122, 3127 «Вопросника общеславянского лингвистического атласа» (М., 1965), относящиеся к говорам на территории РСФСР [1]. Были использованы также записи диалектной речи,

[1] Указанные рукописные материалы хранятся в Москве в Институте русского языка АН СССР.

сделанные автором статьи в 14 населенных пунктах (Псковская, Новгородская, Ленинградская, Архангельская области и Карельская АССР) [2]. Примеры приведены в статье в орфографическом написании с сохранением морфологических и словообразовательных особенностей говоров. В сопровождающих примеры географических пометах названия деревень даются без сокращения, в названиях районов сокращаются окончания, в названиях областей частично сокращается и основа (список сокращений см. в конце статьи). Отнесение населенных пунктов к определенным административным единицам делается в соответствии с теми указаниями, которые имеются в самих диалектологических материалах.

Во всех русских говорах краткие формы причастий страдательного залога прошедшего времени — причастий с суффиксами *-н-*, *-т-* [3] — выполняют ту же функцию, что и в литературном языке — предикативную [4], однако и лексико-грамматический состав причастных форм и круг конструкций, в которых они выступают, оказываются по говорам далеко не одинаковыми. При этом одни говоры (южнорусские и восточные среднерусские) по первому из указанных признаков сближаются, а по второму совпадают с литературным языком, другие же (севернорусские и западные среднерусские) в той или иной степени отличаются от него по обоим признакам. Если взять русские говоры в их совокупности, то предикативное функционирование причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* можно представить следующим образом.

Конструкции, включающие в себя краткие причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* (в сочетании со связкой или без нее), образуют две большие группы, различающиеся составом предикативной основы. Одна группа — это конструкции с двумя организующими центрами — предложения, в предикативную основу которых помимо причастной формы со значением состояния, вызванного предшествующим действием, входит имя в им., вин. или род. падеже. Как правило, в двукомпонентных конструкциях употребляются причастные формы, образованные от переходных глаголов, и имя называет здесь тот предмет, который послужил объектом действия, вызвавшего данное состояние, ср.: *церковь сделана и топор в воду брошен — больше такой красоты не будет* (о Кижах) Типиницы Медвежьегорск. Карел.; *это не пенсию ли при-*

[2] Рассматриваемый в статье круг вопросов более подробно освещен автором в работе «Предикативное употребление причастий в русских говорах (краткие формы, образованные от глагольной основы прошедшего времени)». Докт. дисс. (рукопись). М., 1972, гл. I.

[3] Обобщенно формами с суффиксами *-н-*, *-т-* мы называем причастные образования с суффиксами *-н-*, *-т-*, *-ден-* (*съеден*), *-он-//-ен-* (*отвезён*, *принесены*) — материал по словообразованию данных форм см., в частности, в кн.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, стр. 10—12 (соответствующий раздел написан Е. В. Немченко).

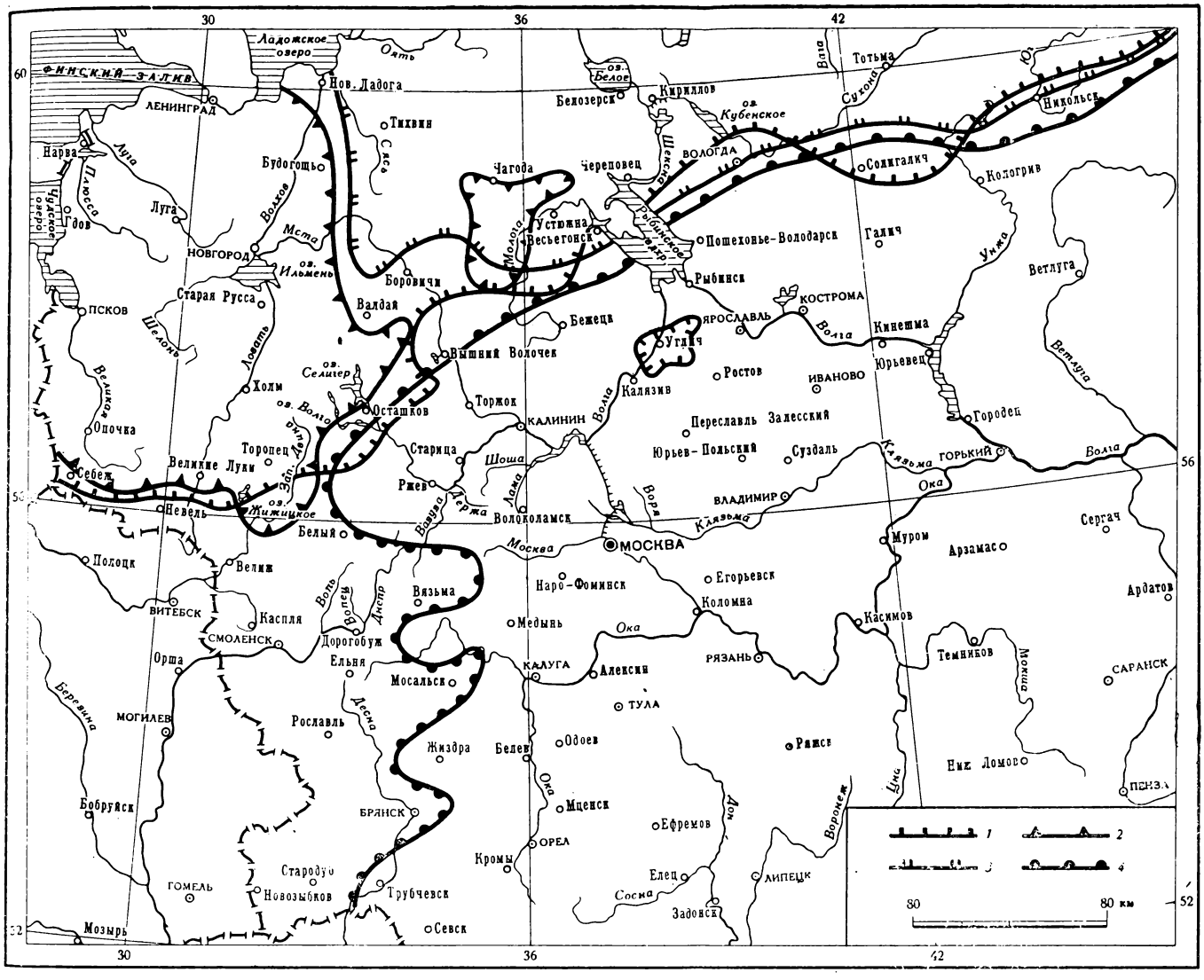
[4] Случаи полупредикативного и непредикативного употребления данных форм (ср.: *а что это в люльке лежит принесено?* Луневщина Гдовск. Пск.; *она накрашеносъ пошла* Георгиевское Белозерск. Вол.; *им дадут травы привезёно, накошоно* Малетино Пинежск. Арх.) отмечаются в говорах как совершенно единичные.

несено? Талица Онежск. Арх.; *всяких слухов было пущено* Большие Шихали Сунск. Кир.[5] Другую группу конструкций с рассматриваемыми причастными формами составляют предложения, имеющие один организующий центр — причастную форму, называющую состояние (действие, вызвавшее данное состояние, было или предствлено безобъектным), ср.: *а как замуж выйдено — в две косы* Ременик Вируск. Эст.; *с тем-то братом не разделенось было* Окатовская Тарногск. Вол.; *круг озер не огребено* Верхне-Спасский Погост Тарногск. Вол. В предложениях этой группы употребляются причастные формы от глаголов непереходных (первые два примера) или от переходных, но выступающих без объекта (третий пример).

Двукомпонентные причастные конструкции, в свою очередь, могут быть разделены на две части — по характеру отношений между компонентами предикативной основы — на конструкции с координацией компонентов предикативной основы и без координации. Конструкции первого типа включают в себя имя в им. падеже и причастие, соответствующее ему по форме, ср.: *цела тетрадка у тебя написана* Гимрека Лодейнопольск. Лен.; *юбки-то сношены у девок* Боровые Чагодощенск. Вол. Конструкции второго типа состоят из имени в им., вин. или род. падеже и причастной формы на *-но*, *-то*, ср.: *про маму у меня поставлено скамейка, а не про тебя* Орехово Бабаевск. Вол.; *шубу давно уже отдано* Кленно Кингисеппск. Лен.; *на столы тут наворено квасу* Подберезье Пудожск. Карел.; при именном компоненте в именительном падеже, а изредка также и в родительном причастие может выступать и в другой форме — на *-н*, *-т*, ср.: *все мужчины взят* Люботеж Середкинск. Пск.; *у меня воды поставлен на огороде* Лединки Лядск. Пск. Заметим, что в однокомпонентных конструкциях причастие в подавляющем большинстве случаев употребляется в форме на *-но*, *-то* (*работать-то хватит — работано* Шамокша Лодейнопольск. Лен.; *у нас язык — в деревне жито — дак чего уж* Красный Бор Лодейнопольск. Лен.), но и здесь возможны формы на *-н*, *-т* (*не нами заведен — не нам и кончать* Ямок Новгородск. Новг.; *у меня жито всяко за 70 год — это всё жит — не хвастаю* Заозерье Порховск. Пск.). Общерусскими из двукомпонентных конструкций являются такие, где имя и причастие координируют между собой. Так же повсеместно отмечаются конструкции с именем в род. падеже и причастной формой на *-но*,

[5] При потребности выразить распределительное значение во всех говорах так же, как и в литературном языке, в качестве именного компонента употребляется предложно-падежное сочетание с предлогом *по*, ср.: *по кусочку хлеба взято* Чидово Лодейнопольск. Лен.; *заработано у них по два дня да по три* Шамокша Лодейнопольск. Лен.

Двукомпонентные конструкции с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-* от непереходных глаголов (ср.: *я в больнице не бывано* Поток Ефимовск. Лен.; *тут наехано всякого народу* Самотовино Константиновск. Моск.), встречаются в диалектологических материалах чрезвычайно редко.

Карта.

1 — распространение конструкций, предикативная основа которых состоит из причастных форм на *-но*, *-то*, образованных от основ переходных глаголов, и имен в форме им.—вин. падежей (типа *изба поставлено*, *избу поставлено*, *дом поставлено*);

2 — распространение конструкций, предикативная основа которых состоит из причастных форм на *-н*, *-т*, образованных от основ переходных глаголов, и имени в форме им. падежа (типа *изба поставлен*, *ягоды принесен*);

3 — распространение глагольных конструкций с им. падежом объекта (типа *построить* (*построим*) *школа*);

4 — распространение конструкций, предикативная основа которых состоит из наречия *надо* и имени в им. падеже (типа *школа надо*).

-то — диалектные различия здесь связаны со степенью употребительности конструкций и с лексико-грамматическим составом компонентов их предикативной основы. Остальные два типа двукомпонентных конструкций, включающих в свой состав причастия на *-но*, *-то*, — с именем в форме им. падежа и в форме вин. падежа — характеризуются определенной локализацией: они отмечаются (с разной частотой) в пределах говоров западных среднерусских — псковских, новгородских и западной части селигеро-торжковских — и севернорусских — всех групп, за исключением костромских и южной части вологодских (см. карту); изоглоссы данных конструкций между собой совпадают. Все типы конструкций с формами на *-н*, *-т* (в том числе и однокомпонентные) характерны для западных среднерусских говоров, но отмечаются также и в западной части севернорусских — ладого-тихвинских, онежских и белозерских.

Синтаксическая квалификация части двукомпонентных конструкций — предложений с координацией компонентов предикативной основы и тех предложений без координации, где именной компонент представлен формой косвенного падежа, — не вызывает затруднений: первые однозначно определяются как личные, вторые — как безличные. Что же касается конструкций с именем в им. падеже и не координирующей с ним по роду и числу причастной формой на *-но*, *-то* или *-н*, *-т*, то они могут быть поняты и как личные с неизменяемой формой причастия в предикате и как безличные — напомним, что русским говорам известно употребление формы им. падежа и в объектной функции — имеем в виду такие глагольные конструкции, как *корова-то держать мне было трудно* Малетино Пинежск. Арх.; *посуда в шкаф положите* Гимрека Лодейнопольск. Лен.; *надо сторож иметь* Семеновская Черевковск. Арх.; *две бабы судили* (т. е. 'двух баб') Буньково Ногинск. Моск.; *вот какие мальчуганы надо вырастить* Прокунино Кирилловск. Вол.; *а домашние зайцы кроликам зовут* Верхосунье Бельск. Кир. Материалы атласов показывают, что данные, которыми мы располагаем для квалификации конструкций типа *скамейка поставлено*, *дачники пущено*, с одной стороны, и типа *скамей капоставлен*, *дачникип ущен* — с другой, существенно различны.

Предложения с именем в им. падеже и причастием на *-н*, *-т* можно, по-видимому, с большой долей вероятности рассматривать как личные. Основания для этого следующие:

1. Связка прошедшего времени в данных предложениях либо координирует по роду и числу с именем (значительное большинство случаев), либо выступает в форме, соответствующей причастному образованию, — *был*, ср.: *земля была не подготовлен* Блиновка Торопецк. Вел.; *овцы*, *коровы были загнан в лес* Осташково Октябрьск. Вел.; *где мы были отселен*, *туды она и отправилась* Редковцы Пушкиногорск. Пск. и *картошка рано был посожен* Астратово Пеновск. Вел.; *ребята побросан был* Букино Велико-

лукск. Вел.[6] Предложений с им. падежом имени и связкой в безличной форме (типа *скамейка было поставлен, дачники было пущен*) в материалах атласа не зафиксировано — при этом существенно указать, что в предложениях с род. падежом имени и однокомпонентных связка имеет форму *было*, ср.: *у меня было всякой кисеи вытканы со льна* Вещанка Поддорск. Новг.; *у меня кой-чего было взят* Ямок Новгородск. Новг.; *у государя объявлен было* Сунево Пыталовск. Пск.

2. Формы на *-н*, *-т* очень ограниченно употребляются в конструкциях, безличный характер которых очевиден: в сочетании с вин. падежом имени они не отмечены совсем (что позволяет предложения с именем в омонимичной форме им.—вин. падежей — типа *это у Кольки сделан кровать-то* Голиково Молвотицк. Новг.; *у его запахан только 15 соток* Кроксово Гдовск. Пск.; *у меня все зубы выжжен крепкой водкой* Ямок Новгородск. Новг. — рассматривать как такие, где имя имеет форму им. падежа), а в сочетании с род. падежом, а также в однокомпонентных конструкциях встречаются лишь изредка. Для того чтобы показать, что причастные формы на *-н*, *-т* не характерны для безличных предложений, приведем некоторые цифровые данные. Возьмем территорию наиболее широкого употребления данных форм. Несколько огрубляя границы, определить ее можно следующим образом: это участки с 28° в. д. по 32° в. д. между параллелями 58-й и 59-й и с 27° в. д. по 33° в. д. между параллелями 57-й и 58-й. В материалах, относящихся к этой территории, общее количество предложений, однозначно определяемых как безличные (за исключением конструкций с формами на *-нось*, *-тось*), — 1076. Из этого числа на долю предложений с формами на *-н*, *-т* приходится 113, что́ составляет примерно 10,5%; основная же масса примеров здесь — 963 — включает в свой состав формы на *-но*, *-то*. При этом количество предложений, предикативная основа которых состоит из имени в им. падеже и не координирующей с ним причастной формы на *-н*, *-т*, исчисляется в этих материалах многими сотнями. Таким образом, формы на *-н*, *-т* мы считаем возможным рассматривать как застывшие, неизменяемые. Превращение причастий в неизменяемые образования — это процесс, имеющий морфологический характер и, следовательно, не связанный с каким-либо определенным типом конструкций. Естественно встает вопрос о том, почему изменяемые причастные формы легче уступают свои позиции в личных предложениях, нежели в безличных. По этому поводу мы можем высказать только следующее предположение: благодаря наличию им. падежа имени личные конструкции в достаточной мере сохраняют синтаксическую выразительность и в том случае, когда утрачивается координация

[6] Из имеющихся в наших материалах 134 предложений, предикативная основа которых состоит из имени в им. падеже и причастной формы на *-н*, *-т* в сочетании со связкой прошедшего времени, 26 включают в себя связку *был* и в 108 связка координирует с именем.

компонентов предикативной основы, в безличных же предложениях именно форма предиката является показателем типа конструкции, и поэтому она с трудом поддается изменению (ср. тот факт, что связка прошедшего времени в конструкциях с им. падежом существительных мн. числа или существительных жен. и ср. рода ед. числа иногда уподобляется причастному образованию на *-н*, *-т* и выступает в форме *был*, в безличных же конструкциях употребляется словоформа *было*) [7].

Как уже указывалось выше, предложения, где причастная форма на *-но*, *-то* сочетается с им. падежом имени, и предложения, в предикативную основу которых, помимо причастия на *-но*, *-то*, входит имя в вин. падеже, употребляются на одной и той же территории. Конструкции типа *у Шурки приведено своя старая невеста* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *у нас взято от Ванькиных такой плохой кот* Заборовье Гдовск. Пск.; *и бабки-то все объезжено, не только доктора* Менюша Шимск. Новг.; *он осенью рожено* Тонище Фировск. Калин. отмечены по нашим материалам в 154 нас. п. (всего 233 примера), конструкции типа *у его окончено академию* Ель Осташковск. Калин.; *два месяца поросеночка взято* Погорелица Пеновск. Вел.; *всяко поено детей у нас* Новоселье Лужск. Лен.; *у меня уж ее было прошено — захвати парочку баранков* Долговка Лужск. Лен. — в 102 нас. п. (127 примеров). Данное обстоятельство делает невозможным определение формы имени в конструкциях типа *хлам какой-нибудь нарыто* Замошье Лядск. Пск.; *у меня положено соль* Семеновщина Лычковск. Новг.; *наверно, у почты брошено газеты в окошко* Льзень Мстинск. Новг.; *не весь посажено* Струнино Тихвинск. Лен., употребляющихся в тех же самых говорах, — применительно к этим случаям можно говорить только об именном компоненте в омонимичной форме им.—вин. падежей. Эти последние конструкции зафиксированы в 317 нас. п. (534 примера).

Материалы, собранные для составления диалектологических атласов, показывают, что и в предложениях с им. падежом имени и в предложениях, где выступает омонимичная форма им.—вин. падежей, связка прошедшего времени может уподобляться по форме как имени, так и причастию, ср.: *конфетка оставлено была* Язвицево Череповецк. Вол.; *мертвец в часовне был положено* Старищи Порховск. Пск.; *попрошено соседи были помочь дом строить* Быково Молвотицк. Новг.; *лук был продано* Загорье Печерск. Пск.; *кровать была куплено у ей* Кратевно Киришск. Лен.; *были деревни ликвидировано* Нижняя Прионежск. Карел. и *рубашка было одевано* Югозеро Андомск. Вол.; *а он* (сын) *разбомблено дорогой было* Патрово Псковск. Пск.; *они не потеряно было* Семеновская Ховтинск. Вол.; *букварь было прислано* Бли-

[7] Заметим, что безличное употребление не характерно и для неизменяемых причастных форм на *-ши* (имеем в виду конструкции типа *мне приснивши было* Задорье Бокситогорск. Лен.; *в доме всего наживши* Лебзово Вышневолоцк. Калин.).

новка Торопецк. Вел.; *часть у него было выгнато в Германию, но возвратились* Никольское Гатчинск. Лен.; *на три души полосы было нарезано* Могутово Молоковск. Калин. Предложения со связкой, координирующей с именем (их в наших материалах 52 — в 25 из них имя выступает в форме им. падежа и в 27 — в омонимичной форме им.—вин. падежей), могут быть однозначно определены как личные, и они позволяют утверждать, что причастные образования на *-но*, *-то* могут быть не только безличными формами, но и неизменяемыми, застывшими — подобными формам на *-н*, *-т* и на *-ши* (типа *вставши*, *оглохши*). Связка же *было* — при сочетании с причастной формой на *-но*, *-то* (соответствующих примеров в наших материалах 62 — 14 с именем в им. падеже и 48 с формой им.—вин. падежей) — не может однозначно свидетельствовать о безличном характере предложения — ср. приводившиеся выше случаи уподобления связки причастному образованию в личных конструкциях с формами на *-н*, *-т*.

Из всего сказанного видно, что в значительной части предложений, предикативная основа которых состоит из причастия на *-но*, *-то* и имени в форме им. или им.—вин. падежей, ни именной, ни причастный компонент не содержат объективных признаков, указывающих на синтаксическую сущность данных предложений. Не приходится поэтому удивляться тому обстоятельству, что относительно рассматриваемых причастных конструкций — применительно как к материалам современных говоров, так и к данным памятников письменности [8] — до настоящего времени вы-

---

[8] В древнерусских памятниках по преимуществу отмечаются такие конструкции с причастными образованиями на *-но*, *-то*, где имя имеет омонимичную форму им.—вин. падежей, однако зафиксированы и предложения с формой имени, однозначно определяемой как им. или (реже) вин. падеж. См. соответствующие материалы, в частности, в трудах: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 386; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, стр. 360—361, и т. IV. М.—Л., 1941, стр. 203; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 137; Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. — «Изв. ОРЯС», т. 24, кн. 2. Пг., 1923, стр. 32; В. И. Чернышев. О нарушении согласования в русском языке. — Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра». М.—Л., 1938; П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке. Докт. дисс. (рукопись). М., 1947; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 73 и след.; С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 320 и след.; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 208—209; Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса. (Простое предложение). Киев, 1960, стр. 100 и след.; В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах. (По материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961, стр. 114—115; З. М. Петрова. Особенности сказуемостного употребления страдательных причастий прошедшего времени в псковских памятниках письменности и современных псковских говорах. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1960.

сказываются разные мнения, хотя внимание исследователей они привлекают уже давно [9]. Назовем некоторые из работ, где рассматривается этот вопрос.

Исследователи, которые видят в имени вин. падеж (при омонимии форм им. и вин. падежей) или именительный в функции винительного, оценивают конструкции как внутренне непротиворечивые — как безличные — см. работы Н. П. Гринковой, А. Б. Шапиро, С. Д. Никифорова, С. П. Обнорского, Л. А. Булаховского, В. И. Собинниковой, Н. Ю. Шведовой [10]. Конструкции безличные, получившиеся из личных, видят здесь Е. М. Галкина-Федорук и Я. А. Спринчак [11]. Среди исследователей же, квалифицирующих имя как им. падеж, как подлежащее, нет единства в оценке конструкций в целом.

От А. А. Потебни и А. А. Шахматова идет традиция рассматривать данные конструкции как такие, которые образовались на стыке личных и безличных предложений с причастиями и могут быть и в синхронном плане определены как контаминированные. А. А. Потебня рассматривает соответствующий древнерусский материал наиболее подробно в разделе «Устранение подлежащего» и относит предложения типа *тѣ вѣсти вѣдомо, всѣмъ сказано служба* к числу таких, где «при наличности именительного предикативный атрибут (страдательное причастие) в среднем роде и сказуемое бессубъектно» [12]. А. А. Шахматов анализирует древнерусские и диалектные причастные конструкции типа *а солома потому же бы была в кровле и прикладено и обрано и очищено и не разволочено бы и подметено* (Домострой), *ему билет белый дато* (Чердын. Прогр. № 258), *сахарница куда-то дёвано* (там же)

---

[9] Так, см. уже труд Миклошича: F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd IV. Syntax. Wien, 1868—1874, стр. 364—365.

[10] Н. П. Гринкова. О говорах северо-восточной части Моложского уезда Ярославской губернии. «Изв. ОРЯС за 1925 г.», т. XXX. Л., 1926, стр. 253; А. Б. Шапиро. Типы безличных предложений в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., 1949, стр. 208; Он же. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 144; С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 320—321; С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 159—160; Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, стр. 372; В. И. Собинникова. Указ. соч., стр. 115—116; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., 1964, стр. 290 (соответствующая часть написана Н. Ю. Шведовой).

[11] Е. М. Галкина-Федорук. К вопросу о безличных предложениях. — РЯШ, 1947, № 2; Я. А. Спринчак. Указ. соч., стр. 99 и след.

[12] А. А. Потебня. Указ. соч., т. III, стр. 359—361. — Интересно, что по поводу приведенного А. А. Потебней примера *Икона золота, а въ ней рѣзано на камени на корѣ изумрудной Никита Христовъ мученикъ* (Рус. Ист. библ., 1611—2, стр. 253) Б. Гавранек замечает, что здесь имеется им. падеж и несогласованная с ним форма сказуемого (см.: B. Havránek. Genera verbi v slovanských jazycích, t. II. Praha, 1937, стр. 205).

вместе с такими глагольными, как *меня стрела ранило*, *лодку унесло ветер*, *было мороз. . .* А. А. Шахматов видит здесь сочетание им. падежа с безличным глаголом (включая причастие на *-но*, *-то*) и называет данные предложения субстантивными двусоставными несогласованными [13]. О сочетании им. падежа подлежащего со сказуемым в безличной форме говорит и В. И. Борковский [14]. Определяя данные конструкции — применительно к древнерусскому языку и к современным диалектам — как личные с нарушенным согласованием, В. И. Борковский так же, как А. А. Потебня и А. А. Шахматов, считает, что они возникли на пути изменения «от субъектности к безличности предложений» [15]. Близкой точки зрения придерживаются и М. А. Соколова и Т. П. Ломтев [16].

Ф. П. Филин, первый исследователь, в руках которого были материалы, собранные для составления Диалектологического атласа русского языка, склоняется к тому, чтобы определить рассматриваемые причастные конструкции как личные, получившиеся в результате переосмысления безличных [17]. Заметим, что этот вывод был сделан Ф. П. Филиным на основании изучения материалов по северо-западной части РСФСР. Как контаминированные, переходные от безличных к личным, квалифицируют предложения типа *картошка выкопано*, *пол помыто* В. С. Овчинникова, Л. И. Макарова, О. Н. Шулене [18]. Некоторые исследователи из числа тех, которые определяют форму имени в рассматриваемых конструкциях как форму им. падежа, видят здесь результат контаминации личных и безличных конструкций, но не высказываются о направлении их развития — Н. П. Потапова, Е. Н. Иваницкая, В. Л. Георгиева [19].

---

[13] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 135—140.

[14] См.: В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века. «Изв. Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. IX. Языкознание, 1940, стр. 115—116; Он же. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение), стр. 73 и след.; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, § 301.

[15] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 425.

[16] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1952, стр. 39; Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 208—209.

[17] Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 4. М.—Л., 1948, стр. 47.

[18] В. С. Овчинникова. О некоторых типах безличных предложений в поозерском говоре. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. ун-та», т. XXX. Труды ист.-филол. фак-та, вып. 4. Харьков, 1956, стр. 81; Л. И. Макарова. Некоторые особенности предикативного употребления страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах. «Уч. зап. Балашовского гос. пед. ин-та», т. 1. Ист.-филол. серия. Балашов, 1956, стр. 188; О. Н. Шулене. Синтаксис русского говора Зарасайского района Литовской ССР. (Простое предложение). Канд. дисс. (рукопись). Вильнюс, 1964, стр. 416 и след.

[19] Н. П. Потапова. К вопросам синтаксиса русских говоров. Конструкции с кратким страдательным причастием прошедшего времени в функции

Часть исследователей, работавших на материалах русских говоров, — заметим, что на материалах, относящихся к территории северо-запада, — не говорит ни о контаминированном, ни о переходном характере причастных конструкций с формами на *-но*, *-то*, квалифицируют их как личные несогласованные — В. И. Чернышев, М. А. Новгородов, В. Н. Немченко, З. М. Петрова [20]. Надо заметить, что о несогласованной (а не безличной) форме причастий — применительно к говорам на территории северо-запада — говорили и некоторые ученые, работавшие в начале века, — в частности, В. Ф. Соловьев, Д. Н. Овсянико-Куликовский [21]. Особенно интересное положение находим мы в книге Д. Н. Овсянико-Куликовского «Синтаксис русского языка». Появление несогласованных форм страдательных причастий рассматривается им как этап в общем процессе развития кратких форм русских причастий — процесс приближения их к неизменяемым словам (наречиям). Несогласованное употребление страдательных причастий логически следует за общерусским явлением утраты этими формами склонения, причем в развитии страдательных форм причастий Д. Н. Овсянико-Куликовский видит повторение истории действительных форм, приведшей к превращению их в деепричастия [22]. Как известно, сходные мысли высказывались впоследствии С. П. Обнорским [23] и П. С. Кузнецовым [24]. К исследователям, определяющим рассматриваемые конструкции как личные, можно отнести и В. А. Матвеенко, но необходимо при этом отметить, что свою оценку конструкций она формулирует дифференцированно: более уверенно для предложений с су-

---

сказуемого в говорах Пермской области. «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», т. XV, вып. 1. Русский язык и лит-ра. Пермь, 1959, стр. 50; Е. Н. Иваницкая. Некоторые синтаксические особенности северных говоров (по материалам говоров Дрегельского района Новгородской области). «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина». Кафедра русского языка, № 184. Статьи и исследования по русскому языку. М., 1962, стр. 169; В. Л. Георгиева. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968, стр. 17—18.

[20] В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района. «Язык и мышление», VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 126—127; М. А. Новгородов. Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Даугавпилсского гос. пед. ин-та», 1. Даугавпилс, 1958, стр. 319; В. Н. Немченко. Наблюдения над синтаксисом говора русского населения Ионавского района Литовской ССР. «Уч. зап. Вильнюсского гос. ун-та», т. XXX. Языкознание, II. Вильнюс, 1960, стр. 62; З. М. Петрова. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 225. Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка. Л., 1962, стр. 173—174.

[21] В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии. «Сб. ОРЯС», т. 77, № 7. СПб., 1904, стр. 18; Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2. СПб., 1912, стр. 69.

[22] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Указ. соч., стр. 69.

[23] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 159.

[24] См. ниже, стр. 213.

ществительными в форме им. падежа и очень осторожно — для предложений, в которых имя имеет омонимичную форму им.—вин. падежей [25].

Обзор существующих точек зрения на причастные конструкции с именем в форме им. или им.—вин. падежей мы закончим изложением взглядов П. С. Кузнецова, которому принадлежат специальные посвященные причастиям исследования, построенные на материале как памятников, так и говоров [26]. В исследовании «К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах» П. С. Кузнецов, указывая на возможность двоякой интерпретации предложений типа *ему билет белый дато*, *нош ф потпол кинуто*, *першатки на руках надето*, *сахарница куда-то дёвано*, склоняется к определению их как безличных. Отметив, что В. И. Борковский относит данные конструкции к числу личных, П. С. Кузнецов пишет: «Но мы можем понять эти примеры и иначе. Возможно, что мы имеем дело с безличным оборотом, тогда как формы типа *билет*, *нош*, *першатки*. . . представляют винительный падеж, а не именительный. Может показаться, что против такого предположения говорят такие формы, как *сахарница*. Но, как известно, в северных говорах встречается употребление дополнения, выраженного именительным падежом на *-а* при инфинитиве, а по аналогии и не только при инфинитиве, т. е. здесь мы опять-таки имеем дело с дополнением, а не с подлежащим» [27]. Нам хотелось бы подчеркнуть, что в данной цитате имеется упоминание о севернорусских (северных) говорах. В «Русской диалектологии» П. С. Кузнецов повторяет положение о возможности разного понимания двукомпонентных конструкций с причастием, не соответствующим по форме именному компоненту, но при этом выделяет случаи, которые однозначно определяются как несогласованные, — это предложения с формами на *-н*, *-т* и те из предложений с формами на *-но*, *-то*, где имеется координирующая с именем связка прошедшего вре-

---

[25] В. А. Матвеенко. Страдательно-безличный оборот в восточнославянских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1962, стр. 5—6. Она же. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 108—110.

[26] П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке. Автореф. докт. дисс. («Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 6, 1948); Он же. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М.—Л., 1949; Он же. К вопросу о сказуемостном употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950. См. также: П. С. Кузнецов. Русская диалектология, все издания, раздел «Синтаксис»; Он же. [Рец. на кн.] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. — ВЯ, 1955, № 2.

[27] П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах, стр. 72.

мени [28]. И здесь же упоминается, что употребление конструкций с несогласованными причастными формами отмечено на территории северо-запада [29]. В обеих названных работах, а также в исследовании «Из сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке» и рецензии на труд С. П. Обнорского «Очерки по морфологии русского глагола» П. С. Кузнецов говорит о генезисе причастных форм на *-но*, *-то*, употребляющихся в несогласованных конструкциях. Так же, как и Д. Н. Овсянико-Куликовский, он видит здесь явление, аналогичное тому, которое привело к превращению кратких форм действительных причастий в деепричастия. А в диссертации П. С. Кузнецова имеется и объяснение того, почему в качестве неизменяемой причастной формы стали употребляться именно образования на *-но*, *-то*: «Единственное число среднего рода является наиболее «нейтральной» формой, а потому именно оно особенно легко может служить единственной уцелевшей и далее уже неизменяемой формой» [30].

К тем разнообразным мнениям о конструкциях с предикативной основой, состоящей из причастия на *-но*, *-то* и имени в форме им. или им.—вин. падежей, которые представлены в литературе, мы решаемся прибавить еще одно — к нему нас привело подробное и вначале чисто эмпирическое изучение материалов, собранных для составления атласов. Предлагаемое решение вопроса о синтаксической сущности данных конструкций основывается на положении о возможности разной квалификации внешне сходных предложений применительно к разным говорам [31]. Как нам представляется, грамматическая квалификация синтаксически невыразительных предложений типа *картошка выкопано*, *кони запряжено*, *пол помыто* может быть сделана — с известной долей вероятности — на основе учета некоторых косвенных данных, и прежде всего — результатов сопоставления данных конструкций с некоторыми другими (синтаксически более выразительными), бытующими на той же территории, а также всех фактов, касающихся употребления связки прошедшего времени. Обратимся сначала к конструкциям с именем в форме им. падежа.

---

[28] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1960, стр. 122.

[29] Там же, стр. 123.

[30] П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке, стр. 206. — Положение о том, что причастные формы на *-но*, *-то* не подвергались в дальнейшем никаким изменениям, представляется нам неточным, поскольку формы на *-н*, *-т* генетически связаны, по-видимому, с формами на *-но*, *-то*, — см. об этом ниже, стр. 231.

[31] Ср. общее положение Я. Хлоупка о возможности разного функционирования по говорам языковых элементов, которые кажутся одинаковыми: «. . . jednotlivé dialekty národního jazyka mají podstatnou část jevů («inventár») společnou, což však nevylučkje, že takové zdánlivě shodné jevy nestojí v jiných souvislostech. Naopak zase různé jevy mohou plnit v různých strukturach stejnou funkci» (J. Chloupek. Aspekty dialektu. Brno, 1971, стр. 27).

Для решения вопроса о личном или безличном характере конструкций типа *картошка выкопано*, *сын порането*, *кони запряжено* известный материал дает сопоставление их с двумя рядами структур: во-первых, с причастными конструкциями, которые могут быть довольно уверенно отнесены к числу личных без координации компонентов предикативной основы (*картошка выкопан*, *кони запряжен*), и, во-вторых, с такими глагольными и наречными конструкциями, где функция им. падежа имени определяется или может определяться как объектная (ср.: *пора копать картошка*, *выкопал картошка; надо картошка*).

О конструкциях типа *картошка выкопан*, *кони запряжен* напомним, что характерны они для западных среднерусских говоров, хотя спорадически отмечаются и в некоторых говорах севернорусских — в западной их части, — таким образом, изоглосса этих конструкций выделяет на карте участок, который оказывается вписанным в территорию распространения конструкций с им. падежом имени и причастной формой на *-но* или *-то* (см. карту).

Глагольные и наречные конструкции с им. падежом имени существенно различны между собой с нескольких точек зрения, поэтому рассматривать их и соотносить с конструкциями причастными представляется целесообразным сначала по отдельности, однако прежде необходимо вернуться к материалу по причастным конструкциям — с тем, чтобы отметить здесь один момент, весьма существенный для их сопоставления как с глагольными, так и с наречными конструкциями. Выше, характеризуя употребление конструкций с им. падежом, мы приводили примеры, которые показывают, что с причастными формами на *-но*, *-то* может сочетаться им. падеж имен разных грамматических групп. Теперь покажем, как предложения с разными именными компонентами представлены в нашем материале количественно и как этот материал распределяется по говорам — используем для этого форму таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Грамматическая группа имен	Кол-во нас. п., где отмечены конструкции с им. падежом и прич. формами на *-но*, *-то*	
	западные среднерусские говоры	севернорусские говоры
Сущ. на *-а*	27	70
Сущ. одуш. муж. рода не на *-а*	32	5
Сущ. одуш. во мн. числе	14	6
Местоимения	23	7
Колич.-именные сочетания	2	—

Из сопоставления приведенных в таблице цифр следует, что, если причастные конструкции с им. падежом имен на *-а* распространены по преимуществу в говорах севернорусских, то случаи употребления конструкций со всеми остальными именами чаще отмечаются в среднерусских говорах. К этому следует прибавить, что все предложения с им. падежом имен не на *-а*, встретившиеся в материалах по севернорусским говорам, относятся к западной части этих говоров.

Переходя теперь к глагольным конструкциям с им. падежом, остановимся прежде всего на тех, употребление которых характеризуется — в части говоров — известной регулярностью, — на конструкциях с им. падежом имен на *-а*.

Материалы атласов показали, что в качестве регулярного явления употребление им. падежа имен на *-а* в объектной функции при переходных глаголах выступает на территории севернорусских говоров, за исключением костромской группы; за пределами севернорусских говоров конструкции типа *пора* (*надо*) *копать картошка*, *выкопал картошка* чаще всего отмечаются в говорах западных среднерусских. — Таким образом, оказывается, что территория распространения глагольных конструкций с им. падежом имен на *-а* в объектной функции сходна с территорией распространения причастных конструкций типа *картошка выкопано*, причем существенно, что в пределах севернорусских говоров, где конструкции обоих типов распространены в наибольшей степени, изоглоссы их по сути дела совпадают (см. карту). При сопоставлении материалов атласов, характеризующих употребление в севернорусских говорах конструкций типа *картошка выкопано*, с одной стороны, и типа *надо копать* (*выкопал*) *картошка*, с другой, сразу бросается в глаза, что глагольные конструкции фиксируются значительно чаще: в одних и тех же территориальных пределах причастные конструкции отмечены в 70 нас. п., глагольные же — в 545; количество примеров соответственно — 93 и 2902. — Следовательно, сосуществование рассматриваемых причастных и глагольных конструкций в современных севернорусских говорах выглядит практически следующим образом: на территории довольно регулярного функционирования глагольных конструкций с им. падежом существительных на *-а* спорадически отмечаются случаи употребления причастных конструкций с тем же именным компонентом — одно явление (характеризующееся большей интенсивностью) составляет как бы фон, на котором реализуется другое. Естественно встает вопрос: во всех ли населенных пунктах, где встречаются конструкции типа *картошка выкопано*, отмечены также и глагольные конструкции с им. падежом. — Оказывается, что в значительном большинстве, но не во всех — в 54 нас. п. из 70. Однако данное расхождение может быть и мнимым: нельзя не считаться с тем, что синтаксические конструкции, имеющие диалектный характер, как правило, употребляются в современных говорах далеко не последовательно, а материал,

на который мы в данном случае опираемся, собирался экстенсивным методом. Заметим, что 6 из тех 16 нас. п., где отмечены причастные и не отмечены глагольные конструкции с им. падежом, находятся на самой периферии рассматриваемой территории, а большинство остальных — 7 — окружены со всех сторон деревнями, в которых глагольные конструкции типа *надо копать* (*выкопал*) *картошка* зафиксированы. В среднерусских же говорах картина совершенно другая: из 27 нас. п., характеризующихся употреблением им. падежа существительных на *-а* при причастных формах на *-но*, *-то*, только в 8 отмечены также и глагольные конструкции.

При сопоставлении причастных конструкций с глагольными нельзя умолчать о том, в пределах каких синтаксических единиц выступает здесь им. падеж. Если в причастных конструкциях роль имени стабильна (оно входит в состав предикативной основы предложения), то с конструкциями глагольными дело обстоит сложнее. Как известно, им. падеж имен на *-а* первоначально выступал только при инфинитиве, причем как наиболее ранние здесь выделяются конструкции с инфинитивом, не зависящим от личной формы глагола, — другими словами, генетически употребление им. падежа имен на *-а* связано с определенным типом предложения. С течением времени явление расширилось в плане структурном: из элемента, входящего в предикативную основу определенного типа, им. падеж стал превращаться в элемент, сочетающийся с переходным глаголом в любой его форме, т. е. в компонент словосочетания. Однако преждевременно считать этот процесс завершенным: известное безразличие им. падежа к форме переходного глагола характерно для тех говоров (средне- и южнорусских), где рассматриваемые конструкции отмечаются лишь спорадически; в пределах же севернорусских говоров случаи сочетания им. падежа со спрягаемыми глагольными формами составляют в материалах атласов обычно не более $^1/_4$ всего количества зафиксированных предложений с им. падежом при переходных глаголах (хотя, конечно, предложения со спрягаемыми глагольными формами значительно чаще встречаются в речи, чем предложения инфинитивные) [32]. Из предложений с инфинитивом, в свою очередь, выделяются по частоте употребления такие конструкции, где инфинитив не зависит от личной формы глагола. — В севернорусских говорах, таким образом, употребление именительного падежа имен на *-а* в функции винительного предстает как явление, в значительной степени относящееся, с нашей точки

[32] Соответствующие материалы см. в статье: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964, стр. 152—165, а более подробно в работе: И. Б. Кузьмина. Предикативное употребление причастий в русских говорах (краткие формы, образованные от глагольной основы прошедшего времени), стр. 92, табл. 5.

зрения, к предложенческому уровню. Рассмотрение конструкций типа *надо копать* (*выкопал*) *картошка* закончим замечанием о том, что объектная функция им. падежа в этих конструкциях современных говоров сейчас признается, видимо, всеми исследователями [33].

Употребление при переходных глаголах им. падежа имен всех других грамматических групп (кроме существительных на *-а*) отмечается по русским говорам лишь изредка и без определенной локализации. В материалах атласов предложений с им. падежом одушевленных существительных муж. рода (не на *-а*) и количественно-именных сочетаний (типа *купили поросенок*, *боров* Монастырская Пашня Красноборск. Арх.; *две бабы судили*, т. е. 'двух баб' Буньково Ногинск. Моск.) всего 15, и зафиксированы они по разным говорам. Предложений с им. падежом местоимения в объектной функции встретилось всего два (один раз при глаголе есть отрицание): *ему не видывать она* Львов Двор Чагодощенск. Вол.; *вот говорили рисову — та на молоке лучше варить* Матинка Череповецк. Вол. Употребление при переходных глаголах им. падежа одушевленных существительных во мн. числе отмечается несколько чаще. Конструкции типа *кони пасти поедут в ночную* Теребино Вельск. Арх.; *вот какие мальчуганы надо вырастить* Прокунино Кирилловск. Вол. приведены в материалах атласов по 50 нас. п. (количество примеров около 100). Данные населенные пункты относятся к территории разных говоров (как северно- и среднерусских, так и южнорусских), но значительная часть их (около половины) группируется в западных районах РСФСР — пограничных с Белоруссией (аналогичные факты наблюдаются, как известно, во многих белорусских, а также и украинских говорах). — Таким образом, характер распространения глагольных конструкций с именами всех остальных групп, кроме существительных на *-а*, не дает оснований для попыток сближения их с причастными конструкциями типа *поросенок куплено*, *она отправлено*, *мальчуганы выращено*. Кроме того, следует сделать два замечания, касающиеся самого состава имен, употребительных в глагольных конструкциях, с одной стороны, и в причастных — с другой: 1) из имен во мн. числе при глаголах выступают, за единичными исключениями, названия животных [34], с причастиями же одинаково сво-

[33] О другой точке зрения, высказывавшейся некоторыми учеными прошлого, см. в статье: Ф. П. Филин. Из истории синтаксиса восточнославянских языков. О форме именительного падежа имен жен. рода на *-а* (*-я*) в значении аккузатива. — ВЯ, 1969, № 3, стр. 70.

[34] Как известно, сочетания типа *пасти кони*, *ловить мыши* по происхождению связаны с процессом лексико-морфологического характера: при утверждении категории одушевленности в некоторых русских говорах (так же, как в белорусском и украинском языках) существительные — названия животных оказались в одной группе с названиями неодушевленных предметов и понятий. Однако в современных говорах словоформы *кони*, *мыши*. . . помимо случаев употребления в функции подлежащего

бодно сочетаются имена — названия животных и имена — названия лиц; 2) реже всего в глагольных конструкциях встречаются местоимения, доля же предложений с местоимениями среди причастных конструкций довольно значительна (см. табл. 1).

Теперь обратимся к конструкциям, предикативная основа которых включает в себя, помимо им. падежа имени, наречие, и посмотрим, в какой мере они могут быть сопоставлены с интересующими нас причастными конструкциями. Регулярная фиксация наречных конструкций имеет место в севернорусских говорах, за исключением костромской группы, и в средне- и южнорусских говорах на западе РСФСР. Нетрудно заметить, что за пределами южнорусских говоров эта территория в значительной мере сходна с территорией распространения рассматриваемых причастных конструкций. Как видно по карте, изоглоссы названных явлений проходят близко друг к другу, существенно расходясь лишь на небольшом участке: для селигеро-торжковских среднерусских говоров характерны только наречные конструкции (материалы атласов показали, что причастия с суффиксами *-н-*, *-т-* в значительной степени вытеснены на этой территории формами на *-ши* — здесь распространены конструкции типа *жена хорошая у меня из Ленинграда взявши* Пагино Удомельск. Калин.; *намоловши было муки ржаной* Пеньково Брусовск. Калин.; *в избу не можем попасть — заперши* Таложня Новоторжск. Калин.).

В составе конструкций с им. падежом имени в наших материалах встретились следующие предикативные наречия: *надо*, *нужно*, *треба*, *видно*, *слышно*, *больно*, *можно*, *жалко*, *жаль*, однако материал со всеми наречиями, кроме *надо*, невелик. При предикативных наречиях отмечается употребление им. падежа всех групп существительных, различающих формы им. и вин. падежей, а также местоимений, ср.: *нам надо белая кошка* Блины Красногородск. Вел.; *работать не могу, а теленок мне надо* Замежничье Гдовск. Пск.; *надо люди на тракторе* Княжево Бабушкинск. Вол.; *они мне сами лично надо* Алексеевка Екимовичск. Смол. Изучение материалов, собранных для атласов, показывает, что распределение по говорам — севернорусским и западным среднерусским — наречных конструкций с именами определенных грамматических групп сходно с распределением причастных конструкций: в севернорусских говорах из наречных конструкций так же, как и из причастных, значительно преобладают те, где именной компонент выражен существительным на *-а*; в материалах же по среднерусским говорам доля конструкций с одушевленными существительными муж. рода, одушевленными существи-

выступают только в функции прямого объекта — явление реализуется как синтаксическое (подробнее см. об этом: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах, стр. 165—169).

тельными во мн. числе и местоимениями как в том, так и в другом случае куда выше. Соответствующий материал по причастным конструкциям был приведен выше в табл. 1 — дадим аналогичную таблицу и для конструкций наречных (см. табл. 2).

Таблица 2

Грамматическая группа имен	Кол-во нас. п., где отмечены конструкции с им. падежом и предикативными наречиями	
	западные среднерусские говоры	севернорусские говоры
Сущ. на *-а*	133	380
Сущ. одуш. муж. рода не на *-а*	25	18
Сущ. одуш. во мн. числе	18	8
Местоимения	60	27

При более детальном сравнении причастных конструкций с наречными — по отдельным населенным пунктам — получаются следующие результаты: 1) на территории севернорусских говоров в одних и тех же населенных пунктах зафиксировано употребление одной группы причастных и наречных конструкций — с именным компонентом — существительным на *-а*: из 70 нас. п., в которых употребляются конструкции типа *картошка выкопано*, конструкции типа *картошка надо* отмечены в 46; случаев же фиксации в одних и тех же населенных пунктах причастных и наречных конструкций с какими-либо другими именами наши материалы не дают; 2) в пределах среднерусских говоров сосуществование причастных и наречных конструкций отмечено в 35 нас. п. (из числа 72, где употребляются причастные конструкции с им. падежом), причем здесь в материалах по одним и тем же населенным пунктам встречаются причастные и наречные конструкции с именами разных грамматических групп [35].

Две группы конструкций, с которыми были сопоставлены причастные конструкции, — глагольные и наречные — неодинаковы с точки зрения того, как оценивается в них синтаксическая функция имени, выступающего в форме им. падежа: если в первых им. падеж можно уверенно рассматривать как падеж прямого объекта, то во вторых функция имени — применительно к современным говорам — спорна: так же, как и в причастных конструк-

[35] Соответствующие данные полностью приведены в работе: И. Б. Кузьмина. Предикативное употребление причастий в русских говорах (краткие формы, образованные от глагольной основы прошедшего времени), стр. 100—102, табл. 7.

циях, имя может рассматриваться здесь и как подлежащее, и как объект [36]. — Таким образом, для решения вопроса, поставленного в данной статье, — о том, что́ собой представляют с грамматической точки зрения причастные конструкции с им. падежом, материал наречных конструкций не может быть использован непосредственно — показательны лишь результаты его сопоставления с конструкциями глагольными. В силу того что употребление глагольных конструкций с именами всех грамматических групп, кроме существительных на *-а*, отмечается по русским говорам лишь изредка, практически сопоставимыми оказываются материалы по конструкциям типа *надо картошка* и *пора* (*надо*) *копать картошка*, *выкопал картошка*.

Как видно по карте, территории распространения наречных и глагольных конструкций с им. падежом сходны в пределах севернорусских говоров. Кроме того, употребление и наречных и глагольных конструкций известно говорам западным среднерусским. О том, как эти диалектные явления представлены по говорам, свидетельствуют цифровые данные: в севернорусских говорах — на территории, очерченной изоглоссой, — конструкции типа *надо картошка* зафиксированы в 380 нас. п., конструкции типа *пора* (*надо*), *копать картошка*, *выкопал картошка* — в 545 нас. п., сосуществование конструкций встретилось в 330 нас. п.; для западных среднерусских говоров эти цифры соответственно — 133,69 и 30. — Таким образом, в среднерусских говорах сосуществование конструкций типа *надо картошка* и *пора* (*надо*) *копать картошка*, *выкопал картошка* отмечено меньше чем в половине из тех населенных пунктов, где бы оно могло иметь место (30 из 69) [37], в севернорусских же говорах значительное большинство населенных пунктов, где зафиксированы предложения типа *надо картошка* (330 из 380), относится к числу

---

[36] Ср., например, следующие работы: П. С. Кузнецов. Русская диалектология, стр. 125; И. Ф. Нелюбова. Заметки по диалектному синтаксису. «Наук. зап. Станіславського держ. пед. ін-ту». Іст.-філол. серія, т. III. Київ, 1959, стр. 117; А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 141; Ф. П. Филин. Из истории синтаксиса восточнославянских языков. О форме именительного падежа имен жен. рода на *-а* (*-я*) в значении аккузатива, стр. 71—72; П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 266—267.

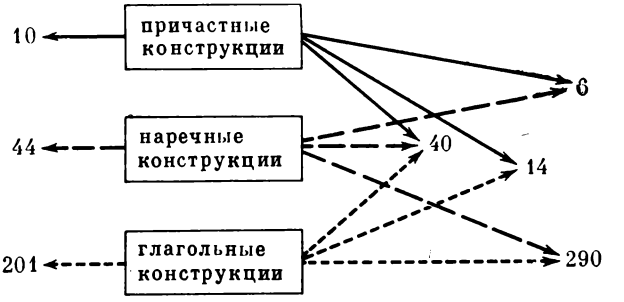
[37] Об отсутствии параллелизма в употреблении данных конструкций на территории западных среднерусских говоров писала, основываясь в значительной степени на личных наблюдениях, В. Л. Георгиева — см.: В. Георгиева. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием «надо» в современных русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М.—Л., 1949, стр. 47—48. Заметим еще, что из тех пяти деревень, которые были обследованы нами в пределах западных среднерусских говоров (Пск. обл. Гдовск. р-н: Колоколово, Замежничье, Кроксово; Пушкиногорск. р-н — Редковцы; Новг. обл. Новгородск. р-н — Ямок) и наречные и глагольные конструкции отмечены только в одной (д. Колоколово).

тех, которые характеризуются употреблением глагольных конструкций с им. падежом существительных на *-а*. В пользу того что между рассматриваемыми наречными и глагольными конструкциями в севернорусских говорах существует определенное взаимодействие, говорит также следующий факт: из глагольных конструкций с им. падежом существительных на *-а* повсеместно около половины составляют такие, где глагол в форме инфинитива сочетается с наречием *надо*, т. е. конструкции типа *надо нянька кормить да одевать да* Малетино Пинежск. Арх.; *как гром, надо пробка вынимать из приемника* Шамокша Лодейнопольск. Лен.; *надо было вода на плечах носить* Ефремково Лодейнопольск. Лен. Для западных среднерусских говоров доля предложений с *надо* среди всей совокупности глагольных конструкций с им. падежом существительных на *-а* не является величиной стабильной: по-видимому, больше всего она (приближается к половине) в говорах новгородских и меньше всего — в селигеро-торжковских.

Если сопоставить теперь материалы по всем трем группам интересующих нас конструкций между собой, то получим следующую картину.

Сосуществование причастных, глагольных и наречных конструкций с им. падежом предстает как довольно регулярное явление в говорах севернорусских, причем — что очень существенно — из причастных и наречных конструкций здесь выступают по преимуществу те, где именной компонент выражен, как и в конструкциях глагольных, существительным на *-а*: количество населенных пунктов, в которых зафиксированы причастные конструкции с именами других грамматических групп, в четыре раза меньше, чем количество населенных пунктов, где встретились конструкции с существительными на *-а* — первых 18 (причем все они расположены в западной части севернорусских говоров), вторых — 70; для наречных конструкций эта разница еще больше — это 52 нас. п. из 380. В пределах севернорусских говоров имеет место сближение изоглосс причастных, глагольных и наречных конструкций с им. падежом, а также — значительное совпадение населенных пунктов, где данные конструкции отмечены. Соотношение изоглосс показано на карте; материалы же, касающиеся распределения конструкций по населенным пунктам, частично приводились выше, а в полном виде представлены на предлагаемой ниже схеме. Цифры, стоящие у конца стрелок, называют количество населенных пунктов, в которых отмечено употребление конструкций соответственно одной, двух или трех групп с одним и тем же именным компонентом-существительным на *-а*.

Взаимодействие наречных и глагольных конструкций в севернорусских говорах подтверждается также фактом широкого участия в последних наречия *надо* — напомним, что *надо* является наиболее употребительным предикативным наречием, выступающим в рассматриваемых наречных конструкциях.

Среднерусские говоры отличаются от севернорусских значительно более высокой относительной употребительностью как причастных, так и наречных конструкций с одушевленными именами муж. рода (не на *-а*), одушевленными именами во мн. числе, а также с местоимениями. При этом существенно заметить, что количественное соотношение населенных пунктов, в которых зафиксированы предложения с им. падежом существительных на *-а* и им. падежом имен других грамматических групп, для причастных и наречных конструкций неодинаково. Причастные конструкции с существительными на *-а* встретились в 27 нас. п., с именами других грамматических групп — в 53. Для наречных конструкций — если брать западные среднерусские говоры в целом — соотношение будет обратным: конструкции с именами на *-а* отмечены в 133 нас. п., с именами других грамматических групп — в 90. Однако относительная частота употребления наречных конструкций с одушевленными существительными муж. рода, одушевленными существительными во мн. числе и местоимениями, по-видимому, не является в пределах западных среднерусских говоров величиной постоянной. Материалы атласов дают основание предполагать, что говоры Псковской группы отличаются в этом отношении от всех остальных: здесь конструкции с именами на *-а* отмечены в 59 нас. п., а с именами всех других групп — в 52. Заметим, что относительная частота употребления наречных конструкций с одушевленными существительными муж. рода, одушевленными существительными во мн. числе и особенно с местоимениями так же высока и в южнорусских говорах.

Из трех групп рассматриваемых конструкций с им. падежом в пределах западных среднерусских говоров наиболее распространенными являются наречные: они зафиксированы в 165 нас. п., тогда как причастные в 72, а глагольные — в 69. Наречные конструкции употребительны во всех группах западных среднерусских говоров, шире всего в псковских, причастные конструкции в большей мере характерны для говоров новгородских и гдовских, реже встречаются они в псковских и почти совсем отсутствуют на значительной части территории говоров селигеро-торжковских (где причастия с суффиксами *-н-*, *-т-* вытеснены формами

типа *выкопавши*, *убравши*); населенные пункты, в которых отмечены глагольные конструкции, относятся к разным говорам, некоторое сгущение их наблюдается только на территории гдовских говоров.

Все приведенные факты, а также данные о случаях сосуществования разных конструкций в одних и тех же населенных пунктах показывают, что материалы по современным среднерусским говорам не дают достаточных оснований для предположения о взаимодействии трех групп рассматриваемых конструкций с им. падежом имени. Скорее можно думать, что причастные и глагольные конструкции представлены здесь как явления обособленные [38], наречные же конструкции в известной мере взаимодействуют как с теми, так и с другими [39], причем это взаимодействие наречных конструкций с причастными и глагольными по говорам неодинаково, что́ свидетельствуется разной относительной частотой употребления в говорах наречных конструкций с именами на *-а* и с именами других грамматических групп. О том, что существование взаимодействия между наречными и глагольными конструкциями можно предположить не для всех говоров в одинаковой степени, говорит и то обстоятельство, что доля предложений типа *и кофта тогда надо брать* (Колоколово Гдовск. Пск.) среди всей суммы глагольных конструкций с им. падежом существительных на *-а* оказывается для западных среднерусских говоров величиной переменной.

Совокупность всех приведенных фактов показывает, что для синтаксической квалификации конструкций, предикативная основа которых состоит из причастия на *-но*, *-то* и им. падежа имени, применительно к говорам севернорусским мы располагаем одними показателями, а применительно к среднерусским — другими. Различие касается, во-первых, того, имена каких грамматических групп выступают в данных конструкциях (в западных среднерусских говорах с причастиями сочетаются имена разных грамматических групп, в севернорусских — почти исключительно имена на *-а*), и, во-вторых, того, с какими другими из рассмотренных нами конструкций с им. падежом имени сосуществуют причастные конструкции типа *картошка выкопано*, *сын порането*, *кони запряжено* — другими словами, с какими синтаксически определенными конструкциями могут они взаимодействовать (для западных среднерусских говоров таковыми оказываются прежде

---

[38] Заметим, однако, что некоторое сгущение населенных пунктов, где отмечены причастные конструкции, и населенных пунктов, в которых встретились глагольные конструкции типа *пора* (*надо*) *копать картошка*, *выкопал картошка* наблюдается на территории гдовских говоров.

[39] Напомним, что сосуществование наречных конструкций с причастными отмечено в 35 нас. п. (из 72, где встретились причастные конструкции с им. падежом), с глагольными — в 30 (из 69 нас. п., которые характеризуются употреблением глагольных конструкций типа *пора* (*надо*) *копать картошка*, *выкопал картошка*).

всего личные причастные конструкции с неизменяемыми причастными формами на *-н*, *-т*, а также на *-ши*, для севернорусских — такие глагольные, где выступает им. падеж прямого объекта [40].

Теперь обратимся к случаям употребления связки прошедшего времени — этот материал также очень важен для определения синтаксической сущности рассматриваемых причастных конструкций. Выше уже говорилось о том, что в предложениях с им. падежом и причастием на *-но*, *-то* связка может как координировать с именем (ср.: *большая корзина была у меня набрано* Кривой Пояс Онежск. Арх.; *сын был в Муром загнано* Загорье Дновск. Пск.), так и выступать в форме *было* (ср.: *переехано было дорога тут* Ратилово Тихвинск. Лен.; *а он* (сын) *разбомблено дорогой было* Патрово Псковск. Пск.). Теперь покажем, как соответствующий материал распределяется по говорам и по группам конструкций с им. падежом имен разных грамматических групп, — используем для этого форму таблицы (см. табл. 3).

Таблица 3

Состав конструкций	Кол-во случаев, где связка координирует с именем		Кол-во случаев, где употребляется связка *было*	
	зап. ср.-рус. говоры	сев.-рус. говоры	зап. ср.-рус. говоры	сев.-рус. говоры
Констр. с сущ. на *-а*	2	2	7	5
Констр. с одуш. сущ. муж. рода не на *-а*	8	2	—	—
Констр. с одуш. сущ. во мн. числе	1	—	—	—
Констр. с местоимениями	9	1	1	1

На основании приведенных в табл. 3 материалов можно сделать два основных вывода: 1) относительная частота употребления конструкций, в которых связка координирует с именем, и конструкций со связкой *было* по говорам различна: предложения с изменяемой связкой в западных среднерусских говорах составляют ≈71,4% всего материала со связкой прошедшего времени (20 примеров из 28), в севернорусских — ≈45,5% (5 примеров из 11); на долю предложений со связкой *было* в этих говорах соответственно приходится ≈28,6% и ≈54, 5%; 2) существует зависимость между формой связки и грамматической группой имени, входящего в предикативную основу предложения: для конструкций с существительными на *-а* характерна связка в безличной форме (12 примеров из 16), для конструкций с именами

[40] По-видимому, объектную функцию имеет здесь им. падеж имени и в наречных конструкциях.

всех остальных групп — связка, координирующая с именем (21 пример из 23). — Очевидно, что данные два положения связаны между собой, поскольку конструкции с именами разных грамматических групп неравномерно распределяются по говорам. Примечательно, что аналогичные результаты получаются и при анализе употребления связки в конструкциях наречных: предложения, в которых связка координирует с именем (ср.: *надо была одна чашка* Павловское Котласск. Арх.; *муж ей не надо был* Катешово Дубинск. Тул.), составляют в западных среднерусских говорах ≈76,9% (10 примеров из 13), в севернорусских — ≈41,2% (7 примеров из 17); предложения со связкой *было* (ср.: *не надо пастух было* Порядинская Коношск. Арх.; *ей надо было курочки* Колоколово Гдовск. Пск.) составляют здесь соответственно ≈23,1% и ≈58,8% [41]; в конструкциях, где *надо* сочетается с им. падежом существительных на *-а*, связка чаще отмечена в безличной форме (11 случаев из 15), в конструкциях с именами всех остальных групп обычна связка, координирующая с именем (13 случаев из 15). Причастные и наречные конструкции со связкой прошедшего времени, по-видимому, различаются между собой тем, как распределяются на территории севернорусских говоров предложения, в которых связка координирует с именем: личные причастные конструкции локализуются в западной части (до 38° в. д.), наречные же зафиксированы на разных участках территории севернорусских говоров.

Итак, анализ материалов, касающихся употребления связки, так же, как и весь ряд сопоставлений причастных конструкций с глагольными и наречными, дает основание думать, что причастные конструкции с им. падежом могут или должны по-разному квалифицироваться применительно к разным говорам и что, кроме того, при решении вопроса о синтаксическом характере тех или иных конкретных предложений существенно учитывать грамматическую принадлежность именного компонента их предикативной основы. Формулируя ниже соответствующие конкретные положения, мы позволим себе высказаться также и о конструкциях, в значительной мере параллельных причастным, — конструкциях с предикативными наречиями.

Применительно к севернорусским говорам конструкции типа *картошка выкопано*, а также типа *картошка надо* представляется возможным рассматривать как безличные, где имя в им. падеже выполняет ту же функцию, что и в конструкциях глагольных, — функцию объекта. Причастные конструкции с им. падежом, употребляющиеся в среднерусских говорах, а также те немногочисленные предложения типа *ребенок взято*, *соседи попрошено*, *я отправлено*, которые зафиксированы в западной части севернорусских говоров, скорее являются личными — с неизме-

[41] Заметим, что в наших материалах по южнорусским говорам представлены только наречные предложения с изменяемой связкой (10 примеров).

няемыми формами на *-но*, *-то*. По-видимому, к числу личных должны быть отнесены все наречные конструкции средне- и южнорусских говоров, а также наречные конструкции с одушевленными существительными муж. рода, одушевленными существительными во мн. числе и местоимениями, изредка встречающиеся в говорах севернорусских. В данную схему не укладываются две группы фактов, одна из которых касается севернорусских, другая среднерусских говоров. Остановимся на них.

На территории севернорусских говоров отмечены отдельные случаи употребления связки, координирующей с именем, в конструкциях, где именной компонент представлен существительным на *-а*, — таких предложений среди наречных конструкций 4, среди причастных 2, причем оба последних отмечены в западной части севернорусских говоров. Думается, что и в том, и в другом случае появление личных конструкций с существительными на *-а* могло явиться результатом аналогии с личными конструкциями, включающими в свой состав другой именной компонент. Для конструкций типа *картошка была выкопано* можно предположить также аналогию с такими предложениями, где выступает причастная форма, координирующая с именем (*картошка была выкопана*).

В материалах по причастным конструкциям, относящихся к среднерусским говорам, при значительном преобладании предложений со связкой, координирующей с именем, встречаются и случаи употребления связки *было*. Сам по себе этот факт ни в какой мере не противоречит положению о том, что причастные конструкции с им. падежом являются в среднерусских говорах личными: при отсутствии координации между компонентами предикативной основы связка может уподобиться по форме как тому, так и другому компоненту, ср. такие предложения, как *был посожен елочки* (Кудь Пеновск. Вел.) и *сливы были насажен* (Ямок Новгородск. Новг.). Сложность заключается в том, что не координирующая с именем связка в 7 случаях из 8 встретилась в предложениях с существительным на *-а*. Конечно, этот материал слишком невелик для каких-либо определенных выводов, но все же он толкает к предположению о том, что и на территории среднерусских говоров причастные конструкции некогда были связаны с глагольными типа *пора* (*надо*) *копать картошка*. О наречных конструкциях со связкой *было* говорить еще труднее, так как в материалах по среднерусским говорам приведено всего три соответствующих примера. Но все-таки, заметим, что в двух предложениях из трех именной компонент — существительное на *-а*. Здесь следует напомнить, что некоторое взаимодействие наречных конструкций с глагольными можно предполагать и для современных говоров (см. стр. 223).

Теперь обратимся к конструкциям, предикативная основа которых состоит из причастия на *-но* или *-то* и имени в форме, являющейся омонимичной для им. и вин. падежей (типа *воздуш-*

ный бой вижено Гимрека Лодейнопольск. Лен.; *у меня положено соль* Семеновщина Лычковск. Новг.; *проверчено дырья* Малетино Пинежск. Арх.; *этот* (дом) *не выселено* Мосеево Вашкинск. Новг.). При решении вопроса о личном или безличном характере данных конструкций можно опереться, во-первых, на случаи употребления связки прошедшего времени и, во-вторых, на факты, касающиеся конструкций с именем в форме именительного и в форме винительного падежа.

В нашем материале по конструкциям с именем в омонимичной форме им. — вин. падежей (534 предложения, отмечены в 317 нас. пунктах) случаев употребления связки прошедшего времени 75: в одних предложениях (27) связка координирует с именем (*пол был накрашено* Б. Вещанка Поддорск. Новг.; *там полки были сделано* Патрово Псковск. Пск.), в других (48) получает форму *было* (*кому отпуск было дано, кому что* Кроксово Гдовск. Пск.; *стряпано было пироги* Делоцкое Устюжинск. Вол.). По говорам этот материал распределяется следующим образом:

	Западные среднерусские говоры	Севернорусские говоры
Предложения со связкой, координирующей с именем	22	5
Предложения со связкой *было*	31	17

Из приведенных цифр видно, что в севернорусских говорах связка прошедшего времени по преимуществу употребляется в форме *было* (соответствующие предложения составляют ≈77,3% всех случаев употребления связки прошедшего времени). К этому следует прибавить, что все 5 предложений со связкой, координирующей с именем, зафиксированы в нас. пунктах, относящихся к западной части севернорусских говоров. В материалах по среднерусским говорам количественное соотношение предложений, в которых употреблена связка, координирующая с именем (они отмечены в 20 нас. пунктах), и предложений, где связка имеет форму *было* (отмечены в 25 нас. пунктах), иное, однако преобладают (составляют ≈58,5%) также последние. Поскольку связка *было*, выступающая при причастной форме на *-но, -то*, не является доказательством безличного характера конструкций [42], на основании приведенных данных уверенно можно сказать только об одном — о том, что среди рассматриваемых предложений с именем в омонимичной форме им.—вин. падежей какую-то часть составляют личные предложения с неизменяемой причастной формой, — они отмечены в говорах западных среднерусских и западной части севернорусских.

[42] Заметим, что употребление связки *было* и изменяемой связки иногда наблюдается в одних и тех же населенных пунктах (таких населенных пунктов 7).

Материалы, собранные для составления атласов, показывают, что причастные конструкции с именем в именительном и с именем в винительном падеже употребляются по говорам в одних и тех же территориальных пределах без сколько-нибудь определенной локализации. Иногда предложения с им. и вин. падежом имени фиксируются в одних и тех же населенных пунктах — таких населенных пунктов на территории севернорусских говоров 11, на территории говоров западных среднерусских — 13. — Следовательно, не могли дать результата и попытки как-либо сгруппировать в территориальном плане населенные пункты, где отмечено сосуществование конструкций, в которых имя имеет омонимичную форму, с конструкциями, в которых употреблен им. падеж, и конструкциями с вин. падежом. В материалах по некоторым населенным пунктам (всего их 16) приводятся предложения с именем в форме и им., и вин., и им.—вин. падежей; вот два примера:

Старищи Порховск. Пск.: *у меня было закрыто курица, похоронено один партизан, муж-то взято до войны до этой, мертвец в часовне был положено, один там было оставлено, где он захоронено, он был в партизаны взято, был он в гробу похоронено; торбочку взято, печку складено, одного в армию взято; канат свито, грибы сжарено, накрыто платком глаза.*

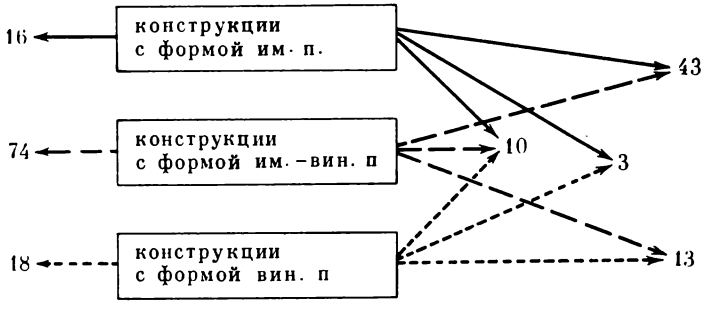
Мосеево Вашкинск. Вол.: *завтра мне работа уж найденó! прялка занесено* (в комнату) — *дак лазит* (кошка); *спину сорвано дак, его заедено до смерти; отпуск-то до которого ему дано? бежишь — бежишь, а двери крепко заперто, документы отправлено, этот* (дом) *не выселено.*

В силу территориальной неразграниченности конструкций с именительным и конструкций с винительным падежом однозначная синтаксическая квалификация предложений типа *грабли и битон унесено* Чертёны Дновск. Пск.; *тут и прожито век свой* Типиницы Медвежьегорск. Карел.; *тут ей смерть показано* Семеновская Харовск. Вол. оказывается возможной или невозможной для говоров в зависимости от того, являются ли здесь конструкции с именем в именительном и конструкции с именем в винительном падеже синтаксически одинаковыми. Если исходить из предложенной выше характеристики предложений, предикативная основа которых состоит из причастия на *-но* или *-то* и имени в форме им. падежа, то окажется, что сосуществующие причастные конструкции с именем в им. и вин. падеже для западных среднерусских говоров с синтаксической точки зрения различны, для севернорусских же (за исключением небольшой их части на западе территории) — одинаковы — принадлежат к числу безличных.

Сопоставление данных, касающихся конструкций с именем в им. и в вин. падеже, и материалов, показывающих характер употребления связки прошедшего времени в конструкциях, где именной компонент имеет омонимичную форму им.—вин. падежей,

дает, как нам представляется, основание для следующего решения вопроса о синтаксической сущности этих последних: предложения типа *грабли и битон унесено* применительно к основной части севернорусских говоров могут быть определены как безличные, где имя называет объект того действия, которым вызвано обозначенное причастной формой состояние [43], применительно же к говорам среднерусским (а также некоторой части севернорусских — на западе занимаемой этими говорами территории) однозначная квалификация всей массы предложений, в которых именной компонент выражен формой им.—вин. падежей, невозможна, хотя и известно, что среди них есть личные. — Остановимся на материале среднерусских говоров несколько подробнее.

Согласно нашим материалам по западным среднерусским говорам, рассматриваемые причастные конструкции с именем в омонимичной форме им.—вин. падежей отмечены в 140 нас. п., с им. падежом имени — в 72 и с вин. падежом имени — в 44. На представленной ниже схеме показывается, в какой мере конструкции с разными формами именного компонента сосуществуют между собой: цифры, стоящие на конце стрелок, обозначают количество населенных пунктов, где отмечены конструкции соответственно одной, двух или трех групп.

Естественно, что при таком характере сосуществования конструкций с разными формами имени, какой вырисовывается из приведенных данных, неправильно было бы пытаться объединить конструкции, в которых имя имеет омонимичную форму им.—вин. падежей, с какой-либо одной из двух других групп конструкций. Поскольку личные и безличные рассматриваемые конструкции отмечаются иногда в одних и тех же населенных пунктах [44], натяж-

[43] Так как объектное использование им. падежа широко представлено в русских говорах только для одной грамматической группы имен — существительных на *-а*, можно думать, что форма имени в конструкциях типа *грабли и битон унесено*, *смерть показано*, употребляющихся в севернорусских говорах, является формой вин. падежа.

[44] В наших материалах есть одно предложение, где при причастной форме на *-но* выступают два имени — одно в им., другое в вин. падеже: *сынов, дети выращено* Березка Старорусск. Новг.

кой было бы даже утверждение, что предложения типа *грабли и битон унесено, смерть показано* в случаях, когда они сосуществуют с конструкциями, в которых имя имеет форму им. падежа, являются личными, а при сосуществовании с конструкциями, где выступает вин. падеж, — безличными (хотя, конечно, такое распределение вполне вероятно). — Уверенно можно сказать только, что конструкции с именительным падежом фиксируются в западных среднерусских говорах значительно чаще, чем конструкции с падежом винительным (первых в наших материалах 123, вторых — 60).

Последний вопрос, на котором мы считали бы необходимым остановиться прежде, чем формулировать окончательные выводы о характере причастных конструкций с формами на *-но, -то*, — это вопрос о соотношении конструкций типа *грабли унесено, соль положено* и *грабли унесен, соль положен*. Активное развитие форм на *-н, -т* — по-видимому, процесс совсем недавнего времени. Так, З. М. Петрова, изучившая употребление причастий страдательного залога в псковских памятниках и в современных псковских говорах, пишет, что употребление форм на *-н, -т* (наряду с преобладающими формами на *-но, -то*) свидетельствуется только записями XX в.[45] К этому наблюдению З. М. Петровой мы можем добавить, что в материалах, относящихся к периоду деятельности Московской диалектологической комиссии, нам встретились только совершенно единичные случаи употребления причастных форм на *-н, -т*, не координирующих с именем, — все они были раньше найдены и опубликованы С. П. Обнорским [46]. Эти сведения общего характера мы можем подтвердить еще данными, касающимися одного района Псковской области — Пушкиногорского. В настоящее время формы на *-н, -т* употребляются здесь очень интенсивно. Так, в деревне Редковцы, обследованной нами в 1963 г., данные формы почти вытеснили формы на *-но, -то* (предложения типа *грабли унесен, соль положен* составляют в наших материалах свыше 93% всех рассматриваемых причастных конструкций без координации компонентов предикативной основы). Из формулировки же В. И. Чернышева, характеризовавшего говор этого района в 30-е годы, следует, что преобладающими в то время были формы на *-но, -то*: «В синтаксисе особенно замечательны обычные здесь обороты с причастным сказуемым ср. рода ед. ч. при именах других родов и чисел: *двор был разламана, на которой поляне клевер посеяна, сад разората* (распахан), *я взята* (на военную службу) *в 20-м году, авсы-та сеяна.* И н о г д а это окончание отпадает: *Разослан портки* (в сказке), *хата не топлен и ничего*

[45] З. М. Петрова указывает записи Н. Иеропольского и В. И. Чернышева — см.: З. М. П е т р о в а. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах, стр. 179.
[46] С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., стр. 158.

не варен» [47]. Причастные формы на *-н*, *-т* представляют собой, по мнению исследователей, работавших на материале псковских говоров, результат редукции окончания в формах на *-но*, *-то* [48]. Для того чтобы данное явление могло иметь место, формы на *-но*, *-то* должны были быть также формами неизменяемыми (а не безличными) — об этом совершенно определенно пишет З. М. Петрова: «Вытеснение форм на *-на*, *-та* [имеется в виду произносительный вариант форм на *-но*, *-то*, выступающий в акающих говорах] формами на *-н*, *-т* можно представить себе как закономерный процесс отпадения флексии, утратившей свое первоначальное значение» [49].

Рассмотренный в статье материал позволяет, как нам представляется, сформулировать следующие положения об употребляющихся в современных русских говорах причастных конструкциях, в предикативную основу которых входят формы на *-но*, *-то*, не координирующие с именем:

1. Севернорусские говоры (за исключением части говоров на западе занимаемой территории) знают только один тип двукомпонентных конструкций с формами на *-но*, *-то* — безличные, при этом в качестве именного компонента данных конструкций здесь выступают либо существительные на *-а*, либо существительные, характеризующиеся неразличением форм им. и вин. падежей, — одушевленные же существительные муж. рода, одушевленные существительные во мн. числе и местоимения входят только в общерусские конструкции с координацией компонентов предикативной основы.

2. В западных среднерусских говорах (а также в некоторых севернорусских, относящихся к западной части данных говоров) параллельно употребляются безличные и личные конструкции с причастными формами на *-но*, *-то*, причем как в те, так и в другие могут входить имена всех грамматических групп, которые характеризуются различением форм им. и вин. падежей. Однозначно квалифицировать как безличные можно только конструкции с именем в форме вин. падежа — соответствующий материал невелик (60 примеров) и зафиксирован в значительно меньшем количестве населенных пунктов, чем предложения с им. падежом (соответственно 44 и 72 нас. п.). К числу личных, безусловно, относятся все предложения с именем в форме им. или им.—вин. падежей, если в них имеется связка прошедшего времени, координ-

---

[47] В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района. «Язык и мышление», VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 126—127 (разрядка автора статьи).

[48] Там же, стр. 126—127; З. М. Петрова. О синтаксических и морфологических особенностях в псковских говорах, стр. 179.

[49] З. М. Петрова. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах, стр. 179.

нирующая с именем. По всей вероятности, личными являются также и те предложения с им. падежом имени, где связка отсутствует или даже выступает в форме *было*. Одинаково свободное сочетание с формами на *-но*, *-то* им. падежа имен разных грамматических групп, а также появление именно на русском северо-западе причастных образований с редукцией окончания (формы на *-н*, *-т*) позволяет предполагать, что формы на *-но*, *-то* здесь — для современных говоров — это застывшие, неизменяемые образования (а не формы, которые можно непосредственно возводить к безличным конструкциям).

Наибольшую трудность представляет квалификация применительно к среднерусским говорам предложений с омонимичной формой им.—вин. падежей (если в них нет координирующей с именем связки): в условиях сосуществования личных и безличных причастных конструкций с формами на *-но*, *-то* здесь можно предполагать употребление как именительного, так и винительного падежа. По поводу данных конструкций можно было бы высказать пока только самые общие соображения. При подходе к формам на *-но*, *-то* как формам неизменяемым естественно предполагать, что в их сочетаемости с именами отсутствует избирательность по признаку грамматической принадлежности имени. — Следовательно, количественное преобладание в среднерусских говорах в целом конструкций с именительным падежом над конструкциями с падежом винительным (напомним, что в наших материалах нет примеров конструкций с причастиями на *-н*, *-т* и именем в форме вин. падежа) дает основание думать, что и среди предложений с омонимичной формой им.—вин. падежей преобладают личные.

Конечно, высказанные в данной работе положения о двукомпонентных причастных конструкциях с формами на *-но*, *-то* в известной мере перекликаются со взглядами других исследователей (ср., в частности, подчеркивавшийся выше факт, что среди ученых, определяющих рассматриваемые конструкции как личные, многие работали исключительно или главным образом на материалах говоров, относящихся к территории северо-запада). Но хочется отметить, что ближе всего в своих предположениях мы подходим к взглядам П. С. Кузнецова.

В заключение настоящей статьи мы позволим себе высказать одно соображение о двукомпонентных конструкциях с причастиями на *-но*, *-то*, основанное на данных современных говоров, но обращенное к их истории. Как исследователи, работавшие на материале древнерусского языка, так и специалисты по истории литературного языка последних веков не раз отмечали, что из причастных конструкций с формами на *-но*, *-то* значительно чаще в текстах встречаются такие, где имя имеет омонимичную форму им.—вин. падежей, конструкции же с именем в форме

именительного и особенно винительного падежа весьма редки (см. выше сноску 8). В современных говорах количественное соотношение конструкций с разными падежными формами, конечно, совсем иное, однако больше всего в материалах как по севернорусским, так и по среднерусским говорам все-таки предложений типа *грабли и битон унесено, соль положено*. Приведем цифры:

	Западные среднерусские говоры	Севернорусские говоры
Предложения с им. п. . .	123	110
Предложения с вин. п. . . .	60	67
Предложения с им.—вин. п.	306	228

Получается, что в материалах по севернорусским говорам предложения с омонимичной формой составляют ≈56,3% от всего количества примеров рассматриваемых конструкций, в материалах по среднерусским говорам даже несколько больше — ≈62,6%. Конечно, эти цифры сами по себе — без учета данных, характеризующих частоту встречаемости в причастных конструкциях в целом существительных, различающих формы им. и вин. падежей, с одной стороны, и существительных, имеющих для обоих падежей одну форму, — с другой — мало что значат: здесь необходимы для сравнения статистические данные по конструкциям с координацией компонентов предикативной основы (*грабли унесены, соль положена*). Материалами, позволяющими вывести соответствующие показатели, мы располагаем только по лично обследованным деревням. Подсчеты были проведены для следующих пяти деревень: Малетина Пинежск. Арх. (всего 150 предложений), Типиниц Медвежьегорск. Карел. (всего 148 предложений), Шамокши Лодейнопольск. Лен. (всего 109 предложений), Гимреки Лодейнопольск. Лен. (всего 57 предложений) и Колоколова Гдовск. Пск. (всего 50 предложений). Оказалось, что в материалах по данным деревням предложения, именной компонент которых представлен омонимичной формой им.—вин. падежей, составляют 30—40% от всей массы примеров причастных конструкций с координацией компонентов предикативной основы. Однородность полученных показателей дает основание считать их в каких-то пределах объективными, хотя выведены они по количественно незначительному материалу. — Следовательно, у нас есть основания полагать, что существительные, имеющие одну форму для им. и вин. падежей, относительно чаще употребляются в конструкциях без координации компонентов предикативной основы и относительно реже — в конструкциях с координацией. Для предложений с существительными, различающими форму им. и вин. падежей, эти показатели будут, естественно, обратными. Поскольку данные современных говоров говорят о той же тенденции, которая представлена в памятниках, отражающих общерусские явления предшествующих эпох (в памятниках эта тен-

денция гораздо отчетливее), они, безусловно, заслуживают внимания. Одно из объяснений, которые могли бы быть здесь, по-видимому, предложены, заключается в следующем: в условиях сосуществования различных типов причастных конструкций раньше утрачиваются конструкции полярные, определенные по форме — такие, которые, сталкиваясь в одной системе, создают противоречия, и более стойкими, живучими оказываются построения, в которых — в силу омонимии форм — нейтрализовано противопоставление подлежащего и объекта, — построения, которые в сознании говорящих могут существовать, если допустимо так выразиться, «без определенной паспортизации».

Сокращения названий административных единиц

Арх.	— Архангельская обл.	Моск.	— Московская обл.
Вел.	— Великолукская обл.	Новг.	— Новгородская обл.
Вол.	— Вологодская обл.	Пск.	— Псковская обл.
Калин.	— Калининская обл.	Смол.	— Смоленская обл.
Карел.	— Карельская АССР	Тул.	— Тульская обл.
Кир.	— Кировская обл.	Эст.	— Эстонская ССР
Лен.	— Ленинградская обл.		

Ю. С. АЗАРХ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАЗВАНИЙ ОДНОРОДНЫХ ГРУПП ДЕРЕВЬЕВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке, главным образом диалектном и профессиональном, названия совокупности однородных в каком-либо отношении растений и их частей представляют собой едва ли не единственную продуктивную тематическую группу неодушевленных собирательных существительных. Лексико-семантическая группа (ЛСГ) наименований деревьев, кустарников, однородных по породе, возрасту, величине, качеству древесины, хозяйственному использованию и т. п., составляет большинство собирательных названий растений. Анализ словообразовательной структуры этой ЛСГ, основанный на данных памятников письменности XI—XVII вв., материалах атласов русских говоров и региональных словарей, а также толковых словарей современ-

ного русского языка [1], дает возможность проследить историю формирования так называемых вторичных собирательных существительных от основ неодушевленных имен, что является задачей данной статьи.

Так называемые первичные собирательные существительные рассматриваемой ЛСГ образовывались от основ непроизводных существительных при помощи общеславянского суффикса *-и(е)/-ъ(е)*, чрезвычайно продуктивного в праславянском [2] и древнерусском языке старшего периода [3]. Первичные собирательные на *-ие/-ье* были стилистически нейтральны, не локализованы и отличались от однокоренных непроизводных имен в формах ед., дв. и мн. числа значением совокупности. Названия однородных в каком-либо отношении растений, их частей, плодов составляли значительную группу среди слов на *-ие/-ье*: *вербье*, *вѣтвие*, *дубие*, *корение* и т. п. Собирательные на *-ье* особенно широко представлены в памятниках делового языка XV—XVII вв. и Псковских летописях [4]. Они сохраняют продуктивность в современных западных среднерусских говорах, в старожильческих говорах на территории Прибалтики, ряде севернорусских говоров, а также в смоленских говорах [5]. Собирательные типа *березье*, *елье* в диалектном языке могут обозначать не только совокупность деревьев одной породы, но изредка совокупность веток, побегов, срубленных деревьев одной породы, кору, а иногда и пространство, заросшее деревьями одной породы. Наименования этого типа, обозначающие части деревьев независимо от их породы, предметы, полученные в результате первичной обработки дерева, имеют только собирательное значение: *жердье*, *сучье* и т. п. Ударность или безударность суффикса у собирательных на *-ье* в современном диалектном языке не связана ни с их семантикой, ни с особенностями их согласования с определением и сказуемым [6]. Можно лишь предполагать определенные акцентологические различия

---

[1] Помимо опубликованных словарей, использованы материалы картотек Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (СДР) и Словаря древнерусского языка XI—XVII вв. (ДРС) (Москва, Ин-т русского языка АН СССР), Псковского областного словаря (ПОС) и Печорского словаря (Печ. сл.) (Ленинград, ЛГУ), Словаря русских народных говоров (СРНГ) (Ленинград, Ленингр. отд-ние Ин-та русского языка АН СССР), а также материалы атласов русских говоров и карты, составленные А. К. Васильевой и автором (Москва, Ин-т русского языка АН СССР).

[2] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 288.

[3] В. И. Дегтярев. Развитие лексико-грамматических классов собирательных и вещественных существительных в русском языке XI—XVII вв. Канд. дисс. (рукопись). Ростов-на-Дону, 1964, стр. 58.

[4] Там же, стр. 61—64.

[5] Используется группировка говоров русского языка, предложенная К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой в кн. «Диалектное членение русского языка» (М., 1970).

[6] И. П. Глотова. К вопросу о диалектном использовании суффиксов *-йе-* и *-йо-*. — В кн.: «Вопросы русского языкознания». Саратов, 1961, стр. 62.

у слов на *-ье* в разных группах говоров, но этот вопрос совершенно не изучен.

В современном языке выделяются два подтипа слов на *-ье*: одушевленные и неодушевленные собирательные существительные. Для одушевленных собирательных характерно ударение на флексии и в говорах согласование со сказуемым во мн. числе. В памятниках древнерусского языка одушевленные собирательные на *-ие/-ье* не встречаются, в памятниках делового языка они фиксируются лишь с XVII в.

Уже в древнерусском языке неодушевленные собирательные на *-ие* изредка употребляются в функции мн. числа. Ко второй половине XVII в. формы мн. числа типа *деревья*, *коренья*, соотносительные с формами ед. числа *дерево*, *корень*, возникшие в результате утраты образованиями типа *деревье*, *кореньe* значения совокупного множества и производства от последних форм мн. числа, становятся нормой в народно-разговорном языке [7]. Употребление собирательных существительных на *-ье/-ьё* в функции мн. числа, т. е. утрата этими именами собирательного значения, отмечается в ряде севернорусских говоров.

Структурно-семантическая близость собирательных существительных на *-ье/-ьё* и форм мн. числа однокоренных непроизводных имен с *-й-* в основе мн. числа дала повод некоторым исследователям считать собирательные существительные и формы мн. числа вариантными образованиями [8]. Несостоятельность этого мнения убедительно показана П. С. Кузнецовым [9]. В говорах, где продуктивны собирательные на *-ье*, между ними и формами мн. числа сохраняются различия в значении, падежных формах и согласовании [10].

В западных среднерусских и севернорусских говорах известны немногочисленные собирательные на *-овье*: *братовьё*, *клоповьё*, *прутовьё* и др. М. Л. Попова считает собирательные на *-овье* производными от существительных с флексией *-ове* в именительном падеже мн. числа [11]. С этим трудно согласиться: для русского

---

[7] В. И. Дегтярев. Указ. соч., стр. 163—170; W. M. Markow. O pochodzeniu form liczby mnogiej typu *листья*, *каменья* w języku rosyiskim. «Slavia orientalis», r. XVII, № 3, 1968.

[8] А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. «Сб. ОРЯС», т. 83, № 5. СПб., 1907, стр. 43—45; В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда Олонецкой губернии. «Изв. ОРЯС», т. 19, кн. 4, СПб., 1914; В. Мансикка. Заметки о говоре Никольского уезда. — Там же.

[9] П. С. Кузнецов. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М., 1949, стр. 84—86.

[10] М. А. Серышева. Суффиксальное словообразование имен существительных в говорах приленских районов Иркутской области. Канд. дисс. (рукопись). Иркутск, 1966, стр. 219—220; О. М. Чумакова. Имя существительное в говорах Вологодской области. Канд. дисс. (рукопись). Карши, 1967, стр. 48; материалы Псковского областного словаря.

[11] М. Л. Попова. Категория собирательности имен существительных в древнерусском языке. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1955, стр. 70—73.

языка не характерно производство собирательных от существительных во мн. числе. Интерфикс *-ов-* восходит к детерминативу **й*-основ. Формант *-ови(е)* первоначально выделяется у собирательных, производных либо от имен с основой на **-й* (*грезновие*, *становье*), либо от существительных, которые уже в старших памятниках славянской письменности имели падежные формы по типу **й*-основ (*гроздовие*, *садовие*) [12]. В древнерусском языке старшего периода собирательное значение наиболее отчетливо у слов на *-овие*, производных от названий растений, их частей. Собирательные на *-овье*, встречающиеся в письменности после XIV в., также принадлежат к этой тематической группе: *кустовье*, *сноповье* и др. Определенную роль в возникновении слов на *-овье* сыграли словосочетания прилагательных, производных от названий пород деревьев, с существительным *лес*: ср. слова типа *вязо́вьё* арх., *ду́бовье* пск. и *вязовый лес*, *дубовый лес* (словосочетания употребительны в деловом языке XV—XVII вв.). В современных говорах интерфикс *-ов-* употребителен большей частью в тех случаях, когда необходимо избежать омонимии (*ку́с'йо* от *куст* и *кус*, *пла́т'йо* от *плат* и соответствие литературному *платье* и др., тогда возникают образования типа *кусто́вьё* от *куст* и *ку́сьё* от *кус*) или дифференцировать основы форм мн. числа и собирательных существительных (*братовьё* и *бра́тья*).

Первичные собирательные от основ одушевленных имен (личных) в древнерусском языке отличались от неодушевленных собирательных на *-ие/-ье* формами согласования: собирательные, производные от личных имен муж. рода, сочетались со сказуемым во мн. числе, а неличные собирательные — со сказуемым в ед. числе [13]. Слова типа *братья*, *зятья*, как правило, не были противопоставлены сингулятивам с суффиксом *-ин-*, а для слов типа *березье*, *былие* такое противопоставление было характерным. Преимущественное согласование личных собирательных со сказуемым в ед. числе и отсутствие при большинстве из них коррелятивных сингулятивов (исключением является пара *шурья — шурин*) привели сначала к употреблению слов типа *братья* в функции мн. числа, что отражено уже в памятниках древнерусского языка, а затем и к вытеснению основой собирательных существительных основ соответствующих несобирательных существительных в формах мн. числа. Собирательное значение неличных имен на *-ье* поддерживалось преимущественным согласованием со сказуемым в ед. числе и оппозицией их сингулятивам с суффиксом *-ин-*. В тех случаях, когда собирательные на *-ье* не были противопоставлены однокоренным сингулятивам на *-ина*, значение совокупного множества у слов на *-ье* было ослаблено, что приводило к образованию от собирательных типа *листье*, *перье* форм мн.

[12] Р. Э к к е р т. Основы на **-й* в праславянском языке. М., 1961, стр. 2, 7, 9.
[13] Е. С. И с т р и н а. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 69—70; В. И. Д е г т я р е в. Указ. соч., стр. 140.

числа типа *листья*, *перья*. Затуханию собирательного значения у имен на *-ье*, не противопоставленных единичным существительным, способствовало также использование суффикса *-ь(е)* для производства собирательных от основ одушевленных слов, что отражено в памятниках народно-разговорного языка с конца XVI в.[14] Кроме того, многозначный формант *-ь(е)* был весьма продуктивен в народно-разговорном языке XV—XVII вв. при производстве слов с пространственным значением типа *побережье*, преимущественно префиксально-суффиксальных. Ослабление собирательного значения у слов на *-ье* поддерживалось также и процессом ассимиляции йота предшествующему согласному. По-видимому, слияние суффиксальной морфемы с корневой и возникающее в результате этого опрощение основы также приводило к ослаблению собирательного значения, а затем и к непродуктивности слов на *-ье*: именно в юго-западных говорах, где указанное явление ассимиляции йота представлено в настоящее время наиболее последовательно [15], собирательные на *-ье* малопродуктивны.

Затухание собирательного значения у неодушевленных слов на *-ье* вызвало появление новых словообразовательных типов названий совокупного множества растений, их частей. Основная масса слов рассматриваемой ЛСГ в современном языке образована с помощью суффиксов *-ник* и *-няк* (диалектный вариант *-няг*). В отличие от первичных собирательных, вторичные образования на *-ник*, *-няк* могут иметь формы мн. числа. В ед. числе у образований этого типа на первый план выступает собирательное значение, а во мн. числе на первый план выступают значения раздельного множества и пространства, заросшего растениями определенного вида [16]. Единичные случаи употребления этих вторичных собирательных существительных в формах мн. числа отмечены в памятниках делового и научного языка лишь со второй половины XVII в., в то время как образования типа *березник* встречаются в грамотах с XV в., типа *березняг* — со второй половины XVI в., типа *березняк* — с XVII в. Форма мн. числа слов указанных словообразовательных типов в текстах XVII в. обычно «спровоцирована» формой мн. числа родового названия (лес), при котором видовые названия выступают в качестве приложения или составляют с ним группу однородных членов предложения: «. . . А за тѣми дубровами *лѣсовъ* темныхъ *елниковъ* на 10 верстъ» (Древние акты историч. X, 1663—1700 гг., 319—ДРС); «. . . Трава ростет по *борам* по *соснягам*» (Роспись травам, ркп. XVII в.,

---

[14] В. И. Дегтярев. Указ соч., стр. 65.

[15] Сб. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 49.

[16] Эта особенность слов типа *березняк*, *ельник* дает основание некоторым лингвистам не считать их собирательными существительными (см.: П. С. Сигалов. [Рец. на кн:] В. М. Никитевич. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963. — НДВШ, Филол. науки, 1966, №▲1).

л. 190 об. — ДРС); «. . .Со всеми пески и с *ивняги* и съ *лѣсы*» (Акты Велико-Устюж. мон. I, 149 — ДРС) и др.

Возможность употребления в формах мн. числа слов типа *березняк*, *ельник* обусловлена: 1) их семантической связью с наименованиями неоднородных групп деревьев (*дубрава*, *заросль*, *лес*, *роща* и т. п.), собирательное значение которых выявляется лишь в контексте; 2) регулярностью в славянских языках семантических сдвигов: названия растительности ⇄ названия пространства, заросшего растительностью [17]; 3) влиянием топонимов типа *Березники*, *Липняги*, для которых, в отличие от апеллятивов, характерна форма мн. числа; 4) затуханием собирательного значения у производных от неодушевленных основ существительных в современном языке [18].

Современная лексикографическая практика отражает процесс стирания резких границ между именами, собирательное значение которых определяется вне контекста, при помощи словообразовательных средств, и словами, собирательное значение которых возникает лишь в контексте [19]. Слова рассматриваемой ЛСГ в словарях современного русского языка даются: с пометой «собир.» (Словарь под ред. Д. Н. Ушакова); без этой пометы (Словарь С. И. Ожегова); с пометой «собир.», главным образом при названиях совокупности срубленных деревьев, их частей (Словарь под ред. А. П. Евгеньевой); помета «собир.» дается нерегулярно и непоследовательно (17-томный Словарь современного русского литературного языка).

Использование общеславянского суффикса *-ник* (*-*ьн-ик*), весьма продуктивного в древнерусском языке при производстве названий растений и пространств, занятых растительностью определенного вида, в словообразовании собирательных наименований деревьев одной породы было вызвано, по-видимому, регулярностью в славянских языках семантических переходов от наименований единичного предмета к «образу сплошного множества» предметов [20], от названий пространств, занятых растениями определенного вида, к обозначению совокупного множества растений определенного вида. Решающую роль в появлении слов типа *дубникъ*, *ельникъ* сыграли, вероятно, словосочетания типа *лѣсъ доубьныи*, *лѣсъ ельныи*, продолжительное время употреблявшиеся в народно-разговорном языке наряду с новообразованиями на *-ник*, возникшими на базе этих словосочетаний.

---

[17] Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. М., 1969, стр. 244.

[18] Г. И. Миськевич. Системные закономерности образования собирательных имен существительных. — Сб. «Памяти академика В. В. Виноградова». М., 1971, стр. 116—117.

[19] Современная лексикографическая практика отражает также различия взглядов составителей словарей на грамматическую сущность категории собирательности.

[20] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 27.

Редкие образования на *-ник* от названий пород деревьев отражены в памятниках делового языка с конца XIV в. (*сосъньникъ* ‘сосняк’), основная же масса слов этого типа представлена в актовом языке со второй половины XV—начала XVI в. В грамотах со второй половины XV в. встречаются *березьникъ*, *липьникъ*, *олешникъ*, *сосъникъ*; с XVI в. — *вязьникъ*, *дубникъ*, *ельникъ*, *ивникъ*, *илимникъ*, *поросьникъ* (=поросль), *ракитникъ*; с XVII в.— *кленник*, *лешник* (=орешник), *лозник*, *орешник*, *черешник* и др.

Первоначально собирательные на *-ник* производились лишь от основ непроизводных существительных. Постепенно круг производящих слов расширялся, производные на *-ник* от опрощенных основ отражены в памятниках XVII в.: *калинник*, *малинник*, *осинник*, *смородинник*. Но бóльшая часть образований на *-ник*, включающих формант производящей основы, употребительна в диалектном языке и профессиональной речи, в памятниках письменности некоторые из них зафиксированы с конца XVIII в. Слова на *-ник* представляют собой общерусский словообразовательный тип. Анализ диалектных образований собирательных с суффиксом *-ник* заставляет предполагать диалектные различия в продуктивности этого словообразовательного типа. Диалектные образования с суффиксом *-ник*, принадлежащие к рассматриваемой ЛСГ, характерны для южнорусских говоров: *дýбник* (Западная и Верхнеднепровская группа южного наречия); *илúмник* (Курско-Орловская группа); *ívник* (Верхнеднепровская и северная часть Верхнеднестровской групп, так называемый Чухломской акающий остров на территории северного наречия); *вúшник* (Курско-Орловская и Рязанская группы); *лúпник* (Западная, Верхнеднепровская и Верхнеднестровская группы); *сóсенник* (Рязанская группа); *сосéнник* и *сосённик* (калужские говоры); широко распространено на территории южного наречия древнее *сосóнник*. Лишь единичные образования на *-ник* известны в южно- и севернорусских говорах (*олéшник*), в средне- и севернорусских говорах (*верéсник* ‘заросли можжевельника’, *елóшник* ‘заросли ольхи’).

Диалектные имена с суффиксом *-ник*, включающие суффикс производящей основы на *-ин-*, характерны для западных среднерусских говоров, соседних с ними калининских говоров и севернорусских говоров: *бредúнник* ‘заросли ивы’ пск., твер., костр.; *глушúнник* ‘заросли березы особого вида’ пск., твер.; *елшúнник* ‘ельник’ вят.; *ольшúнник* пск., твер., онеж., печор.; *талúнник* ‘ивняк’ урал., сиб. и др. В южнорусских говорах названия этого типа единичны: *ветлúнник* тамб.

Собирательные наименования деревьев одной породы с интерфиксом *-ов-* отмечены преимущественно в западных среднерусских говорах, а также в уральских, сибирских. В памятниках образования на *-овник* известны с XVII в. (*кедровник*), они включены в словари XVIII в. (*ильмовник*, *ольховник*, *пихтовник*, *терновник*, *шиповник*). Имена на *-овник* возникли на базе словосоче-

таний прилагательных на *-овый* от названий пород деревьев с существительными. Для употребительных в литературном языке слов этой модели наличие интерфикса *-ов-* связано с необходимостью избежать труднопроизносимых групп согласных при сочетании производящей основы с суффиксом *-ник*. В говорах отмечены образования на *-овник* и от производящих основ, которые в литературном языке употребительны с суффиксом *-ник*: *дубóвник* пск., твер., урал.; *елóвник* урал., сиб.; *смородóвник* пск.; *берёзовник* тул.; *лозóвник* брян. и др.

На базе словосочетаний прилагательных и существительных возникли также собирательные наименования на *-анник*, *-янник*, *-енник*. Немногочисленные слова этого типа, почти исключительно названия зарослей лиственных пород деревьев, известны как в южно-, так и в севернорусских говорах; в памятниках до XVIII в. они не отражены: *вересленник* пск.; *лиственник* пск., урал., сиб.; *листвянник* ряз., урал., сиб. и др.

Редкие образования на *-атник*, *-ятник* распространены преимущественно в сибирских говорах. Они являются производными от собирательных существительных на *-атина*, *-ятина*: *каргашáтина* и *каргашáтник* сиб.; *кисля́тник* ‘заросли красной смородины’ сиб.; *ольшáтник* моск. и др.

Единичны диалектные слова на *-ечник*, *-очник*, *-ичник*. Большей частью это названия зарослей деревьев и кустарников, плоды, почки или листья которых съедобны, применяются в народной медицине. Существительные этой модели образованы по аналогии с названиями ягодников (*брусничник* и т. п.). Производящими словами являются названия плодов на *-ица*, *-ика*: севернорусское *шипи́чник* от *шипи́ца*, *шипи́ка*. В ряде случаев производящие слова на *-ица*, *-ика* в современных говорах неупотребительны: *е́льничник* брян.; *липе́шник* пск.; *смородóшник* новг. и др.

Непродуктивны диалектные образования на *-арник*, производные от собирательных существительных на *-арь*; слова этой модели являются дублетами производящих имен: севернорусские *пихтáрь* и *пихтáрник*; встречающиеся в Актах Северо-Восточной Руси в грамотах XV в. (в списках XVII в.) *кустарь* и *кустарник*.

Диалектные собирательные на *-ижник*, *-ыжник*, *-ужник*, *-южник*, *-яжник* также непродуктивны. Они известны преимущественно в западных среднерусских и севернорусских говорах. Производящими основами являются слова с суффиксами *-иг(а)*, *-ыг(а)*, *-уг(а)*, *-юг(а)*, *-яг(а)*; производные не отличаются семантически от производящих слов: *сосня́га* и *сосня́жник* пск.; *чапы́га* и *чапы́жник* ‘частый молодой лес’ волог., моск.; *шипи́га* и *шипи́жник* ‘шиповник, кусты шиповника’ урал., яросл. и др.

Развитие лесного промысла вызвало к жизни образования на *-ник*, называющие совокупность растущих деревьев по какому-либо признаку, качеству, срубленных деревьев как строительного и поделочного материала, по способу первичной обработки

и т. п. Слова этого подтипа собирательных на *-ник* единичны в памятниках письменности и встречаются не ранее XVI в.: *поросьникъ* ‘мелкий лес’. Большинство слов этого подтипа отмечено в средне- и севернорусских говорах. Они принадлежат к терминологической лексике. Среди названий нестроевого леса можно выделить: названия совокупности деревьев, однородных по признакам: а) ‘молодой, тонкий, высокий’ (*жердúнник* пск.; *жердéнник*, *жердóвник* и *жердовúнник* урал.; *молодéжник* пск.; *моложáвник* сиб.; *чащúнник* колым. и др.); б) ‘густой, мелкий’ (*хворостúнник* калуж.; *хмы́зник* калуж., орл., смол.; *чапы́жник* моск. и др.); в) ‘низкий, кривой’ (*кренёжник* арх.; *кренюжник* твер.; *мендáжник* сиб. и др.); наименования совокупности поваленных бурей деревьев (*кокóрник* колым., печор.; *кокоря́жник* вят.; *колóдник* печор., урал., сиб.; *ломýжник* ряз.; *падúнник* пск., твер. и др.); названия дров по какому-либо качеству, признаку (*сушúнник* ‘сухие дрова’ арх., вят., моск.; *сы́рник* ‘сырые дрова’, встречающееся в деловом языке со второй половины XVII в.). Названия строевого леса по его хозяйственному использованию встречаются реже: *бревéнник* волог., новг.; *мостóвник* урал.; *тычúнник* яросл. и др. Значительная часть собирательных данного подтипа образована от слов, также имеющих собирательное значение.

Помимо имен с безударным суффиксом *-ник*, преимущественно в говорах, где продуктивны образования с синонимическими суффиксами *-няг* и *-няк* (см. о них ниже), отмечены немногочисленные собирательные с ударенным суффиксом *-ни́к*. Они возникли, по-видимому, в результате взаимодействия словообразовательных типов с суффиксами *-ник* и *-ня́к*, которые сочетаются с производящими основами одного и того же типа (названия породы дерева, его частей, предметов, изготовленных из дерева и т. п.): *бредни́к* пск., твер., новг.; *вересни́к* вят., новг., олон.; *ельни́к* пск.; *липни́к* онеж.; *малинни́к* пск. и др. Производные на *-ни́к* не от названий породы дерева также немногочисленны: *дровни́к* волог., ряз.; *хворостни́к* пск. Собирательные на *-ни́к* единичны в говорах и не имеют определенного ареала, лишь в Горьковской подгруппе Владимирско-Поволжской группы на небольшой территории (10 нас. п.) распространено *дубни́к*. В словари XVIII в. включены *дубни́к*, *вязни́к*, *тальни́к*.

Со второй половины XVI в. в памятниках делового языка, преимущественно псковских и новгородских, встречаются единичные собирательные на *-няг*: *поросьнягъ*, *елнягъ*. Основная масса образований с суффиксом *-няг* отражена в актовом языке со второй половины XVII в.: *березняг*, *елшняг*, *ивняг*, *липняг*, *олешняг* и др. Собирательные на *-няг* возникли, вероятно, вследствие контаминации общерусского словообразовательного типа с суффиксом *-ник* и диалектного, характерного для западных среднерусских говоров, с суффиксом *-яг-*, по происхождению экспрессивным формантом с увеличительным значением. Слова

на *-яг* отражены в псковских грамотах с XV в.: «. . . вверхъ да у мошок кроими в дуб *олшагомъ* через Смоленский путь» (Л. П. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, № 16). Возможно, образцом для слов на *-няг* послужило широко распространенное в западных среднерусских и севернорусских говорах собирательное *сосняг*, у которого произошло переразложение основы и выделился суффикс *-няг*. Это слово также отражено в памятниках с XV в.: «. . . въ *березникѣ* и въ *соснягѣ* и въ *елнягѣ*» (Жит. Стеф. Перм. 47, сп. XV—нач. XVI в.). Топонимы *Дубняг*, *Липняг* и т. п. упоминаются в Новгородских писцовых книгах XVI в.

Основная масса существительных с суффиксом *-няг* рассматриваемой ЛСГ распространена в западных среднерусских и ряде севернорусских говоров, причем производные с суффиксом *-няг* от диалектных названий породы деревьев известны главным образом в гдовских, псковских, новгородских, западной половине ладого-тихвинских и селигеро-торжковских говоров: *бредня́г*, *вересня́г*, *глушня́г*, *осня́г* ‘осинник’ и др. По данным атласов русских говоров, картотеки ПОС и региональных словарей, именно на территории указанных говоров, как правило, нет сосуществования вариантов с суффиксами *-ник* и *-няг* от одних и тех же основ: употребительны только собирательные на *-няг*. Разумеется, современным носителям этих говоров известны общенародные слова типа *ельник*, *малинник*, *осинник* и т. п., но о том, что образования на *-ник* чужды данным говорам, свидетельствуют единичные случаи в речи типа *е́л'н'ига*, *в мал'и́н'н'иг'ь* и др. — результат воздействия диалектной модели на общерусскую. Именно указанные говоры можно считать первоначальным центром образования собирательных наименований растений, их частей с суффиксом *-няг*, откуда слова этого типа вместе с переселенцами проникли в ряд севернорусских и некоторые южнорусские и восточные среднерусские говоры. Распространение модели на *-няг* произошло в результате активного участия псковичей и новгородцев в освоении Русского Севера, а также вследствие насильственного вывода и переселения участвовавших в мятежах против Москвы псковичей и новгородцев в Московское и Рязанское княжества.

Сравнение территории сплошного распространения слов рассматриваемой ЛСГ с суффиксом *-няг* в современных говорах с данными исторической географии свидетельствует о совпадении ареала диалектных образований на *-няг*, *-няк* с границами основной части Новгородской земли второй половины XII—начала XIII в., т. е. с границами Псковской земли и древнейших новгородских волостей, вошедших позднее в состав новгородских пятин [21]. Следовательно, словообразовательный тип существи-

[21] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, гл. V—VII.

тельных с суффиксом *-няг* сформировался до отделения Пскова от Новгорода, по крайней мере к XIII в., тогда как собирательные на *-няг* встречаются в памятниках новгородского и псковского происхождения лишь с XVI в. Разорванные ареалы собирательных на *-няг/-няк* в современных говорах известны на территории, которая к XII—XIII вв. стала отрываться от Новгорода (Волок Ламской, Торжок, Бежицкий Верх), а также на пограничных с Новгородской землей окраинах Ростово-Суздальской земли (в границах второй половины XII—начала XIII в.).

Как и аналогичные образования на *-ник*, слова с суффиксом *-няг* чаще всего обозначают совокупное множество растений определенного вида, их частей. Собирательные наименования веток, побегов деревьев одной породы известны преимущественно в западных среднерусских говорах. В этих же и пограничных с ними говорах распространены производные с суффиксом *-няг*, называющие совокупность деревьев не только одной породы, но и рода (*кустарня́г* гдов., пск.; *кустовня́г* пск., осташ.); деревьев, однородных по какому-либо признаку (заросли мелких, молодых деревьев: *лесня́г* пск., осташ; *молодня́г* пск.; *прутня́г* гдов., пск., олон.; *поросня́г* пск. и др.), обозначающих срубленные ветки (*тычня́г* волоколам.; *хвойня́г* пск.), хворост (*вешня́г* осташ.; *сушня́г* гдов., пск., новг.; *хворостня́г* пск.; *шишня́г* можайск. и др.). Словообразовательная база у слов на *-няг* у́же, чем у собирательных с суффиксом *-ник*: они образуются в основном от непроизводных основ существительных и лишь в западных среднерусских говорах изредка встречаются производные на *-няг*, включающие суффикс производящей, большей частью опрощенной основы (*кустарня́г*, *малиння́г*, *ольшиння́г*, *осиння́г* и т. п.), а также образования на *-няг* от основ производных существительных с нулевым суффиксом (*молодня́г*, *сушня́г*).

В гдовских и псковских говорах отмечены немногочисленные собирательные на *-ня́га* от названий породы дерева: *бредня́га*, *ракитня́га* и т. п. Единичные слова этого типа известны также и новгородским говорам. В тех же говорах встречаются и слова на *-ня́га*, называющие одно дерево: *клення́га* ‘клен’, *лешня́га* ‘ольха’ и др. Непродуктивность образований с суффиксом *-ня́г(а)* связана с его многозначностью (обозначение единичного предмета и совокупности предметов), а также с его большей, чем у производных на *-няг*, структурной близостью к экспрессивному усилительному суффиксу *-я́г(а)*.

В результате взаимодействия общерусской модели названий однородных групп растений и их частей на *-ник* и синонимичной диалектной модели на *-няг* возникает новый общерусский тип собирательных существительных с суффиксом *-няк*. Производные на *-няк* от названий породы дерева отражены в деловом языке со второй половины XVII—начала XVIII в.: *березняк*, *вересняк*, *дубняк*, *ельняк*, *ивняк*, *липняк*, *ольшняк*, *сосняк* и др. В западных среднерусских говорах варианты на *-няк* встреча-

ются реже исконных для этих говоров образований с суффиксом *-няг*. В целом территория распространения собирательных с суффиксом *-няк* шире, чем аналогичных имен с суффиксом *-няг* [22]: ср. *бредня́к* (западные среднерусские, калужские, ярославские говоры) и *бредня́г* (псковские, новгородские, осташковские говоры); *глушня́к* (псковские, белозерско-бежецкие, вологодские говоры) и *глушня́г* (гдовские говоры); *ельня́к* (западные среднерусские, старожильческие говоры на территории Прибалтики, архангельские, олонецкие, вологодские, горьковские, тамбовские — единичные случаи) и *ельня́г* (западные среднерусские, олонецкие, говоры Заветлужья — единичные случаи); *осиння́к* (западные среднерусские, ладого-тихвинские, онежские, лачские, русские говоры в Прибалтике) и *осиння́г* (западные среднерусские, старожильческие говоры в Прибалтике) и т. д. Таким образом, совпадение территории распространения вариантов с суффиксами *-няг* и *-няк* характерно лишь для западных среднерусских говоров и говоров переселенцев со Псковщины в Прибалтике, где отмечены также *кустарня́к* и *кустарня́г*, *кустовня́к* и *кустовня́г*, *лесня́к* и *лесня́г*, *лешня́к* и *лешня́г*, *малиння́к* и *малиння́г*, *осьня́к* и *осьня́г*, *ракитня́к* и *ракитня́г* и др. Более обширный ареал распространения собирательных с суффиксом *-няк*, конкуренция образований на *-няк* и *-няг* на территории, где слова типа *березняг* являются исконными, свидетельствуют, как и новообразования в терминологической лексике (*железняк*, *известняк*, *плитняк*, *порожняк* и др.), о продуктивности в современном языке словообразовательного типа собирательных существительных с суффиксом *-няк*.

Производные с суффиксом *-няк* от названий породы дерева, как и аналогичные образования на *-ник*, *-няг*, могут обозначать совокупность деревьев одной породы, веток и кору этих деревьев, а также пространство, занятое деревьями одной породы. Собирательное значение у слов на *-няк* выступает ярче в названиях совокупности срубленных деревьев и их частей, чем у словообразовательных синонимов с суффиксом *-ник*: ср. *бревня́к* ‘бревна’ новг. и *брева́нник* ‘строевой лес, годный на бревна’ белозер., волог., моск.; *жердня́к* ‘жерди’ арх., калуж., олон. и *же́рдник* ‘молодой редкий лес’ урал., сиб.; *щепня́к* ‘щепки’ пск. и *ще́пник* ‘тес’ влад., костр., яросл. и т. п. Суффикс *-няк* имеет специализированное собирательное значение, слова с этим суффиксом сохраняют более тесную семантическую связь с производящими основами, чем производные с суффиксом *-ник*. Образования на *-няк* в большинстве своем отличаются от производящих слов только значением совокупности предметов, названных производящим словом. Преимущественная сочетаемость суффиксов *-няк*

[22] Следует учитывать, что в ряде материалов атласов русских говоров и в некоторых региональных словарях существительные на *-няк* приведены в форме им. п. ед. числа, а в подобных случаях нельзя определить, глухой или звонкий заднеязычный согласный в суффиксе.

и *-няг* с непроизводными и опрощенными основами существительных объясняется тем, что эти форманты являются специализированными собирательными суффиксами, такая сочетаемость характерна и для других собирательных суффиксов в современном языке.

В современном литературном языке и ряде говоров между суффиксами *-ник* и *-няк* (в говорах *-няг*) складываются отношения, аналогичные тем, какие устанавливаются между алломорфами одной морфемы: эти суффиксы сочетаются с основами, идентичными по смыслу и разными по структуре: суффикс *-ник* обычно присоединяется к производным, а суффиксы *-няк* и *-няг* — к непроизводным и опрощенным основам. Подобные отношения между суффиксами *-ник* и *-няк* (*-няг*) характерны для говоров к востоку от верховьев рек Волжского и Днепровского бассейнов, как об этом свидетельствуют материалы атласов русских говоров и наблюдения ряда диалектологов [23]. Отношения дополнительного распределения между суффиксами *-ник* и *-няк* (*-няг*) и в современном литературном языке и в говорах представляют собой скорее тенденцию, чем завершившийся процесс. Наряду с преимущественным сочетанием в современном литературном языке суффикса *-няк* с основами непроизводных существительных (*березняк*, *дубняк*, *ивняк* и т. п.) или основами отадъективных имен с нулевым суффиксом (*молодняк*, *сушняк* и т. п.) употребительны и редкие образования на *-ник* от непроизводных основ (*ельник*, *орешник* и др.). Суффикс *-ник* предпочтительнее в тех случаях, когда на стыке производящей основы с суффиксом возникает группа согласных; в этом случае суффикс *-ник* возможен лишь в сочетании с интерфиксом *-ов-*. Это наблюдается, если в исходе производящей основы два согласных: *ильмовник*, *кедровник*, *пихтовник* и т. п.; впрочем, образования типа *терновник* можно рассматривать и как возникшие на базе словосочетаний: *терновник* ← *терновые кусты*, *кедровник* ← *кедровый лес* и т. д., тогда *-ов-* — формант производящей основы прилагательного; генетически ряд образований на *-овник* восходит к словосочетаниям, но в современном языке они принадлежат к именам с суффиксом *-ник* и интерфиксом *-ов-*, о чем свидетельствуют слова типа *шишкóвник* ‘мушмула’, *шипóвник* (здесь употребление интерфикса связано, по-видимому, с нежелательностью омонимии) [24]. В современном

[23] См.: Г. А. Романовская. Собирательные существительные в говорах Тотемского района Вологодской области. «Статьи и исследования по русскому языку и языкознанию». — «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1971, т. 450, стр. 147—148; О. И. Блинова. Заметки о морфологическом варьировании имен существительных в говорах. «Уч. зап. Томского ун-та», 1965, № 57, стр. 21; В. Г. Арьянова. О словообразовании имен существительных в говорах Среднего Приобья. «Уч. зап. Томского ун-та», 1971, № 74, стр. 82—83.

[24] Известное в русском языке с XVII в. *крыжовник* является полонизмом (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 388).

русском литературном языке суффикс *-ник* сочетается с производными и опрощенными основами на *-ин-*, образования на *-няк* в литературном языке от основ этого типа неупотребительны [25]. В ряде говоров образования с суффиксами *-ник*, *-няк*, *-няг* сочетаются с разными лексическими основами и распределение данных формантов не обусловлено указанной выше тенденцией: например, в говоре д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области употребительны *ёльник*, *олёшник*, *орёшник*, *осйнник* и *березняк* (наряду с *берёзник*, *берёзник*), *липняк*, а также *дубняг*, *сосняг* [26].

Структурная близость суффиксов *-няк* и *-няг* к экспрессивным увеличительным суффиксам *-як(а)*, *-яг(а)* обнаруживается не только в идентичности производящих основ, но также и в том, что слова на *-няк*, *-няг* не от названий породы дерева большей частью являются наименованиями нестроевого леса, погибших, не пригодных для обработки деревьев, т. е. это наименования по отрицательному признаку, что характерно для образований с экспрессивными увеличительными суффиксами. Мысль о генетической связи суффиксов *-няк* (*-няг*) и *-яг(а)* была высказана В. В. Даниловым [27]. О том, что для производства так называемых вторичных собирательных существительных в диалектном языке характерно использование суффиксов с увеличительным и усилительным значением, свидетельствует наличие в составе анализируемой ЛСГ ряда словообразовательных типов, суффиксы которых восходят к экспрессивным формантам с усилительным и увеличительным значением. Использование увеличительного суффикса для образования форм с множественно-собирательным значением отмечено в современных болгарских говорах [28].

Названия совокупного множества деревьев одной породы с суффиксами *-аг(а)*, *-яг(а)*, *-уг(а)*, *-юг(а)*, *-ыг(а)* (первоначальное значение этих формантов усилительное и увеличительное) известны в западных среднерусских и ряде севернорусских говоров. Собирательное значение у этих образований выражается словом в целом, а не суффиксом. У производных с этими суффиксами не от названий породы дерева присутствует только увеличительное значение. Экспрессивность указанных суффиксов в ряде

[25] Аналогичные отношения дополнительного распределения между суффиксами *-ник* и *-няк* складываются, по-видимому, и в современных белорусском и украинском языках, как об этом свидетельствует материал, приведенный в работе: І. І. Ковалик. Словотворча будова збірних і одиничних именників у східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами (nomina collektiva et singulativa). «Питання слов'янського мовознавства», кн. 6. Львів, 1958, стр. 38.

[26] «Словарь современного русского народного говора». Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

[27] В. В. Данилов. Собирательные имена существительные. — РЯШ, 1946, № 3—4, стр. 22.

[28] Т. Бояджиев. Окончание за множествено число *-ища* в български език. «Славистични изследования. Сборник посветен на VII международен конгрес на славистите». Кн. III. София, 1973.

современных западнорусских говоров стерта. Например, по нашим наблюдениям, в говоре д. Жеребуд Лужского р-на Ленинградской обл. слова типа *бъран'у́га*, *быч·а́га*, *камн'у́га* и т. п. являются аугментативами к соответствующим *баран*, *бык*, *камень* и не отличаются от последних экспрессивной окраской.

Как уже указывалось, в памятниках новгородского и псковского происхождения редкие образования с суффиксом *-яг* встречаются с XV в. (*олшагъ*, *сосьнягъ*, возможно, *елнягъ* от древнерусского *ельна* ‘ель’). Непродуктивность существительных этого словообразовательного типа связана с продуктивностью образований на *-ник*, *-няк* и *-няг* от названий породы дерева, его частей. Собирательное значение у слов с суффиксами *-яг-*, *-юг-*, *-уг(а)*, *-ыг(а)* возникает лишь в контексте. В современных говорах они могут обозначать и совокупное множество деревьев одной породы (*березу́га* пск., костр.; *ельы́га* калуж.; *листвя́г* печор.; *листвя́га* сиб.; *тополю́г* гдов. и др.) и одно дерево (*лешу́га* ‘лесная яблоня, груша’ пск.; *листвя́г* ‘лиственница’ печор. и др.); совокупность срубленных деревьев (*сосня́г* пск.; *суши́га* новг. и др.) и одно срубленное дерево или его часть (*кокорю́га* ‘бревно с корневищем’ олон.; *прутя́га* ‘прут’ пск.; *тычи́га* ‘березовое полено’ яросл. и др.). Об отсутствии у указанных суффиксов специализированного собирательного значения свидетельствуют производные этого типа от основ с собирательным значением, выраженным лексически (*поросля́г* от *поросль*, встречающееся в Рязанских памятниках XVII в.; *чащу́га* от *чаща* моск. и др.), а также образования от собирательных существительных на *-ье* (*дуб'йа́г*, *мал'ин'йа́г* новг).

В результате взаимодействия слов на *-няг*, *-няк* и *-юг*, *-юг(а)*, *-уг(а)* от идентичных основ появились слова типа *березню́г* / *березню́к*, известные гдовским, псковским и западным новгородским говорам, а также старожильческим говорам на территории Прибалтики. Образования на *-нюг* / *-нюк* встречаются гораздо реже, чем слова на *-няг* / *-няк* от тех же основ. Дублеты с этими суффиксами встречаются в одних и тех же говорах. В картотеке Псковского областного словаря имена с суффиксами *-нюк*/*нюг-* иллюстрированы единичными примерами. Производящими основами этих образований служат почти исключительно названия породы дерева, реже частей дерева: *бреднюг* гдов.; *бреднюк* пск.; *дубнюг* пск.; *ельнюг* гдов., пск.; *ельнюк* гдов., пск., прибалт.; *калиннюг* и *калиннюк* прибалт.; *малиннюг* и *малиннюк* пск. и др. Существительные с суффиксом *-нюг(а)* единичны: *лознюга* ‘ивняк’ пск.

Немногочисленные слова рассматриваемой ЛСГ с усилительным по происхождению суффиксом *-ак*(*-як*) известны в западных среднерусских и некоторых севернорусских говорах: *кедра́к* ‘кедровник’ сиб.; *листвя́к* ‘лиственичный лес’ сиб. (в памятниках актового языка, написанных в Сибири, встречается со второй половины XVII в.); *молодя́к* ‘молодой лес’ ряз. (Деулино), сиб.; *мяндра́к* ‘низкорослый, кривой сосняк’ олон.; *плотя́к* ‘густой, плотный лес’ сиб.; *топля́к* ‘затонувшие при сплаве деревья’

арх., новг., пск.; *тычья́к* ‘колья для тына’ калинин. и др. Вероятно, к этому же словообразовательному типу принадлежит *ельна́к* от сохранившегося в говорах древнерусского *ельна*. *Ельна́к* распространено в гдовских, псковских и западных новгородских говорах, в единичных случаях на этой же территории встречается *ельна́г*. В современных говорах суффиксы *-ак(а)*, *-як(а)* могут употребляться в увеличительном значении [29]. При помощи суффикса *-ак* производятся названия однородных групп деревьев в болгарском языке [30].

Преимущественно в севернорусских говорах на территории позднего заселения — зауральских и сибирских — известны образования рассматриваемой ЛСГ с суффиксом *-ач*: *ела́ч* сиб.; *кедра́ч* заурал., сиб.; *конда́ч* ‘лес с крепкой древесиной’ урал.; *лохма́ч* ‘ветвистый, невысокий лес’ урал.; *мелка́ч* ‘мелкий лес’ олон.; *мянда́ч* ‘строевой лес’ вят., ‘лес с непрочной древесиной’ арх., волог., олон., сиб. (как собирательное наименование растущих деревьев и дров встречается в грамотах, написанных на севере, с первой половины XVII в.); *пихта́ч* сиб. и др. Как и у слов на *-ак(-як)*, собирательное значение существительных с суффиксом *-ач* выступает лишь в контексте.

Увеличительный по происхождению суффикс *-ин(а)* выделялся у ряда древнерусских слов, которые получали собирательное значение в контексте (*дружина*, *елина*, *лозина*, *ягодина* и др.). Собирательное значение у слов на *-ина* в древнерусском языке закреплялось лишь за словами, которые подвергались лексикализации, утрачивали семантическую связь с производящей основой (*дружина* ‘приближенные князя, войско’ и *друг*). В общенародном языке после XIV в. собирательные существительные на *-ина* непродуктивны, что связано с ростом вещественных имен с суффиксом *-ин(а)* — единственным продуктивным суффиксом вещественных существительных. Собирательное *дружина* характерно для книжного языка, в грамотах после XIV в. оно неупотребительно. Собирательные на *-ина* от названий породы дерева не включаются в словари XVII—XVIII вв. (лишь в Лексиконе треязычном 1704 г. Ф. Поликарпова единичный пример: *ве́рбина*, *лѣсъ ве́рбовый*). В современных говорах собирательные на *-ина* анализируемой ЛСГ немногочисленны, отмечаются преимущественно в западных среднерусских и севернорусских говорах: *бережи́на* ‘береговой редкослойный лес’ арх.; *броди́на* ‘ивняк’ пск., новг., твер., костр.; *бредо́вина* то же новг.; *вале́жина* ‘валежник’ арх., урал.; *кремни́на* ‘сухие мелкослойные дрова’ вят.; *ольши́на* волог., моск.; *ясени́на* пск. и др. Собирательные на *-овина* возникли, вероятно, на базе словосочетаний (*боровина — боровой лес* новг.; *ольхо́вина — ольхо́вый лес* урал. и др.). Так как суффикс

[29] См.: Б. К. Щ и г а р е в а. Об эмоционально-экспрессивном характере имен существительных с суффиксом *-ак(а)*, *-як(а)* в русском языке. «Труды Самаркандского ун-та». Новая серия, 1971, вып. 205, стр. 288.

[30] И. И. К о в а л и к. Указ. соч., стр. 39.

-ин(а) не имел собирательного значения, а лишь усиливал значение совокупного множества, свойственного производящему слову, то первоначально, по-видимому, образования на *-ина*, называющие однородную группу деревьев, производились не от названий породы дерева, а от слов с общим значением множества деревьев: *борина* от *бор*, встречающееся в деловых документах со второй половины XVI в.; *частина* от *часта* 'чаща' (Библия 1499 г. — памятник новгородского происхождения). Собирательные на *-ина* от названий породы дерева приобретали значение совокупного множества лишь в контексте, поэтому обычно они употреблялись в составе группы однородных членов рядом с собирательными существительными: «Городъ обишла вода и сильная *лозина* и *вербье*» (Ипат. л. (Гал.-Вол.) ок. 1425 г., л. 256—256 об. — СДР). В современных русских говорах собирательные на *-ина* малопродуктивны, они характерны для западного славянского ареала [31]. Возможно, о былой продуктивности слов этого типа свидетельствуют сингулятивы с удвоенным суффиксом единичности *-ин-*, характерные для западных среднерусских говоров: *вересúнина* пск.; *глушúнина* пск., осташ.; *дубúнина* пск.; *елúнина* пск., осташ.; *жердúнина* пск., осташ.; *осúнина* пск., новг., прибалт.; *тополúнина* пск. и т. п. Как известно, существительные со значением единичности производятся от основ собирательных и вещественных имен [32]. Следовательно, появлению слов на *-инина* предшествовали либо затухание первоначального сингулятивного значения у имен типа *вересина*, употребление их в обобщенно-собирательном значении (слова, обозначающие род, вид, могут часто в формах ед. числа обозначать совокупность однородных предметов данного рода, вида [33]), либо переосмысление слов с увеличительным суффиксом *-ин(а)* в собирательные наименования (у некоторых собирательных на *-ина* значение совокупного множества сочетается с аугментативным: *леснúна* 'большой лес' пск.). Ослабление сингулятивного и аугментативного значений у омонимов на *-ина* могло происходить одновременно и параллельно, как это имеет место в современном литературном языке [34]. В современных западных среднерусских говорах суффикс *-ин(а)* часто лишен словообразовательного значения: слова с этим суффиксом являются дублетами производящих имен: *машúнина*, *погóдина*, *часúна* и т. п. [35]

[31] Н. И. Толстой. Указ. соч., стр. 35.

[32] «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 128.

[33] Л. В. Якимова. Значение единственного числа имен существительных в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 10.

[34] Ф. П. Филин. Об одной особенности диалектного словообразования. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», 1956, т. XV, вып. 4, стр. 184—185; В. И. Максимов. Образования с экспрессивным суффиксом *-ин(а)* в русских народных говорах. — В кн.: «Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971». Л., 1972, стр. 139.

[35] В результате эксперимента выяснилось, что старшеклассники четко определяют и осознают деривационное значение вещественных существи-

Кроме собирательных названий, образованных при помощи суффиксов с первоначальным увеличительным и усилительным значением, в говорах известны немногочисленные названия однородных групп деревьев с суффиксами, продуктивными при производстве топонимов — названий населенных пунктов, урочищ, небольших рек и ручьев, озер.

В деловом языке старорусского периода (XV—XVII вв.) употребительны единичные собирательные на *-ня* (*пучня* ‘пучок’, *родня*). Топонимы на *-ня* отражены в летописях и (чаще) в актовом языке XV—XVI вв.: *Олешня* (Суздальская летопись, под 1285 г.), *Боровня*, *Дубня*, *Ельня*, *Липня* и др. (Новгородские писцовые книги XV—XVI вв.). Собирательные на *-ня* от названий породы дерева редки в современных говорах и не имеют четкого ареала: *берёзовня* ‘урочище и березняк’ урал.; *дубня́* пск., твер.; *е́льня* урал., тамб.; слова этого типа могут обозначать и отдельное дерево: *е́льня* пск.; *оле́шня* ‘ольха’ пск.; *оре́шня* сиб. и др. В современных говорах собирательное значение у слов на *-ня*, не обусловленное контекстом, как и в литературном языке, выступает лишь у производных от одушевленных основ: *бродя́жня* ‘бродяги’ урал., сиб.; *тварня́* ‘детвора’ ряз.; *челя́дня* то же волог., сиб.; *шапачня́* ‘беднота’ сиб. и др.

Единичные собирательные анализируемой ЛСГ на *-овец* известны в онежских говорах: *еловец* (Приходно-расходная кн. Онежского крестного монастыря, ДРС); *ольхо́вец*. Как и аналогичные слова на *-ня*, собирательные на *-овец* возникли от названий урочищ, починков. Топонимы на *-овец* от названий деревьев часто встречаются в актах Северо-Восточной Руси: *Березовец*, *Вязовец*, *Сосновец* (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.); *Осиновец*, *Липовец* и др. (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.); *Вязовец*, *Дубовец*, *Еловец*, *Липовец*, *Малиновец*, *Ольховец*, *Ореховец* и т. п. (Новгородские писцовые книги XV—XVI вв.).

Непродуктивны и названия совокупного множества деревьев одной породы на *-овик*, отмеченные в западных среднерусских и севернорусских говорах: *берёзовик* новг.; *боровик* арх.; *кедро́вик* сиб.; *ли́повик* гдов.; *ольхо́вик* новг. Это значение у слов на *-овик*, по-видимому, вторично; образования с суффиксом *-овик-* (*-ик*) продуктивны в русском языке у названий грибов, растущих под деревьями определенной породы [36].

тельных типа *баранина*, *свинина*, *оленина* (90% ответов) и гораздо менее отчетливо — деривационное значение слов с аугментативным и сингулятивным значением типа *виноградина*, *горошина* (40% ответов). См.: Л. В. Сахарный. Структура значения слова и ситуация. «Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации». М., 1972, стр. 151—152.

[36] В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 151.

Итак, словообразовательная структура анализируемой ЛСГ в современном русском языке сложилась в результате угасания значения совокупного множества у первичных собирательных на *-ье* от основ неодушевленных существительных; конкуренции общерусского и диалектных словообразовательных типов вторичных собирательных существительных; возникновения на основе структурно-семантической близости общерусских слов на *-ник* и диалектных на *-няг* нового общерусского словообразовательного типа собирательных существительных с суффиксом *-няк*; дополнительного распределения формантов *-ник* и *-няк* вследствие тенденции к объединению вторичных собирательных имен с этими суффиксами в один словообразовательный тип. Продуктивность суффиксов вторичных собирательных существительных зависит от специализации их сочетаемости с производящими основами (*-ник*) и своеобразия фонемного состава (*-няк*, *-няг*). Использование суффиксов субъективной оценки для производства вторичных собирательных имен и сингулятивов характерно не только для русского, но и для других языков [37].

О. Н. МОРАХОВСКАЯ

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Некоторым говорам русского языка известно слово *курень*, образующее на карте не очень большие, местами едва прослеживаемые ареалы.

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» это слово приводится только с пометами: 1) обл. шалаш; легкая летняя постройка. . .; 2) обл. жилище, дом (у казаков). . .; 3) в старину — отдельная часть запорожского казачьего войска; военный стан такой части . . . и дана ссылка на Росс. Целлариус 1771 г.

В этимологических словарях русского языка для этого слова указывается тюркское происхождение («из чагат. kürän 1) толпа, племя, отряд воинов; 2) пекарня») [1], причем Преображенский

[37] Вяч. Вс. Иванов. Семантическая категория малости — величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира. «Проблемы африканского языкознания». М., 1972.

[1] В статье Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря» уточняется: «чаг. küren из монг.» и дается ссылка на книгу Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» (см.: «Лексикографический сборник», вып. 3. М., 1958, стр. 42).

приводит значения для русского языка 'шалаш', 'стан', 'барак', 'казарма для рабочих' и др., для украинского — 'избы в одной кучке', 'часть войска у запорожцев'. Фасмер предпочитает такие значения, как 'казацкое селение', 'пекарня', 'будка, шалаш' для русского, 'изба' для украинского языка.

Уже эти данные свидетельствуют о том, что в русском языке для слова *курень* наблюдается широкий круг значений. Данные диалектологических атласов и областных словарей существенно расширяют этот круг. На территории, которая была охвачена картографированием, некоторые из значений дали заметные ареалы.

Составленная нами карта Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) «Значения слова *курень*» послужила исходным материалом исследования, посвященного методу использования лингвогеографических данных при изучении истории семантического диалектного различия [2]. Сначала будет проанализирован только тот материал, который был собран после Великой Отечественной войны (условно считаем его отражающим синхронный срез середины XX в.). Будут намечены основные группы значений по степени их близости и возможные семантические связи внутри таких групп и между ними. Затем будет рассмотрено распространение отдельных значений.[3] Эти данные мы попытаемся затем интерпретировать диахронически, т. е. проанализируем теоретические возможности возникновения разных значений в результате различных семантических изменений, исходя из этого синхрон-

[2] Материалом для статьи послужили: 1) карты диалектологических атласов русского языка по вопр. № 249 «Программы» (есть ли слово *курень* и каково его значение); № 452 «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» (сост. Т. Г. Строганова); № 48 доп. фонда «Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы» (сост. Л. П. Жуковская); № 350 «Атласа русских говоров центральных областей к югу от Москвы» (сост. О. Н. Мораховская); доп. фонда «Атласа русских говоров центральных областей к востоку от Москвы» (б/№, сост. О. Н. Мораховская), а также материалы «Атласа русских говоров северо-западных областей РСФСР»; 2) картотеки Словарного сектора Ин-та языкознания АН СССР (Ленинградское отделение): словаря русских народных говоров (КОС; список сокращений см.: «Словарь русских народных говоров», вып. I. Сост. Ф. П. Филин. М.—Л., 1965, раздел «Источники»); словаря современного русского литературного языка (КССРЛЯ); словаря XVIII в. (СК XVIII); 3) картотеки Ин-та русского языка АН СССР: древнерусского словаря XI—XIV вв. (лексема *курень* отсутствует); древнерусского словаря XI—XVII вв. (МДРС). Наши данные существенно дополняются материалами по Нижнему Поволжью и особенно по Волгоградской обл., рассмотренными в статье: Л. М. О р л о в. О многозначности слова *курень*. — Сб. «Содержание и методика преподавания русского языка в средней и высшей школе». Волгоград, 1972.

[3] В основе синхронного рассмотрения материала лежит теория диалектного различия как она сформулирована во вступительных статьях к «Атласу русских говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957) и в других статьях Р. И. Аванесовым, а также в книгах «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962) и «Русская диалектология» (М., 1964).

В анализе семантической структуры слова *курень* в диалектном языке мы пытаемся применять общие положения русской и советской лексиколо-

ного языкового материала. И, наконец, будет исследован остальной лингвистический материал и сделана попытка представить конкретную историю развития значений слова *курень* в русском языке в связи с внелингвистическими данными.

ДАННЫЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРОВ

Звуковая форма

1. Лексема *курень* известна говорам русского языка чаще с ударением на втором слоге, реже — на первом слоге слова (преимущественно на востоке).

Как правило, эти варианты не закреплены за разными значениями: «. . . *ку́рень* или *куре́нь* употребляется в значении ‘группа растений или куст травы’. В других значениях это слово в говоре не употребляется» [4] (д. Шитово Уренск. р-на Горьковск. обл.); «*куре́нь* (картошки) — ‘куст картофеля’; *куре́нь* — ‘пекарня’ раньше (обычно для баранок, калачей и пр.)» (д. Владимировка Лысковск. р-на Горьковск. обл.; с. Никулино Порецк. р-на и с. Турдаково Кувакинск. р-на Чувашск. АССР). Из двух соседних населенных пунктов в одном (с. Михеевка Ардатовск. р-на Горьковск. обл.) в значении ‘два дома рядом’ отмечено *ку́рень*, в другом (с. Смирново Дивеевск. р-на Горьковск. обл.) в том же значении — *куре́нь*.

Но есть ответы, свидетельствующие о возможности закрепления разных значений за разными акцентными вариантами: так, в с. Сухой Карсун Карсунск. р-на и д. Томбы Майнск. р-на Ульяновск. обл. *ку́рень* означает ‘куст картошки’, а *куре́нь* — ‘пекарня’. В с. Базарная Кеньша Николо-Пестровск. р-на Пензенск. обл. *ку́рень* — ‘плоды картофеля на одном корне’, *куре́нь* — ‘пшеничный калач’.

2. Из всех ответов, которые дают возможность судить о роде существительного *курень*, только в одном оно отмечено наряду с мужским в женском роде: «Слово *куре́нь* употребляется в следующих контекстах: ой, *какая куре́нь*! (когда собралось много молодежи); *какой куре́нь* ребят-то растет (про семью, где много детей); сидит *в какой куре́ни* (скажут о парне, сидящем в кругу девушек)» (с. Данилково Судайск. р-на Костромск. обл.).

3. Звуковую форму *ку́ревень*, вероятно, следует рассматривать как вариант звуковой формы *ку́рень*, так как она приводится в том же вопросе «Программы» со значениями: «*куревень* — участок леса, расположенный где-нибудь на открытом пространстве:

гии как они изложены в работах Д. Н. Шмелева с учетом идей Н. Н. Амосовой, В. В. Виноградова, М. М. Покровского, А. И. Смирницкого, Л. В. Щербы и др.

[4] Здесь и ниже тексты ответов приводятся, как правило, без изменения формулировок, или же указывается только значение. Диалектные тексты передаются в орфографии.

куревéнь йесь, *куревéнь* леса» (д. Тарасонаволоцкая Устьянск. р-на Архангельск. обл.). «Говорят *кýревень*, подразумевая под этим либо участок леса, предназначенный для вырубки (на дрова), либо уже срубленный на дрова лес: *кýревень*; не рýбляной лес; лесу целой *кýревень*» (Д. Сабурово того же р-на). «*Кýревень* — ʻбольшой кустʼ» (д. Заболотье Черевковск. р-на Архангельск. обл.).

Отметим также: «*курéнь* — ʻшалаш в лесуʼ: *курленёк*» (д. Васильево Тейковск. р-на Ивановск. обл.).

4. В формах косвенных падежей, а также в им. п. мн. числа, насколько можно проследить по нашим материалам, гласный *е* второго слога сохраняется не во всех говорах; в некоторых отмечено *курня́* или *кýрня* (как *плетня́*, *пáрня*). Например: «*курéнь* — очень много ягод; *на курне́* была» (д. Маслово Звенигородск. р-на Московск. обл.); «*курéнь* — в Руссы бывали *курни́*, баранки пекли» (д. Нагатино Старорусск. р-на Новгородск. обл.); «*курéнь* — поворот; *на курню́* — река круто сворачивается» (д. Тарасы Великолукск. р-на Великолукск. обл.); «*курéнь* — грыбы *курнём* растут» (с. Ромашково Кунцевск. р-на Московск. обл.); «*курéнь* (травы, репейника, грибов); сидит *кýрнем*: ʻкучка, пучокʼ — о растущих предметах» (д. Даниловское Галичск. р-на Костромск. обл.); «*курéнь*, *курни́* — ʻкорень, корниʼ» (с. Веска Рязанцевск. р-на Ярославск. обл.); «*кýрень* — куст картофеля вместе с картофелинами; *два кýрня*» (д. Удельный Шумец Юринск. р-на Марийск. АССР); «*курéнь* (*курня́*, *курнём*) — ʻгнездо картофеляʼ» (с. Гулюшево Сурск. р-на Ульяновск. обл.).

С сохранением гласного отмечено: «*курéнь* — куст растений; у меня рожь-то уродилась *куренями*» (д. Водяново Шуйск. р-на Ивановск. обл.); «*курéнь* — строили *куряни́* из плетня и каравулили кавуны» (д. Шмарное Фатежск. р-на Курск. обл.).

Из-за отсутствия сколько-нибудь регулярных данных (здесь приведена большая часть содержащих их ответов) мы вынуждены ограничиться лишь этими замечаниями. Выяснить наличие или отсутствие каких-либо регулярных соответствий указанной особенности изменения основы в формах словоизменения каким-либо значениям не представляется возможным [5].

Значения

Значения слова *курень* можно сгруппировать по степени их близости, определяемой интуитивно.

1. Наиболее четко отграничивается круг значений, связанных с понятием о пекарне. В подавляющем большинстве случаев словом *курéнь* называли пекарню для выпечки баранок, калачей,

[5] Можно предполагать, что чаще утрачивается гласный в формах словоизменения слова *курень* в значении ʻкустʼ, ʻединица растенияʼ по аналогии с *корень*, *корня*. . ., но надо учесть, что формы словоизменения чаще приводятся в ответах именно для этого значения, что вполне объяснимо (см. ниже).

вообще изделий из пшеничной муки (см. карту). Значение может быть ограничено другими признаками: «*куре́нь* — маленькая пекарня, где работают вручную» (с. Репьевка-Колхозная Майнск. р-на Ульяновск. обл.).

В отдельных случаях *куре́нь* означает: «. . . что-то вроде чайной в прошлое время; *в курене́* продавали чай и калачи» (с. Тазино Б.-Березниковск. р-на Мордовск. АССР); ‘кабак’ (д. Дор Мяксинск. р-на Вологодск. обл.); ‘булочник’ (с. Михайловское Брейтовск. р-на Ярославск. обл.); ‘печь для белых пирогов’ (с. Чекашева Поляна Ковылкинск. р-на Мордовск. АССР), а также изделия, производимые в курене [6], а именно: «‘особого рода крендель’. Такие крендели пекли в старое время. Сейчас их не пекут, и многие даже не представляют, что это такое» (д. Большая Погорелка Тутаевск. р-на Ярославск. обл.); ‘баранки круглые’ (д. Слобода Буйск. р-на Костромск. обл.); ‘пирожки с начинкой’ (с. Колесовка Чембарск. р-на Пенз. обл., КОС, В. П.).

Значение ‘пекарня’ отмечено у слова *курень* в современных говорах, как правило, применительно к тем маленьким пекарням, которые существовали в прошлом и которых уже нет сейчас. Память о них постепенно стирается [7], и распространение слова в этом значении, в общем довольно широкое, не образует компактных территорий. Кроме ареалов, показанных на карте, есть сведения для Куйбышевской обл. (КОС, О. Кузнецова), для южнорусского Заволжья (КОС, Л. И. Баранникова). В материалах по Куйбышевской обл. *куре́нь* приводится не только в значении ‘пекарня’, но и ‘кухня’ (с. Пестравка Пестравск. р-на и д. М. Дергуновка Б. Глушковск. р-на).

(II) Другой круг значений связан с такими лесными промыслами, как выжигание угля, получение других продуктов перегонки древесины, вообще лесоразработки. Чаще всего слово *куре́нь* в этой группе значений означает ‘место в лесу, где жгут

[6] Пользуясь материалами атласов и других источников, мы принимаем во внимание определения значений, приводимые собирателями диалектологических материалов или информантами, какими бы рамками они ни ограничивались, но учитываем возможность разной интерпретации, так как наблюдения показывают, что любое ограничение в диалектном языке возможно. Если, например, по данным одного говора, *курень* — это ‘крендель’, по данным другого — это ‘калач’, т. е. ‘пшеничный хлеб круглой формы , а по данным третьего — это ‘пирожки с начинкой’, то все эти указания мы понимаем как возможность и того, что каждое изделие было обычно только в том говоре, где оно названо *куренем* (а другие не выпекались), и того, что для примера названо только наиболее обычное изделие, но и другие будут названы так же, когда они будут выпечены, и того, наконец, что если изделия «в ассортименте», то лишь одно из них будет названо *курень*.

[7] Сохранение слова *курень* в значении ‘пекарня’ в живом употреблении, насколько можно судить по ответам, возможно в единичных случаях, например: «Пойду в *куре́нь* за хлебом; нет ли *в курене́*; *куре́нь* — ‘пекарня’» (д. М. Ртищево Курмыкск. р-на Горьковск. обл.); «*Куре́нь* — пекарня, дом, где пекут хлеб; так называется и в городе (г. Углич). Другого значения нет» (д. Горушки Угличск. р-на Ярославск. обл.).

(«гонят») уголь' (см. карту); 'место выжига угля' (КОС, II, 1044, Сиб. Королев, 1968). Иногда есть уточнения, касающиеся самого этого места: 'яма в лесу, где жгут уголь' (д. Шапкино Боровичск. р-на Новгородск. обл.). Несколько иначе передается значение в следующих случаях: 'постройка для получения угля' (д. Ново-Дмитровка Выксунск. р-на Горьковск. обл.; с. Хинель Севск. р-на Брянск. обл.); «куча дров, покрытая землей; дрова поджигают, и получается уголь» (д. Корнеевка Ермишинск. р-на Рязанск. обл.).

Значение 'лесоразработки' в пределах картографированной территории представлено очень редко, в единичных случаях: «'место лесоразработок': *в куре́нь* уехали работать; лесная работа *куренём*» (д. Полуночинки Дивеевск. р-на Горьковск. обл.); «место в лесу, выделенное для заготовки дров» (с. Чуварлей-Майдан Ардатовск. р-на Горьковск. обл.). За пределами ДАРЯ это значение отмечено на Урале (из позднейших данных — КОС, Свердл., Пашковский, 1965).

К этой же группе значений относим 'поселок в лесу на расчищенном месте' (с. Шерстино Арзамасск. р-на Горьковск. обл.). Но, как увидим ниже, такое значение можно отнести и в другую группу.

Значение 'смолокурня', 'изба, где гнали, курили деготь' также отмечено в единичных говорах (с. Красная Слобода Суземск. р-на Брянск. обл., д. Леготково Киришск. р-на Ленинградск. обл., д. Родное Тотемск. р-на Вологодск. обл., д. Вятский Починок Шарьинск. р-на Костромск. обл.). Это значение, связанное с понятием производственных помещений, одновременно может войти и в другую группу значений, в которую входит и рассмотренное выше значение 'пекарня' и единично встретившееся 'будка, где коптят окорока' (д. Товбозино Унечск. р-на Брянск. обл.).

III. В эту группу мы объединяем такие значения, как 'жилище', 'помещение (постройка) для домашних животных', 'сооружение, служащее укрытием от солнца или непогоды'.

В качестве названия крестьянского жилища *курень* в русских говорах в пределах ДАРЯ (см. карту) обычно является архаизмом и характеризует какой-либо признак отрицательного качества. Часто это признак топки по-черному: 'курная изба' (деревни Маковье, Краснобаиха и Кривицы Усть-Долысск. р-на Великолукск. обл., д. Бугаевка Погарск. р-на Брянск. обл. и др.); признак ветхости: 'развалившаяся хата' (д. Сверчково Починковск. р-на Смоленск. обл.); 'ветхая, плохая избушка' (с. Дольское Детчинск. р-на Калужск. обл., д. Сенча Суражск. р-на Брянск. обл., с. Спасское Корсаковск. р-на Орловск. обл., д. Первое Скородное Золотухинск. р-на Курск. обл. и др.); признак небольшой величины (с. Лопатни Клинцовск. р-на и д. Хохловка Климовск. р-на Брянск. обл.). Особо отметим: 'хата из плетня' (с. Спасское-Лутовиново Мценск. р-на Орловск. обл.).

За пределами ДАРЯ мы располагаем данными по Холмогорскому р-ну Архангельск. обл., где слово *курень* также употребляется в значении ‘жилая постройка’ с признаком отрицательного качества или малой величины (КОС, Пирогова, Описание говора, 1952, 1956); по Ростовской обл.: здесь отмечено «*курень* — квадратный дом с четырехскатной крышей» (Романовский р-н, КОС, Рожкова, 1948—1950); по Волгоградской обл., где отмечены значения: ‘дом вообще’ и с разными признаками качества и величины (Л. М. Орлов, О многозначности слова *курень*); по Хакассии: «*курень* — избушка» (КОС, 1966, г. Абакан).

В значении ‘помещение (постройка) для домашних животных’ выделяются три варианта: ‘постройка для скота’, ‘постройка для домашней птицы’ и ‘постройка для кур’. Отмечено это значение в немногих говорах (см. карту); характерно, что его основное распространение все же оказывается в ограниченных пределах, намечая своего рода ареалы.

Значение ‘сооружение, служащее укрытием от солнца или непогоды’ известно в нескольких разновидностях, большинство из которых объединено тем, что предназначается такое укрытие для лиц, исполняющих какую-либо хозяйственную или производственную функцию (сторожей на бахчах и в садах, рыбаков, охотников, лесозаготовителей и т. п.), вообще для укрытия чего-то от внешних условий. Само сооружение представлено и постройками типа избы, и шалашами, и досчатыми времянками.

Курень в значении ‘шалаш’ (т. е. сооружение из жердей или веток, покрытых соломой или травой) образует самый значительный из всех ареалов компактного распространения этого слова (см. карту). При характеристике реалии *курень* ‘шалаш’ в пределах основной территории его распространения дается ряд ограничений, большинство из которых, по-видимому, носит ситуационный характер. Так, имеются многочисленные указания, что *курень* — это шалаш в поле, на бахчах, которые чаще всего, очевидно, означают только то, что *курень* обычно делался именно в поле и на бахчах; в других случаях, наоборот, указывается, что это — шалаш в саду или на огороде, очевидно, по той же причине.

Столь же зависимы от ситуации такие детали устройства *куреня*, как наличие или отсутствие покрытия поверх жердей: чаще всего жерди, палки или ветки крыты соломой, иногда — обложены дерном, иногда — просто ветки. Никаких указаний на то, что от таких деталей местоположения или устройства зависит название, в материалах этих говоров мы не находим.

Однако за пределами основного ареала во многих случаях *курень* определяется только как ‘шалаш в лесу’ (см. карту). О возможном в этих случаях различии в устройстве *шалаша* и *куреня* мы узнаем из такого, например, ответа: «*куре́нь* — шалаш в лесу; *шала́ш* травой покрывают поверх веток, а *куре́нь* только ветками» (КОС, с. Н. Сузун Сузунск. р-на Новоси-

бирск. обл.) [8]. Возможно, что какая-то специфика устройства такого шалаша связана с особыми условиями в лесу и с какими-нибудь специальными функциями (см. сноску 8). Ср. единично встретившееся: «*куре́нь* — летом в лесу делают что-то вроде вышки или нар, под которыми разводят огонь, чтобы отогнать комаров» (пос. Козелкино Брянск. р-на Брянск. обл.).

То же назначение временного убежища имеют и устройства типа землянок, и легкие деревянные или плетневые постройки. В пределах ареала «*курень* ‘шалаш’» или близко за его пределами они также называются *куренями* (см. карту).

С другой стороны, выделяется такой случай, когда сооружение типа шалаша, называемое также *куренем*, устраивается не для укрытия людей от солнца или непогоды, а в качестве наземного сооружения над погребом (см. карту). Любопытно, что в пределах основного ареала есть говоры, в которых *курень* означает одновременно и ‘шалаш’ и ‘сооружение над погребом’, т. е., по-видимому, значение его связано с определенным устройством, а не с назначением реалии (например, в с. Дроновка Грайворонск. р-на и д. Андреевка Чернянск. р-на Белгородск. обл., в селах Архангельское и Горенские Выселки Рождественско-Хавск. р-на Воронежск. обл. и др.).

За пределами ДАРЯ слово *куре́нь* в значении ‘шалаш’ отмечено в Куйбышевской обл. (КОС, II, 899, Алекс. Куйб., Бондалетов, 1945), в г. Минусинске Красноярск. края (КОС, 1968 г.), в Хакассии (КОС, Абакан, Хакассия, ст. Ербинская).

IV. В следующую группу можно, как нам представляется, объединить такие значения, как ‘совокупность однородных или тесно расположенных предметов’, ‘участок, на котором расположена какая-то совокупность предметов’, ‘большое количество на ограниченном пространстве’ и некот. др.

По говорам часто наблюдаются те или иные ограничения в сочетаемости слова *курень* при реализации этих значений (см. карту).

В значении ‘совокупность однородных или тесно расположенных предметов» такие ограничения образовали некоторые ареалы на территории ДАРЯ. Весьма отчетливо выделился небольшой ареал употребления слова *курень* применительно к группе людей по возрасту или другому признаку (см. на карте в говорах недалеко от Москвы к востоку и юго-востоку от нее); например: «‘группа людей одного возраста’; она в таком *курене* гуляла;

---

[8] Ср. аналогичные случаи — различные названия в зависимости от материала: «*шала́ш* — из елочек делают их, когда ходят за тетеревьём; *стано́к* — из корки еловой» (д. Васильевка Солигаличск. р-на Костромск. обл.) или устройства: «1) *сала́ш* (делается из досок или веток); 2) *поткур* (большой салаш на столбах, в нем разводили теплину, огонецик от комаров)» (д. Большие Рымы Макарьевск. р-на Костромск. обл.). Название *подкур* для шалаша в лесу отмечено по нашим материалам также в д. Восково Бабаевск. р-на Вологодск. обл., д. Исаиха и Базан Ветлужск. р-на Горьковск. обл. и д. Сухой Овраг Тоншаевск. р-на Горьковск. обл.

курень постарше, *курень* помоложе» (с. Дарищи Коломенск. р-на Московск. обл.).

Слово *курень* может употребляться только применительно к совокупности домов: ‘два дома рядом’ (с. Михеевка Ардатовск. р-на и с. Смирновка Дивеевск. р-на Горьковск. обл.); ‘пять дворов’ (с. Юрьево Пителинск. р-на Рязанск. обл.); ‘часть села, деревни, околоток’ (с. Мисяцево Куровск. р-на Московск. обл.).

Употребление слова *курень* в этом значении применительно только к явлениям растительного мира также имеет место, например: ‘березы в лесу, собранные в одном месте’ (д. Лыково Верхне-Ландеховск. р-на Ивановск. обл.); ‘небольшая группа деревьев (березок, сосенок. . .)’ (д. Герасимово Парфеньевск. р-на Костромск. обл.).

Но чаще слово *курень* может быть употреблено и применительно к деревьям, кустам, и применительно к другим предметам [9]: «*ку́рень* — тесная совокупность однородных предметов, обычно растущих: грибов, ягод, деревьев; девушки одного возраста тоже составляют свой *ку́рень*» (д. Костино Судайск. р-на Костромск. обл); «*курень лесу*, *курень девок*, *курень народу*, *курень картошки* [?] и т. д.» (д. Елкино Залесн. р-на Горьковск. обл.).

Значение ‘совокупность предметов’, если слово *курень* употребляется применительно к растениям, может быть осложнено представлением о месте, на котором расположена эта совокупность: «*куре́нь* — нет; но: *куре́нь лесу* — отдельная группа деревьев, отдельный участок леса» (д. Легково Южск. р-на Ивановск. обл.).

Это представление, по-видимому, может стать основным признаком значения: «‘отдельный участок чего-либо’: *курень ржи*, *курень проса*, *курень леса* (д. Медвежье Палехск. р-на Ивановск. обл.); ‘участок поля’ (д. Лукино Южск. р-на Ивановск. обл.); ‘участок (поля, луга или леса)’ (с. Гавришево того же р-на) и др.

К значению ‘совокупность’ тесно примыкает значение ‘большое количество’. Однако речь идет только о предметах, расположенных на ограниченном пространстве.

Совокупность может состоять из любого количества предметов, но одни предметы считаются на единицы, другие — на десятки, третьи — на сотни, тысячи и больше. Как мы уже показали, слово *курень* в некоторых говорах может относиться только к домам, и в этом случае предметы исчисляются от двух в одних говорах до нескольких десятков в других. Теми же цифрами могут исчисляться курени девушек одного села. А курень леса — это уже и десятки и сотни, а может быть, и тысячи деревьев. Курень грибов, а тем более ягод — это уже множество. Как бы то ни было, но слово *курень* в значении ‘большое количество’ связано преиму-

---

[9] В наших источниках не встречается широкого применения этого слова к любой совокупности, ни разу не встретилось, например, словосочетание *курень лошадей*, *коров*, *курень волков* и т. п. Но см. у Даля: «*кура*, от *курево*, *курень* (уральск. каз.), отара, овечье стадо в поле».

щественно с растительным миром «на корню», чаще всего с ягодами и грибами (см. карту), реже относится к людям.

Значения ‘совокупность’ и ‘большое количество’ почти всегда трудно расчленить без соответствующего контекста. Мы только тогда убеждаемся, что слово означает действительно ‘совокупность однородных предметов’, когда встречаем какое-то определение однородности предметов: *бабий курень, курень постарше, курень помоложе, она из моего куреня* (т. е. одного со мной возраста). И, наоборот, о значении ‘большое количество’ говорят такие контексты: «такая помовка: ой какой, говорят, попал *курень ягод*! Это называют *курень*» (д. Евда Красноборск. р-на Архангельск. обл.); «Если много девок, то говорят: *целый курень девок-то*; в значении «чего-нибудь много»: *курень картошки* [!], *курень (куча) народу*» (д. Мостовка Залесн. р-на Горьковск. обл.); «*целый курень стоит* (собралось несколько человек) (д. Коврево Егорьевск. р-на Московск. обл.).

Как видно из карты, употребление слова *курень* по отношению к грибам и ягодам дает ареалы, т. е. имеет место известное ограничение употребления, причем трудно разграничить значение ‘совокупность’, ‘ограниченное пространство’ и ‘большое количество’: в этом употреблении они все, по-видимому, присутствуют.

За пределами ДАРЯ этот круг значений известен в ряде районов Архангельской обл., например: «*ку́рень* — островок леса на лугу, в поле» (КОС, II, 915, Верхне-Тоем. Арх., 1963—1965); «*ку́рень* — ягодное место: *ку́рень* какой большой; ягод много — обязательно *ку́рень*» (КОС, II, 30, Вилегодский р-н, с. Никольское, 1957), в Зауралье (КОС, II, 792, Зауралье, Тимофеев, 1962) и в Сибири (КОС, II, 1044, Сиб. Королев, 1968); см. также: «*курень, -я*, м. кучно растущие растения. *Курень* — трава вырастает куренями. *Курень* — когда вместе лесины стоят, кучей. *Курень* — трава или кусты» (КОС, I, 783, Басс. ср. течения р. Оби, 1964, 1965); «*ку́рень, ня*, м. — камышовые заросли; *ку́рень* — прокос пройден, а *ку́рень* оставлен» (КОС, II, 816. Новосиб. Сузунск. д. Каргаполово, 1965); «*ку́рень* — небольшая площадь, на которой растут ягоды; на такой славный *ку́рень* натакались» (КОС, II, 129, Алымовка, Кирен. Иркут., Бобряков, 1960).

V. Могут быть выделены в отдельную группу значения ‘густо ветвящееся дерево, куст или другое растение’, ‘корень’, ‘крутой поворот реки, дороги’, поскольку их объединяет представление об общей исходной точке. В первых двух значениях это представление обнаруживается вполне явственно. Значение ‘крутой поворот реки, дороги’ содержит то же представление об общей исходной точке, откуда пути расходятся под углом, как ветви у куста, но ареал этого значения находится в другом месте (см. карту).

Сюда же мы относим значение ‘единица счета’ в связи с тем, что можно *куренями* (*курнями*) исчислять посадки, а уродившимся на одном *курене* (*курне*) количеством продукта измерять урожай

(или вообще количество, необходимое для потребления [10]) (см. карту).

За пределами ДАРЯ материалы относятся главным образом к Куйбышевской обл., где *ку́рень* — это либо ‘куст картофеля’, либо ‘куст вообще всякого растения’ (КОС, I, 213, Куйб. Малаховский, 1939—55): «*ку́рень* — картошка, помидоры; *вилóк* — капуста» (КОС, II, 210, Камышл. Куйб. Безуглова, 1966); «*курень* (куст картофеля)» (КОС, II, 939, Куйбыш., Березовка, 139); «*ку́рьнь* — корни у картофеля» (КОС, В—3/465, Курум. Е. Кубарев, стр. 23 (195), II, 939); «*курень* — корень картофеля; при копке картофель считают *по курням*» (КОС, II, 939, с. Красный Яр Куйбыш. обл., Записки А. Хенкиной, стр. 1 об., 1956); «*куре́нь* — куст, один корень какого-либо растения: *куре́нь вишни, смородины; двадцать курней капусты посадила* (КОС, II, 181. Переволоки, Шиган. Куйб. 1957—1961). В Саратовской обл. также известно *куре́нь* в значении ‘куст картофеля’) (КОС, с. Царевщина Балтайск. р-на, Э. Худякова, 1946—1949, I, 98; КОС, Л. И. Баранникова).

Семантические признаки, определяющие группировку значений

Если попытаться определить, что лежит в основе такого интуитивного распределения значений на группы, то в большинстве случаев будут выявляться общие семантические признаки (ОСП), которые обусловлены самими свойствами обозначаемых реалий. Эти ОСП характеризуют в основном отдельные группы, но могут соприсутствовать в некоторых значениях разных групп или характеризовать подгруппы значений в отдельных группах.

Выделяются следующие ОСП: (I) ‘обрабатывать с помощью огня’; (II) ‘принадлежность к растительному миру (лесу) или связь с ним’; (III) ‘пристанище, укрытие’; (IV) ‘совокупность однородных предметов’; (V) ‘разветвление от одной исходной точки’; (VI) ‘ограниченное пространство’.

ОСП ‘ограниченное пространство’ не выделяет самостоятельную группу значений. Он, во-первых, всегда сочетается с ОСП ‘пристанище, укрытие’ и потому даже не осознается. Затем, он часто сочетается с ОСП ‘совокупность однородных предметов’ и ‘принадлежность к растительному миру’.

Кроме выделенных ОСП, в некоторых значениях присутствуют другие семантические признаки (СП), объединяющие отдельные значения в подгруппы, вскрывающие возможные связи отдельных подгрупп значений со значениями, характерными для групп,

---

[10] Автору настоящей статьи (уроженке г. Пензы) с детства знакомо выражение *два—три курня́* (*курешка́*) применительно к картошке; столько примерно поручалось нарыть картошки для одной готовки.

объединенных другими СП. Так, выделенная нами группа значений I, которая характеризуется ОСП (I), ‘обрабатывать с помощью огня’ не охватывает всех значений с этим ОСП. В ней присутствует ограничение, подразумевающее лишь обработку с помощью огня в целях приготовления пищи, причем в одних значениях это — помещение, предназначенное для такой обработки, в других — орудие (печь), в третьих — результат, в четвертых — лицо, реализующее действие или результат.

В подавляющем большинстве значений I группы присутствует дополнительный СП — ‘печь из муки, преимущественно пшеничной’; только в значениях ‘кухня’ и ‘помещение для копчения окороков’ этот СП отсутствует.

С другой стороны, оба последних значения, а также варианты значения ‘пекарня’ объединяются со значениями ‘смолокурня’ и другими возможными значениями (см. ниже) с СП ‘производственные помещения’, которые не входят в группу I.

Значения ‘смолокурня’, ‘место в лесу, где выжигают уголь’, ‘яма в лесу, в которой жгут уголь’ и ‘покрытая землей куча дров, которую пережигают на уголь’, несмотря на то, что все они содержат ОСП ‘обрабатывать с помощью огня’, интуитивно были отнесены нами в другую группу: более «весомым» оказался ОСП (II) — ‘принадлежность к растительному миру (лесу) или связь с ним’, который характеризует все значения группы II (лесные промыслы), но который характерен для многих значений других групп, кроме группы I.

Значение ‘чайная, где пекут и продают баранки’ содержит ОСП (III) ‘пристанище, укрытие’, однако решающим при интуитивном отнесении этого значения в группу значений V оказался не этот СП, и даже не ОСП (I) ‘обрабатывать с помощью огня’, а именно тот содержащий ограничение СП ‘печь из муки (преимущественно пшеничной)’, который сыграл главную роль при выделении группы I.

Таким же образом можно рассмотреть и структуру других групп значений, выделенных интуитивно, и во всех случаях оказывается, что одни СП объединяют все значения данной группы, но могут быть обнаружены и в ряде значений других групп; другие же СП объединяют часть значений одной группы и часть значений другой группы. Это, однако, не ведет к разрушению выделенных нами групп, так как какие-то признаки оказываются все же более значимыми в самом нашем сознании, а лишь заставляет признать отношения между значениями слова *курень* так или иначе связанными в единое семантическое микрополе [11]. Представление об этих связях дает таблица.

[11] Мы считаем возможным называть семантическим микрополем совокупность значений лексемы, которая не представляет диахронического тождества, если, во-первых, объектом исследования является лексема одного языка и если, во-вторых, значения лексемы могут быть во всей своей совокупности уподоблены таким, которые образуют полисемию в микросистеме.

Распределяя по группам и подгруппам значения этого слова, мы обнаруживаем, что между значениями наблюдаются мотивированные семантические связи.

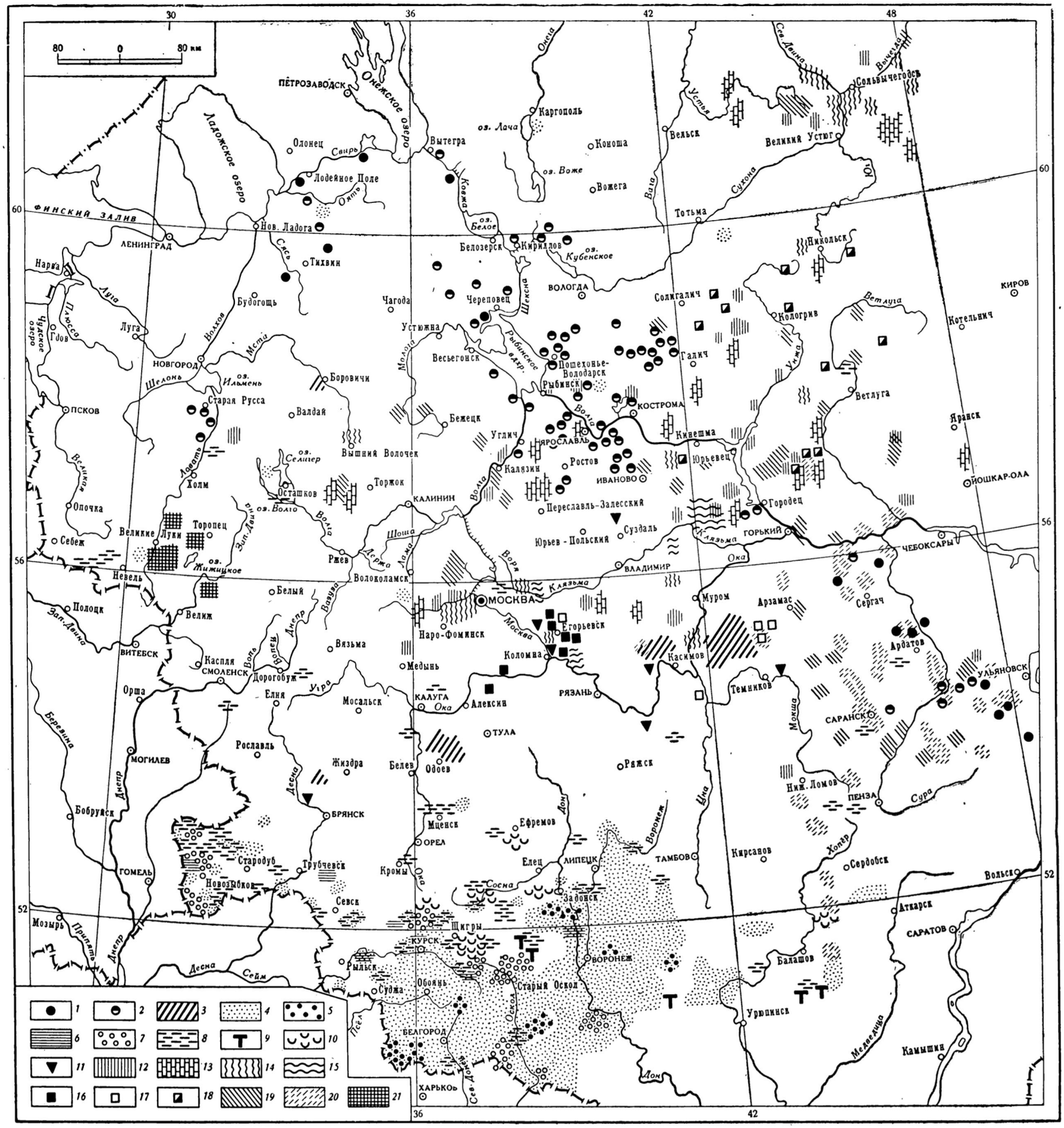
Конечно, мы не должны забывать о том, что рассматривается не многозначное слово в микросистеме, а диалектное различие по признакам плана содержания, и что разные значения одной лексемы являются соотносительными членами этого различия в разных говорах. Диалектная специфика проявляется в многочленности, т. е. в том, что для одной лексемы зафиксировано несколько десятков значений. Тем не менее в структуре диалектного языка их можно рассматривать как разные типы по-разному мотивированной многозначности [12]. Обращает на себя внимание, что, представляя в целом такое соотношение, которое можно уподоблять цепочечной полисемии микросистемы, разные значения в некоторых подгруппах содержат аналогии радиальной полисемии. Так, разные значения с ОСП 'обрабатывать с помощью огня', будучи осложнены семантическим признаком 'печь из муки (преимущественно пшеничной)', могут быть представлены в виде цепи значений 'помещение, где пекут', 'печь, в которой пекут', 'то, что выпекается', 'тот, кто выпекает'. Значения с тем же общим компонентом, осложненные семантическим признаком 'производственные помещения', могут быть поняты как аналогия радиальной полисемии [13].

Значения слова *курень* могут быть рассмотрены в диахроническом аспекте — как разные ступени семантических изменений,

Диахроническим тождеством, может быть, правомерно ограничивать исследование семантических микрополей лексем в родственных языках (см.: Н. И. Толстой. Из опыта типологических исследований славянского словарного состава. — ВЯ, 1963, № 1; 1965, № 3). В рамках одного языка представляется целесообразным снять указанное ограничение для случаев, которые могут быть уподоблены полисемии микросистемы, сохраняя его для тех случаев, когда это условие отсутствует, т. е. когда лексема, представляя лишь синхроническое тождество, имеет значения, отношения которых аналогичны отношениям омонимов в микросистеме (например, *бурак* 'свекла' и *бурак* 'берестяной сосуд цилиндрической формы'). Лексема *курень* представляет в большинстве говоров синхроническое тождество (в двух вариантах *куре́нь* : *ку́рень*, не закрепленных за разными значениями), не представляя тождества диахронического (см. выше). О семантических микрополях см.: О. Н. Морахо вская. К вопросу об отграничении лексико-семантических групп при изучении структуры лексико-семантических диалектных различий лингвогеографическими методами. «Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу». Тезисы докладов. М., 1973.

[12] Мы тем более считаем правомерным проводить аналогии с полисемией микросистемы, что исследователи литературного языка часто рассматривают многозначность без учета того, что широкое привлечение материала не гарантирует принадлежности к одной микросистеме хотя бы вследствие неоднородности семейных языковых традиций носителей литературного языка (в том числе писателей) — уроженцев разных мест.

[13] О понятиях радиальной и цепочечной полисемии см.: Ю. Д. Апресян. О регулярной многозначности в русском языке. «Изв. АН СССР», серия лит-ры и языка, 1971, № 6. См. также: Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, стр. 182.

Карта. Значения слова *курень*

1 — ‘пекарня’;
2 — ‘пекарня для выпечки баранок (или других изделий из пшеничной муки)’;
3 — ‘место в лесу, где выжигают уголь’;
4 — ‘шалаш’;
5 — ‘наземное сооружение над погребом’
6 — ‘землянка’;
7 — ‘будка, сторожка’;
8 — ‘крестьянская жилая постройка’;
9 — ‘помещение для скота’;
10 — ‘помещение для домашней птицы’;
11 — ‘шалаш в лесу’;
12 — ‘группа однородных или тесно растущих деревьев, кустов’;
13 — ‘участок леса, лес’;
14 — ‘участок грибов, ягод’;
15 — ‘отдельный участок чего-либо’;
16 — ‘группа людей (по возрасту или другим признакам)’
17 — ‘обособленная группа домов (пара, пятерка, часть нас. п.)’;
18 — ‘большое количество чего-либо (кого-либо)’;
19 — ‘густо ветвящееся растение (дерево, куст, трава)’;
20 —‘куст картошки’;
21 — ‘крутой поворот реки или дороги’.

Таблица

Семантическое микрополе слова *курень*

Значения	Семантические признаки											
	обрабатывать с помощью огня	принадлежность к растительному миру (лесу)	пристанище, приют, укрытие	совокупность однородных предметов	разветвление от одной исходной точки	ограниченное пространство	производственное помещение	лесные промыслы	из пшеничной муки	с целью принятия пищи	связь с приготовлением пищи
Пекарня	+					×	+				+
Пекарня, где пекут баранки, калачи и под.	+					×	+		+		+
Чайная, где пекут и и продают баранки	+		+			×	+		+	+	+
Трактир	+		+			×	+			+	+
Печь для выпечки изделий из пшеничной муки	+								+		+
Разные виды изделий из пшеничной муки (или отдельные виды)	+								+		+
Булочник	+								+		+
Кухня	+					×	+				+
Постройка, где коптят окорока	+					×	+				+
Постройка, где курили смолу, деготь	+	+				×	+	+			
Покрытая землей куча дров, которые пережигали на уголь	+	+						+			
Яма в лесу, в которой жгли уголь	+	+				+		+			
Лесоразработки		+				+		+			
Место в лесу, отведенное для лесоразработок (и жилье лесозаготовителей)		+	+			+		+			
Поселок в лесу на расчищенном месте		+	+			+					
Ягодное или грибное место в лесу		+				+		+			
Участок леса		+				+					
Жилая постройка			+			×					
Постройка (помещение) для скота или домашней птицы			+			×					
Сооружение над погребом			+			×					
Шалаш			+			×					
Землянка			+			×					
Будка			+			×					
Сторожка			+			×					
Шалаш в лесу		+	+			×		+			

Таблица (*окончание*)

Значение	Семантические признаки											
	обрабатывать с помощью огня	принадлежность к растительному миру (лесу)	пристанище, приют, укрытие	совокупность однородных предметов	разветвление от одной исходной точки	ограниченное пространство	производственное помещение	лесные промыслы	из пшеничной муки	с целью принятия пищи	связь с приготовлением
Совокупность однородных предметов на ограниченном пространстве:											
деревьев, грибов, ягод, людей, домов				+		+					
или только деревьев или кустов		+		+		+					
или только о людях				+		+					
или только о растущих ягодах, грибах		+		+		+		+			
или только о домах: часть селения; группа домов			+	+		+					
Совокупность однородных предметов				+							
О людях одного возраста: «моего куреня»				+							
О людях одного рода: «бабий курень», «семья»				+							
Большое количество				+							
Количество				+							
Корень		+									
Растение, ветвящееся из одного корня		+			+						
Единица счета: мера посадок, мера урожая		+			+	×					
Крутой поворот реки или дороги					+						

позволяющие ставить вопросы относительной хронологии значений как членов диалектного различия.

Однако сразу следует сделать одну оговорку: исследуя значения слова отнюдь не гомогенного происхождения, приходится учитывать возможные семантические сближения по крайней мере двух неславянских и двух славянских корней. Поэтому нужно быть очень осторожным в определении направлений семантических сдвигов.

Попытка исходить из сугубо синхронических данных и ограничиваться только собственно языковым материалом приводит к тому, что с самого начала мы рискуем впасть в ошибку, приняв современные данные о мотивированных связях значений за указания на семантические сдвиги, имевшие место в прошлом. Очень важно разграничить действительные семантические сдвиги, имевшие место в истории слова, и те мнимые сдвиги, за которые можно иногда принять семантические сближения разных корней [14].

Другое дело — характер взаиморасположения ареалов разных значений на лингвистической карте, характер самих ареалов, их отношение к диалектному членению. Эти данные представляются нам очень доказательными в исследовании истории слова, если использовать их в связи с другими данными.

Данные лингвистического ландшафта

Современное распространение слова *курень* характеризуется значительной территориальной разобщенностью ареалов.

Основной в лингвогеографическом отношении ареал значений с ОСП (III) ‘пристанище, приют, укрытие»’, расположенный на юге и примыкающий к границам УССР, характеризуется последовательным распространением слова в одном или близких значениях (см. карту). Выше уже говорилось о том, как соотносятся между собой эти значения. Обратим внимание еще раз на то, что преобладающим здесь является значение ‘шалаш’, а значения ‘землянка’, ‘будка’, ‘сторожка’ распространены гораздо меньше. Не всегда эти значения взаимоисключают друг друга, поэтому для части говоров можно предположить, что в основе значения лежит функция временного убежища или укрытия, а не определенное устройство реалии, в то время как в другой части говоров в основе значения можно обнаружить именно признак определенного устройства.

---

[14] Попробуем, например, пренебречь данными этимологических словарей и исходить только из возможностей происхождения лексемы *курень* и ее значений от русских корней, выделяющихся в словах *кур-ить* и *кур-ица*. И нам это в значительной степени удастся: с первым корнем можно будет связать значения, содержащие компонент ‘обрабатывать с помощью огня’, считая за исходные такие значения, как ‘покрытая землей куча дров, которые пережигают в уголь’ или ‘курящийся предмет’, затем метонимически мотивированные значения ‘постройка, где курили смолу, деготь (смолокурня)’, ‘постройка, где коптят окорока’; отсюда можно предположить переход к значениям ‘кухня’, ‘пекарня’ и далее ‘печь для выпечки изделий из пшеничной муки’, ‘изделия, полученные в такой печи’, ‘лицо, реализующее выпечку и продажу этих изделий (булочник)’.

От корня *кур-*, выделяемого из названий птиц, можно выводить *курень* в значении ‘курятник’ и, допуская метонимически мотивированные ‘помещение для домашней птицы’ и ‘помещение для скота’, предположить затем метафорический перенос значения на само устройство укрытия типа шалаша, будки, а затем и курной избушки и вообще плохой, бедной жилой постройки (ср. экспрессивно-оценочное *курятник* применительно к плохому, тесному жилью).

Как бы ни распределялись внутри основных ареалов частные значения с компонентом ‘пристанище, приют, укрытие’, последовательное распространение слова *курень*, свойственного современным говорам в живом употреблении, не в качестве архаизма, отличает этот ареал от остальных, где слово *курень* имеет другие значения.

Другой ареал разных значений с ОСП (III) наблюдается в говорах Западной Брянщины, но он менее выражен и сложнее по составу значений, так как там чаще отмечено значение ‘крестьянская жилая постройка’. Однако значение ‘крестьянская жилая постройка’ (обычно с признаком отрицательного качества) вообще не образует четких ареалов в пределах картографированной территории. *Курень* в таком значении либо представляет архаизм, либо служит для обозначения устаревшей реалии (курной избы). Еще одно значение с тем же ОСП (III) разбросано за пределами ареала — это значение ‘шалаш в лесу’. Возможно, что оно имеет ближайшую генетическую связь со значениями, объединенными СП ‘лесные промыслы’ (см. ниже).

Ареалы значений ‘пекарня’ и ‘пекарня, где пекут баранки, калачи, кренделя и под.’ разбросаны, а в пределах ареалов не наблюдается хорошей последовательности распространения слова (см. карту). К тому же часто либо слово в этих значениях характеризуется как устаревшее, либо сама реалия ‘пекарня, где пекут баранки, калачи, кренделя. . .’ связывается в сознании носителей говоров лишь с прошлым.

Значения, связанные с ОСП (IV) ‘совокупность однородных предметов’ и ОСП (V) ‘разветвление от одной исходной точки’, связанные между собой территориально, представляют по характеру распространения непродуктивное явление (см. карту). Большое количество мелких ареалов, многие из которых представляют структурные разновидности, т. е. образованы тем или иным ограничением в значении или употреблении слова, позволяют предполагать здесь результат сложной истории диалектного явления. Характер распространения значений, их взаиморасположение свидетельствуют об этом. В то же время для большинства этих значений отсутствуют указания на то, что само слово устарело и не употребляется. Оно занимает в диалектных микросистемах более или менее определенное, хотя и ограниченное место, как будто не проявляя тенденции к выпадению, хотя характер его распространения противоречит этому.

Значения, связанные с лесными промыслами, образуют небольшие четкие ареалы. Ответы на вопрос «Программы» иногда сопровождаются указаниями, что лесоразработки и получение древесного угля производились для снабжения находившихся неподалеку заводов. Возможно, что в ряде случаев значение ‘шалаш в лесу’ тоже связано с бывшими когда-то лесоразработками, о чем сохранилось только отдаленное и трансформированное представление: уже не как о лесном промысле, а как о месте вре-

менного обитания в лесу. Но возможно и обратное: название временного приюта является первичным, хотя иногда оно переходило на сам промысел.

Сопоставление нашей карты с диалектным членением русского языка говорит об индивидуальном характере распространения лексемы *курень* во всех ее значениях: их ареалы не соответствуют каким-либо подразделениям диалектного членения. Можно говорить о явном преобладании южной, примыкающей к УССР локализации значений с ОСП (III) 'пристанище, приют, укрытие' [15], о преимущественно восточной, включающей центр локализации значений, связанных с ОСП (IV) 'совокупность однородных предметов', ОСП (V) 'разветвление от одной исходной точки' и ОСП (II) 'принадлежность к растительному миру'. Обращает на себя внимание, что значение 'пекарня' и связанные с ним неизвестны югу ДАРЯ и распространены больше в районах, связанных с Поволжьем.

МАТЕРИАЛЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К БОЛЕЕ РАННЕМУ ВРЕМЕНИ, И ДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Лексема *курень* нашла отражение в диалектологических материалах, собиравшихся в XIX в. и в первой половине XX в. Некоторые значения известны с XVII в. и отразились в деловых документах и переписке XVII—XVIII вв., в отдельных жанрах фольклора, в художественной литературе. Для рассмотрения значений и употребления слова *курень* в этих источниках вернемся к нашей первоначальной группировке значений.

I. Значение 'пекарня' и связанные с ним

Диалектологические источники свидетельствуют об употреблении слова *курень* в значении 'пекарня' для середины XIX в.: «пекарня, где пекут на продажу хлебы, калачи» в Астраханской губ. (КОС, Кузмищ.); «изба, в коей пекут калачи, пряники и проч.» в Саратовской губ. (КОС, Ниж. Сборн. V, 63; см. также Даль, сл. ст. «балаган»); 'булочная' в Новгородской (Тр. МДК III,

---

[15] В «Украинско-русском словаре» под ред. И. Н. Кириченко (Киев, 1958): «*курінь, -реня* 1) шалаш; обл. *курень* [Рибалки розійшлись *по куренях* спати] (Н.-Лев.); ист. *курень*». В КССРЛЯ лишь в одном старом источнике находим: «*курень* — в степи жилая изба, а иногда маленький шалаш для сторожа, в степи сделанный (по Херсонской, Екатеринославской, Полтавской, Харьковской и Киевской губ) (Бублиев). Также см.: Н. Д. К о р е н ь, М. С. Ш у ш к е в и ч. Полесская строительная терминология. — Сб. «Лексика Полесья». М., 1968; А. Е. С у п р у н. К изучению тюркизмов в белорусской лексике. «Тюркизмы в восточнославянских языках». М., 1974, стр. 63—66.

130) и Олонецкой губ. (Кулик.); 'калачная пекарня' в Симбирской губ. (КОС, Мотовилов) [16]. И для того времени отмечено метонимически мотивированное: 'хлеб, пекшийся для бурлаков', Волга (КОС, Островск.).

В словарях русского языка значение, близкое к основному из рассмотренных нами, передается следующим образом:

курень, -реня, с. м. простонар. 1. Так называется общество и жилище промышляющих съестными припасами и простонародным пойлом. *Курень калашников, пирожников, квасников, сбитенщиков* (Слов. Акад. 1792, III, 1088); подобная же формулировка дается в Словаре Бурнашева (1843). Не вполне ясно сформулировано в Слов. Акад. 1847 г.: «Жилище и общество промышленников съестными припасами и питьем»: для середины XIX в. значение этого слова вряд ли утратило социально ограничивающий элемент «предназначенные для простого народа», а словарная статья этот элемент не отражает. По-другому и тоже неясно передано значение в Словаре Даля: «Изба для рабочих или пекарня, сбитенная, пряничная, калачная» [17]. Больше подходит к рассматриваемому значению формулировка, данная Далем для слова балаган: «Балаган, в коем промышляют вареным и печеным, назыв. *куренем*». Это значение отметил в своих записках Н. В. Гоголь (КОС, I, 508). Оно нашло отражение в фольклоре: «Заломивши лихо шапку набекрень, Он отправился к куме своей *в курень*. Там кума его калачики пекла. . .» (КССРЛЯ, Л. Н. Трефолев, Песня о камаринском мужике; Русские песни XIX в., 363).

В художественной литературе мы находим слово *курень* в этом значении у некоторых писателей конца XIX в.: «. . . У калачника не мешкай *в куреню*, Не давай овса гонецкому коню» (КССРЛЯ, Н. Клюев, Песнослов, I); «Прадедушка мой имел *пирожный курень* (в Москве)» (КССРЛЯ, Лейкин, Ист. Вестн. 1906 г., № 1); «Сзади гроба, за провожавшими родственниками, ехала фура, нагруженная пряниками и коврижками из собственного *пряничного куреня* покойного, и в народ кидали тюрючки с пряниками, мармеладом и пастилой» (КССРЛЯ, Лейкин, Шуты гороховые, Среди нищей братии, 222).

К этой группе значений относится и то, которое вкладывается в слово *курень* в поговорке, записанной на Вытегре: «Седни *курень* да варень, а завтра божий день» — о расточительных людях, у которых сегодня много, а завтра ничего нет (КССРЛЯ, АГО, XXV, 28, И. Лабардин, Послов. и погов., употр. в Вытегорском у. Олонецк. губ.).

Если рассмотреть в свете всех этих различных источников данные нашей карты, а именно, территорию распространения слова

---

[16] См. также «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852.

[17] Вероятно, здесь надо выделять два значения: 1) 'изба для рабочих' с семантическими признаками 'временный приют' и 'производственное помещение' и 2) 'жилище и общество торговцев съестными припасами'.

курень в значениях с семантическими признаками ‘производственное помещение’ и ‘из пшеничной муки’, то можно высказать предположение, что слово *курень* в этих значениях было, вероятно, известно всему Поволжью. Оно могло утвердиться в результате мирных торговых связей в одном из тех значений, которые имелись в языке-источнике [18]. Это слово попало в Москву и на северо-запад скорее всего с верховьев Волги по водным торговым путям. При этом значение его изменилось, оно стало означать ‘жилище и общество (и, по-видимому, производственное помещение) торговцев съестным вообще’. Характерно, что на юго-западе европейской части РСФСР значение это неизвестно. Там судьба этой лексемы, как видно из карты, совсем иная.

К какому времени относится распространение лексемы *курень* в этом значении?

У нас нет диалектных данных для XVIII в., но фиксация слова в Академическом словаре 1792 г. достаточно убедительно свидетельствует о том, что слово было в широком обиходе и уже тогда имело несколько иное значение (‘общество и жилище промышляющих съестными припасами и простонародным пойлом’), чем те, которые отмечены в диалектах в XIX—XX вв.

Если принять версию о том, что слово в этих значениях пришло от татар Астрахани, у которых оно означало ‘пекарня’ [19], можно предполагать, что в языке городских низов оно оказалось уже с более широким значением, в котором появились семантические признаки ‘приют, укрытие’ и ‘совокупность’. В этом, возможно, сказались те социальные сдвиги, которые были следствием роста торгово-промышленного капитала по таким важнейшим торговым артериям, как Волга, Шексна (позднее Мариинская система), оз. Ильмень, р. Ловать.

Но можно предполагать и другое: ниже будут рассмотрены материалы, свидетельствующие о том, что *куренем* в XVII—XVIII вв. называлось вообще производственное помещение, назначение которого пояснялось прилагательными. Тогда можно допустить иные семантические сдвиги: ограничение значений в зависимости от наиболее распространенного в той или иной местности назначения *кореней* (подробнее см. ниже).

II. Значения, связанные с лесными промыслами

В диалектологических источниках XIX—первой трети XX в. для этой группы значений *курень* чаще всего приводится в значении ‘место в лесу, где выжигается уголь’. Сведения об этом име-

[18] См. Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1871, где указано, что так называется пекарня у астраханских татар, и что в этом значении слово перенимают русские жители города (стр. 124).

[19] Отметим, что в Южном Поволжье употреблялось и прилагательное *куренной*, связанное с значением ‘пекарня’: *куренная мука*, *куренной хлеб* (КОС, II, 216, Астрах. [Кузмищев]).

ются для Сибири (КОС, I, 418, Том., Потанин, 1863, II, 14, Челяб., Шмурло), Вятской и Пермской губ. (КОС, I, 215, Уржум. Вят., Магницкий 1882; Соликамск. у. Пермск., № 6; Красноуф. Прогр. 209; II Доп. Покр. и Яценко, 1905—1921).

Именно это значение указано в Слов. Акад. 1847: «3) На сибирских горных заводах: пространство в лесу, где рубятся дрова и выжигается из них уголь для заводского действия». То же значение, но без локальных помет, приводится в «Горном словаре» Г. Спасского (КОС, М., 1841—1843).

Для европейской России только в одном диалектологическом источнике XIX в. находим: «яма в лесу, в которой обжигают уголь» (КОС, Меленк., Ежегодн. Влад. губ. стат. ком., 1875, с. 110, Добрынкин). Характерно, что в Словаре Даля эта группа значений приводится без локальных помет: 'место выжига в лесу уголья, поташа, угольная яма, майдан, буда'. Вероятно, в этом значении слово было скорее специальным, а не собственно областным. Это отмечено уже в первой трети XVIII в.: «За воску с куреней угля по нынешнему разстоянию по $3^1/_2$ копейки с короба с 14 740 коробов, что потребно на Алапаевской завод. . .» (СК XVIII, Де Геннин, Опис. Уральск. заводов, 1735). В народе оно было распространено там, где в больших размерах получали продукты перегонки древесины (уголь, поташ и т. д.) для заводских нужд [20].

Приводя лексему *курень* в словарной статье *курить*, Даль тем не менее указывает на возможность ее неславянского происхождения: «от *куриться*, или с монгольск. *куря*, кочевье?».

В более ранних источниках встречается употребление слова *курень* с прилагательным: «. . . путь мой до сего завода лежалъ чрезъ тѣ лѣса, гдѣ заводские дровосѣки и *угольные курени* находятся» (МДРС, 1—144, Рычков, Журн. 1770). Этот материал интересно сопоставить с материалами других источников — правда, еще более раннего времени: «блиско *соловарных куреней*» (МДРС, Багалей, Материалы для истории колонизации и быта степной окраины); «около посада и соляных куреней выкопанъ ровъ» (там же). Об устройстве такого *соловарного куреня* можно отчасти судить по следующему тексту: «построены для соленого воренья *три куреня на сохахъ*» (там же). В другом источнике: «живетъ де он на речке Багмуте (!) *в курене* прикащиком у донского казака наездом *для варения соли*» (МДРС, Булав. Восст., 1704).

Этот, а также и приводившийся выше материал, в котором мы видели словосочетания *пирожный курень*, *пряничный курень* и т. д., свидетельствуют о возможности более общего значения с основными семантическими признаками 'производственное помещение', 'место, где находится промысел', 'пристанище, приют, укрытие', которые относились к одной и той же реалии. Назначение *куреня* определялось прилагательным.

---

[20] Сам процесс медленного горения обозначался глаголами *гнать*, *курить*, *выжигать*.

В собственно диалектных материалах (которые имеются у нас лишь для более позднего времени) употребление с прилагательным не зафиксировано. Возможно, что уже в XIX в. в говорах значение слова *курень* изменилось в зависимости от того, каково было преобладающее для данной местности назначение реалии «курень».

А значение ‘место в лесу, где выжигается уголь’ закрепилось за словом *курень* еще раньше и именно там, где производилось такое выжигание угля [21].

К XIX в. относится ряд сведений об обозначении словом *курень* места рубки дров (КОС, II, 579. Сибир. С. Черепанов, 1854; I, 415, Перм. Пономарев, 1861; Колывановоскр. зав., Матер. Обл. Слов. и др.).

О том, что рассматриваемые значения слова *курень* включали семантический признак ‘пристанище, приют, укрытие’, свидетельствуют наблюдения В. П. Бирюкова и А. В. Миртова: «*Курень* — место работы и находящегося тут неподалеку жилья рабочих на лесозаготовках и по выжигу угля: — Ну, не будет на заводе работы, пойду *в курень*!» (КОС, Словарь углежога, I, 235, Урал, Бирюков, 1933); «*Курень* — место лесозаготовок; поселок лесозаготовщиков. Засев огородов в *Басковском курене* сорван. . . Можно одному выехать *в курени* и наладить дело» (Кизел, Теплая гора, Пермь, Охан., Сарай, Свердл. — КОС, Урал., Миртов, 1930).

В некоторых источниках фиксируются разные семантические варианты: «Место, где вырублен лес» (КОС, I, 80, Бурнашев, 1843); «Росчисть в лесу; прежде тут производилась рубка дров и выжигался уголь. *Курени* преимущественно находятся около железоделательных заводов. *Курени* впоследствии расчищаются под покос или пашню» (Н. М. Васнецов, Материалы. . ., Вятка, 1907). Аналогичные сведения есть для Урала и Приуралья (КОС, I, 126, Мурзаевы). В Мазарской вол. Уржумск, у. Вятск. губ. «*курень* — это лесные покосы заводских крестьян» (КОС, Романов).

В каких-то из значений этой группы слово *курень* отмечено в уральском фольклоре: «Понедельник — легкий день: Кто на рудник, кто в *курень*. . .» (КОС, I, 320, Каменский р-н, В. П. Бирюков, Урал в его живом слове, 1953); «Не поеду боле сроду Я в *курень* дрова рубить: Дома легкая работа По вечерочкам ходить» (там же) и др. В языке писателя: «На заводах в то время очень нуждались в живой рабочей силе и охотно держали бродяг, скрывая их по рудникам и отдаленным *куреням*» (КССРЛЯ, Мамин-Сибир., Хлеб, 63).

Как мы видели выше, при рассмотрении данной группы значений по материалам ДАРЯ, в говорах середины XX в. отмечены главным образом значения, связанные с выжиганием угля, — именно

[21] См. еще карты «Промышленность европейской части России» 1867 и 1890 гг., помещенные в БСЭ, т. 50, 1957 г. (СССР), на которых показаны пункты горно-заводской промышленности.

они дают ареалы на нашей карте. Зафиксировано и несколько значений, представляющих семантические сдвиги, которые мы не нашли в более ранних материалах. К приведенным выше можно добавить случаи, когда утрачивается связь с каким-либо промыслом и становится очевидным сближение с корнем, связанным с процессом горения: «*курень* — тлеющий предмет» (д. Сенча, Суражск. р-на Брянск. обл.); «*курень* — большой огонь (иногда в значении 'костер'» (с. Алейниково Воронокск. р-на Брянск. обл.).

Рассмотрение материала этой группы значений во всей совокупности позволяет предполагать, что первоначально слово *курень* могло обозначать временное жилье (лесорубов и углежогов на лесоразработках, пекарей, сбитенщиков, квасников и прочих в городах, рабочих на соляных варницах и т. д.). Однако это требует дополнительной проверки. Устойчивость формулировок «место, где выжигали уголь» без упоминания о временном жилище углежогов должна быть принята во внимание при исследовании конкретных путей заимствования слова (см. Заключение).

Об устройстве жилища — *куреня* на лесоразработках имеется сообщение из Красноярского края: «*Курень* — землянка, балаган дровосеков, сборщиков орехов и т. п. Печи не имеет, и дым от очага выходит через отверстие в потолке или стене» (КССРЛЯ, Анучин, Изв. Красноярск. подотд. В.-С.отд. РГО, т. I, в. VI, 52). Сходное устройство *куреня*, служившего временным жильем рыбачьих артелей, отметил П. П. Ефименко [22] в южных степных районах европейской части РСФСР. Там он описывает полуземлянку с вытяжным окошком, снабженным плетеным щитком.

Приводя здесь описания устройства временных жилищ на различных промыслах, мы несколько забегаем вперед, так как значение 'жилище' относится к следующей группе. Но нам важно наметить здесь возможные пути возникновения рассматриваемой группы значений, их генетические связи с предшествующей и со следующей группами. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

III. Значения 'жилище', 'постройка (помещение) для скота', 'укрытие от солнца и непогоды' и связанные с ними

В диалектологических материалах XIX и первой пол. XX в. находим значительное количество сведений о распространении слова *курень* в значении 'жилая постройка'. Большая часть их относится к Области Войска Донского, но есть материалы и из других мест. С них удобнее начать рассмотрение.

Слово отмечено в губерниях Рязанской ('хата, изба. топлюшка' — КССРЛЯ, Макар.), Астраханской ('бедное жилье', 'шалаш',

[22] См.: Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 18.

'хижина' — КОС, I, 160, Бобровников, 1853), Архангельской ('черная (курная) избушка' — КОС, I, 518, Ефименко П. С., Сборн. 1867—1868, также 'убогая дымная изба, черная изба, черная баня' — КОС, I, 49, Холмог., Грандилевский, 1907), Олонецкой ('булочная', а также 'лесная избушка' — Кулик), Псковской ('изба' — КОС, II, 50, Копаневич, 1904—1918), Воронежской ('бедная хижина; хата, в которой отопление «по-черному», т. е. без дымовой трубы' — КССРЛЯ, В. Тростянский), а также в г. Уральске: «так в старину называлась изба, где жили казаки: *курени* — этим словом называется в Уральске самая старая часть города, где были первые поселения казаков — *курени*» (КССРЛЯ, Карпов).

В Области Войска Донского *курень* чаще всего означало просто дом; в материалах обычно приводится нейтральное название жилой постройки (КОС, II, 103, Доп., Золотарев, 1848; КССРЛЯ, АГО, XII, I, Столяров, 1848; КОС, II, 839, Столяров, 1849; II, 262, 1-й Донск. округ земли Войска Донск., Козаров, 1849, ф. 216, оп. 4, л. 1—21; II, 263, Донск. обл., Филатов, 1856, оп. 4, л. 3; I, 416, Дон, Попов Е., 1876; I, 5, Левочкин, Дон. низов. станицы, 1913; Доп. прогр. № 132; II, 261, Дон. обл. II Донск. окр. Голубов Н. Ф., 216, оп. 4 л. 1; I, 85, Донск. Миртов, 1929).

Иногда *курень* определяется как 'господский дом': «*курень* и *курени* — господский дом, в котором кухни не полагается. Кухни на Дону всегда строились отдельно от господских домов, иногда в конце двора, и только в последнее время стали строить, особенно в Новочеркасске, дома вместе с кухнями» (КОС, I, 43, Доп. Соловьев, 1901).

Отсутствие кухни в доме являлось, видимо, вообще принадлежностью казачьего (не только господского) дома — *куреня* (КССРЛЯ, Доп. Миртов, Слов.), так же как и общий план — крестового дома (КССРЛЯ, Зеленин, АГО, 467). Употреблялось слово *курень* и в значении 'квартира': «...Сколько у вас квартир во дворе? . . — У русских называются квартирами, а у нас *куренями*» (КОС, II, 802, Войско Донское, 1897).

У терских казаков, как свидетельствуют наши материалы, *курень* чаще означает парадную комнату: «лучшая комната у казаков» (КОС, I, III, Наурская, Востриков, 1907); «чистая изба, служащая спальней хозяев, столовой и приемной комнатой» (КССРЛЯ, Терск. М. Караулов); 'холодная горница' (КОС, II, 392, Л. Лопатинский; КССРЛЯ, Востриков). Только в одном источнике отмечено *курень* в значении 'изба' (КОС, I, 75, Моздок. Терск. Караулов, 1900).

Приведенный материал, относящийся к областям казачества разных групп, в сопоставлении с материалами более ранних источников, в том числе касающихся запорожского казачества, позволяет представить возникновение этого значения в русском языке.

Значение 'жилище, дом', приведенное в ССРЛЯ с пометами «обл.» и «у казаков», не было дано ни в Слов. Акад. 1847 г., ни

в Слов. Акад. 1792 г., ни в Словаре Даля, ни в Опыте 1852 г., ни в Словаре Бурнашева 1843 г. В этих словарях приводится либо значение 'бедное жилье' (чаще — нерасчлененно со значениями 'шалаш', 'землянка' — см. Опыт, 1852 г., Словарь Даля), либо даются несколько другие значения. В Слов. Акад. 1792 г. читаем: «2. У запорожских казаков так называлось строение, состоящее из одного большого и разных малых домов в одном месте. Сечь разделялась на 18 *куреней*». В ССРЛЯ этому значению соответствует: «3) В старину — отдельная часть запорожского казачьего войска; военный стан такой части» (т. е. также два значения объединены в одно). Мы обращаем внимание на эти формулировки потому, что они, по-видимому, наиболее соответствуют значению слова в предполагаемом языке-источнике. Примерно такое значение имело это слово у кочевников, с которыми с давних пор могли соприкасаться и сталкиваться разные группы казачества [23]. Именно те значения, которые указаны в ССРЛЯ, гораздо более социально значимые, чем значение 'жилая постройка', наиболее часто встречаются в источниках XVII—XVIII вв., притом связанных не только с запорожскими казаками (см.: А. Н. К а ч а л к и н. Бытовая лексика говоров Дона XVII в. «Вопросы языкознания». Л., 1963). В ранних источниках значения 'войсковое подразделение' и 'военный стан этого подразделения' трудно расчленить: «. . . а въ месяцѣ, государь, августѣ и въ сентябрѣ съѣзжаются казаки в свои *курени*» (МДРС, Доп. А. И., т. X, 1682); «. . . а хто зажигалъ, не вѣдомо, а поговариваютъ. . . на запорожцовъ и которые на Богу и по инымь рѣчкамъ *въ куреняхъ* живутъ» (МДРС, Ук. Птр. III, 889); «. . .А держали де, государь, те черкесы у себя *на куреняхъ* тово Левку Дугина да Данилка Θилипова недѣли съ три» (МДРС, Дон. д. II, Отпис.Ворон. воев., 1641); «Как де они прежъ сего жили по Дону і *въ куреняхъ* и они і въ то время ихъ не боялися. . .» (МДРС, Дон. д. I); «Ведомо им чинить, чтоб по всем станицам всем верстатца пополам и быть готовым конным и оружейным, и одной половине в поход, а другой быть *на куренях*. Которой час то письмо в которую станицу придет, та б станица

---

[23] См. БСЭ, т. 8, 1965: *курень* (от монг. *курээн* — лагерь, круг, стан) — 1) Социальное и экономич. объединение монголов-кочевников при первобытно-общинном строе; когда члены одного рода жили и трудились совместно, располагая свои жилища (юрты) на стойбище в форме круга (кольца), в центре которого находилась юрта (ставка) главы рода. . . *курень* долго сохранял значение воен. лагеря в походах и оборонит. сражениях и во время облав на диких животных. 2) Войсковое подразделение Сечи Запорожской, к-рая делилась на 38 к. . . . См. также: Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. 1934. — Интересно сопоставить описание монгольского куреня путешественником. «*Курень* состоит из глиняных фанз, расположенных квадратом; в середине площадка с кумирней. . .» (КССРЛЯ, Потанин, Дневник пут. 1879—1880 гг., Пут. по Монголии, 251) — с гравюрой, приведенной в «Советской исторической энциклопедии» (т. 6, М., 1965), на которой изображены запорожская рада и *курени* (так подписан рисунок, на котором видим собрание людей вокруг церквии дома вокруг).

была готова в тот же час в поход» (МДРС, «Прелестн. письмо» Кондр. Булавина, Тр. ист.-археограф. ин-та АН СССР, т. XII, М., 1935); «. . .Служилъ де онъ. . . царю. . . сорокъ два года. . . и какъ съ Ермакомъ Сибирь взяли и Кучюма царя *съ куреня* сбили. . .» (МДРС, РИБ, II, Царск. Грам. Тюменск. воев. 1623).

В предшествующем разделе значение 'селение' было рассмотрено в связи с значениями, связанными с лесными промыслами. Возможность такого семантического сдвига допустима в единичных случаях. Для XVIII в. есть одно указание на значение 'деревня' в Вятской губ. (КОС, I, 487, Симони, 1772) [24] — местность, для которой такой семантический сдвиг был бы возможен в более позднее время, но вряд ли для XVIII в.

Что касается только что рассмотренных значений слова *курень* у казаков в XVII—XVIII вв., то от них значение 'селение' могло вычлениться довольно легко. В словарях XVIII—XIX вв. фактически дается именно это значение. В «Военном словаре» Тучкова читаем формулировку, еще более определенную, чем в Слов. Акад. 1792 г. и 1847 г.: «*курень*. Так называют черноморские [25] казаки свои станицы или военные селения, к которым они бывают приписаны и по наименованию коих называются». В «Словаре военных поселений»: «. . . В состав каждого округа Черноморского казачьего войска входят *курени* или станицы» (КССРЛЯ, С. В. II, 1859, ч. I, кн. II, ст. 3622). Значение это наблюдается в документах, в военной, исторической и художественной литературе XIX в.: «А жители *куреня* Кисляковского, поселившиеся там с 1793 года, отозвались, что они вовсе не помнят, чтобы в их *курене* был приписан казак Лисенко» (КССРЛЯ, Рапорт команд. войсками генерал-адъютанта Граббе командиру отдельн. Кавказск. корпуса, Архив Раевского, IV, 160); «Такие команды, посылаемые лишь днем, должны возвратиться до наступления ночи к своим *куреням*» (КССРЛЯ, Давыд. Опыт теор. партиз. действ., I, 63); «В новом Запорожском коше с сент. 1734 г. началось внутреннее устройство по старым неизменным правилам: все земли и речки по регуле казацкой *на курени*, в остальных дозволено селиться подданству войсковому и поженившемуся казачеству» (КССРЛЯ, Ешевской, Соч. по русск. истор., Очерк царствования Елиз. Петр.); «Кош размещался отрядами, *куренями*» (КССРЛЯ, Ключевский, III, 137); «Я приписан в Запорожской Сечи к *Незамановскому куреню* и без хвастовства скажу, не из последних казаков» (КССРЛЯ, Загоск., Юр. Милосл.). У А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя в этом значении слово употребляется только в связи с казачьим бытом. В поэтическом языке: Умолкнул бой. Ночная тень Москвы окрест-

[24] А. М. Шегрен предлагал сопоставлять с морд. *курапе* со ссылкой на Рейфа (КОС, I, 375, А. М. Шегрен. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных, 1852).

[25] Черноморскими казаками в XIX в. назывались казаки на Кубани, которые были частично выходцами из Запорожской Сечи, казаки которой также называли себя черноморцами.

ность покрывает Вдали Кутузова *курень* Один как звездочка сверкает (КССРЛЯ, Давыд., Партизан).

Из поздних авторов находим слово у Н. Островского: «Станцию один за другим наполняли эшелоны. Беспорядочной толпой оттуда вываливались *курени* (батальоны) сичевых стрельцов» (КССРЛЯ, Как закалялась сталь, ч. I, 6).

Вернемся к значению ‘жилая постройка’. Оно отмечено в источниках XVII—XVIII вв.: «. . . и съ братьями за то разбранился, и перешол жить в Черколной, и *курень* купилъ подлѣ меня» (МДРС, АИ; 12. Следств. дело над войск. атам. Лаврент. и др. раскольн., письмо атам. Семенова кн. Голиц.; 1688); «. . . купить стало не на что, потому что тѣ конные казаки построелись *куренями* и дворами и даные денги все издержаны» (МДРС, Вор. Петр. а. 1699, Воронеж, 1872).

В русской художественной литературе слово *курень* в этом значении появляется с начала XIX в. у писателей, отражавших казачий быт, например у В. Т. Нарежного: «Я отправился прямо в Запорожскую Сечь. . . объявил желание быть черноморцем; тут же я вписан в книгу под именем Леона Рукатого, и в одном из *куреней* отведено мне место длиною в сажень и шириною в полтора аршина, которое должно служить мне ночлегом» («Бурсак», ч. II, гл. 20); М. Загоскина: «Ведь стыдно будет вернуться в мой *курень* с пустыми руками» (Юрий Милославский», I); В. Г. Короленко: «Вокруг собора и за ним раскинулись «*курени*»: убогие деревянные домишки, порой плетневые мазанки с плоскими крышами» (КССРЛЯ, «У казаков», гл. III).

Чаще встречается оно у советских писателей, описывающих современный им быт казачества: «Среди приземисто-белеющих, нахохлившихся соломенными крышами *куреней*. . . матеро глядит двухэтажный деревянный поповский дом под железною крышею» (КССРЛЯ, Серафимович, Старуха, V, 48); «На одной из узких косогористых улиц станицы стоит крепкий под новой тесовой крышей двухэтажный *курень* урядника» (КССРЛЯ, Серафимович, В станице, V, 192—193); «Мир для молодого человека не ограничен, как это было раньше, батькиным *куренем* и клочком принадлежавшей ему земли» (КССРЛЯ, Рябов, Чувство нового; «Годы и люди», 251). Особенно часто находим это слово у М. Шолохова, причем не только в текстах художественных произведений («Тихий Дон», «Поднятая целина» и др.), но и в публицистических: «Мы этих союзников раскусили и поотведали! Нет уж, мы тут с своей властью как-нибудь сами помиримся, а сор из *куреня* нечего тягать» (КССРЛЯ, Шолохов, Изв. ЦИК, 30 июля 1932 г.).

У Шолохова находим не только *курень*, но и *курени*: «Батя, идите в *курени*!» («Тихий Дон»).

Несмотря на близкую связь значений ‘совокупность построек (селение)’ и ‘жилая постройка’, несколько затруднительно представить себе то семантическое смещение, которое было бы причиной возникновения значения ‘жилая постройка’. Убедительнее ис-

ходить из значения ‘стан, лагерь’, обозначавшегося одной и той же лексемой независимо от количества построек, а также, по-видимому, и характера постройки и ее более узкого назначения, как это видно из рассмотрения материала других значений данной группы.

Значение ‘укрытие от солнца и непогоды’ в диалектологических материалах XIX—первой половины XX в. чаще всего реализовано в варианте ‘шалаш’ (КССРЛЯ, Михайловск. у. Ряз. губ., Труды ОЛРС, 1820, ч. 20 кн. 5; КОС, Лебедян. у. Тамб. губ., Тамб. губ. вед., 1851, № 5; КССРЛЯ, Ливенск. у., АГО, XXVII, 6; КОС, Обоянск. у. Курск., II, 117, Машкин; КССРЛЯ, Липецк. р. Тростянский; КОС, Воронежск., П Доп., Покр. и Яценко, 1905—1921).

Для среднего Поднепровья имеются такие сведения: «*Курень* или хозяйщина — будка на плоту для помещения рядчика по сплаву леса или самого хозяина. Употр. по всему среднему течению р. Днепра (между г.г. Орша и Речица) и по р. Березине» (КССРЛЯ, Кир. Бакуржинский).

См. также выше о *куренях* — землянках или полуземлянках для рыбаков, дровосеков, сборщиков орехов и проч.

По этим материалам как будто бы прослеживается закрепление названия по говорам за разными видами устройства ‘укрытия от солнца и непогоды’, но скорее всего оно не было повсеместным. Этим, видимо, объясняется тот факт, что в тех словарях XIX в., в которых это значение отражено, оно не сформулировано по отдельности для каждого варианта, а дается перечислением возможных вариантов: «Бедное жилье, шалаш, хижина» (Опыт, 1852 г.); «Шалаш, балаган, землянка, шатер, хижина, лачуга» (Даль) или обобщенно: «Род шалаша для караульщиков в Новороссии» (КОС, I, 70, Бурн., 1843). В Слов. Акад. 1792 и 1847 гг. это значение не дано.

В словарях современного русского литературного языка оно дается первым: «Соломенный шалаш, временное помещение для рабочих, барак» (Ушаков, с пометой «обл.»); «обл. шалаш, легкая летняя постройка» (ССРЛЯ).

В художественной и научной литературе XIX—XX вв. отразились разные варианты устройства *куреня*: «Седой сгорбленный старик торопливо выбежал из *соломенного куреня* усмирять их» (КССРЛЯ, Левитов, Степн. дор. днем); «Свет от огня падал на телеги с приподнятыми вверх оглоблями, на *курени*, толсто укрытые травою, с узкими отверстиями — только чтобы пролезть человеку» (КССРЛЯ, Эртель, Гарденины, ч. I, гл. 10); «На широкой поляне, окруженной древними дубами и непроходимым ломом, стояло несколько *земляных куреней*» (А. К. Толстой, Князь Серебряный, гл. XIII); «Они дошли до *куреня*, в котором жил сторож (сада). То был небольшой сарайчик, построенный в виде пирамиды из одного камыша» (КССРЛЯ, Потапенко, Маленькая игра); указания на назначение: «Во время перелетов летучие мыши временно останавливаются. . . на крышах *куреней* (степных шалашей пасту-

хов» (КССРЛЯ, Огнев, Жизнь леса); «В южной части озера построен казаками и *курень*, где живут во время рыболовства» (КССРЛЯ, Остр. Мада, Малая Азия, «Жив. стар.», 1896, I, 17) и мн. др.

Значение ‘постройка (помещение) для домашних животных’ отмечено только в одном из более ранних источников (КОС, I, 76, Гребен. Терск. Караулов, 1902) в варианте ‘курятник’.

Весь рассмотренный нами материал этой группы значений не противоречит выведению отдельных значений и вариантов из значений ‘стан, лагерь’ и первоначального ‘приют, укрытие’, устраивавшихся на этом стане: видимо, и до сих пор по говорам сохранилось более общее значение, соответствующее ОСП ‘пристанище, приют, укрытие’, а варианты возникли в зависимости от местных условий. Следует добавить, что ОСП ‘пристанище, приют, укрытие’ постоянно осложнен семантическим признаком ‘специально сделанное’: просто применительно к остановке обоза в пути для отдыха слово это отмечено только один раз (*«стать куренем* — остановиться с обозом в поле для ночлега или отдыха» — Иркут., I, 52, Опыт, 1852). Впрочем, выражение *стать куренем* применительно к запорожцам (см. выше) означало, конечно, не только подразделение, но и ‘стан, лагерь’. Присутствие СП ‘специально сделанное’ наводит на мысль, что в возникновении этого значения мог участвовать еще какой-то корень. В связи с этим напомним, что некоторые исследователи сопоставляют корни с основным элементом kur, относящиеся к разным языкам, известные в балтийских со значением ‘строить’, в некоторых уральских — со значением ‘плести из веток’, в алтайских — тюркских, кроме ‘строить’, еще ‘собирать, собираться, размещаться в порядке’ [26]. Думаем, что окончательное решение вопроса о том, каковы могли быть для русского языка реальные пути заимствования слова *курень* предполагает более тщательное изучение тюркского, украинского и белорусского материала с применением методов лингвистической географии.

Значение ‘жилая постройка’, известное говорам в нескольких вариантах, только в говорах донского казачества не имело пережиточного характера. Севернее почти всегда, как было показано, название относилось к устаревшей реалии. Нам представляется, что слово *курень* стало обозначать на Дону жилую постройку казачьей семьи тогда, когда область расселения донского казачества перестала быть пограничной, когда основой его жизни стало земледелие, когда оно стало превращаться в замкнутое военное сословие, т. е. уже во времена Российской империи. До этого *курень* имело здесь, как видно по материалам, более широкое значение. Пережиточность названия в более северных районах связана, вероятно, с давним бытованием здесь слова *изба* и с экспансией слова *хата*. Последнее распространилось на южнорусские говоры,

---

[26] См.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971, 236, стр. 359.

по-видимому, поздно, и притом в качестве нового, иногда более культурного слова. Само собой разумеется, что признак топки по-черному как специальный различительный признак для слова *курень* возник здесь лишь тогда, когда в крестьянском быту появились дымовые трубы, хотя значение 'курная изба' — первоначальное, так как и раньше такая постройка топилась по-черному.

Заканчивая рассмотрение этой группы значений, обратим внимание на то, что в письменных источниках XIX в. часто встречаются определения, дающие представление о характере постройки и ее назначении (соломенный, камышовый, земляной, рыбачий и т. д.), как мы видели и в более ранних материалах. Это является свидетельством того, что слово имело более общее значение и что те варианты, которые показаны на нашей карте, появились впоследствии [27].

IV. Значение 'совокупность однородных предметов' и связанные с ним

Это значение слабо отражено в диалектологических материалах прошлого и совсем, видимо, не нашло отражения в языке художественной литературы: «*курень* — стая, толпа, много грибов, растущих вместе. Вот тут Ванька *курень* боровиков нашол» (КССРЛЯ, Покров. В. Черныш. Владимирск.?); «*курень* — ягодное, грибное, еще не обобранное место; и натакалась же я, девоньки, на *целый курень*; набрала почитай что пехтерь; на *курень* груздей нарвался; *курень*, *курешок* (КОС, II, 14, Челяб. Шмурло, 1914).

Сюда же, возможно, следует отнести такой пример: «Прорубил и во внутренности густых *куреней* множество "дорожек„» (КССРЛЯ, Болотов, Зап. III, 1095).

V. Значения, связанные с представлением об общей исходной точке

Из значений этой группы в материалах XIX в. находим: «*ку́рень* — купа; *ку́ренем* расти — кустом, купой (вместе)» (КОС, II, 218, Переясл. Влад. Бодров, 1848); «*ку́рень* — купа; *ку́рнем* расти — кустом» (КОС, II, 91, Бодров, 1853; Доп. Оп. 1858); «*куре́нь*, во множ. *курни́* — все дерево: в его саду будет *курней 50*» (КОС, II, 275, Тетюшск. у. Казанск. губ., Гремяческий, 1854 г., Доп. Оп. 1858); «Волоток, *курешок* на Алтае, *куре́нь*, *курешок* в Семипалатинске — кустик или стебелек травянистого растения, сидящего на корню. Например: три *курешка* бобов» (КССРЛЯ, юго-зап. Томск. губ., Этн. сб. II).

---

[27] Не исключено, однако, что наш материал несколько искажает представление о значениях и что иногда под характеристикой, даваемой реалии, скрывается связь реалии с местными условиями (напр., материал постройки), а не семантический признак. Ввиду отсутствия у нас в большинстве случаев необходимых контекстов проверить это мы не можем.

И в художественной литературе у одного автора — А. С. Неверова (КССРЛЯ): «Только рано по утрам весело голубели бесхлебные поля высокими *курнями* колокольчиков с распускающимися головками. . .» («Далекий путь»); « — Знаете, сколько табаку у меня уродилось нынешний год? — Да? — Пятьдесят восемь *курней*! — Ох, вы совсем богатый человек! — улыбается Катерина Васильевна» («Шкрабы»).

Небольшой материал по IV и V группам значений все же свидетельствует о том, что в XIX в. (и даже, по-видимому, в XVIII) значения эти были известны русским говорам.

* * *

За пределами нашего рассмотрения осталось еще несколько значений, встретившихся единично. Некоторые из них безусловно относятся к тому же семантическому микрополю, для других мы не смогли найти видимой связи с семантическим микрополем слова *курень*. Зафиксированы они в разных источниках.

К числу первых мы относим: ‘петух’ (КССРЛЯ, Был. Пуд., Рыбн. Песни, III прил. II, с. XXI); ‘двуполая особь кур’ (д. Порядинская Коношск. р-на Архангельск. обл.); ‘сбор в крестьянском обществе с чужих (безземельных) за пользование мирскими дровами, водою и т. п.’ (КОС, I, 226, Новг. у. Новг. губ., Лавров, 1895, Жив. Ст. стр. 382); ‘все постройки двора’ (д. Конец Борисово-Судск. р-на Вологодск. обл.), а также «*курени* — трущобы (городские») (с. Пелегово Юрьевецк. р-на Ивановск. обл.) и окказиональное значение в песне: «Ребята молодые Часто ходят ко вдове Они ходят в каждый день, В избе делают *курень*: Табаку-то накурятся, Коренья наедятся. . .» (КССРЛЯ, А. Г. О. XXV, 40, Олон. губ.), а также, по-видимому, в составе устойчивого словосочетания: *белый как курень*, т. е. крепкий, хороший — могут сказать про кочан капусты, про ребенка» (с. Рылеево Галичск. р-на Костромск. обл.), где возможно сравнение с хорошо испеченной булкой.

К числу вторых — значение ‘поплавок’: «*курень* (Касп. м.) — большой поплавок у плавных морских сетей (КОС, I, 1051, Клыков, 1968); «*курень* — поплавок, бочонок, выкрашенный в черную краску, привяз. к отноге сети. . .» (КССРЛЯ, А. Потехин, т. I, с. 86, «Лов красной рыбы в Саратовской губ.»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели данные нашей карты в сопоставлении с более ранними источниками и попытались в некоторых случаях выяснить историю возникновения известных современным говорам значений и характер семантических сдвигов, происходивших при их формировании.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Семантический материал современных говоров, несмотря на его обилие, не позволяет сам по себе восстановить относительную хронологию семантических сдвигов для отдельной лексической единицы, тем более для единицы гетерогенного происхождения. Относительную хронологию возникновения разных значений мы можем восстановить только по совокупности данных современной синхронии и всей доступной нам диахронии.

2. Данные лингвистической карты помогают выделить ареалы значений, относящихся к активному словарю, и значений, в которых слово уже выходит из употребления. Об этом можно судить не только на основании соответствующих помет собирателей материалов, но и по характеру ареалов, их взаиморасположению и соотношению с общим диалектным членением.

3. Конкретная история слова может быть представлена лишь в результате использования всех лингвистических данных в сопоставлении с внелингвистическими данными (внешними условиями бытования слов). Поскольку объектом нашего исследования было одно слово, мы не считаем исследование на русском материале завершенным. Не привлекались к рассмотрению те слова, с которыми слово *курень* находится в разного рода отношениях в макросистеме и в микросистемах диалектного языка: в составе простых различий плана выражения (в разных значениях), в составе сложных различий в разных предметно-тематических микрогруппах. Построив семантическое микрополе слова *курень*, мы лишены возможности исследовать его модели в разных диалектных системах.

Эти задачи по материалу ДАРЯ могут быть освещены лишь фрагментарно — в той мере, в какой мы располагаем либо дополнительными данными из ответов на вопрос 249 (например, названия временных убежищ типа шалаша), либо данными других вопросов «Программы», например, вопроса № 142 о названиях жилых построек, № 145 о названиях построек для скота [28], № 250 (значения слова *буда*) и № 263 (значения слова *майдан*), а также ряда вопросов о названиях участков леса, луга, поля. Более полный материал (словарей, картотек) целесообразно привлекать, исходя из этого материала.

4. Для решения ряда вопросов конкретной истории слова *курень* в русском языке необходимо сделать соответствующие лингвогеографические разыскания в области украинского и белорусского, а также других славянских языков.

5. Особо следует остановиться на проблеме происхождения слова *курень* в русском языке. В статье Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря» (см. выше) слово это отнесено к группе нуждающихся в дополнительной документации. В настоящее время на славянском материале слово документировано

---

[28] Судьба слова *курень* в составе предметно-тематических микрогрупп названий жилых построек и построек или помещений для скота будет рассмотрена нами в другой работе.

уже довольно полно. В результате проблематика слова значительно усложнилась, в частности и проблема его происхождения. Совершенно очевидно, что для решения этой проблемы неславянский материал должен быть привлечен для сопоставления в значительно большем объеме. Прежде всего это касается тюркских языков. Не выходя за пределы нашей компетенции, не считаем себя в праве делать какие-либо сопоставления в области тюркских языков, однако считаем возможным поставить ряд вопросов специалистам — тюркологам и этимологам о возможности сопоставлять: значения 'группа однородных или тесно растущих деревьев, кустов' и 'густо ветвящееся растение' — со словами с корнем ker (?), отмеченным в языке казанских татар в прилагательном со значением 'тучный, богатый, обильный' и соответственно с чувашским kar 'наполненный, густой, частый, плотный' и под.[29] или с существительным *кӱрӓн* 'кочка на болоте' в башкирском языке, 'осока' в телеутском наречии [30], *курэн* 'ветник тростниковидный' тат. орнб.[31], *курэн* 'сено, скошенное на болоте'; 'сено, состоящее в основном из осоки' [32].

Значение 'крутой поворот реки, дороги' — со значением корня, отмеченного в глаголе kürä 'разбегаться, течь в разные стороны'[33].

Значение 'место, на котором выжигают уголь' — со значением существительного kuruŋ 'выгорелое место' в якутском языке [34].

Выше мы уже говорили о значении 'пекарня', в котором слово *курень* заимствовали русские жители Астрахани у местных татар. Это замечание Л. З. Будагова относится к первой половине XIX в., но оно нам представляется недостаточным, чтобы утверждать, что именно там и тогда слово было заимствовано в этом значении русским языком, а не только местными русскими. Почти в это время соответствующие значения уже были известны в Поволжье и на северо-западе, а для более раннего времени ср. выше данные Слов. Акад. 1792, III, 1088. Думается, что версия о заимствовании слова *курень* в значении 'пекарня' у татар должна быть лучше обоснована, а наряду с ней рассмотрено наше предположение о вычленении значения 'пекарня' из более общего 'жилище и общество торговцев съестными припасами и простонародным питьем', которое в свою очередь можно выводить из значений с СП 'производственные помещения' и 'убежище, приют, укрытие', бытовавших в русском языке в XVII и XVIII вв.

Для каких-то значений, возможно, окажется целесообразным обратиться к материалам финно-угорских языков: ареалы некото-

---

[29] M. Räsänen. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 309—310.
[30] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1893—1911, стр. 1451.
[31] «Диалектологический словарь татарского языка». Казань, 1969.
[32] Д. Г. Тумашева. Язык западносибирских татар. Казань, 1961.
[33] M. Räsänen. Указ. соч., стр. 310.
[34] Там же, стр. 304.

рых значений, не учтенных этимологическими словарями русского языка, относятся к тем областям, где финно-угорское население частью ассимилировалось на протяжении многих веков, а частично сохранилось и занимает довольно обширные территории в Марийской, Мордовской, Коми АССР и в ряде других областей РСФСР.

Нам представляется несомненным, что документация интересующей нас лексической единицы (или группы единиц?) должна быть пересмотрена на тюркском (и финно-угорском) материале с целью по возможности более определенно ориентировать ее во времени и пространстве *.

Т. С. КОГОТКОВА

ЗАМЕТКИ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИКИ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННЫХ ОБЛАСТНЫХ СЛОВАРЕЙ)

> «Два человека одного поколения и одной местности, говорящие на одном и том же диалекте и вращающиеся в той же социальной среде, никогда не будут одинаковы по складу речи. Тщательное изучение речи каждого из них вскроет бесчисленные различия в подробностях — в выборе слов, в структуре предложения, в относительной частоте использования тех или иных форм и сочетаний слов, в произношении отдельных гласных или согласных и их сочетаний, во всех тех чертах, которые придают жизнь разговорному языку, как-то: быстрота речи, акцентуация и интонация».
>
> *Э. Сепир.* Язык. М., стр. 116

Распадение архаических и устойчивых диалектных структур, интенсивное, особенно в наши дни, формирование структур полудиалектных [1] естественно направляет внимание исследователей к индивидуальной речи. Ведь только речь индивидуума есть та

* Автор выражает благодарность И. Г. Добродомову и Л. С. Левитской — за помощь в использовании литературы по тюркологии, В. А. Дыбо — за консультацию по вопросам этимологии.

[1] О термине «полудиалект» см.: Л. И. Баранникова. Социально-историческая обусловленность места разговорной речи в общенародном языке. — ВЯ, 1970, № 3; Т. С. Коготкова. Литературный язык и диалекты. — Сб. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970. Ф. П. Филин. Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов». Варшава, 1973 г.» М., 1973.

«исчерпывающая совокупность», которая сосредоточивает в себе исконно-диалектные, междиалектные и литературные элементы. Объединенные в речевой деятельности одного лица, эти элементы в то же время активизируют само языковое сознание и речевое поведение носителя диалекта, ярким свидетельством чего служит великое множество лексических и словообразовательных окказионализмов, фонетических и морфологических гиперизмов. Устная форма — единственная для существования диалектов [2] — в свою очередь также предрасполагает к известной устойчивости и равновесию в распределении речевых элементов индивидуальности. Таким образом, обращение к идиолекту вырастает в самостоятельную и актуальную проблему при изучении процессов развития современной живой диалектной речи [3]. Однако признание этой бесспорной научной задачи пока остается словесной декларацией[4].

Первые шаги в изучении идиолекта делаются в наши дни на лексическом уровне языка. Непосредственным стимулом и предпосылками к этому явилась огромная работа по фиксации диалектной лексики при создании областных словарей русского языка [5].

---

[2] Мнение о том, что для диалектной речи существенна и письменная форма, нам представляется сильно преувеличенным. Ведь частная переписка диалектоносителей, где по преимуществу эта письменная форма и может себя проявить, не регламентируется ни избирательностью средств выражения, ни орфографией. Не случайно поэтому именно переписка всегда была источником для изучения закономерностей разговорной речи, например, в исследованиях по истории формирования литературного языка.

[3] И. А. Оссовецкий. Народные говоры. Лексика. — В кн.: «Русский язык и советское общество». Фонетика современного русского литературного языка. М., 1968, стр. 177; Он же. Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50—60-х годов. — Сб. «Вопросы языка современной русской литературы». М., 1971, стр. 323—324; Т. С. Коготкова. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. — Сб. «Славянская лексикология и лексикография». М., 1966, стр. 296—297; А. Б. Пеньковский. Об изучении процессов развития в живой диалектной речи. «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании. 11—14 мая 1965 г.» М., 1965, стр. 20.

[4] В традиционной диалектологии известны описания, когда языковые сведения получены исследователем в результате наблюдений за речью одного лица и доминируют над остальным языковым материалом. Ср., к примеру, те языковые данные, которые получены А. А. Шахматовым от И. С. Гришкина и которые положены им в основу описания Лекинского говора («Изв. ОРЯС», 1913, т. XVIII, кн. 4).

[5] В истекшем десятилетии (60-е годы) началось издание и вышли в свет: «Словарь русских народных говоров», вып. 1—10. М.—Л., 1965—1972 (далее СРНГ); В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963; «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», т. 1—3. Томск, 1964—1967; Г. Г. Мельниченко. Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961 (далее — КЯОС); «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края». Красноярск, 1968; «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)». М., 1969 (далее — Деулинский словарь); «Словарь русских говоров среднего Урала», т. I—II. Свердловск, 1964—1971; «Псковский областной словарь»,

Изучение индивидуальной диалектной речи, особенно на лексическом уровне, возможно тогда, когда в распоряжении исследователя находятся речевые тексты (произведения) такой величины, которые позволяют квалифицировать их не как разрозненные элементы речи [6], а как стабильный воспроизводимый язык, что в свою очередь предопределено рядом чисто методических условий при сборе лексических фактов и организацией картотеки. Здесь надо иметь в виду: а) психологическую контактность между наблюдателем диалекта и его диалектным информантом; б) долговременность сроков наблюдения, которая в значительной мере определяет психологическую контактность [7]; в) строгую паспортизацию отрывков диалектной речи на каждой карточке картотеки исследования в соответствии с каждым диалектным информантом.

Соблюдение этих требований может гарантировать создание должной величины речевых текстов (произведений) диалектоносителя [8].

Долговременность наблюдения и психологическая контактность, если иметь в виду их оптимальную реализацию, позволяют исследователю органически включиться в языковое существование диалектного коллектива. Сам метод такого проникновения в иносистемную речь (здесь — в диалектную) называется нами, вслед за Н. И. Конрадом, «методом включения в языковое существование» [9].

Из числа перечисленных в сн. 5 словарей отмеченным выше требованиям отвечают: оптимально — ДСЛ В. П. Тимофеева,

---

вып. I—II. Л., 1967, 1973 (далее — ПОС); А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969; Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972; «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири». Новосибирск, 1972; В. П. Тимофеев. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971 (далее — ДСЛ); «Словарь говоров Соликамского района Пермской области». Пермь, 1973; П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров западной Брянщины». Минск, 1973; «Иркутский областной словарь», вып. 1. Иркутск, 1973.

[6] Сведения об индивидуальной речи диалектоносителя всегда есть в хрестоматиях по русской диалектологии, однако фрагментарность и краткость текста, связанного с речью одного лица, не позволяет их считать пригодными при изучении идиолекта.

[7] Срок наблюдения А. А. Шахматова за речью И. С. Гришкина составляет в общей сложности около месяца; А. А. Шахматов, как известно, посетил Леку дважды — в декабре 1912 г. и в апреле 1913 г. (указ. соч., стр. 175, 178).

[8] Диалектным текстом в региональном словаре мы считаем словник и иллюстративный (цитатный) материал, ибо в них содержится объективная языковая информация.

[9] Н. И. Конрад. О «языковом существовании». «Японский лингвистический сборник». М., 1959, стр. 8. — В последующем изложении мы будем придерживаться именно этого термина как ранее принятого в наших работах. У И. А. Оссовецкого этот метод назван «метод сосуществования» («Словарь говора д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области». — Сб. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964, стр. 194), у В. П. Тимофеева — «метод соучастия» (ДСЛ, стр. 7).

частично Деулинский словарь и по условиям создания — Акчимский словарь (опубликованы фрагменты) [10].

Содержание настоящей статьи и составляет сопоставительный анализ преимущественно этих изданий: ДСЛ и Деулинского словаря; в необходимых случаях привлекаются сведения и наблюдения из других источников, накопленные на сегодняшний день в диалектной лексикологии и лексикографии. Это сравнение, на наш взгляд, и дает возможность осмыслить и объективно оценить языковую сущность индивидуального словоупотребления в диалектной речи.

Языковым материалом для «Диалектного словаря личности» В. П. Тимофеева послужили систематизированные и регулярные наблюдения за речью Е. М. Тимофеевой, родной матери автора, осуществленные на протяжении 20 лет (с 1949 по 1969 год).

Данные В. П. Тимофеева можно, таким образом, квалифицировать как самые полные при изучении идиолекта, а всю работу исследователя — первым опытом в этом направлении.

Деулинский словарь — это не только словарь диалектного коллектива, но это пока единственный из новейших региональных словарей русского языка, который в богатейшем иллюстративном материале, составляющем как бы сплошной текст речевой деятельности деулинцев, документирует принадлежность каждого из пояснительных примеров-фраз членам деулинского речевого коллектива. В приложении к Деулинскому словарю дан список информантов словаря, всего 31 человек. В конце каждой иллюстрации поставлен номер информанта. (Безымянные информанты обозначаются — иксом; их в Деулинском словаре меньше, чем документированных).

Само собой разумеется, что доля участия каждого из информантов Деулинского словаря в его тексте неодинакова. Наибольшая продолжительность текста падает на долю тех информантов, которые повседневно и активно (самою жизнью) были связаны с составителями словаря. Это — прежде всего квартирные хозяева № 1, 2, 3, 4, 10, 13, 16, 8.

Вместе с тем, можно констатировать и случаи эпизодической фиксации речи отдельных представителей предложенного списка — № 6, 11) [11].

---

[10] На фоне создания полного диалектного словаря д. Акчим Красновишерского р-на Пермской обл., которую ведут диалектологи Пермского университета, был изучен словарный запас А. Г. Горшковой, жительницы этой деревни. Результат этих наблюдений изложен в статье: Ф. Л. Скитова, Е. А. Огиенко. Из наблюдений над словарным запасом одного человека. — Сб. «Живое слово в русской речи Прикамья», вып. II. Пермь, 1971. — Нами используются некоторые сведения из этих наблюдений.

[11] В настоящей статье, однако, мы не ставим своей целью дать подробную характеристику речи деулинских информантов, характеристику, построенную на сплошной выборке из текста. Пока же, опираясь на свои впечатления от долговременного наблюдения деулинской речи, а также учитывая

Малочисленность группы наблюдения [12], повседневная бытовая близость ее к своим информантам, продолжительный срок пребывания в обследуемом пункте, т. е. все организационные предпосылки создания деулинской картотеки, и определили органическое включение будущих составителей словаря в языковое существование деулинского коллектива.

Ведя долговременные наблюдения за функционированием лексики и семантики в языке деулинцев, авторы словаря неоднократно обращали внимание, насколько единый лексико-семантический фонд коллектива манифестируется всегда индивидуально. (О наиболее броских фактах индивидуального словоупотребления неоднократно высказывался в печати И. А. Оссовецкий, например, о слове *ка́ли* [13]).

Работа по описанию деулинского идиолекта еще впереди. При условии доступности книги (Деулинский словарь издан в 14 тыс. экземпляров) она может быть выполнена любым исследователем, хотя авторы-составители имеют в этом отношении известные преимущества. Ведь уже теперь у каждого из авторов есть определенное, вполне сложившееся представление об индивидуальных свойствах речи основных информантов словаря, представление, вытекающее из многодневного речевого контактирования; авторам также доступнее, в случае надобности, и те материалы, которые остались за пределами словаря (картотека, магнитофонные записи и даже повторные выезды в д. Деулино).

Вернемся к ДСЛ В. П. Тимофеева.

Теоретические и методологические взгляды автора, связанные с основными свойствами индивидуальной речи в ее соотнесении с языковой средой общества, изложены в смежной работе «Личность и языковая среда» (Шадринск, 1971).

Изучение индивидуальной речи, по мнению В. П. Тимофеева, должно начинаться с выбора типичной для своей языковой среды личности, ибо природа ее всегда социальна. К числу социолингвистических методов, с помощью которых следует организовать это изучение, относятся: долговременное панельное наблюдение, или метод соучастия, разные виды саморегистрации речи — письма, дневники, анкеты, интервьюирование и опрос, скрытое тестирование. Интерпретированные лингвистически, эти сведения находят согласование с социологическими целями работы; последние направлены не только на выявление общих сторон взаимодействия языка личности и языка общества, но и призваны установить «характер и степень воздействия языковой среды на язык личности в процессе ее социализации, а также меру усвоения личностью языка среды», «влияние личности на язык среды» и участие чело-

---

большой объем словаря (75 печ. листов), можно априори сказать, что величина текста, связанная с указанными номерами информантов, достаточна для построения индивидуализированных наблюдений.

[12] Группа Деулинского словаря состояла из 6 человек (см. титул книги).

[13] Деулинский словарь, Введение, стр. 20.

века в механизме общеязыковых изменений (стр. 9). Естественно, эти задачи вплотную подходят к проблемам «управления языковым развитием, лингвистическому прогнозированию, языковому строительству и культуре речи» (там же). Решению этих теоретических задач посвящены основные главы книги «Личность и языковая среда», к которым примыкают две конкретно-практические работы — «Диалектный словарь личности», где предметом наблюдения и лингвистического исследования служит речь «типовой личности», неграмотной крестьянки, владеющей только устной формой речи, и «Биография и язык автора», где, наоборот, в качестве объекта исследования выступает письменная речь, запечатленная в художественных, литературно-критических произведениях и письмах поэта С. А. Есенина.

Лексикографическая работа В. П. Тимофеева названа не словарем индивида, а словарем личности. Следуя в теоретическом отношении за И. А. Бодуэном де Куртенэ и разграничивая эти социальные единицы, — индивид и личность — автор ДСЛ видит становление языковой личности как результат процессов развития индивида в системе социально-языковых отношений, т. е. в процессе языковой социализации его [14].

Однако ДСЛ в силу своего лингвистического «жанра» не мог продемонстрировать эти «процессы социализации», так же как и его материал, собранный от одного информанта, не дает возможности, по вполне понятным причинам, установить, насколько Е. М. Тимофеева — «типичный представитель языковой общности» (ДСЛ, стр. 8, 10).

Какие же общеязыковые и индивидуальные сведения содержатся в ДСЛ?

В отличие от обычных дифференциальных диалектных словарей, словник которых составляют лексические и семантические диалектизмы, ДСЛ по преимуществу дает лексические диалектизмы, выявленные «методом соучастия»; в словник ДСЛ вошла также некоторая доля просторечной лексики, близкая к собственно диалектной по условиям употребления в устной речи [15]. Таким образом, в общей программе изучения и установления всего словарного запаса обследуемой диалектной личности, на долю ДСЛ выпадает лишь одна ее часть — дифференцирующаяся лексика с общенародным литературным языком. Всего этим методом получено 2705 слов и 87 фразеологизмов.

Другая обязательная часть словников диалектных словарей — семантические диалектизмы — продемонстрированы в ДСЛ фраг-

---

[14] В. П. Тимофеев. Личность и языковая среда, стр. 26, 30, 42.

[15] Включение просторечной лексики в региональные словари в свое время подверглось широкому и активному обсуждению (ср. выступления по этому поводу в печати Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Г. Гецовой, И. А. Оссовецкого, С. Д. Кац и мн. др.). Но уместно ли ограничение помещения просторечия в работе, где выявляется в е с ь количественный запас слов носителя диалекта?

ментарно. Из их числа вероятнее всего этнографизмы, номинации специфических реалий деревенского быта и производства. (Ср. к примеру выборку семантических диалектизмов, сделанную нами из буквы К: *кадка*, *кадушечка*, *казенка*, *каланча*, *кануть*, *картошка*, *картуз*, *квашня*, *квашонка*, *кладовка*, *кобылка*, *ковшик*, *колода*, *копна*, *копоть*, *коптилка*, *корить*, *коромысло*, *костика*, *коты*, *кофта*, *кошель*, *кринка*, *крошиться*, *круто*, *куча*).

Ограничение для включения семантических диалектизмов в ДСЛ связывается с другим основным методом изучения индивидуального запаса слов диалектной личности, который применил исследователь в своей работе. (Это — метод прямого опроса).

Результаты прямого опроса представлены в цифрах во Введении к словарю. (Из 52 872 слов «Словаря русского языка» С. И. Ожегова информанту известно 27 337 слов, включая 5000 слов, производных в гнездах). Сами же слова, выспрошенные таким способом, не лексикографируются. Надо полагать, что именно в этом неприведенном списке осталось подавляющее большинство семантических диалектизмов, т. е. таких слов, которых больше всего в речи диалектоносителей и которые образуют специфически местное словоупотребление. Так, к примеру, за пределами словаря остался инфинитив *говорить*, а *говорьё* — 'пустой разговор', *говбря* 'разговор' — есть. По этой же причине не вошли в словник ДСЛ ходовые и обычные слова общерусского лексического фонда, семантический объем которых, различный по разным говорам русского языка, обычно не совпадает с литературным языком. (Такие слова, как *белый*, *видеть*, *глаз*, *жизнь*, *живой*, *идти*, *лоб*, *нос*, *рот*, *смотреть* и мн. др.). (Словарная статья на прилагательное *белый* в СРНГ занимает почти девять столбцов печатного текста (стр. 229—233), дифференцируясь при этом с литературным языком одиннадцатью значениями и огромным количеством устойчиво-фразеологических сочетаний разной степени идиоматичности).

Метод прямого опроса, в отличие от «метода соучастия», искусствен, лабораторен. Его издержки, связанные с его «провокационностью («опрос-стимул», по определению В. П. Тимофеева), хорошо понятны самому автору анализируемых работ [16]. И тем не менее возможность его применения для выявления индивидуального словаря предопределена самой жизнью слова в естественном языке, ибо «слово никогда не бывает изолированным в нашем сознании, оно всегда входит в состав более или менее значительной группы слов, которые и придают ему значение» [17]. В. П. Тимофеев использует этот метод как главный при выяснении общенародного (литературного) словаря своего информанта.

Логичность распределения методов при изучении словаря диалектной личности не вызывает никакого сомнения. Наиболее надежный «метод соучастия» (долговременного наблюдения) на-

[16] В. П. Тимофеев. Личность и языковая среда, стр. 65.
[17] Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 178.

правлен на выявление диалектной части лексического фонда информанта, т. е. лексики, иносистемной по отношению к нормализованному литературному языку; метод прямого опроса связан с выяснением слов, общих для диалекта и общенародного, нормализованного языка. В совокупности они и должны были бы представить картину количественного и качественного состояния словаря типичной диалектной личности. Но такой картины, широкой и заманчивой в замыслах, в итоге все-таки не получилось. Общее количество слов (27 337), выявленное методом прямого опроса, не дает представления о том, что́ в лексиконе информанта активно, а что́ пассивно [18]. Ведь та психологическая ассоциативность, на которую опирался автор, реабилитируя метод прямого опроса, весьма и весьма неодинакова для разных слов. Она неодинакова и у носителя литературного языка, тем более у современного диалектоносителя. Речевое поведение его, трансформированное под влиянием литературного языка [ср. вопрос самой Е. М. Тимофеевой: «Как мне при вас говорить — по-городски или по-крестьянски?» — ДСЛ (стр. 10)], заметно индивидуализирует употребление слов общенародного языка. Особенно это заметно на примере тех слов, которые относительно новы в деревне, появление которых там обусловлено влиянием города, городской культуры и новых условий жизни вообще. Прямой опрос, который был направлен на выявление в лексиконе информанта и этих новых слов и других, более обычных и привычных (типа — *дом*, *идти*, *живой*, *легкий*, *нос*, *глаз*, *видеть* и под.), апеллирует к психологической ассоциативности обследуемой личности. Амплитуда этой ассоциативности очень широка. По тем примерам, которые приводит сам В. П. Тимофеев (ДСЛ — стр. 15 и след.), можно наметить разные типы ее: а) ассоциации, при которых диалектное и литературное словоупотребление — полные аналоги (*втянуться* — ДСЛ — «*бока у коровы втянулись*», у Ожегова — «*щеки после болезни втянулись*»); к ним близки также б) морфолого-словообразовательные ассоциации, основанные на единстве языковой структуры говора и общенародного языка, — при этом виде ассоциаций слово определяется информантом по своему составу (*безупречный* — «никого не упрекает»; *виночерпий*, *виноторговец* — «один вино черпает, другой продает, стало быть») [19]; в) идеографические, понятийные ассоциации (*алюминий* — «железо»; *анатомия*, *грамматика* — «ребята вот в школе учат»); г) ассоциации — «узнавание слов», в основе чего лежит часто повторяющаяся экстралингвистическая ситуация. Хотя узнавание слов в этом случае вытекает из конкретного жизненного опыта информанта, остается

[18] Об относительности понятий «активный» и «пассивный» запас слов см.: В. П. Тимофеев. Личность и языковая среда, стр. 55.

[19] Подобная ассоциация на примере слова *согласованный* — *несогласованный* описана нами в статье «Некоторые наблюдения над лексикой современного говора» (на материале русского языка). — Сб.: «Язык и общество». М., 1968.

все же неясным, в какой мере эти слова освоены информантом (ср. также ее характеристики: *гимн* — «по радиву вот играют», *декан* — «ты вот был деканом», другая же носительница говора объяснила это как «*дикан*» — ее внук, который «*диканится*» (издевается) над котенком [20]. По-видимому, они относятся к пассивному запасу в лексиконе диалектоносителя; д) ложные, неверные ассоциации, основу которых составляет прежде всего омофония (*басистый*, *басовитый* — «баской», *вершитель* — «кто зароды вершит», *глазет* — «взглядывает», «смотрит», *беспосадочный* — «в огороде не садит»). Таков добросовестный отчет самого исследователя.

Мы полагаем, что если в дальнейшей программе исследования индивидуального словаря современного диалектоносителя направить усилия на выявление количественного и качественного соотношения слов, подводимых под каждый из этих пяти видов психологической ассоциации, и получить таким образом определенные сведения, то это поможет раскрыть и сам языковый механизм (на уровне лексики и семантики) в актуальных для нашего времени процессах взаимодействия говоров и литературного языка. На следующем этапе возможно распространение этой методики и на изучение лексических систем современных диалектов.

Методом прямого опроса установлены лишь количественные данные. Е. М. Тимофеевой известно 27 337 слов, больше половины от числа всех слов, зафиксированных в словаре С. И. Ожегова (52 872). В обследовании словарного запаса диалектной личности (Е. М. Тимофеевой) они качественно не раскрыты, составляя этакий безмолвный фон для слов собственно диалектных. Это сознательное ограничение работы, по-видимому, по причинам практической невыполнимости, идет вразрез с теоретическими установками автора, в которых В. П. Тимофеев разделяет известное положение Бодуэна де Куртене о роли двух факторов в индивидуальном языке — количественном (запас выражений и слов, употребляемых данным индивидом) и качественном (способ произношения, известные слова, формы и обороты, свойственные данному индивиду) [21].

Качественную квалификацию речи в словаре можно получить из примеров — иллюстраций, приводимых обычно к толкованию слов. В иллюстративном материале ДСЛ приведно очень много пословиц, поговорок, частушек. Они очень хорошо передают на-

[20] В. М. Мокиенко, исследуя смысловые трансформации слов литературного языка в диалектных лексических системах, констатировал неполноту семантического освоения литературного слова в говорах; приведенные с этой целью формулировки определений толковых словарей литературного языка для этих слов делают эти наблюдения убедительными и самоочевидными (В. М. Мокиенко. Трансформации литературной лексики в диалектной речи).

[21] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I. М., стр. 77. В. П. Тимофеев. Личность и языковая среда, стр. 52, 65.

родно-поэтический колорит индивидуальной манеры речи информанта. Но вместе с тем примеры подобного рода в каком-то отношении уподобляются цитации не принадлежащего индивиду текста, затеняя собственное «говорение», собственное «приговаривание».

Итак, демонстрация индивидуальных свойств словаря обследуемой личности осуществляется в диалектной части ее лексикона. Строго говоря, отсутствие словаря того диалектного коллектива, типичным представителем которого является информант, и здесь не позволяет в полную меру составить представление, что́ в ее речи совпадает с речью коллектива, а что́ расходится. Теоретическое понимание языковой личности И. А. Бодуэна де Куртенэ, которому следует В. П. Тимофеев в своей работе (языковая личность — «вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и смещения разных языковых категорий) [22], остается, таким образом, нераскрытым. И в этом отношении новый опыт описания индивидуальной речи, осуществленный в ДСЛ, не пошел дальше подобного же опыта «Словаря языка Пушкина», также не показавшего индивидуального своеобразия пушкинского словоупотребления в сравнении с языком его времени [23]. И тем не менее ДСЛ — работа интересная; это первый в русской диалектологии достаточно обширный свод фактических сведений индивидуального диалектного словаря. Обращение В. П. Тимофеева к речи р о д н о й матери, такое, на первый взгляд, простое и доступное для многих исследователей, тем не менее встречается не часто; между тем оно гарантирует надежность и достоверность полученных языковых данных. Результаты ДСЛ не могут не влиться в общий поток работ по изучению индивидуальной речи русского языка, интерес к которой в последнее время все возрастает [24].

Попытаемся охарактеризовать наиболее, на наш взгляд, заметные проявления «общего» в «частном» и, наоборот, отклонения «частного» от «общего», понимая под «общим» те закономерности и факты в изучении диалектной лексики, которые отражены и закреплены в современной диалектной лексикологии и лексикографии, а под «частным» — исследование и словарь языка информанта ДСЛ [25].

Свой анализ мы будем строить и по Диалектному словарю в его собственном понимании, и по Приложению к нему, а также

---

[22] И. А. Б о д у э н д е К у р т е н э. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 280.

[23] Р. Р. Г е л ь г а р д т. О словаре языка Пушкина. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1957, т. XVI, вып. 4.

[24] И. Н. Г о р е л о в. К вопросу об индивидуальном в речи. «Вопросы филологии». — «Уч. зап. Омского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького», 1970, вып. 60.

[25] Так как наши заметки — не рецензия на ДСЛ в обычном ее понимании, то целый ряд аспектов ДСЛ не подлежит нашему рассмотрению (например, вопросы о типе диалектного словаря, о стилистической квалификации словника ДСЛ и мн. др.).

Введению, ибо в этих материалах даны первичные заключения и выводы самого автора.

1. Е. М. Тимофеева — типичный представитель диалектно-литературного двуязычия, ее речь одновременно и диалектна и полудиалектна. Кроме приведенной выше самохарактеристики (стр. 292), об этом свидетельствуют также многие фонетико-морфологические (ДСЛ — стр. 10—14) и лексические особенности речи (стр. 15—17).

2. Сколько же слов в лексиконе одной диалектной личности? Прямого и однозначного ответа на этот вопрос ДСЛ не дает. 2705 слов ДСЛ — это слова и диалектные и просторечные (но не все, а сколько их осталось за пределами фиксации — неизвестно; по само собой понятным причинам они не могли быть «выспрошены» методом прямого опроса, их нет в словаре С. И. Ожегова). 27 337 слов словаря Ожегова, узнанных информантом в результате прямого опроса, не равнозначны в своем качественном отношении; среди них есть какой-то процент лишь потенциальных слов, стимулированных ассоциативно в момент опроса (см. об этом выше). Словотворчество такого рода присуще каждому человеку, владеющему языком как родным. Если же сопоставить сведения В. П. Тимофеева с предшествующими данными о количестве слов в языке индивида, то показатель этого исследования не устраняет пестроты и разноречивости в этом вопросе [26].

Несколько замечаний о количестве фразеологических единиц в лексиконе диалектной личности. Данные В. П. Тимофеева — это первые сведения по этому вопросу в русской науке вообще. Взятая в отрыве от аналогичных сведений эта цифра — 87 диалектных фразеологических единиц в языке диалектоносителя — недостаточно информативна. Чтобы усилить эту информативность, мы соотнесли показания шадринского исследователя с аналогичными сведениями, извлеченными из Деулинского словаря, ибо этот словарь, кроме охарактеризованной выше близости к ДСЛ,

---

[26] Вот та подборка сведений, которую приводит сам В. П. Тимофеев: Макс Мюллер: лексикон работника в приходе — 300 слов; профессор Г. П. Мареш: писатель или оратор — 10 000 слов; обыкновенный интеллигентный человек — 3000 или 4000 слов; профессор Е. С. Холден: «30 000 слов — вовсе не необыкновенное число в употреблении отдельного лица»; свой собственный словарь — 33 456 слов; Е. А. Кирпартик: 70 000 слов. Сведения по письменным текстам: у Шекспира 15 000 или 24 000 слов; у Мильтона — от 7000 до 8000; у Гомера 9000 слов; в книгах «Ветхого завета» 5642 слова, «Нового завета» — 4800; у Руставели — около 15 000; в «Словаре языка Пушкина» — 21 290 слов («Личность и языковая среда», стр. 54—55).

Подборка Ф. Л. Скитовой и Е. А. Огиенко: активный запас слов А. Г. Горшковой по состоянию картотеки на начало 1969 г. превышает 8000 слов; И. Я. Блинов: словарь интеллигента — 15 000 слов; А. И. Ефимов: от 1000 до 2000 слов исчисляется словарный запас не интеллигента, а элементарного грамотного человека, всесторонне развитых людей — 6000 и более; те же данные у С. К. Евграфова; у В. Н. Перетрухина: у неразвитых, малограмотных людей в активном запасе от 2000 до 3000—4000 слов; образованные, начитанные люди владеют 8000—12 000 слов (Ф. Л. Скитова, Е. А. Огиенко. Указ. соч., стр. 30—31).

максимально полно отражает всю фразеологию, дифференцирующуюся с литературным языком именно в подаче фразеологии. Принцип «дифференциальности» здесь (как и в ДСЛ) реализуется в своем «чистом», законченном виде.

Результаты: всего в Деулинском словаре 762 фразеологизма[27]; из них в речи информантов: № 2—286 фразеологических единиц, № 1 — 200, № 9 — 99. Цифры эти говорят о заметном расхождении между Деулинским словарем и ДСЛ. Не исключено, что оно объясняется неодинаковым пониманием фразеологической единицы в этих словарях (что принимать за «единицу» подсчета).

3. Представляет интерес соотношение частей речи, занимающих первые четыре места в ДСЛ: глагол, существительное, прилагательное и наречие.

На первом месте стоит глагол. Признание количественного преобладания глагола над существительными в устной (разговорной) диалектной речи теперь разделяют как будто бы все исследователи, ведущие непосредственные наблюдения ее [28]. Данные о распределении прилагательных и наречий в индивидуальной речи диалектоносителя расходятся в ДСЛ и у Ф. Л. Скитовой и Е. А. Огиенко, и при этом для прилагательного — на значительный процент. В ДСЛ наречие стоит перед прилагательными (по убывающей частотности) и составляет 7,8% от словника информанта, у Ф. Л. Скитовой и Е. А. Огиенко — 6,8% и стоит за прилагательным. Имя прилагательное в ДСЛ занимает всего 5% слов, а у Ф. Л. Скитовой и Е. А. Огиенко — 11,3%.

4. Интересная инициатива ДСЛ — идеографический индекс [29]. Это приложение ценно не только тем, что позволяет в нужных случаях быстро найти тематически детерминированное слово, но и демонстрирует идеографическую группировку слов в диалектном словаре, словник которого создан методом включения исследователя в языковое существование своего информанта. Как сказано во Введении к ДСЛ, тематика разговоров при формировании словника была сосредоточена вокруг повседневно-бытовой жизни: реальных и социальных фактов, протекавших тут же на глазах

---

[27] Подсчитывалась вся фразеология за знаком ◇ в конце словарной статьи, а также фразеологизмы под знаком «В выражении. . .»

[28] Сведения о количественном распределении других частей речи в диалектах еще недостаточно представлены в литературе. То же по данным Ф. Л. Скитовой и Е. А. Огиенко. См. также: О. Г. Гецова. К проблемам диалектной лексикографии. — ВЯ, 1969, № 3; В. И. Панов. Некоторые вопросы областной лексикографии. «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958, стр. 45.

[29] Идеографических словарей русского языка еще нет (см. анализ этой проблемы в кн.: В. В. Морковкина. Идеографические словари. М., 1969, а также в других статьях этого автора). В применении же к сельской жизни тематическая систематизация фактов внеязыковой действительности (с ориентацией на дореволюционную и доколхозную деревню) была осуществлена коллективом диалектологов под руководством В. Г. Орловой в «Пособии-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка» (М., 1960).

наблюдателя, конкретных лиц и т. п.; в этой тематике, естественно, выразились жизненный и трудовой опыт обследуемой личности, условия и признаки крестьянского хозяйства и быта — т. е. все то, что может вытекать из долговременной совместной жизни («метод соучастия» — ДСЛ, стр. 15). Эта характеристика содержания бесед показывает, что никакая тематическая группа лексики не подвергалась специальному «выспрашиванию».

В результате — тематическая характеристика слов знаменательных частей речи ДСЛ группирует основной состав лексики вокруг «человека» или не исключает его (такие группы в глаголе, подводимые под инфинитивы *болеть*, *смотреть*, рабочие действия и др., в прилагательных — внешне оценочные признаки *баской*, *махонький* и под.).

В имени существительном непосредственно к обозначению человека относятся 8 рубрик из 32, содержащие 259 слов, из них самая обширная в «Существительном» — 145 слов («Общие, положительные или отрицательные, названия людей»); не исключающие человека — 4 рубрики — 43 слова. Аналогично в глагольной лексике: рубрики или целиком связанные с человеком (17 из 83— 289 слов), или не исключающие человека (58 рубрик — 1028 слов). Имя прилагательное содержит всего 7 рубрик, из них 3 связаны с человеком или не исключают его, 4 — качественные прилагательные для обозначения временных, пространственных и других представлений. По количеству слов в первых трех — 119 слов, в остальных четырех — 22 слова. Всего слов, относящихся к «человеку» непосредственно или опосредствованно, по нашим подсчетам, в ДСЛ — 1704.

Предметно-номинативная лексика в ДСЛ так же, как и в других диалектных словарях, группируется прежде всего в имени существительном (19 рубрик из 32; 727 слов из 1035).

Тематическое содержание словника Деулинского словаря, созданного аналогичными методами, по мнению многих специалистов, выраженному на обсуждении словаря весной 1970 г. в г. Череповце, близко к словнику ДСЛ [30].

Известно, что полнота и многообразие тематических групп лексики в областных словарях находится в прямой зависимости от многообразия самих жизненных ситуаций, которые выпадают на долю наблюдателя диалектной лексики на этапе ее фиксации. А таких ситуаций может быть очень много, хотя и не все из них могут быть широко общественными [31]. Так, к примеру, в ДСЛ из слов, связанных с обозначением специфики женского организма,

---

[30] См. хроникальные отчеты об этом совещании: В. М. Мокиенко. — ВЯ, 1971, № 1; Ю. И. Чайкина, Л. П. Михайлова. — НДВШ. Филол. науки, 1971, № 1.

[31] Ср. перечень таких речевых ситуаций, извлеченных В. П. Тимофеевым из работ И. А. Бодуэна де Куртенэ, а также рассуждения автора о «разноролевом назначении речевой деятельности» («Личность и языковая среда», стр. 8, 44, 60).

а также деторождения, приведено всего два слова: *принести*, *припучить* (в идеографическом индексе). В Деулинском словаре, где эта тема (речевая ситуация) была «открыта», зафиксирована целая группа слов [32].

5. Речь информанта ДСЛ, так же как и говоры вообще, содержит очень много эмоционально-экспрессивной лексики, особенно при обозначении таких глагольных действий, как «говорить», «бить», «есть», «загрязнять», «портить» и другие, а в существительном и прилагательном — в лексике, тематически связанной с человеком. (В общенародном литературном языке наблюдается аналогичное).

Устойчивость этой лексики в диалекте, что уже неоднократно отмечалось исследователями, особенно ярко проявляется в обширности (многокомпонентности) синонимических рядов по сравнению с лексикой нейтральной. Это свойство диалектной лексической системы связывается, на наш взгляд, с повышенным эмоциональным тонусом диалектной речи вообще, в которой аккумулируется максимальный набор средств экспрессивного выражения [33].

6. Наблюдения последних лет показывают, что говоры богаты многочисленными образцами лексикализации различных морфологических форм. Эти лексикализованные формы закрепляются в диалектной речи либо изолированно, как отдельные слова, либо в составе фразеологически связанных лексических единиц. Ср. в деулинском диалекте: *содкý* (род. ед. уменьшит. образ. от *сода*), *на заедку*, *для живу*, *на зачин* (*петь*, *играть*), *с красиной*, *ни крохтинки*, *ни крохи* (аналогично литературному: *ни капельки*, *ни капли*), *менка на менка*, *жогом встать*, *жогом лежать*, *дать жогу*, *кверху копылками* и мн. др.

В ДСЛ точность фиксации подобных форм согласуется с точностью (эмпиризмом) их лексикографического воспроизведения. Автор ДСЛ не моделирует исходных форм слова, а дает их в естественно-речевом бытовании так, как они и употребляются в речи его информанта. (Ср. *с ночевой*, *на ночеву*; легко выводимая из этих форм форма им. ед. *ночева* в ДСЛ не приводится, как не представленная в речи вообще).

---

[32] Т. С. Коготкова. О «внешней» обусловленности словников областных словарей. «Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания». М., 1974.

[33] Л. И. Баранникова. Некоторые особенности современного состояния диалектной лексики. — Сб.: «Вопросы русской диалектологии. Труды V—VI конференций кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья». Куйбышев, 1965. Л. В. Граве. Экспрессивная лексика со значением лица в смоленских говорах. — Сб. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Смоленск, 1970; Т. С. Коготкова. К вопросу о диалектной стилистике. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», т. 197, вып. 13. Русский язык в вузе. М., 1967; Ю. И. Кашевская. Оценочные субстантивные и адъективные наименования лиц в говоре села Кабанск Бурятской АССР (общий очерк и словник). Иркутск, 1971.

7. Высокая словообразовательная и морфологическая вариативность слов современных говоров общепризнанна и не требует доказательств [34]. Тем неожиданнее выглядит наблюдение В. П. Тимофеева, связанное с этими фактами в индивидуальной речи: «Мала в речи одного носителя говора также лексическая вариативность и вариативность фонетического и морфологического состава слова, что также сказывается на индивидуальном объеме словаря» (ДСЛ, стр. 20).

Аналогичное расхождение между речью отдельной диалектной личности с речью коллектива наблюдает В. П. Тимофеев и в использовании окказионализмов и инноваций. И как замечает далее В. П. Тимофеев, новообразование по готовым словообразовательным моделям в речи одного диалектного информанта «в силу субъективных факторов речи могут даже совсем отсутствовать» (ДСЛ, стр. 20—21). И хотя В. П. Тимофееву подобное соотношение представляется «само собой разумеющимся и естественным», вопрос о том, как складывается высокая словообразовательная и морфологическая вариативность в лексике говора, если она мала в речи одного диалектного информанта, для нас остается открытым. Гипотетически можно представить, что если исходить из общепризнанного постулата: вариантность в диалекте — показатель разрушения архаического типа речи, — то, по-видимому, высший общеязыковой показатель ее слагается из суммы идиолектного варьирования. Но это требует дальнейшей проверки.

В применении же к обследованной личности в ДСЛ встает вопрос: не объясняется ли низкая словообразовательная и морфологическая вариантность особыми условиями доверительного общения (матери и сына), при котором обычный для диалектного информанта тщательный выбор средств языкового выражения в общении с городским собеседником не обязателен, и индивидуальными особенностями речи Е. М. Тимофеевой?

Не исключено, что при разговоре о лексических инновациях и окказионализмах может наблюдаться неодинаковое понимание этих явлений у разных исследователей (ср. в ДСЛ *слини́ться* ‘полениться’, стр. 21).

8. Не совпадает функциональное употребление производственно-терминологической лексики в языке диалектной личности с аналогичным употреблением в языке диалектного коллектива. В речи коллектива производственных слов много настолько, что принято говорить о всеобщем употреблении специальных слов диалекта [35].

---

[34] Библиографию по этому вопросу см.: О. Г. Порохова. К истории изучения словообразования в русских народных говорах. (Библиографический обзор). — В кн.: «Лексика русских народных говоров». М.—Л., 1966; О. И. Блинова. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, стр. 97 и след.

[35] О. И. Блинова. Указ. соч., стр. 60 и след.; ДСЛ, стр. 20; Т. С. Коготкова. К вопросу о производственно-профессиональной лексике

9. Впервые во всей экспедиционной работе по сбору диалектной лексики для региональных словарей проведено такое наблюдение, которое связано со сроками и «порциями» фиксации диалектных слов при долговременном сосуществовании наблюдателя и его информанта. На стр. 19 ДСЛ читаем: «Диалектный словарь одной носительницы говора был собран методом соучастия в течение 20 лет. В основном словарь был уже определен в первый год (1949—1950) (разрядка моя. — *Т. К.*). В 1959 году я добавил в него 81 слово. В последующие годы словарь незначительно, но систематически пополнялся и, по сути дела, так и остался открытым. . .»

Хотя данное высказывание и не имеет непосредственного отношения к речи обследуемой личности, мы позволили себе привести его полностью из-за актуальности его практического смысла. До сих пор на местах идет интенсивная работа над составлением областных словарей. Естественное стремление зафиксировать диалектную лексику и семантику по возможности полно на экспедиционном этапе понятно и близко всем, кто с этой работой связан.

Добросовестного исследователя не могут оставить опасения, что за пределами лексикографической регистрации осталась большая или меньшая часть диалектной лексики и семантики. И в этом направлении оптимистические наблюдения В. П. Тимофеева трудно переоценить. Если при методе языкового сосуществования основная «порция» дифференцирующейся лексики диалектоносителя привлекает внимание исследователя-лексикографа в первый год ее фиксации, а в последующие годы эта «порция» во много раз меньше предшествующей, то это снимает какую-то долю сомнений, всегда сопровождающих многотрудную жизнь авторов — составителей областных словарей.

Изучение лексического состава современного носителя диалектной речи, к которому подошли сейчас исследователи, является естественным следствием поступательного развития диалектной лексикологии и лексикографии. Работа эта только начинается. Для начального этапа ее важно определение и теоретических установок и методов ее организации.

Заметный этап в этих начинаниях составят исследования В. П. Тимофеева и прежде всего «Диалектный словарь личности».

ДСЛ — многоаспектное исследование, содержащее не только основной лексический состав в речи носителя диалекта, собранный в результате долговременного наблюдения путем дифференциального сопоставления с лексикой общенародного литературного языка, но качественную систематизацию этого материала — по частям речи и идеографическое членение.

В ДСЛ поставлена труднейшая задача — выяснить количественный состав лексикона диалектного информанта. Для выполне-

---

говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка. — Сб. «Диалектная лексика. 1969». Л., 1971.

ния этой задачи используются два основных метода: долговременное наблюдение («метод соучастия») — для выявления диалектной части словаря информанта— и метод прямого опроса по заданному списку слов (словарю С. И. Ожегова) при установлении лексики, совпадающей с литературным языком. И хотя на поставленный вопрос, сколько же слов в языке носителя диалекта, четко сформулированного ответа нет, тем не менее сведения В. П. Тимофеева не могут быть не приняты во внимание при изучении индивидуальной речи в целом. Наконец, данные В. П. Тимофеева, его методы работы и теоретические положения, как справедливо замечает сам автор, играют свою положительную роль в «пропаганде темы, проверке методов и выявления общих сторон теории».

Наша статья является тем непосредственным откликом на призыв к дискуссии, которым заключает теоретическое Введение В. П. Тимофеев.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСОТСКИЙ С. С.

К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров 3

ЗАХАРОВА К. Ф.

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы» 19

СТРОГАНОВА Т. Ю.

О характере реализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем 40

КОЛЕСОВ В. В.

Фонетические условия заонежского «яканья» 53

СМОЛЯКОВА Л. П.

К вопросу о гласных *у*, *и*, *ы* в конечных заударных слогах в русских говорах рязанской мещеры и в говоре д. Ванилово Воскресенского района Московской области 59

ХАБУРГАЕВ Г. А.

Географическое варьирование системных отношений как материал исторической диалектологии 72

БРОМЛЕЙ С. В.

К истории формирования признака «твердость—мягкость» у заднеязычных фрикативных фонем в русском языке 77

ВАСИЛЬЕВА А. К.

Фонемы ‹ф›, ‹ф'› и их замены в русских говорах 91

ЛИПОВСКАЯ Н. А.

Губные спиранты на территории северо-восточной диалектной зоны 105

ТЕПЛОВА В. Н.

Характер употребления смычно-проходных боковых сонорных согласных в западных говорах русского языка 116

БУРОВА Е. Г.

К вопросу о сочетании *чн* в русских говорах 126

КУЗНЕЦОВА А. М.

О гиперкорректных формах в области произношения согласных в русских говорах 139

ПАУФОШИМА Р. Ф.

О темпе речи в некоторых русских говорах 146

ПЕНЬКОВСКИЙ А. Б.

Заметки о категории одушевленности в русских говорах 152

СОЛОГУБ А. И.

Склонение существительных *мать*, *дочь* в русских говорах 164

НЕМЧЕНКО Е. В.

К вопросу о морфологической противопоставленности причастных форм в русских говорах 178

БУЛАТОВА Л. Н.

Перфектные формы в одном русском говоре Карельской АССР (к вопросу о грамматических значениях причастий в функции сказуемого в русских говорах) 189

КУЗЬМИНА И. Б.

Еще раз о конструкциях типа *картошка выкопано*, *кони запряжено*, *пол помыто* в русских говорах 202

АЗАРХ Ю. С.

Словообразовательная структура названий однородных групп деревьев в русском языке 234

МОРАХОВСКАЯ О. Н.

К исторической интерпретации лексической карты 252

КОГОТКОВА Т. С.

Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) 285

Русские говоры

К изучению фонетики, грамматики, лексики

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Барская Н. Н.*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Технический редактор *О. Г. Ульянова*

Сдано в набор 24/XII 1974 г. Подпис. к печ. 24/VI 1975 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 22,9.
Тираж 5200 экз. Тип. зак. 1733. *Цена 1 р. 58 к.*

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, В. О., 9-я линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
24	16 сн.	в энклитиках	в проклитиках
27	8 св.	*а*/(*е*)	*а* (*е*)
35	6 св.	*а о* (*её*) *иу*	*а о е* (*ê*) *и у*
104	10 св.	твердого	твердого [26]
104	17 св.	*сарафа́н* [26]	*сарафа́н*
202	18 св.	*запражено*	*запряжено*
202	18 св.	*пол помыто,*	*пол помыто*
228	23 св.	*найдено!*	*найдено!*
253	27 сн.	значение);	значение):
269	10 св.	центр	центр,